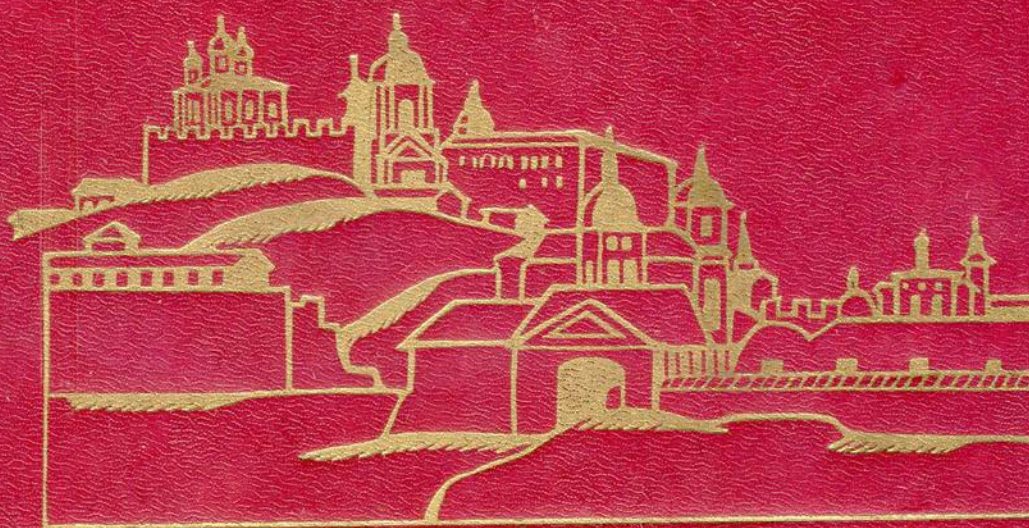

СМОЛЕНСК И ГНЁЗДОВО

У 41942

Л0117

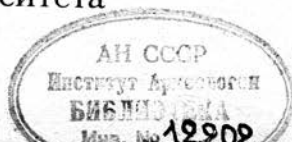
СМОЛЕНСК И ГНЁЗДОВО

(к истории
древнерусского
города)

Под редакцией Д. А. Авдусина

Издательство
Московского университета
1991

ББК 63.4(2)
С51

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. С. Хорошев*,
кандидат исторических наук *П. А. Шорин*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города):
С51 Сборник/Под ред. Д. А. Авдусина. — М.: Изд-во МГУ, 1991.
264 с.
ISBN 5—211—01369—7

В сборнике публикуются результаты многолетних археологических раскопок древнего русского города Смоленска, а также курганов и поселения у деревни Гнёздово. Читатель познакомится с историей оборонительных сооружений, усадебным строительством и ремеслом Смоленска, этнической историей, торговлей и культурно-историческими связями древнего Гнёздова.

Использованные в работе письменные памятники и ранее неизвестный изобразительный материал помогают по-новому осветить многие проблемы: о возникновении города, пути «из варяг в греки», динамике усадебной застройки Смоленска, росте его территории и укреплений, особенностях развития ремесла.

Для историков, археологов и читателей, интересующихся историей нашей

000—064
35—91
(02)—91

ББК 63.4(2)

ISBN 5—211—01369—7

© Издательство Московского университета, 1991 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ СМОЛЕНСКА И ЕГО БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ.

Из многочисленных археологических памятников Смоленской земли наибольшее значение и известность имеют сам город Смоленск и находящийся неподалеку от него гнёздовский археологический комплекс. К исследованию исторических проблем, связанных с каждым из них, к выяснению их соотношения археологи возвращаются вновь и вновь, хотя раскопки обоих памятников начались более ста лет тому назад. Главные причины этого — постоянный рост источникового фонда и неослабевающий интерес к проблемам, подойти к которым можно на основании изучения новых источников.

Дореволюционной археологической науке было свойственно обращаться в первую очередь к раскопкам памятников, дающим вещи или эффектные сооружения. Поэтому основными объектами исследования в Смоленске были остатки церквей, руины которых внушали религиозные чувства; иногда открывались «лики святых» — фрески. Впрочем, все это не мешало тому, что по окончании раскопок многие развалины растаскивались на хозяйственные нужды окрестным населением.

Соглашаясь с научным значением тех работ, можно заметить, что исследование развалин не требовало больших усилий. Жилые кварталы города еще не раскапывались. Их стали исследовать лишь полвека спустя. Аналогично было положение с археологическим изучением Гнёздова, где копались главным образом курганы, преимущественно значительные по размерам, так как ожидали, и не без оснований, что в них будут комплексы многочисленных и оригинальных по назначению вещей. Но и здесь на раскопках сэкономили, исследуя курганы колодцем — сравнительно небольшой ямой в центре насыпи, вынимая вещи, если они встречались, и не изучая насыпи. При этом нередко пропускали могилы, углубленные в материк, так как их площадь превышала площадь колодца. Остатки же укрепленных поселений в Гнёздове исследовались несистематическими, случайно расположенными шурфами. А неукрепленные поселения, то есть селища, в Гнёздове археологам долго, до 1922 г., не были известны.

В первые годы после Октябрьской революции положение мало изменилось. По-прежнему Смоленск, равно как и гнёздовские поселения, практически не подвергался раскопкам. Число исследованных курганов увеличилось незначительно, полученный материал был вскоре утрачен. Лишь на Центральном городище в 1940 г. были добыты интересные данные, но, так как раскопки проводились на невысоком уровне, открытые на городище комплексы до сих пор не вполне понятны.

Вместе с тем Гнёздово еще до Октября вошло в «большую науку» и получило широкую известность у нас и за рубежом. Однако из-за

несовершенства техники раскопок и неполноты полученных материалов многие исторические проблемы освещались не научно.

В 1949 г. с целью продолжить исследование памятников Смоленской земли и Гнёздова на новом уровне была организована Смоленская (сначала она называлась Гнёздовская) археологическая экспедиция Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Смоленского областного краеведческого музея (ныне — Смоленский государственный музей-заповедник). Первый же полевой сезон принес выдающийся успех: находку древнейшей русской надписи, обилие оружия, утвари, украшений (6).

После двух лет раскопок в Гнёздове возникла **необходимость** получить сравнительный материал из Смоленска, и в 1951 г. раскопки были поставлены в городе на Соборной горе и на идущей вдоль Днепра ул. Соболева (б. Армянской), отгороженной от реки крепостной стеной 1596—1602 гг. В следующем году здесь была найдена первая берестяная грамота. Это был большой успех, особенно если вспомнить, что берестяные грамоты были открыты в Новгороде в 1951 г. — то есть всего год назад.

В эти и несколько последующих лет в Гнёздове раскапывались лишь один-два кургана за сезон: все силы экспедиции были сосредоточены в Смоленске. Но с 1970 г. основным объектом раскопок вновь становится Гнёздово, в котором изучаются не только курганы, но и поселение.

С начала работ Смоленской экспедиции прошло сорок лет. За это время раскопаны значительные площади в Смоленске и Гнёздове, а также сотни копавшихся на снос курганов — больше, чем за все предыдущие годы раскопок вместе взятых. Целиком раскопана одна курганная группа из входящих в гнёздовский комплекс. Полнота ее материалов делает их образцом для сравнительного анализа. Уточнены и сформулированы основные задачи археологического исследования Смоленска.

Археологическое изучение Смоленска и Гнёздова имеет не только узкорегionalное значение. Без них не может обойтись ни одно серьезное исследование по истории Древней Руси, обращающееся к проблемам расселения восточных славян, заселения ими Верхнего Днепра, сложения территории Киевского государства и его этнической истории. Гнёздово служит основным археологическим источником по изучению роли варягов на Руси, по становлению пути «из варяг в греки». Ранняя история Смоленска тесно связана с проблемой происхождения и развития древнерусских городов. Русская дружина — зародыш государственного аппарата Древнерусского государства — также изучается по данным, поставляемым раскопками в Гнёздове. Практически все важнейшие темы русской истории, и не только раннего ее периода, не могут исследоваться без привлечения смоленского материала.

Эта книга является коллективным трудом сотрудников Смоленской археологической экспедиции Московского университета. В ней подводятся итоги исследованиям Смоленска и Гнёздова за 1949—1989 гг., выдвигаются новые проблемы перед исследователями. Их аспекты, зна-

чение и важность будут меняться: раскопки в Смоленске и Гнёздове продолжаются.

Смоленск расположен на обоих берегах Днепра, межморенный водоносный горизонт которых питает многочисленные ключи и родники и насыщает водой образовавшийся на берегах культурный слой. Лишь тогда, когда его напластования достигали значительной толщины, их верхние части водой уже не орошались. В Смоленске так произошло со слоями XVIII—XX вв. Нужно отметить, что гниение органических веществ во влажном и сухом горизонтах идет по-разному. Если сухо, дерево обращается в труху, кость и кожаные изделия гнивают, железо съедает ржавчина. Во влажном слое все происходит иначе. В 1957 г. профессор геологии Смоленского пединститута Д. И. Погуляев указал на синий налет, образовавшийся на поверхности предметов, извлеченных из влажного культурного слоя, определив его как отложения фосфатных солей. В условиях повышенной влажности они-то и предохраняют многие органические вещества от разложения: железо — от ржавчины, цветные металлы от разложения, дерево же часто сохраняет свою структуру. Д. И. Погуляев не успел опубликовать свои наблюдения, и явление это — образование фосфатных солей во влажных городских слоях — было вновь открыто В. И. Слицыным применительно к новгородским древностям, исследовано в лабораторных условиях, а результаты исследований затем опубликованы (23, с. 243—247). Фосфатные соединения имеются во влажных напластованиях всех древнерусских городов и аналогичных им памятников, в культурном слое которых органический компонент значителен. Поэтому по наличию фосфатов определяют границы распространения культурного слоя для памятников всех эпох (12, с. 135—140).

Влажность слоя обеспечивает не только значительное содержание в нем фосфатных соединений, но и изолирует находящиеся в культурных напластованиях органические вещества от проникновения воздуха. Неоднократно замечено, что повреждение культурного слоя, например, случайной ямой, приводит к быстрому гниению органических веществ вокруг места повреждения.

В связи со сказанным нужно заметить, что бытующее до сих пор в археологии представление о причинах преобладания в южной части Восточной Европы землянок, а в северной — срубных домов не учитывает особенностей культурного слоя. Во влажном слое землянки невозможны: их сразу же заполнила бы вода. Как, например, показали последние исследования Киева, срубные жилища были и в нем, но лишь там, где культурный слой влажный — на Подоле. Таким образом, граница между землянками и срубными домами проходит не по природным зонам, она не географическая или этническая, а геологическая и возникает как результат особых стратиграфических условий.

Наблюдая стратиграфию древнерусских городов, нельзя говорить также, что сухой и влажный слои разграничены хронологически. Как сказано, в Смоленске дерево превращается в труху лишь в слоях XVIII и более поздних столетий, а в Новгороде — уже в слоях XVI в. Но при этом нижние напластования в Смоленске относятся к концу XI в., а в Новгороде — к первой половине X в. В обоих случаях диапазон

влажных напластований равен 600 годам, а их общая толщина в обоих городах примерно одинакова — до 8 м.

Раскопки в Смоленске производились экспедицией МГУ под руководством Д. А. Авдусина главным образом в приречной полосе, где культурный слой особенно влажный. Раскопы 3, 5, 8, 9, 11 расположены на ул. Соболева, 4 — на Студенческой, 6 — в Перекопном переулке, 7 — у ц. Иоанна Богослова, закладывались шурфы на Смядыни у Борисоглебского монастыря, на Кловке, Соборной горе. Раскопки производились также Н. И. Асташовой на Краснофлотской ул., у Никольской церкви в Заднепровье, Н. В. Сапожниковым — на городском валу, на Блонье, у ц. Иоанна Богослова, у Свирской церкви и в других местах.

Дореволюционные раскопки в Смоленске, равно как и в других древнерусских городах, имели главным образом историко-архитектурное значение. В 1900 г. над Днепром в районе Лазаревской башни было начато сооружение электростанции для трамвая. Видный историк Смоленска С. П. Писарев заинтересовался этими работами и наблюдал за ними (18) в чисто исторических целях. Именно тогда он установил, что культурный слой в приднепровской части города имеет большую мощность и сохраняет органические вещества. С. П. Писарев считал, что были достигнуты «слои курганной эпохи», но это было заблуждением, на которое указал видный археолог В. И. Сизов (21, с. 125). С. П. Писареву принадлежит широко известная книга, получившая значение источника по археологии Смоленска, представляющая собой свод историко-археологических наблюдений автора, сопровождаемых его комментариями (19).

В советское время до Великой Отечественной войны археологические исследования в Смоленске в основном сохраняли историко-архитектурную направленность и были сосредоточены главным образом в верхних частях береговых мысов. Их вершины смоленское население устойчиво называет «горами», а разделяют их «ручьи». Опираясь на летописное известие о постройке Владимиром Мономахом церкви Успения Божьей Матери и зная ее расположение на Соборной горе, смоленские археологи обращали главное внимание на это место, считая, что Смоленск вырос из первоначального славянского городища. Действительно, на Соборной горе было открыто городище, но дославянского времени — тушемлинской культуры.

При археологическом изучении древнерусских городов крайне важна научная классификация городищ и их интерпретация. Научную классификацию южных древнерусских городищ V—XIII вв. новаторски и конструктивно произвел Б. А. Тимошук (24). Построенная им схема демонстрирует развитие типов поселений от времени большой патриархальной семьи до эпохи развитого средневекового города. Автор включил в нее и некоторые северные городища, но лишь поздние, относящиеся ко времени не ранее самого конца I тыс. н. э., поскольку более ранние славянские поселения на Верхнем Днепре и к северу от него пока неизвестны.

Разведочные работы, произведенные Е. А. Шмидтом в междуречье Двины и Днепра, открыли поселения балтской культуры, на которых встречаются отдельные фрагменты сосудов, близких керамике длинных

курганов (25, с. 40, 98). Но их нельзя трактовать как славянские: культура длинных курганов лишь в конце своего существования испытывает славянское влияние.

Верхний Днепр, равно как и территории, лежащие к северу от него, не входят в ареал славян второй половины I тыс. (кроме его конца), и на эту территорию не могут быть распространены выводы о тенденциях развития славянских поселений, сделанные Б. А. Тимощуком применительно к поселениям буковинским. На Верхнем Днепре и севере Восточной Европы славяне появились очень поздно: самым ранним памятником, дающим славянскую керамику, является Гнёздово. Остальные поселения иноэтничны.

Для выяснения истории происхождения Смоленска наиболее важным было бы открытие поселений времени первого упоминания города в летописи, то есть середины IX в. Их ищут как в городе, так и за его пределами, но пока безрезультатно.

Скорее всего Смоленск возник в результате славянской миграции на Верхний Днепр. Нет никаких оснований предполагать преемственность и преобразование открытых на его территории инокультурных поселений. Нет также и причин считать, что Смоленск, подобно Старой Ладогге, Пскову или Изборску, существовал сначала как местное поселение, на котором поселились пришедшие туда славяне. Славянские напластования относятся здесь к концу XI в. и позже. Ни один из раскопов не дал слоев более древних. Нет ранних слоев и на других «горах» Смоленска. Так, на Воскресенской горе, где стояла церковь XII в., руины которой изучены Н. Н. Ворониным, найдена керамика XII в., причем лишь на очень небольшой площади. Такая же керамика встречена у развалин других церквей того же столетия — в Переколном переулке, у Окопной церкви, на Смядыни и др. На верхнем плато, от которого спускаются «ручьи» и овраги, отмечены слои еще более поздние: видимо, эти районы находились уже за пределами первоначального городского вала и были заселены относительно поздно. О направлении заселения территории Смоленска и его древнейших укреплений ценные наблюдения сделаны Н. В. Сапожниковым и Н. И. Асташовой в статьях, публикуемых в данном сборнике.

Определение первоначального места возникновения города относится к числу не решенных пока исследовательских задач не только в отношении Смоленска, но и большинства древнерусских городов. Необходимым условием разрешения этой проблемы должно быть открытие слоев первых упоминаний города в письменных документах и непрерывность стратиграфии культурных напластований, что доказывает непрерывность заселения данного участка городской территории. Слои IX в., к которому относится первое упоминание о Смоленске, в этом городе пока не открыты, как неизвестны они в Новгороде, Чернигове, Белозере и во многих других городах, в том числе южных. Их практически нет и в Киеве, где роменско-боршевская керамика датирует всего лишь засыпку рва у Десятинной церкви. Правда, маловероятно, что эта керамика откуда-то привезена вместе с засыпной землей: скорее всего ров был засыпан культурным слоем, скрытым рядом, но

in situ он не сохранился. В настоящее время подвергается сомнению и нижняя дата роменско-боршевской культуры, к типу керамики которой относятся найденные в засыпке рва черепки. Она существовала, видимо, лишь в IX—X вв. Не ранее IX в. возник и Чернигов.

В некоторых северных городах напластования IX в. открыты, но они лежат на слоях неславянского поселения, а славяне в оптимальном случае проявили себя не ранее второй половины этого столетия. С этих позиций мы объясняем происхождение ранних славянских слоев в Ладоге, Изборске, Пскове. Если же славянский город возникал на необжитом месте, как Новгород или Смоленск, то зарождающееся поселение имело незначительную площадь, а образывавшиеся там культурные слои были первоначально тонкими. Они, как думают многие археологи, были размешаны ногами первых и последующих жителей поселения, копытами животных и, возможно, никогда не будут найдены. Перемешивание слоев на подстилке более ранних было не столь интенсивным: они лежали как бы на упругой подушке.

Если в Новгороде при отсутствии слоев IX в. мощность наслоений X в. сразу значительна, то в Смоленске, как уже указывалось выше, пока не открыты напластования не только X в., но и большей части XI в. Тем не менее в раскопках на ул. Соболева некоторые вещи X в. найдены. К XI в. относятся стеклянная гемма (13, с. 38—40), костяная обкладка ларца, сделанного в Византии (14, с. 276), к X в.—куфические монеты. Находки этих монет замалчиваются сторонниками позднего происхождения города, поскольку они являются сильным аргументом против их построений. А. Марков о них сообщает: «В самом губерньском городе вместе с другими вещами была найдена серебряная саманидская монета, чеканенная в 342 г. х. — 953 г. н. э.» (17, с. 141, № 30). Важно, что монета найдена «вместе с другими вещами», то есть в вещевом кладе. Вторая находка обнаружена в самом центре города — на Резницкой ул. и состояла из двух аббасидских дирхемов, один из которых чеканен в 780 г. н. э., другой же датируется в пределах VIII в. в целом (17, с. 45, № 254). Как известно, аббасидские дирхемы в Смоленской земле обращались и в начале X в. Наконец, третий раз дирхемы были найдены в районе, лишь недавно вошедшем в черту Смоленска, — на Бабьей горе (25, с. 115, № 23). По поводу всех этих монетных находок уместно привести слова А. В. Арциховского, написанные им о Москве: «...единичные клады любого времени могли быть зарыты где угодно, хоть в лесных дебрях, но скопление кладов одной эпохи на территории одного города (или в его ближайших окрестностях) всегда является доказательством, что этот город тогда имел известное значение» (8, с. 16).

Найденные в Смоленске арабские монеты и клад X в. говорят о том, что древнее ядро города лежит на его современной территории. В развалинах Борисоглебского монастыря на Смядыни найдена печать первого, известного по летописи, смоленского князя Вячеслава Ярославича, княжившего в 1054—1057 гг. (27, с. 150—152; 28, с. 16). Смядынь как княжескую резиденцию изучили С. П. Писарев и другие историки. Наглядным свидетельством этой роли служит выдающийся по красоте храм — Свирская церковь конца XII в. Смядынь иногда ставят в ряд с

«экстерриториальными» княжескими резиденциями других городов — Городищем под Новгородом, Вышгородом в Киеве и прочими.

Итак, первоначальный Смоленск находился где-то в центре современного города. На Соборной горе остались неисследованными лишь расположенные между раскопами небольшие участки, площадь которых мала даже для небольшого поселения. Единственным недоступным для исследования местом является территория, занятая современным Успенским собором, стоящим там, где был собор, возведенный в 1101 г. Владимиром Мономахом, ставшим смоленским князем в 1077 г. На Соборной горе найдены следы нескольких кирпичных построек XII—XIII вв., некоторые из которых бесспорно представляют собой развалины церквей, другие же трактуются различно: то как княжеский терем, то как оборонительная башня. Даже если эти небольшие остатки, стоящие на самом краю Соборной горы, являются руинами терема, нет оснований атрибутировать их непременно как терема княжеского. Это мог быть дом епископа. Данное предположение кажется более вероятным, так как наличие на Соборной горе княжеского жилища, да еще каменного, противоречит установившейся оценке Смядыни как «княжеской местности». На Соборной горе нет места и для размещения княжеской администрации. По известной Уставной грамоте Ростислава 1136 г., «гора» значится епископским владением. Искусно выбранная Мономахом для размещения главного храма Смоленска, она уже одним своим видом заявляет о себе как о месте религиозного центра. В настоящее время раскопки на «горах» успешно продолжает Н. В. Сапожников.

Соборная гора, хотя и расположена ближе других к Днепру, в Смоленске все же не единственная, даже в пределах крепостной стены. Мыс Воскресенской горы, находящийся к западу от Соборной, и отделенный от нее оврагом, по которому проходила та самая Резницкая улица, где были найдены дирхемы, тоже увенчан церковью, нижняя часть кирпичных стен которой открыта раскопками и датируется XII в. Еще западнее расположена Казанская гора, на которой церкви нет. На Георгиевской горе, что к востоку от Соборной, находится поздняя церковь. Здесь мы указываем лишь наиболее важные из смоленских «гор».

Ни на одной из «гор» Смоленска нет культурного слоя не только XII в., но и вообще слоев домонгольского времени (кроме Воскресенской горы). Полагают, что причиной позднего характера имеющихся напластований является строительство на верховьях оврагов земляных укреплений, опоясывавших Смоленск по крайней мере с XII в. Письменные источники сообщают, что в 1141 г. князь Ростислав Мстиславич «устроил град великий Смоленск», то есть, как я полагаю, отремонтировал уже существовавшую земляную крепость, охватывавшую значительную часть города, возведенную задолго до этого ее упоминания (1, с. 83). Для возведения и поновления «великого града» земля бралась, видимо, тут же, в результате чего ранний культурный слой был разрушен.

Древний культурный слой использован для более поздних укреплений, видимо, на Казанской горе и в центральной части Смоленска (на Блонье). Там в XV — начале XVII в. укрепления возводились неодно-

кратно. Археологическими разведками обнаружены лишь участки культурного слоя XV—XVIII вв. (20, с. 78).

Таким образом, вопрос о первоначальном месте Смоленска решен только в общем: в пределах Смоленской крепости. Место, где находилось древнейшее поселение, более точно пока указать нельзя.

Исследования слоев конца XI и более поздних столетий дали интересные результаты. Оказалось, что древнему Смоленску присуща усадебная планировка, которая, как в последние годы все более четко выясняется, является неотъемлемой особенностью древнерусских поселений городского типа. Открытые при раскопках усадьбы вошли в раскоп только частично из-за недостаточных размеров раскапываемой территории. Усадьбы — важнейшая часть исследования истории городов, так как ни история их возникновения, ни тем более их планировка письменными источниками не освещены. С увеличением размаха археологических работ в древнерусских городах исследование усадеб заняло в них значительное место. Систематизация смоленского материала начата Н. И. Асташовой (9, с. 3—14; 10). Удалось установить социальную принадлежность и профессии владельцев ряда усадеб. Открыт ряд производственных комплексов и их следов. Так, найденные сопла говорят о близости кузницы, скопление однообразно отпиленных костей — о косторезной мастерской. Обнаружены следы и других ремесел. Технология производства изучается не только по остаткам мастерских, но и по произведенным вещам. Конечно, не все из этих вещей обязательно местного производства, но, например, остатки кожаной обуви и кожаного кроя — несомненное свидетельство обработки кожи и изготовления кожаных изделий именно в данной усадьбе. Результаты изучения кожевенного производства в Смоленске публикуются в статье М. Ю. Полонской.

Бытовых вещей, домашней утвари, мебели, конской сбруи и т. п. найдено несколько тысяч. Они также успешно изучаются.

Участки, раскапывавшиеся в Смоленске с 1964 г., удалось разбить по вертикали на горизонты — стратиграфические ярусы. На раскопе УС—V (1955—1957) первоначально такой возможности не было, но теперь усилиями А. Ф. Урьевой построены ярусы и для этого раскопа, причем исследовательнице удалось связать их с дендрохронологической шкалой раскопов 1964 г. и более поздних лет. Таким образом, создана основа хронологической схемы смоленских древностей.

Все это оказалось особенно важным в связи с открытием смоленских берестяных грамот. Первая из них была найдена еще в раскопе УС—III в 1952 г., то есть всего через один год после их открытия в Новгороде. Как правильно заметил В. Л. Янин, в Новгороде берестяных грамот должно быть много больше, чем в любом другом древнерусском городе, не только потому, что размах новгородских раскопок значительно превосходит масштабы других, но и потому, что переписка феодала с управителями его вотчин являлась следствием республиканского строя Новгорода, когда феодал должен был жить в городе, чтобы участвовать в управлении государством. В других княжествах с монархическим правлением феодалы жили по селам, где они были фактически неограниченными властителями и в такой большой переписке не нуж-

дались (29, с. 160—161, 163). Поэтому в Смоленске берестяных грамот найдено пока только 15. В основном это хозяйственные письма. Одна из наиболее интересных грамот — руническая, в которой говорится о приобретении неким Вискарсом участка земли. Вискар — имя скандинавское. Известие о приобретении скандинавом участка земли согласуется с другими известными историческими свидетельствами о пребывании скандинавов в Смоленске. Торговые связи Смоленска отмечаются рядом источников (5, с. 208—211). Скандинавские купцы имели в Смоленске свою церковь: раскопанная в 1958 г. ротонда имеет прямые скандинавские аналогии (3, с. 253).

Вопрос о русско-скандинавских связях по материалам археологических раскопок тесно связан с исследованиями древностей ближайших окрестностей Смоленска, где в 15 км от Смоленска на Верхнем Днепре расположен гнёздовский археологический комплекс, состоящий из поселения и нескольких курганных групп, в которых насчитывалось свыше трех тысяч насыпей. Чуть ли не с момента открытия там в 1867 г. клад, сделавшего Гнёздово известным науке, вокруг этого комплекса возникла острая и бурная дискуссия. Она имеет длинную историю и менявшиеся акценты. Главное в ней — роль Гнёздова как археологического источника по варяжскому вопросу. В вопросе о гнёздовских древностях позиции норманистов и их научных противников — антинорманистов — широко известны. Литература по этому вопросу огромна (2, с. 42).

Но материалы раскопок в Гнёздове ныне являются источником не только по русско-варяжским отношениям. Их нельзя не учитывать при изучении раннего русского феодализма, при изучении эпохи становления Русского государства.

Один из первых исследователей гнёздовских курганов, автор единственной монографии о них, В. И. Сизов считал, что центральная часть гнёздовского курганного кладбища представляет собой место погребения варяжских купцов-воинов. Но, по его мнению, гнёздовский некрополь в целом имеет местный, славянский характер, где возможный варяжский элемент не играл господствующей роли (21, с. 125). В. И. Сизов подверг суммарному анализу погребальный обряд и найденные вещи, особо описав лишь единичные курганы. По ходу исследования им было сделано множество интересных наблюдений. Но большинство раскопанных Сизовым курганов обезличено: инвентари многих захоронений, содержавших многочисленные вещи, не могут быть расчленены по комплексам, музейные планшеты с вещами по курганно не обозначены. Из гнёздовских курганов, исследованных до Октябрьской революции, в общем доступны для более или менее полноценного изучения лишь раскопанные С. И. Сергеевым и частично И. С. Абрамовым; всего немногим более 100 насыпей.

Материалы этих раскопок издал и прокомментировал А. А. Спицын. Он как будто принял основной вывод Сизова, однако дезавуировал его заключением, что Гнёздово «обилует русским населением, но господами в нем являются многочисленные норманны» (22, с. 7). Тем самым оценка роли варягов в Гнёздове значительно изменилась.

Раскопки Гнёздова после Великой Отечественной войны увеличили используемые материалы, расширили их не только численно, но и ка-

чественно. Помимо того что в научный оборот было введено еще несколько сот комплексов, источниковый фонд пополнился материалами ингумаций, в том числе камерных, а также материалом раскопок поселений (6, с. 69—80).

Впервые проведя источниковедческое исследование курганных инвентарей еще по старым материалам, автор этой статьи первоначально не увидел в Гнёздове «многочисленных норманнов». Вернувшись к этому вопросу на базе нового материала, я насчитал уже 60 варяжских погребений — много больше, чем это сделал Т. Арне, работавший, правда, еще по материалам дореволюционных раскопок. Теперь подобных погребений можно насчитать более ста. Главной опорой для такого заключения стало сочетание признаков, которые, по моему мнению, характеризуют погребения скандинавов: погребения в ладье, погребения в камере, присутствие железной гривны, часто — с «молоточками Тора», особенно надетой на горло урны, вонзенный в землю меч или копье, овальные фибулы и некоторые другие признаки. Следует заметить, что ареалы многих этих «признаков» не чисто скандинавские, но сочетание указанных черт можно считать скандинавской особенностью. На Руси же подобные сочетания с несомненностью говорят о скандинавском этносе тех, кто совершал погребение, и дают основание предполагать таковой и для погребенного.

Если вычлененное сочетание признаков достаточно четко обрисовывает скандинавский обряд погребения в Гнёздове, то признаки славянской принадлежности захороненных размыты. Надежным элементом, отмеченным еще В. И. Сизовым, является славянский характер посуды, которая найдена в большинстве курганов Гнёздова в то время как керамика иного происхождения крайне редка. Но этот единственный признак без сочетания с другими на этнос погребенного указывать не может. Горшками славянского типа пользовались здесь и варяги. Значит, надежно только общее заключение: славяне в Гнёздове были.

Прояснить вопрос могли бы находки типичных славянских украшений — височных колец, но в X в. лишь начинается становление племенных типов этих украшений; парадоксальность этого процесса неоднократно отмечалась: племенные типы вещей возникали в период исчезновения племенных перегородок. Как бы то ни было, раскопаны лишь четыре кургана с женскими захоронениями, в которых найдено несколько общеславянских височных колец с завитком на конце, а также единичные западнославянские кольца. Следует еще указать на спиральное височное кольцо из кургана Л-13, но оно обломано и как этнический признак может быть оспорено.

Трудность вычленения славянского набора черт погребального обряда характерна не только для Гнёздова: восточнославянский погребальный обряд IX—X вв. вообще практически неизвестен. Различные рабочие предположения вроде безынвентарности этих захоронений не подтвердились: у соседних со славянами народов много погребений без вещей. Сами славянские памятники этого времени известны лишь в пределах южных культур — корчакской, лука-райковецкой, роменско-боршевской. О славянском слое в городах IX—X вв. уже сказано выше. В настоящем сборнике публикуется статья Ю. Л. Шаповой и

Ю. А. Лихтер, содержащая наблюдение, важное для изучения Гнёздова. Авторы, исследуя стеклянные бусы, найденные в Гнёздове, ранее рассматривавшиеся как прибывшие на Верхний Днепр с юга, пришли к выводу, что эти изделия хотя и византийского производства, но пришли в Гнёздово через Балтику и являются скандинавским импортом. Данное наблюдение подкрепляет уже существующую точку зрения, что на Днепровском пути скандинавские вещи преобладали над южными. Путь «из варяг в греки» был оживленнее пути «из грек в варяги».

Важное значение имеет и открытие в Гнёздове погребальных камер — погребений в просторных ямах, обложенных деревом. По погребальному инвентарю они были датированы второй половиной X в., что подтверждено и уточнено дендрохронологической датой столбов из двух таких могил: 975 и 979 гг. Соглашаясь с археологами, которые считают этот обряд типичным для социальных верхов, следует не забывать о его бесспорно скандинавском характере (7, с. 190—205). Для Гнёздова рубежа третьей и четвертой четвертей X в. это обряд новый, принесенный туда примерно в это же время, хотя в Скандинавии он существовал еще в IX в. Носителями обряда погребения в камерах в данном случае были скандинавы, следовательно, в указанное время очевидна живая связь Гнёздова со Скандинавией. Это подтверждается и датами погребального инвентаря. Но следует заметить, что речь идет об определенном времени и указанной территории — Гнёздове, так как в другое время и в других местах камеры тоже известны и далеко не всегда в них погребены скандинавы.

Новые и новые волны скандинавов, проходившие через Гнёздово, оставили в нем многих своих соплеменников, похороненных, конечно, по обрядам своих предков, своей родины. Поэтому эволюция погребального обряда в Гнёздове зависела от его эволюции в Скандинавии. Как в начале, так и в конце X в. варианты погребальных обычаев в Гнёздове часто повторяются, но иногда все же появляются новые ритуалы. Таковы погребения в узких могильных ямах, таковы погребения в камерах, неизвестные в Гнёздове в начале функционирования кладбища и появляющиеся там лишь к концу X в.

Некоторые гнёздовские курганы изучались В. А. Булкиным. Он выбрал курганы с насыпями значительного объема, назвав их «большими». Начало существования гнёздовского кладбища В. А. Булкин отнес к середине IX в., суживая широкие даты некоторых вещевых категорий. Там, где можно указать лишь, что вещь бытовала в середине IX—X вв., разделить ее на IX и X вв. нельзя, но В. А. Булкин произвольно берет раннюю дату как основную, отчего нижняя дата Гнёздова неоправданно опускается, в результате чего период функционирования кладбища увеличивается до 150—200 лет. Исследователь считает, что в течение столь большого отрезка времени в погребальном обряде были возможны значительные изменения, а поэтому предлагает схему «эволюции больших гнёздовских курганов». При отборе курганов были указаны восемь насыпей, но две из них сразу же отпали, так как о них «не удалось найти никаких сведений». Основная часть статьи Булкина посвящена разбору таких частных вопросов, как: в какую сторону обращена курганная перемычка, куда был повернут носом погребальный

корабль (часто примысленный), обжигалась ли поверхность земли перед сооружением кургана и другим, которые, по его мнению, позволяют сопоставить «большие» курганы с «малыми». Затем читателю предлагается вышеупомянутый эволюционный ряд «больших курганов», в котором все эти сопоставления не играют никакой роли.

Обратимся к выводам, сделанным Булкиным, и к его аргументации. Первое, что следует отметить, — число рассмотренных им насыпей слишком мало, чтобы строить какие бы то ни было эволюционные ряды: выборка недостаточна. Во-вторых, даты «больших» курганов не вытягиваются в хронологическую цепочку — середина IX в. — первая половина XI в. Напротив, они ложатся кучно, так как почти все эти курганы сооружены во второй половине X в. Столь короткий интервал не позволяет говорить об эволюции. В-третьих, поскольку рассматривается вопрос эволюции, то должны быть отсеяны курганы, в которых погребены проходившие через Гнёздово торговые люди, хоронившие соплеменников по своим, а не по местным обычаям. Эта задача чрезвычайно трудная, и Булкин ее даже не поставил. Для него Гнёздово — подобие плотно закрытого котла, в котором варилась этническая каша. Но выше уже отмечено, что подобной изолированности в Гнёздове не было. В результате вывод Булкина, что «ни один из вышеуказанных признаков, а равным образом и их сочетания, не могут быть признаны твердыми этническими индикаторами», глубоко ошибочен. Ведь речь идет о таких несомненно скандинавских чертах погребального обряда, как «сожжение в ладье, комплект скандинавских фибул, железные гривны с «молоточками Тора» и некоторых других (обкладка урны камнями, радиальные ровики)». По Булкину, обряд скандинавский по своему происхождению «теряет свою этническую нагрузку и приобретает совершенно новую — социальную». Подобное заключение невозможно хотя бы потому, что в Гнёздове был постоянный приток скандинавов, приносивших с собой обычаи своей родины. Кроме того, Булкин считает, что этнические процессы в Гнёздове привели к формированию «гнёздовской группы кривичей» (11, с. 144). Но становление этнических групп, — это уже в четвертых, — охватывало значительную территорию и не может быть сведено к гнёздовской округе, как бы далеко она ни распространялась. Этнические процессы, протекавшие в Гнёздове, имели влияние на этнические процессы Верхнего Поднепровья не больше, чем единичный смешанный брак на этнический состав Гнёздова. Булкин ошибочно исходит из мелкого дробления большого этнического массива кривичей, среди которых не может быть «гнёздовской группы» — масштабы измерения слишком различны.

Можно добавить, что В. А. Булкин поселяет норманнов в Гнёздове «среди местного населения во второй половине IX — начале X в.» (11, с. 144). Чтобы так говорить, нужно располагать значительной группой курганов, датированных второй половиной IX в. Если даже признать ошибочные даты Булкина правильными, то по его же материалам этих курганов не будет больше трех-четырёх, что для решительных выводов недостаточно. Кроме того, выше уже отмечалось, что в настоящее время на Верхнем Днепре нельзя указать славянские памятники второй половины IX в., равно, конечно, как и норманские. В указанное время, то

есть до прихода славян, там жило балтское население, вероятно немногочисленное, и в Гнёздове, как увидим ниже, практически ничем себя не проявившее. Хронология Гнёздова, предложенная Булкиным, не находит своего подтверждения в материалах.

То, что лишь часть варягов жила в Гнёздове уже в X в. более или менее постоянно, можно предположить по находкам немногочисленных вещей — гибридов типа меча из кургана Ц-2, а также по найденным на городище обломкам литейных форм для изготовлений скорлуповидных фибул. На роль купцов, привозивших через Балтику в Гнёздово скандинавские вещи, а также византийские (ткани, монеты, корчаги, поливную керамику и пр.), больше некому претендовать, кроме варягов. Курганы, где найдены эти вещи, заключают скандинавские погребения. Гнёздово было «проходным двором», и может быть лишь небольшая часть варягов, пришедших туда, осела в поселке. При изучении данного вопроса значительная роль принадлежит исследованию купеческого инвентаря: морфологии, ареала и хронологии весов и весовых гирек, которые являются предметом исследования Т. А. Пушкиной, публикуемого в данном сборнике.

Погребальный обряд, которым так неосторожно оперирует Булкин, испытывает какие-то изменения во времени, но в данном случае для Гнёздова он достаточно постояен. Например, погребение в ладье совершено в кургане начала X в. Л-13 и в кургане 16 (74) раскопок Сергеева, относящемся ко второй половине X в. В том же кургане Л-13 найден важный культовый предмет — железная гривна, такие же встречены и в курганах Серг.-14 (58), 7 (65) и др. Вонзенный в землю меч отмечен опять-таки в кургане Л-13, а также в кургане Серг.-18 (86) (вторая половина X в.). Из сказанного следует, что скандинавы были в Гнёздове как в начале X в., так и в его конце, а этнические признаки скандинавского погребального обряда не преобразовались в социальные, как это полагает Булкин.

В публикуемой в настоящей сборнике статье «Женские скандинавские погребения в Гнёздове» Ю. Э. Жарнов изучил погребальный обряд в гнёздовских курганах. Для исследования он отобрал лишь женские погребения, более выразительные с этнической стороны. Но мужчины и женщины одного и того же этноса все же различаются психологически, своей ролью в обществе и по многим другим критериям как в жизни, так и при совершении над ними погребального обряда, и это надо иметь в виду.

Культовый и культовая обрядность — элементы идеологических представлений, которые практически не заимствовались. Скандинавские языческие амулеты из Гнёздова исследовала Г. Л. Новикова. Ей удалось вычленить ряд отделов этой категории, имеющих характер индикатора этноса. Несмотря на их длительное бытование, они оставались указателями скандинавского характера погребения.

Как показано было выше, В. А. Булкин полагает, что в начале существования Гнёздова его население было разнотнично, а в конце, в результате «этнической консолидации» возникла единая «гнёздовская группа кривичей». Вопрос об этническом составе населения Гнёздова нуждается в комментариях. Остается господствующим мнение В. И. Си-

зова, что в гнёздовских курганах погребены кривичи и варяги. При этом, не вдаваясь в выяснение вопроса о том, кто такие были кривичи, будем, вслед за Е. А. Шмидтом, считать их славянизированными балтами. Однако статья этого исследователя (26), в которой он предположил, что в некоторых погребениях Гнёздова можно видеть следы балтского погребального обряда, вызывает возражения. Мне уже доводилось высказать несогласие с таким заключением (4, с. 152). Я тогда обратил внимание на то, что опрокинутые горшки в курганах Гнёздова не являются типично балтской чертой погребального обряда, поскольку сосуды в таком положении встречаются также и у других племен, например в погребениях славянской корчакской культуры. Теперь можно добавить, что в новых раскопках Гнёздова этот обряд в четырех случаях сопровождался возложенной на урну железной гривной то есть скандинавским обычаем. Опрокинутые урны встречаются и в Скандинавии, в Бирке. Ямки, которые наблюдались под кострищами некоторых гнёздовских курганов, были не столь уж малы: иногда это могильные ямы, опознанные нами несколько позднее. Погребения с конем встречаются не только у балтов, но и, например, у скандинавов в курганах Бирки. Трубочки для трута тоже встречаются в скандинавских могилах, а также в погребениях иных племен и этнической окраски не имеют.

Одно из описанных В. И. Сизовым погребений Е. А. Шмидт считает балтским. Сизов предположил, что зеленые окислы, найденные около мелких кальцинированных костей черепа, были височными кольцами или головным венчиком, и Шмидт с этим соглашается. Но это могли быть и остатки других украшений, например шейной гривны. Даже если следы бронзы происходили от височного кольца, то совсем не обязательно балтского типа. Бронзовая шпилька с эсвидным концом вряд ли балтское украшение; однако Сизов предполагает, что шпилька—это разогнувшееся под действием огня височное кольцо. Такое предположение сомнительно, но даже если это и так, то форма данного височного украшения не соответствует балтским. «Фрагмент треугольной бляшки с узором» действительно мог быть трапециевидной подвеской балтского типа, но это единственная вещь, которую весьма предположительно можно было бы связать с балтами. И уж совсем не следовало бы причислять к балтскому набору вещей бронзовую пуговицу и бусы «темного цвета» — они не имеют племенной специфики. Е. А. Шмидт опускает упоминание о найденном в этом же кургане умбоне — очень редкой находке, иногда встречающейся в гнёздовских погребениях скандинавов. Сизов неосторожно предлагает считать этот умбон заменителем сосуда для погребальных целей (21, с. 22). Отметим умозрительность этих рассуждений: до нас не дошли ни вещи, ни их рисунки.

Из-за нерасчлененности вещей по погребениям из раскопок Сизова невозможно проверить комплексы по музейным планшетах. Имея в виду, что умбон в Гнёздове — находка редкая, можно предположить, что Сизовым описан курган 19 из раскопок 1880 г., в котором была найдена аналогичная вещь. Но остальные вещи из этого захоронения не узнаются. Как бы то ни было, предполагать балтский характер этого погребения нельзя.

Также нет оснований думать, вслед за Шмидтом, о «неоднородности славянского населения Гнёздова» (26, с. 108), тем более что исследователь не объясняет, что он имеет в виду. Е. А. Шмидт, вероятно, прав, говоря, что «ассимиляция местного балтского населения началась еще до возникновения гнёздовских курганов X в., так что в них археологически прослеживаются только отзвуки этого интенсивного процесса, протекавшего накануне X в.» (29, с. 108). Тем самым исследователь против своих убеждений исключает IX в. из времени сооружения гнёздовских курганов, поскольку он пишет как раз о местном балтском населении. Это его оговорка обусловлена материалом. В своих других работах Шмидт относит начало функционирования гнёздовского кладбища именно к IX в., но говорит об этом столетии, как о периоде «до возникновения гнёздовских курганов».

Итак, балтских погребений в Гнёздове пока не обнаружено. На поселении, в основном на Центральном городище, найдено несколько предметов, аналогичных входящим в инвентари длинных курганов. Это — несколько трапециевидных и иных подвесок, одиночные синие 14-гранные бусы, на селище — два плоских височных кольца. Относительно того, каким образом попали в Гнёздово эти вещи и какова была там роль их носителей, можно лишь строить предположения.

Можно упомянуть еще погребение 14 из раскопок Кусцинского, где найдены бронзовые шумящие привески финского типа вместе с иранской бронзовой лампой в виде женской головы. Этот комплекс Сизов посчитал финским, его впоследствии поддержали Е. И. Горюнова и Е. А. Шмидт. Других финских погребений в Гнёздове не открыто.

Таким образом, по многочисленным славянским горшкам в курганах и аналогичным черепкам на поселении можно с полным основанием констатировать присутствие в Гнёздове славянского населения и по набору этноопределяющих признаков — скандинавского. Вопрос о балтах в Гнёздове остается открытым.

При определении даты ранних курганов Гнёздова обращаются, как правило, ко времени возведения кургана 15 из раскопок Кусцинского, в котором найден меч типа Е, вонзенный в землю, копье с дамаскированным лезвием и нарезным орнаментом на втулке, тоже вонзенное в землю. Меч и копье находились возле трех глиняных горшков — урн, на один из которых была надета тордированная в четырех местах железная гривна с двумя привесками — «молоточками Тора» и двумя «шайбочками». Шайбочки и молоточки в опубличкованном журнале раскопок не указаны. Во втором горшке находилась «железная скобка». На музейном планшете это — «ледоходный» шип (по «Указателю Исторического музея» 1893 г. их числится два). В той же урне — пинцет, ножик, кусочек кости с резьбой (вероятно, обломок гребня), а также булава с медной ручкой. Ее можно сопоставить с изображенной в труде Сизова железной булавкой. Может быть, это игла кольцевидной фибулы, бронзовая верхушка которой расплавилась. «Горшки стояли на камнях на твердой земле», между горшками лежали железные пружинные ножницы с колечком для подвешивания на закругленной части.

Высота этого кургана была определена в 4 аршина (285 см), окружность его основания — 36 аршин (26 м), что соответствует поперечнику 8,7 м. Видимо, здесь где-то ошибка: для насыпи высотой 4 аршина, поперечник в 8,7 м мал. В тех же раскопках курганы 13 и 14 имели такую же высоту при окружности основания в 43 аршина. Значит, их поперечник был 10 м. Видимо, произведенные М. Ф. Кусциным промеры были приблизительными. В целом для трехметрового кургана вещей найдено мало. Видимо, они были фрагментированы и некоторые в коллекцию не попали. В описи 1893 г. среди вещей, находившихся в Музее, указана урна, но найти ее пока не удалось среди многих беспаспортных горшков из Гнёздова.

А. Н. Кирпичников, рассматривая оружие из этого кургана, делает заключение, что «это древнейшее известное ныне гнёздовское дружинное погребение» и оно, «по-видимому, совершено около 900 г.» (15, т. 1, с. 31; т. 2, с. 9).

Аргументация Кирпичникова такова. Мечи типа Е имеют рукояти, украшенные рядами ячеек. Кирпичников делит эти рукояти на две группы, в одной из них ячейки мелкие и количество их рядов достигает девяти, в другой — ячейки крупные и расположены они в 3—5 рядов, причем под ячейками имеются перекрещивающиеся ряды проволочных выкладок, которых нет в первой группе. Рукояти с крупными ячейками и проволочными выкладками, согласно Кирпичникову, — особенность мечей, сделанных на Западе, а рукояти с крупными ячейками, не имеющими проволочных выкладок, там неизвестны. По мнению исследователя, мечи с очень мелкими ячейками делались «еще около 900 г.», в то время как мечи с крупными и редкими ячейками «датируются зрелым X в.». Получающийся хронологический разрыв как бы подчеркивает отсутствие типологической преемственности.

В действительности такого разрыва нет. Курган Л-13, на дату которого опирался Кирпичников, оказался старше и датируется, по Пушкиной, вторым десятилетием X в. В этом кургане также найден меч с крупными ячейками. Следовательно, эта разновидность орнамента зародилась в начале X в. Разница в датах курганов Кусц-15 и Л-13 практически отсутствует. Кроме того, время возведения кургана Л-13 подкреплено находкой там дирхемов, дата же комплекса Кусц-15 интуитивна.

Несмотря на различие в орнаментации рукоятей, все эти мечи, найденные в Восточной Европе, Кирпичников совершенно правильно относит к одному типу Е, который он датирует X в.

А. Н. Кирпичников подробно рассмотрел и копьё из кургана 15 раскопок Кусцинского. Оно тоже особое, встречающееся в Западной Европе крайне редко. Это копьё ланцетовидное, длинное (52 см), лезвие дамаскированное, тулья украшена «готическим» орнаментом в виде параллельных бороздок. Кирпичников отмечает, что такие же копыя, но без дамаскирования, известны в Древней Руси в X в., а это, дамаскированное, единственное и ранее. Но Э. Кивикоски не придает дамаскированию решающего значения как признака датировки и отмечает, что такой тип встречается и в X в. (30, Taf. 98, N. 853. S. 115). Не вполне ясно, имеет ли дамаскирование копьё из могильника Луистари, найден-

ное уже после выхода в свет книги Кирпичникова. Вместе с копьём найден дирхем 926—927 гг. (16, с. 82—83).

На одной урне кургана Кусц.-15, как отмечено выше, найдена железная гривна. Подобный обряд в Гнёздове связан с круговыми сосудами, и лишь в 1970 г. найдена урна, только подправленная на гончарном круге. Так как в Гнёздове гончарный круг появляется в 920—930 гг., то находка такого горшка позволила бы датировать указанное погребение X в.

Таким образом, нет твердых данных для датирования кургана Кусц.-15 IX веком. Имея в виду неполноту этого комплекса, широкий диапазон датировки копья, данному погребению нельзя придавать столь важного значения, чтобы датировать по нему начало Гнёздова. Это же относится и к некоторым другим гнёздовским курганам, на которые все-таки иногда еще ссылаются как на могилы IX в. и которые не имеют даже таких шатких обоснований для столь важной даты (Л-35, 38, 47). Их нельзя относить к более раннему времени, чем начало X в.

Самым поздним из раскопанных в Гнёздове курганов сейчас, пожалуй, является Л-124, в котором найдена западноевропейская монета Болдуина IV (989—1036) (Фландрия). Следовательно, гнёздовское курганное кладбище функционировало не более ста лет: с начала X по начало XI в.

Изучение всех частей гнёздовского курганного комплекса крайне важно. Поэтому такое большое значение приобретает подробная публикация полученных материалов. К сожалению или, может быть, к счастью, многие курганы для раскопок недоступны, будучи покрыты лесом или находясь в иных неудобных урочищах. Исключение представляла собой почти непопанная курганная группа на правом берегу р. Ольшанки. Число насыпей в ней неуклонно уменьшалось в силу природных причин. Поэтому группа раскопана полностью и результаты раскопок публикуются в настоящем сборнике в статье Е. В. Каменецкой.

Из насущных задач исследования Гнёздова следует указать на неотложность дальнейших раскопок поселения, занимающего площадь в 17 га. Эти работы пока лишь начаты. В таком же положении оказывается и Днепровская Левобережная группа, курганы которой всё больше размываются Днепром. Там раскопан только один курган, давший интересный комплекс. Следует также продолжить поиски культурного слоя, показанного аэрофотосъемкой в урочище, называвшимся в отчетах Сергеева «Мещанскими лугами».

Гнёздовский археологический комплекс разрушается. В 1975 г. были снесены строителями автодороги последние курганы Ольшанской группы, где из 144 насыпей Смоленская экспедиция успела раскопать только 30. Конечно, среди раскопанных были столь важные насыпи, как курганы № 1 и 30, но мы лишены возможности изучить всю группу с той полнотой, как Правобережную Ольшанскую.

Для изучения Гнёздова большое значение имеют раскопки не только на территории археологического комплекса, но и в его ближайших и дальних окрестностях. Это особенно важно в связи с угрозой, нависшей над археологическими памятниками Смоленской земли, отражаю-

щей неудовлетворительное, чтобы не сказать больше, состояние археологических памятников и их охраны в нашей стране.

Примечания

1. Авдусин Д. А. К. вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии//Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967.
2. Авдусин Д. А. О Гнёздове и Смоленске//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1979. № 4.
3. Авдусин Д. А. Смоленская ротонда//Историко-археологический сборник. М., 1962.
4. Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу//СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
5. Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на берёсте (из раскопок 1952—1968 гг.)//Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1984 г. М., 1985.
6. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1982. № 1.
7. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова//История и культура древнерусского города. М., 1989.
8. Арциховский А. В. Основные вопросы археологии Москвы//МИА. № 7. М.; Л., 1947.
9. Астахова Н. И. Постройки древнего Смоленска//Проблемы истории СССР. Вып. VIII. М., 1979.
10. Астахова Н. И., Пушкина Т. А., Розанова Л. С. Сравнительный анализ технологии железообработки Гнёздова и Смоленска: (К проблеме возникновения города)//Археология и история Пскова и Псковской земли: Краткие тезисы научно-практической конференции. Псков, 1985.
11. Булкин В. А. Большие курганы Гнёздовского могильника//СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
12. Веллесте Л. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений//КСИИМК. Вып. 42. М., 1952.
13. Даркевич В. П. Гемма из Смоленска//КСИА. Вып. 104. М., 1965.
14. Банк А. В. Прикладное искусство Византии X—XII вв. М., 1978. С. 32—33.
15. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. 1—2. М.; Л., 1966.
16. Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов//Финно-угры и славяне. Л., 1979.
17. Марков А. Топография кладов восточного серебра. М., 1910.
18. Неклюдов М. П., Писарев С. П. О раскопках в Смоленске. Смоленск, 1901.
19. Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894.
20. Саложников Н. В. О разведке на территории Смоленска//АО. 1980 г. М., 1981.
21. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
22. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905.
23. Спицын В. И., Арциховский А. В., Глазунов М. И., Корчагов П. Н., Щапова Ю. Л. Исследование образцов грунта новгородских археологических раскопок радиоактивным методом//СА. 1962. № 4.
24. Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990.
25. Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. II. М.: Московский рабочий, 1983.
26. Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнёздова//СА. 1970. № 3.
27. Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057)//КСИИМК. Вып. 55. М., 1954.
28. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970.
29. Янин В. Л., Рыбина Е. А. Открытие древнего Новгорода//Путешествия в древность. М., 1983.
30. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. N 853. S. 115.

УСАДЬБЫ ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА

Одним из важнейших вопросов истории древнерусского города является его социально-топографическая структура. Изучение усадьбы как комплекса жилых и хозяйственных построек, как основной структурной единицы города, приобретает в связи с этим первостепенное значение. Это — тема будущего исторического исследования, предпосылкой которого является настоящее монографическое изучение усадеб.

Блестящим подтверждением плодотворности такого подхода являются издания материалов Новгородской экспедиции. Но, к сожалению, подобных публикаций немного: соответствующим образом были изучены данные по таким городам, как Старая Ладога, Новогрудок, Минск (1; 2; 3). Материал других городов анализируется обычно в совокупности, без разбивки на комплексы. Правда, следует заметить, что в некоторых случаях это обусловлено отсутствием необходимой для такого изучения сохранности культурного слоя и построек, как, скажем, в Ярополче Залесском или Серенске. Однако для городов, где сохраняется дерево, где создана дендрохронологическая шкала, использование вышеупомянутой методики является насущной необходимостью. Она применена и в обработке смоленского материала, который представлен в этой статье.

В 1964—1969, 1971—1976 гг. Смоленская археологическая экспедиция МГУ вела работы на ул. Соболева, в результате которых был вскрыт культурный слой на площади 704 кв. м. Исследованный участок находится у северного подножия Соборной горы, между улицами Соболева и Металлистов. Западная часть участка до Великой Отечественной войны была занята каменным домом, фундамент которого разрушил верхнюю часть культурного слоя. Первый раскоп (УС—VIII) площадью 100 кв. м был заложен в 1964 г. В следующем 1965 г. с востока к нему прирезан раскоп (УС—IX) площадью 362 кв. м. В 1969 г. оба раскопа были доведены до материка. Раскопки этого участка продолжались в 1971 г., когда с востока был прирезан следующий раскоп (УС—XI) в 252 кв. м, работа на котором завершилась в 1976 г. Поскольку раскопы располагались у подножия Соборной горы, то следует указать на значительную разницу в отметках уровня материка: от 5 м на юге до 7 м на севере. Как показали исследования, земляных нивелировочных работ перед строительством здесь не производили. Застройка участка приспособлялась к рельефу за счет строительных приемов.

Слой по своему составу можно разделить на два варианта: верхняя его часть представляет собой грунт рыхлый, темно-серый с деревом плохой сохранности. находки в нем датируются XVIII—XX вв. Ниже обнаружен влажный, темный с примесью навоза и щепы хорошо сохраняющийся дерево слой. В нижнем слое прослежено 22 яруса уличных

и дворовых построек. В ходе раскопок получены спилы 1—20 ярусов, анализ которых дал абсолютные даты этих ярусов. Дендрохронологическая шкала Смоленска охватывает период с 1064 по 1605 г. (4, с. 93—112; 5).

Как уже указывалось, эта территория имеет сложный рельеф. Зачистка и промеры материка показали, что до появления первых поселенцев здесь была небольшая лощина, на месте которой позже появится мостовая улицы. Во второй половине XI в. в этом районе обособиваются первые жители, которые ставят свои постройки на западном склоне лощины (ярусы 22—21). К середине XII в. (ярусы 19—18) на месте лощины появляется улица, по обе стороны которой к этому времени уже сложились границы трех усадеб: к западу от мостовой располагается усадьба А, к востоку — усадьбы Б и В, разделенные настилом переулка. Пожары, прослеженные на этом участке, носили локальный характер, ни разу не затронув одновременно всей территории. Так, в 19-м ярусе (20—30-е годы XII в.) прослежен пожар на усадьбе Б, от которого пострадал сруб 50/IX¹. Еще один пожар отмечен в 16-м ярусе (70—80-е годы XII в.) и тоже на усадьбе Б, в результате которого погибла постройка 38/IX. С 12-м ярусом связан пожар на усадьбе А, который затронул сруб 6/VIII и настил рядом с ним. На территории усадьбы В последствия пожара обнаружены в 10-м ярусе (20—40-е годы XIV в.), когда сгорел сруб 36/XI. После этих предварительных замечаний обратимся к топографии построек по ярусам, что позволит дать более полную характеристику раскопанных усадеб. Описание ярусов дается снизу вверх, то есть от более ранних к поздним. Описание конструкций и деталей построек в данной работе не приводится, поскольку они были предметом исследования специальной статьи (6).

22—21-й ярусы (вторая половина XI в.) (рис. 1). В это время на исследуемой территории еще нет мостовой улицы. В западной части участка в 21-м ярусе обнаружены остатки сруба 47/IX, от которого прослежены части южной стенки и настила пола. Сохранность сруба плохая. Остатки второго сруба 67/XI найдены в восточной части раскопа. Сруб представлен южной стенкой и юго-восточным углом. Западнее прослежена часть настила переулка из плах, уложенных на две лаги. Ширина настила около 2 м, направление — по склону Соборной горы, то есть с юга на север. Переулок разделяет усадьбы Б и В.

20-й ярус (начало XII в.) (рис. 1). В этом ярусе появляются первые частоколы. В западной части — частокол, ограничивающий усадьбу А. На усадьбе Б частокол прослежен южнее сруба 50/IX, от которого сохранились западная и южная стенки.

На месте будущей мостовой, в северной части раскопа, обнаружены остатки лаги и настила. На территории усадьбы В прослежены дворовые настилы.

19-й ярус (20—30-е годы XII в.) (рис. 2). Усадьба А отмечена частоколом.

На территории усадьбы Б продолжает свое существование сруб 50/IX (на плане — № 49), с которым связаны два шлаковых пятна, по-

¹ В обозначение сруба входит его номер, по данным полевых отчетов, а римской цифрой обозначается номер раскопа, на котором открыт сруб.

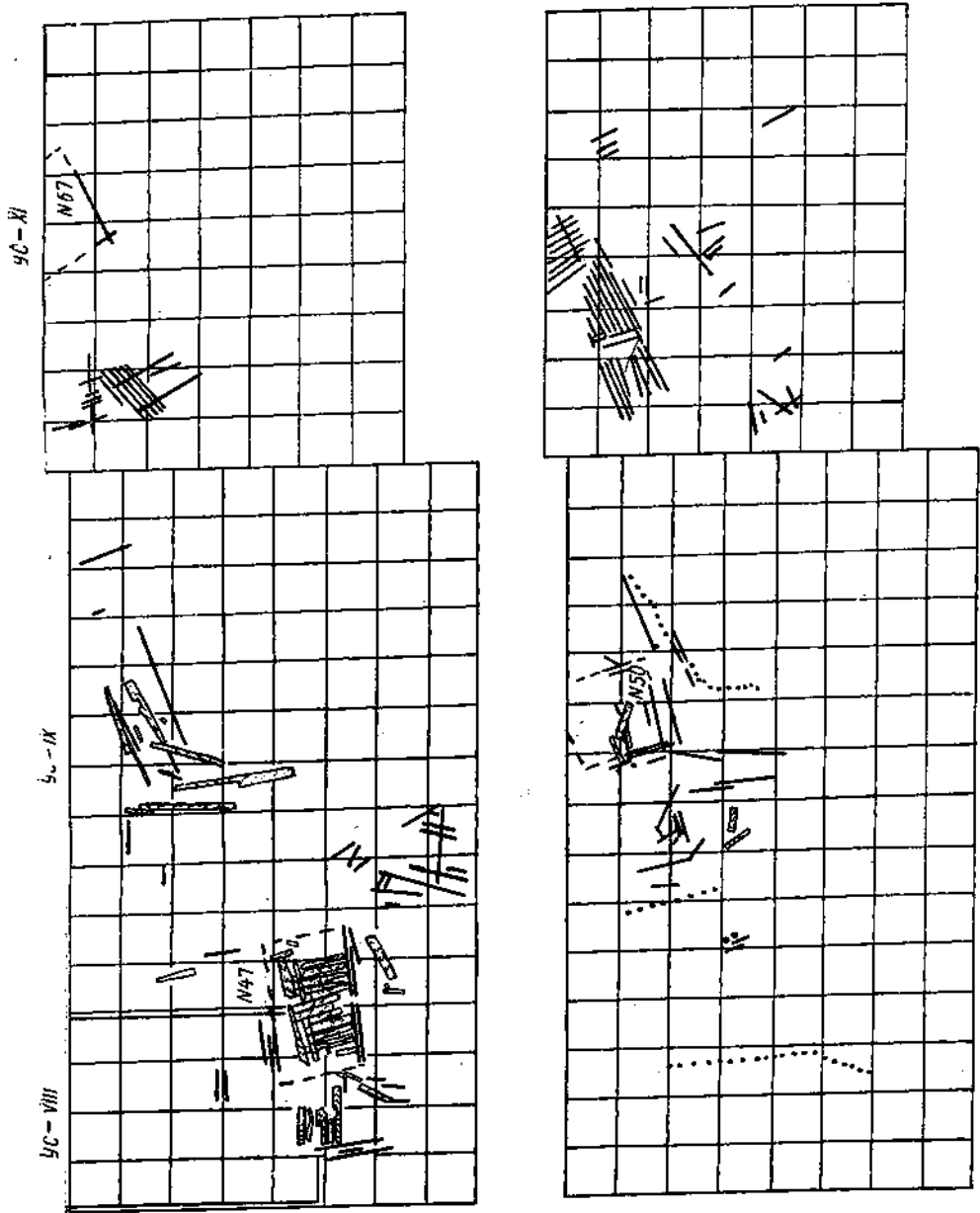

Рис. 1. Раскопы VIII, IX, XI. Ярусы 21, 20.

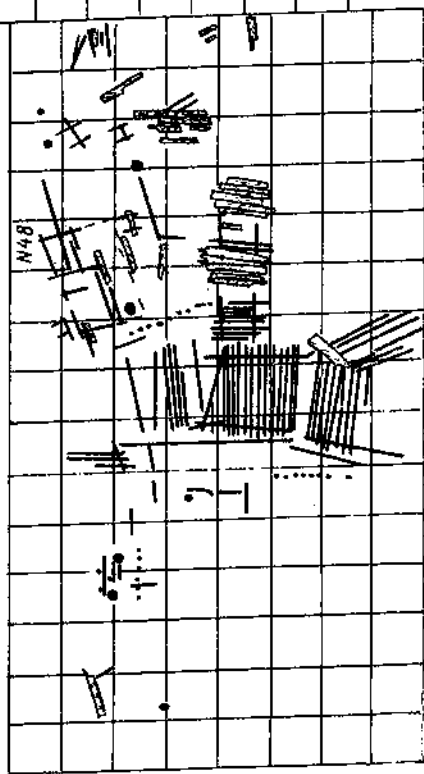
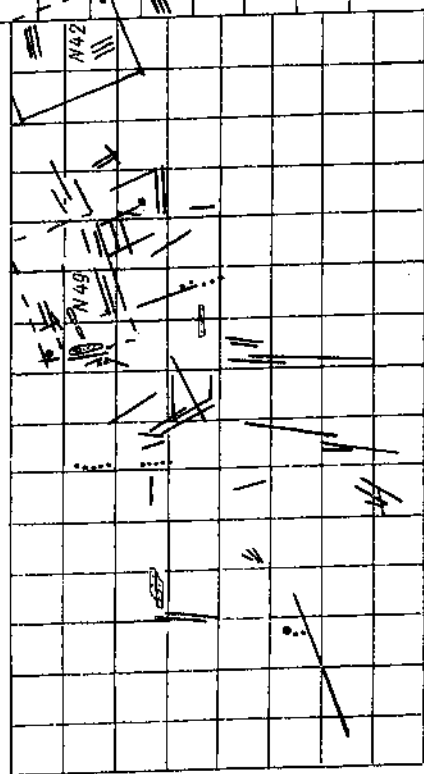
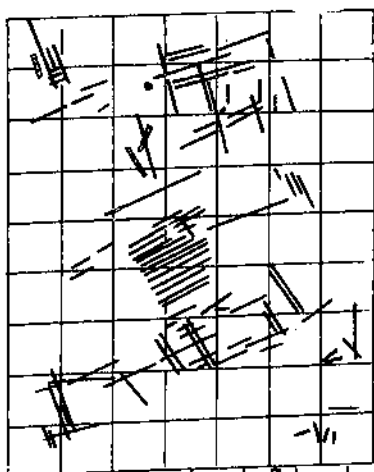
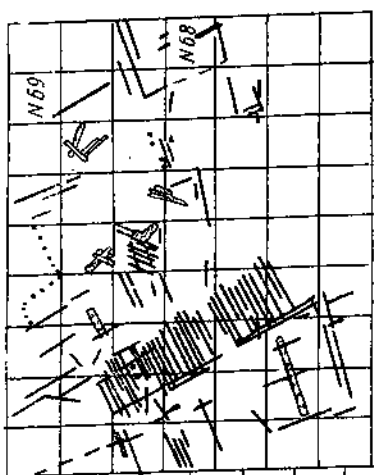

Рис. 2. Раскопы VIII, IX, XI. Ярусы, 19, 18.

явившиеся еще в 20-м ярусе. В восточной части усадьбы построен сруб 42/IX площадью 20 кв. м. Южнее него прослежены дворовые настилы.

На усадьбе В обнаружены срубы 68 и 69/XI. Оба сохранились частично. Пространство между ними занято настилами. С севера усадьба В ограничена частоколом.

Между усадьбами Б и В настлана новая мостовая переуллка, занимавшая всю ширину раскопа.

18-й ярус (середина 40 — начало 50-х годов XII в.) (рис. 2). Впервые появляется настил мостовой улицы, разделяющей усадьбы А и Б. В остальном планировка территории в этом ярусе не меняется.

17-й ярус (60 — начало 80-х годов XII в.) (рис. 3). На территории усадьбы А выявлен южный частокол, а в северо-западной ее части строится новый сруб 9/VIII, сохранившийся на пять венцов.

В восточной части усадьбы В появилась новая постройка 59/XI и дворовые настилы. Рядом со срубом прослежена горелая прослойка, связанная с развалом печи в срубе.

16-й ярус (середина 70 — середина 80-х годов XII в.) (рис. 3). На усадьбе А, кроме продолжающего существовать сруба 9/VIII, построен новый — 10/VIII в южной части и производственная постройка 41/IX в восточной части усадьбы.

Для усадьбы Б в этом ярусе впервые прослежены северная, западая и восточные границы. Таким образом, можно говорить о площади обследованной части усадьбы: она составляет 240 кв. м. Площадь всей усадьбы, видимо, не превышала 500—700 кв. м, так как на юг (а именно южная граница нам известна) усадьба могла продолжаться не более 15 м, поскольку на этом расстоянии располагалась улица, проложенная поперек склона и ограничивающая усадьбу с этой стороны. Застройка усадьбы в данном ярусе представлена единственным срубом-пятистенкой 38/IX, погибшим в пожаре.

Усадьба В замощена дворовыми настилами. В ее восточной части располагаются три сруба 58, 54, 62/XI.

Мостовая улицы, как и в предыдущих ярусах, представляет собой настил из плах, опирающийся на три лаги.

15-й ярус (90-е годы XII в.) (рис. 4). Ситуация на усадьбе А продолжает оставаться прежней: в северо-западной части усадьбы — жилой дом 9/VIII, южнее — по-прежнему стоит сруб 10/VIII. Производственной постройки 41/IX теперь нет, на ее месте прослежены остатки дворового настила.

Планировка усадьбы Б также не меняется. На смену сруб-пятистенке 38/IX, погибшему в пожаре, выстроена новая пятистенка 37/IX и сделан настил, ведущий к ней от частокола.

Прежней остается и планировка усадьбы В: функционируют срубы 62 и 58/XI, обветшавший сруб 54/XI заменяется на новый 52/XI. Центральную часть усадьбы занимает настил из плах лиственных пород, уложенных на две лаги. Направление настила с запада на восток, то есть от въезда в усадьбу к срубам.

Настил мостовой улицы в этом ярусе обновился, но, в отличие от нижележащих ярусов, он опирается на две лаги.

14-й ярус (первое десятилетие XIII в.) (рис. 4). На территории

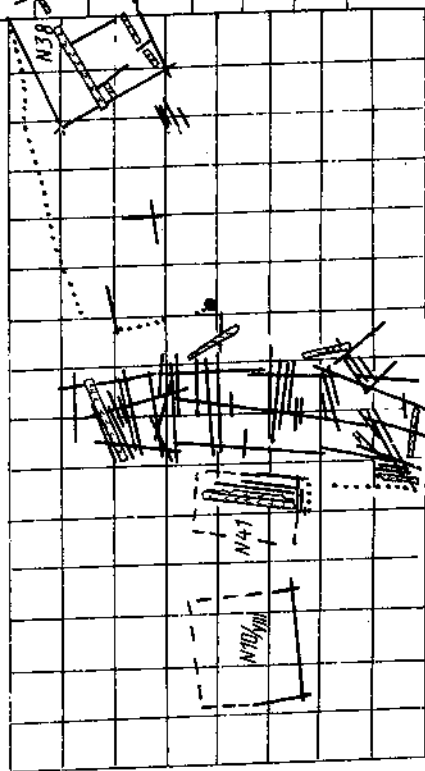
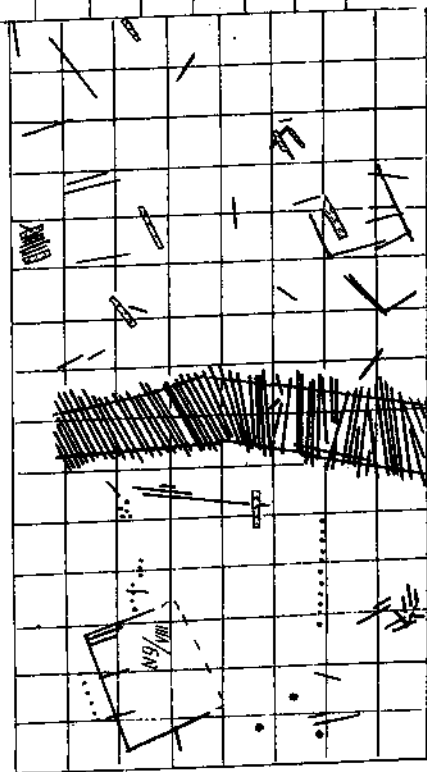
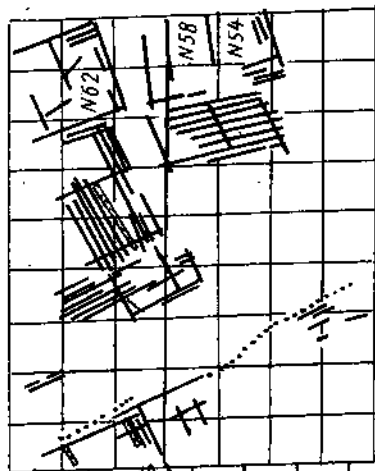
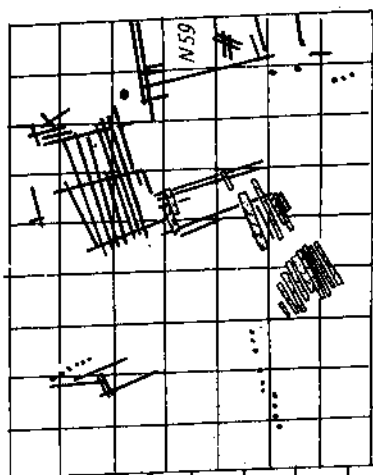

Рис. 3. Раскопы VIII, IX, XI. Ярусы 17, 16.

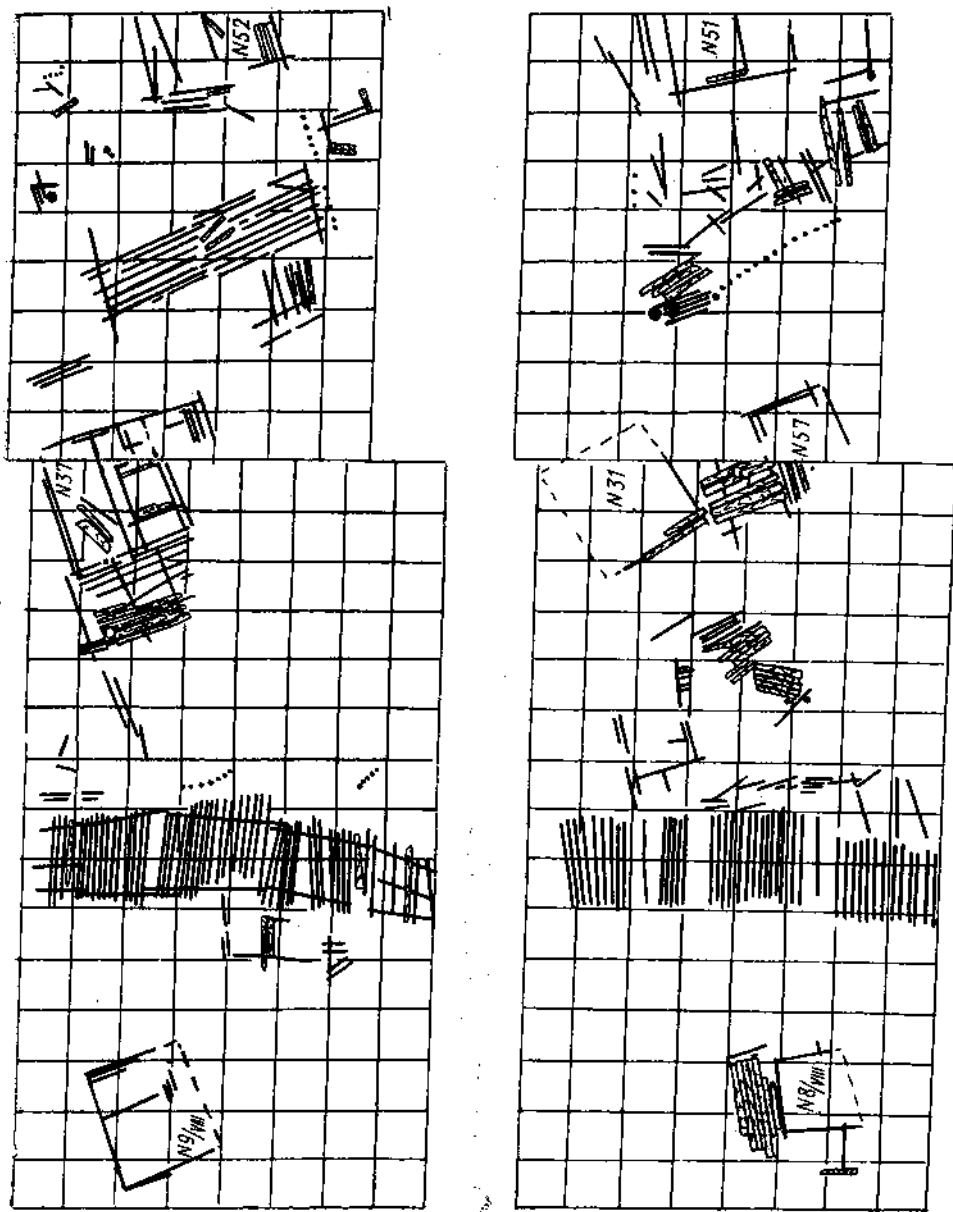

Рис. 4. Раскопы VIII, IX, XI. Ярусы 15, 14.

усадыбы А по-прежнему существует сруб 9/VIII. Южный сруб построен заново — 8/VIII. Между ними сделан настил из плах.

Планировка усадыбы Б остается прежней, но на смену пятистенке выстроен новый однокамерный сруб 31/IX, к югу от которого сделан настил из плах, уложенный на две лаги.

Пространство усадыбы В занято настилами, ведущими от въезда в усадыбу к срубам 62/XI, продолжающему свое существование, и новому 51/XI. В этом ярусе прослежена конструкция въезда в усадыбу: две веревки, в пазы которых впущены крепящие их доски. С внешней стороны воротных столбов прослежена часть настила из бревен.

13-й ярус (20—40-е годы XIII в.) (рис. 5). Планировка усадыбы А остается прежней, хотя имеются и некоторые отличия от нижележащих ярусов: северный сруб теперь, очевидно, находится за пределами раскопа. Сруб в южной части остается на прежнем месте, это новая постройка 7/VIII. От мостовой к срубам ведут настилы из бревен и плах, уложенные на лаги.

На усадыбе Б изменился тип постройки. Теперь это два вплотную поставленных сруба 30 и 31/IX. К ним с запада подходят настилы из плах, сохранившиеся частично. В этом ярусе хорошо прослежена северная граница усадыбы.

Изменилась планировка усадыбы В: новый сруб 42/IX теперь находится в центре двора. В северной части усадыбы — сруб (№ 48), выстроенный в этом ярусе.

Новые настилы прослежены на мостовых улицах, разделяющей усадыбы А и Б, и переулках между усадыбами Б и В.

12-й ярус (50-е годы XIII в.) (рис. 5). Планировка усадыбы А стабильна. Сруб 6/VIII, выстроенный на месте предыдущего 7/VIII, погиб в пожаре. От мостовой к нему ведет настил, лежащий на лаге. Севернее сруба прослежена площадка, ограниченная столбами. Заполнение внутри площадки состоит из навоза мощностью до 15 см. На северо-западной части усадыбы обнаружен настил, часть которого осталась за пределами раскопа. Как и сруб, настил погиб в пожаре.

Новшества прослежены в планировке усадыбы Б: вдоль мостовой появляются два сруба 34 и 36/IX. В восточной части усадыбы, постоянном месте жилого сруба, опять изменился тип постройки: выстроен новый однокамерный сруб 29/IX.

Планировка усадыбы В неизменна: по-прежнему в восточной части двора расположены две постройки 45 и 46/XI. С юга от сруба 46/XI сделан настил из лиственных плах, в частности, березовых пород, уложенный на лаги.

Как и в предыдущих ярусах, прослежены мостовые улицы и переулки. Отметим, что в настиле улицы перемежаются бревна вторичного использования с досками, которыми, видимо на скорую руку, ремонтировался настил.

11-й ярус (70-е годы XIII — начала XIV в.) (рис. 6). В этом ярусе впервые определилась южная граница усадыбы А, располагающаяся чуть южнее сруба 5/VIII, заменившего предыдущий 6/VIII.

На территории усадыбы Б, в западной ее части, вдоль мостовой построен теперь один сруб 25/IX. В восточной и северо-восточной —

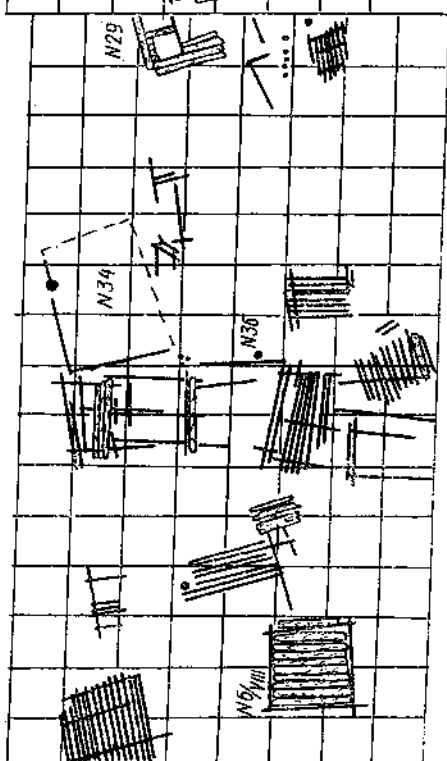
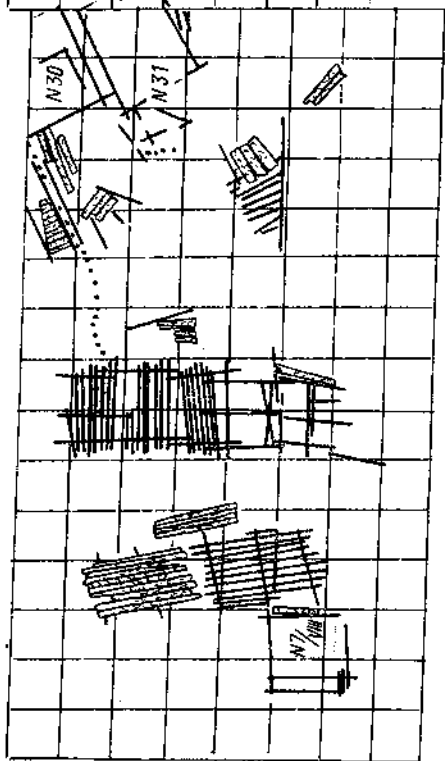
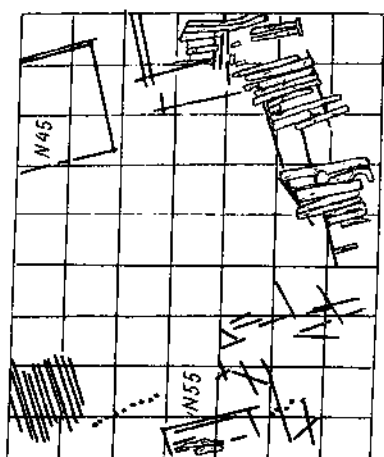
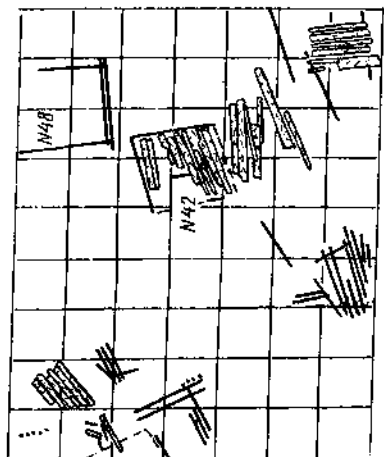

Рис. 5. Раскопы VII, IX, XI. Ярусы 13, 12.

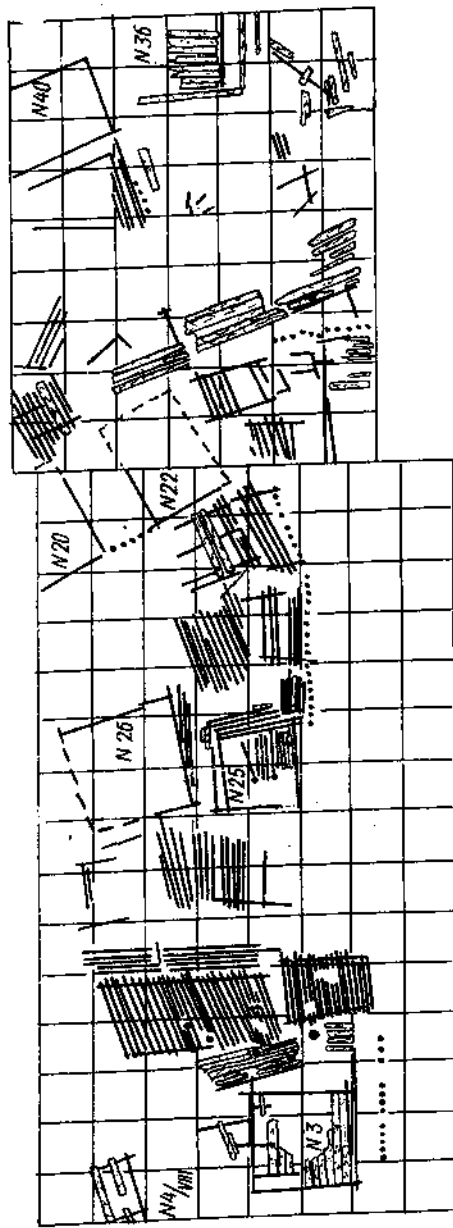
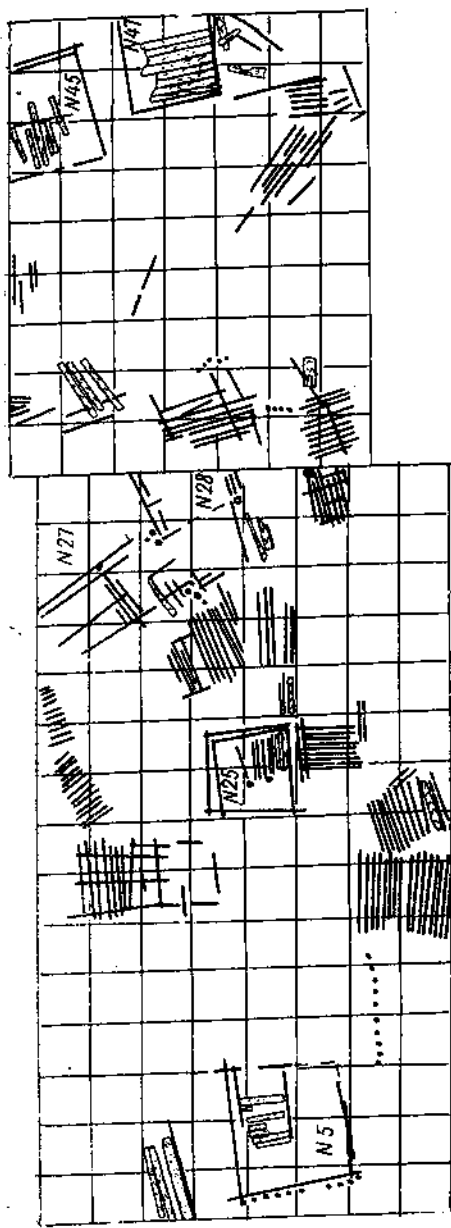

Рис. 6. Раскопы VIII, IX, XI. Ярусы II, IO.

снова стоят две постройки. Одна из них, 27/IX, частично выходит в раскоп. Со срубом 27/IX переходом соединяется сруб 28/IX, расположенный южнее. Пространство между тремя срубами замощено, причем настилы у западной стены сруба 28/IX использовались для содержания скота.

Ситуация на усадьбе В не меняется: продолжает существовать сруб 45/XI. На месте постройки 46/XI построена новая 47/XI. Дворовые настилы, как и в нижележащих ярусах, прослежены только в южной части двора.

10-й ярус (конец 20 — начало 40-х годов XIV в.) (рис. 6). На территории усадьбы А на смену срубам 5/VIII построен новый 3/VIII. Севернее обнаружены остатки постройки 4/VIII, которая была нарушена поздним колодезем. Пространство между срубом 3/VIII и мостовой улицы занято тремя настилами из бревен и плах, уложенных на лаги. В настилах сделаны прямоугольные вырубki для столбов. Диаметр сохранившихся в вырубках столбов 30—50 см. Настилы перекрыты мощным слоем навоза.

В западной части усадьбы Б продолжает существовать сруб 25/IX. Чуть севернее построен еще один — 26/IX. В восточной части двора на месте построек 27 и 28/IX появились новые 20 и 22/IX. Как и предыдущие, эти срубы соединяются переходом в виде столбовой пристройки. Пространство между постройками занято настилами, с юга ограниченными частоколами.

На усадьбе В, как и прежде, срубы занимают северную и восточную части двора. С запада к срубам 40/XI примыкает бревенчатый настил, ограниченный с юга столбами. Настил перекрыт слоем навоза до 25 см. Центральная часть двора по-прежнему остается свободной от построек.

Мостовая переулкa в этом ярусе прослежена в ее северной части. Настил улицы в его южной и северной части существует с 11-го яруса, в 10-м ярусе заново перестилается средняя часть мостовой.

9-й ярус (конец 60—90-е годы XIV в.) (рис. 7). Планировка усадеб в этом ярусе мало чем отличается от застройки нижележащих ярусов.

На усадьбе А появился новый сруб 2/VIII на месте старого 3/VIII. Продолжают существовать дворовые настилы, сделанные еще в 11-м ярусе.

Перемены на дворе усадьбы Б заметны лишь в ее западной части: на месте сруба 25/IX теперь сделан настил, на смену срубам 26/IX построен новый 24/IX. На востоке усадьбы по-прежнему стоят постройки 20 и 22/IX. Дворовые настилы, занимающие пространство между домами, используются для содержания скота.

Новшества в благоустройстве двора видны на усадьбе В. В восточной ее части располагаются два сруба, построенные в этом ярусе, 35 и 30/XI. Но теперь внутри двора существует забор, отделяющий сруб 30/XI и прилегающий к нему настил от остального пространства. Определение этого частокола в качестве внутриусадебного ограждения подтверждается его закругленной формой и редко поставленными столбами. Кроме того, наблюдения за составом слоя показывают, что око-

ло сруба 30/XI и настила — это навоз, в северной части, за частоколом — темно-коричневый слой со щепой и вкраплениями навоза.

8-й ярус (90-е годы XIV — 20-е годы XV в.) (рис. 7). На территории усадьбы А на смену срубам 2/VIII ставится новый 1/VIII. Заново перестилаются дворовые настилы от мостовой к срубам. Они, как и раньше, используются для содержания скота. Дерево построек местами обуглено, что говорит о пожаре.

Усадьба Б претерпела некоторые изменения. В западной части, вблизи мостовой, на месте прежнего настила строится новый сруб 16/IX, а на месте северного сруба 26/IX теперь сделан настил. В восточной части изменений нет. Все эти постройки усадьбы погибают в пожаре.

Мостовая переулочка в этом ярусе прослежена наиболее полно в ее северной части, где сохранился бревенчатый настил на лагах. В южной части переулочка найдены остатки водостока, идущего вдоль настила. Центральная часть настила улицы продолжает существовать из предыдущего яруса. Новый настил в северной части мостовой сделан из плаха, в южной — из бревен.

7-й ярус (конец 30 — середина 70-х годов XV в.) (рис. 8). На территории усадьбы А в этом ярусе прослежены большие дворовые настилы.

На территории усадьбы Б после пожара произошла перепланировка: жилой дом 14/IX теперь находится вблизи мостовой. Он соединяется настилом с другим срубом 17/IX. Северная часть двора занята отдельными бревнами, конструктивно не связанными.

Усадьба В представлена срубом 29/XI, назначение которого неясно, и настилом вдоль него. Северная часть территории усадьбы занята беспорядочно набросанными на землю бревнами.

В этом ярусе практически целиком обновляется мостовая улицы, хотя лаги ее меняются только в южной и северной части. Средняя часть мостовой лежит прямо на земле.

6-й ярус (70 — конец 80-х годов XVI в.) (рис. 8). Начиная с этого яруса, нам неизвестна застройка усадьбы А, поскольку слой 6—1 ярусов здесь нарушен фундаментами каменной постройки конца XIX в.

Изменяется застройка усадьбы Б. Это выражено в появлении новой южной границы двора и перемещении на север хозяйственного сруба — 15/IX. Место жилого дома — 12/IX — не изменилось.

Территория усадьбы В существенно перепланирована. Срубы стоят в два ряда: в северной части двора — два жилых, 9 и 23/XI, соединенные настилами, в южной — хозяйственные постройки. Одна из них, 6, 11/XI, имеет конструкцию двойни: в бревно средней стены врублены бревна продольных стен.

Настил мостовой в этом ярусе заменен в своей северной части. Южная была разобрана, здесь сохранились только лаги.

5-й ярус (конец XV — начало XVI в.) (рис. 9). Ситуация на территории усадьбы Б практически не меняется. Продолжает существовать жилой дом 12/IX. В южной части двора строится новая хозяйственная постройка 9/IX. К обоим срубам примыкают настилы.

Планировка усадьбы В тоже остается прежней. Перемена в одном—

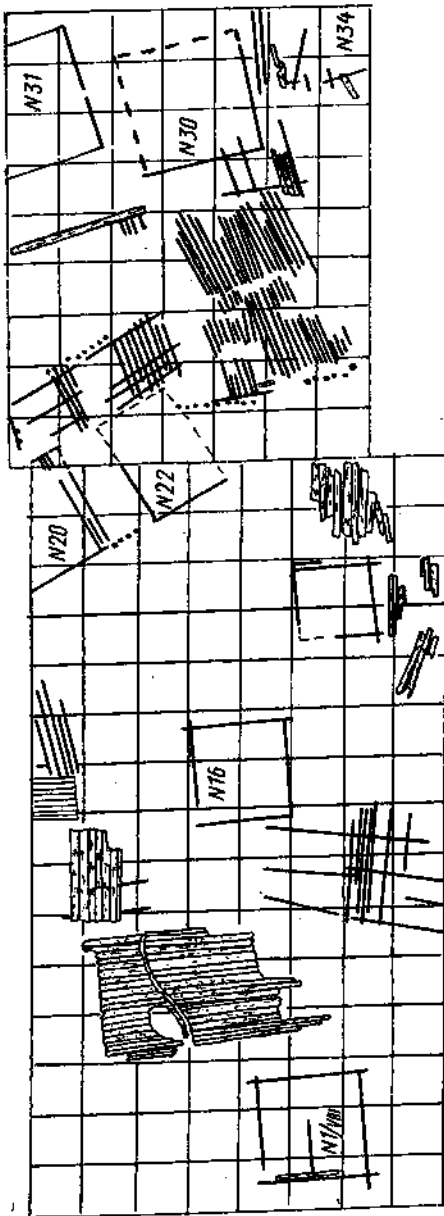
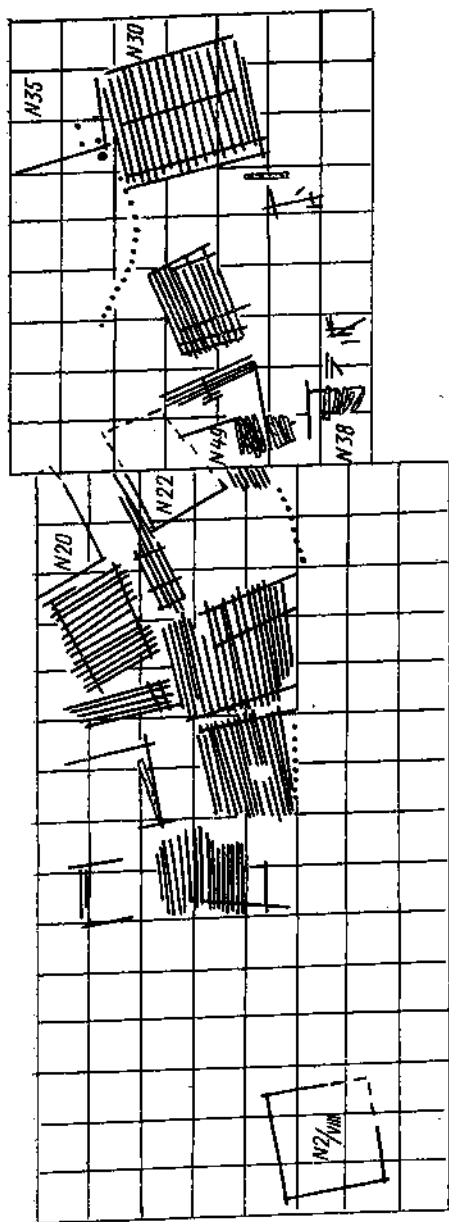

Рис. 7. Раскопы XIII, IX, XI. Ярусы 9, 8.

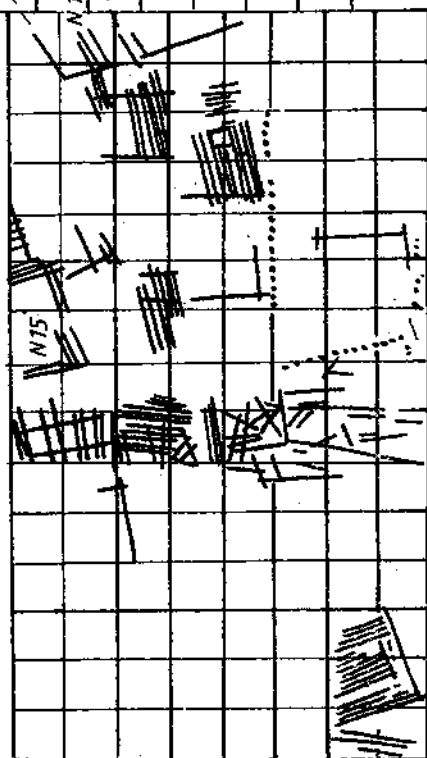
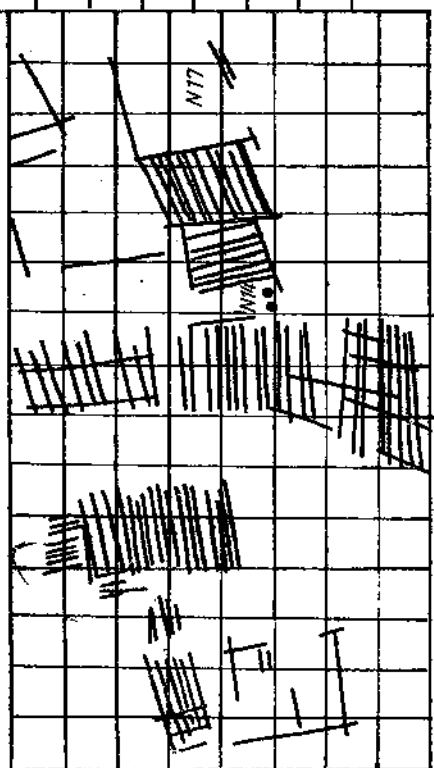
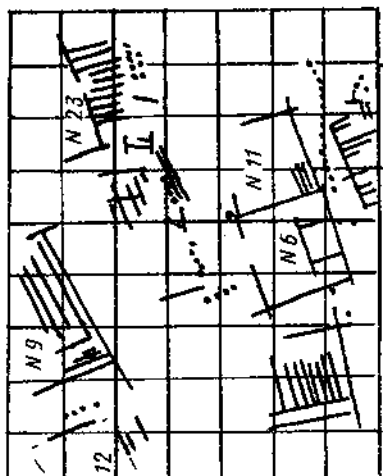
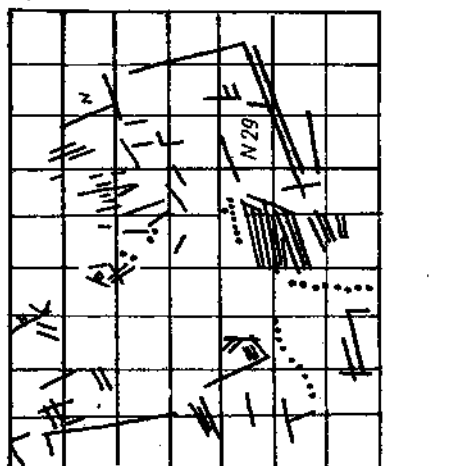

Рис. 8. Раскопы VIII, IX, XI. Ярусы 7, 6.

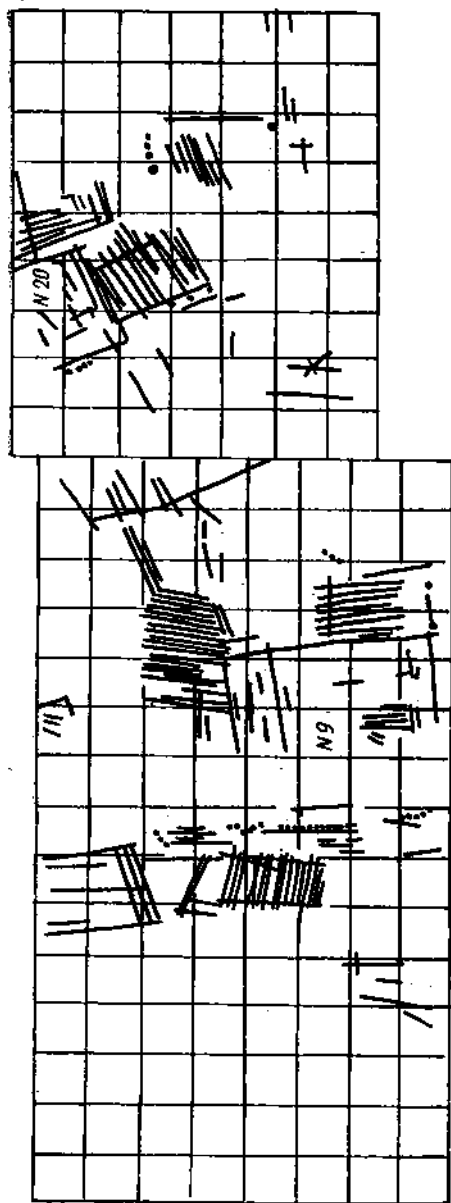

Рис. 9. Раскопы VIII, IX, XI. Ярус 5.

на смену двум жилым срубам выстроен один 20/XI. В южной части продолжает существовать хозяйственный сруб.

Настил мостовой в этом ярусе прослежен только в северной и центральной части, причем ширина его колеблется от 2,5 до 3,5 м. В южной части следов мостовой нет.

4-й ярус (10—20-е годы XVI в.). Планировка усадьбы Б не изменилась. Размещение жилых и хозяйственных построек старое, но появились новые срубы, взамен прежних.

Иная ситуация на территории усадьбы В. Жилой дом располагается теперь в южной части двора — 19/XI. Восточнее находится сруб 18/XI, в котором была бронзолитейная мастерская. Хозяйственная постройка прослежена в северной части усадьбы. Остальная территория занята настилами и отдельно набросанными бревнами и плахами.

Настил мостовой в этом ярусе практически разобран. Прослежены лаги и отдельные бревна настила только в южной части улицы.

3-й ярус (40—50-е годы XVI в.) (рис. 10). Постройки усадьбы Б крайне невыразительны: в северо-восточном углу двора существует сруб 3/IX неопределенного назначения. На остальной части территории расположены отдельные бревна. Центральная часть усадьбы занята долбленной деревянной трубой, служившей, вероятно, водопроводом, лежащей в направлении ЮЗ-СВ.

Территория усадьбы В сплошь занята постройками. В южной части, как и прежде,

расположены жилые срубы, но теперь их три. В северной части усадьбы находится хозяйственный сруб и небольшие постройки для скота 12 и 13/XI. Вокруг построек и между ними лежат настилы из бревен и горбыля, уложенные на землю.

Мостовая улицы в этом ярусе представлена отдельными лагами. Однако, судя по частоколу усадьбы А, прослеженному вдоль мостовой, ширина ее остается в прежних пределах.

2-й ярус (60-е годы XVI в.) (рис. 10). Планировка обеих усадеб в этом ярусе очень невыразительна. Но следует отметить, что конфигурация усадьбы В, начиная с 4 яруса, приобретает новые очертания. Она теперь не вытянута с севера на юг, как раньше, а занимает всю южную часть раскопа, сократив таким образом длину переулка. Настил переулка прослеживается в северной части раскопа и представлен лагами и отдельными бревнами настила. Мостовая улицы отмечена также только в северной части. Все постройки этого яруса плохой сохранности.

Различия в топографии построек и характер находок дают возможность выделить периоды в развитии каждой из вскрытых усадеб. Заселение этой территории началось во второй половине XI в. В этот, наиболее ранний период границы между усадьбами еще не обозначились. Здесь обнаружен сруб 47/VIII, имеющий площадь $6,8 \times 7$ м, восточнее него прослежены доски, наброшенные для перехода по наиболее топкому месту. Далее на восток расположен настил из бревен, лежащий на лагах. Настил имеет направление юг—север, от Соборной горы к береговой террасе Днепра (рис. 1). В первой трети XII в. появляются частоколы, определяющие границы между усадьбами А, Б и В. В 20—30-е годы XII в. на южном участке раскопа IX настилается мостовая, ведущая от Соборной горы по направлению к Днепру (рис. 2).

На территории усадьбы Б в это время существовала мастерская в срубe 50 и 49/IX. Сруб 50/IX построен в начале XII в., а в 20—30-е годы его сменил сруб 49/IX. Одновременно с последним был построен жилой дом 42/IX, на месте которого в последующие годы постоянно находилась жилая постройка. Восточнее усадьбы Б по склону Соборной горы проходил переулок, который разделял усадьбы Б и В.

В середине XII в. в топографии изучаемого участка происходит важное изменение: между усадьбами А и Б появляется улица, ориентированная так же, как и переулок. Таким образом, в это время окончательно определяются границы усадеб, не изменяющиеся в течение нескольких столетий.

Характер найденных на рассматриваемом участке предметов, относящихся ко второй половине XI—первой трети XII в., достаточно выразителен. На территории усадьбы А обнаружены главным образом бытовые предметы, находки инструментов единичны, отходов какого-либо производства не прослежено. На усадьбе Б набор находок несколько иной. Здесь выявлено большое количество отходов металлообработки, сырье в виде янтаря и перламутра, заготовки шаровидных бубенчиков. Кроме того, именно с территории усадьбы Б происходят находки предметов вооружения профессионального воина: фрагменты кольчужного и пластинчатого доспеха, шпоры, булава (рис. 11: 2). Находки усадьбы В представлены в основном бытовыми предметами.

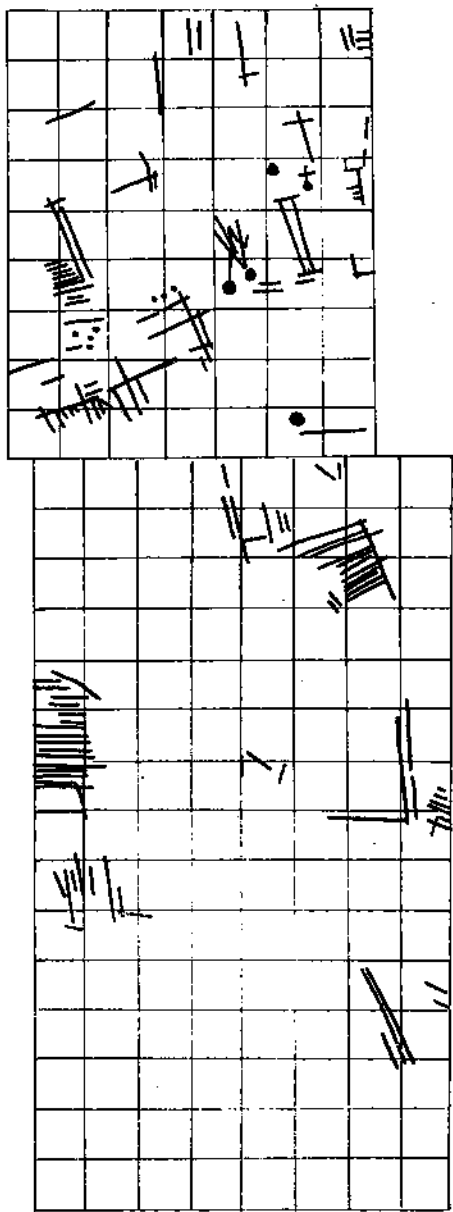
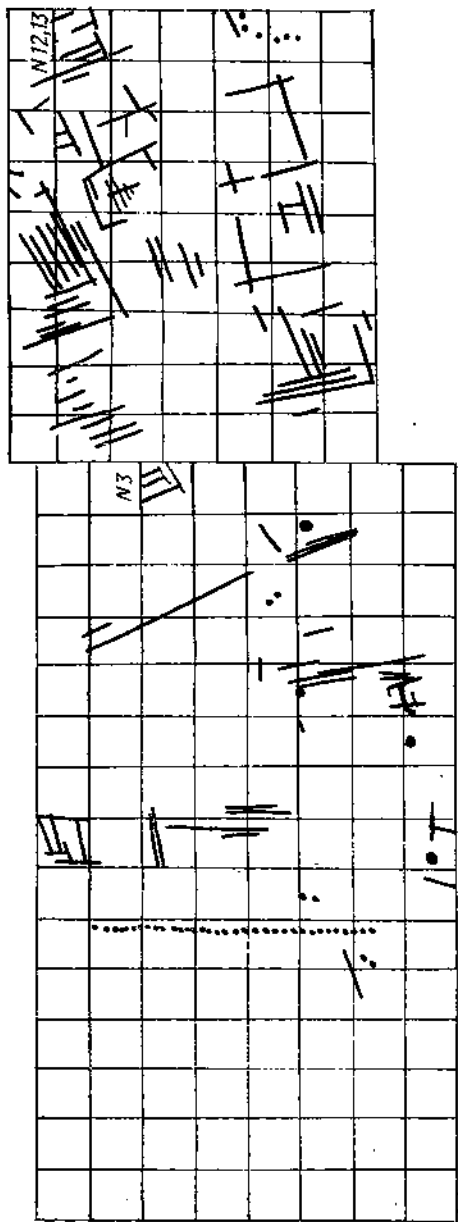

Рис. 10. Расколы VIII, IX, XI. Ярусы 3, 2.

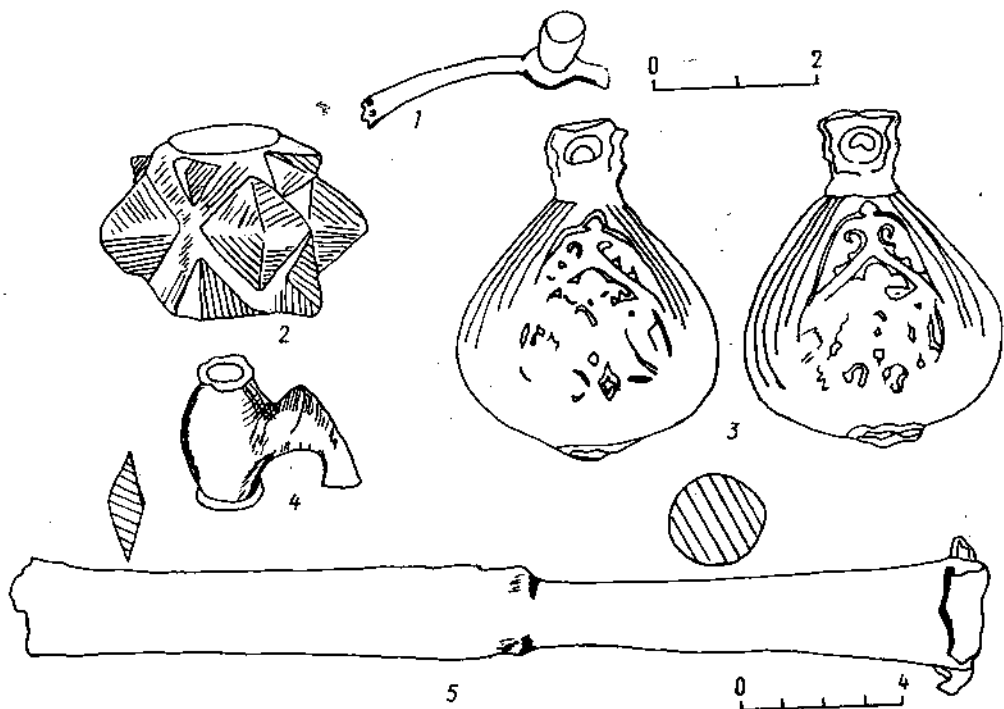

Рис. 11. Предметы вооружения: 1 — узлечный султан. Железо (ярус 14, кв. 161, усадьба В); 2 — навершие булавы. Железо (ярус 19, кв. 119, усадьба Б); 3 — кистень. Кость (ярус 16, кв. 75, усадьба В); 4 — навершие плетки. Свинец (ярус 18, кв. 3, усадьба А); 5 — копье. Железо (ярус 19, кв. 134, усадьба Б).

Инструментарий обнаружен в единичных экземплярах, но среди них выделяются литейные формы для щитковых височных колец. Таким образом, обнаруженный материал XI — первой трети XII в. позволяет отметить некоторую специализацию усадеб. Если материал усадеб А и В пока не позволяет судить о занятиях их хозяев, то об усадьбе Б можно определенно говорить, что ее жители занимались в это время обработкой металла и ювелирным ремеслом.

Поскольку облик рассматриваемой территории окончательно сложился к середине XII в., то дальнейшее описание целесообразнее давать по усадьбам.

Усадьба А. Расположение построек на этой усадьбе очень устойчиво. Следующий этап ее существования охватывает период с 60-х годов XII — до начала XIII в. В это время в северной части двора находится жилой сруб на подклете, а в южной — хозяйственная постройка, появившаяся в 80-е годы XII в., которая на рубеже XIII в. сменяется новым срубом. В западной части усадьбы в течение небольшого срока —

около 10 лет — существовала металлообрабатывающая мастерская. В 90-е годы XII в. появляется настил, соединяющий мостовую и хозяйственный сруб, а в начале XIII в. настил делают между хозяйственной и жилой постройкой. Следует заметить, что качество настилов невысокое: доски были уложены на землю без лаг. Все эти постройки усадьбы погибли в пожаре в начале XIII в. (рис. 4).

Среди находок этого периода наиболее выразительными являются предметы, связанные с обработкой металла. Они представлены обломками сопел и шлаками. Остальная часть находок состоит главным образом из бытовых предметов и украшений. Среди последних отметим особо бронзовую булавку со щитком, на котором изображена птичка на эмалевом фоне (рис. 13:7). Аналогичная находка известна на городище Церковище Смоленской области (7, с. 84).

Таким образом, материал 60-х годов XII — начала XIII в. позволяет говорить о некоторой зажиточности хозяев (жилой дом на подклете), а также определить занятие жителей усадьбы А (металлообрабатывающая мастерская).

Существование усадьбы А в период 20—50-х годов XIII в. характеризуется прежде всего изменением места жилого сруба: видимо, после пожара дом был построен севернее прежнего, поскольку в раскопе он не зафиксирован в этих ярусах, а хозяйственный сруб остался на прежнем месте. В отличие от предыдущего периода в рассматриваемое время двор более благоустроен, все пространство вокруг сруба замощено добротными бревенчатыми настилами, уложенными на лаги.

Находки этого периода представлены в основном бытовыми вещами, среди которых отметим отсутствие таких распространенных в то время предметов, как самшитовые гребни. Вместо них используются костяные. К середине XIII в. относятся находки двух берестяных грамот — № 2 и 3. Д. А. Авдусин отмечает сходство почерков обеих грамот, возможно, они составляли единое целое (8, с. 202). В грамоте № 2 текст читается так: «...ни двема гривнами, а другому мольв усе». Грамота № 3 содержит следующий текст: «вывезет столып А, пошли Осташка плотнику от...». Как видно, текст грамот содержит хозяйственные поручения и распоряжения.

Следующий период относится ко второй половине XIII — 80-м годам XV в. Топография построек усадьбы меняется: жилой сруб теперь расположен в южной части, а хозяйственная постройка находится где-то за пределами раскопа. Вся обследованная территория двора замощена настилами, в которые были впущены столбы, вероятно перекрытые наветсами. На настилах держали скот.

Находки по-прежнему немногочисленны. Впервые на усадьбе А появляются предметы вооружения — костяные накладки на колчан. (рис. 12:6). Остальные найденные вещи, как и в предыдущие периоды, представлены главным образом бытовыми предметами. О занятиях жителей усадьбы позволяет судить, хотя и с очень большой осторожностью, находка литого бронзового распятия. Его высота около 10 см, на лицевой стороне изображение сделано в высоком рельефе, обратная сторона несет гравированное изображение святого. Низ креста завершен дугообразной подставкой, которая украшена нарезками. Стра-

тиграфическая дата распятия — конец XIII в., ее отдаленной аналогией является воздвизальный крест, обнаруженный при раскопках храма в Василеве, датируемого XII в. (9, с. 43). Эта редкая находка позволяет предполагать, что жители усадьбы могли быть связаны с исполнением церковных обрядов, так как кресты этого типа непосредственно употреблялись в церковной службе.

Обобщая сказанное, отметим, что в 20—60-е годы XIII в. в характере усадьбы А произошли существенные перемены: инвентарь, найденный здесь, становится беднее по своему составу, а качество построек улучшается. Находки двух берестяных грамот с текстами хозяйственных распоряжений свидетельствуют о достаточно активной жизни усадьбы. В какой-то степени объяснить кажущееся противоречие может находка воздвизального креста, бывшего атрибутом церковных обрядов. Вероятно, с 20-х годов XIII в., — а именно в это время епископская кафедра получает участки на территории города, в частности в районе Соборной горы (10, с. 19), — рассматриваемая усадьба становится связанной с церковным двором, о чем позволяет судить жилой дом хорошего качества с набором бедного, невыразительного инвентаря.

Усадьба Б. В период функционирования усадьбы в середине — 60-х годах XII в. на ее территории найден хозяйственный сруб и настил двора, ведущий от мостовой к срубу. Настил первоначально был сделан из бревен, уложенных на лаги. Прослежены следы его позднейшей починки. К 60-м годам XII в., судя по прослойкам строительного мусора и большому количеству разбросанных, конструктивно не связанных бревен и досок, начинается перестройка усадьбы.

Находки этого периода на территории усадьбы Б, кроме обычных бытовых вещей и украшений, содержат значительное количество примет металлообрабатывающего производства: шлаки, крицы, сопла, обрезки бронзы и куски проволоки, заготовки бронзовых бубенчиков, литейная форма, ювелирный молоточек. Куски янтаря и перламутра, обнаруженные здесь же, свидетельствуют в пользу занятий на усадьбе ювелирным производством.

В 70—90-е годы XII в. прослежены северная, восточная и западная границы усадьбы, что дает возможность определить ее площадь. Она составляет не менее 500—700 кв. м. Нужно отметить, что границы данной усадьбы, как и двух других, устойчивы на протяжении всего рассматриваемого периода, конфигурация всех трех усадеб — прямоугольная, система застройки — стабильная. Общность этих черт позволяет предполагать, что площади каждой из трех усадеб приближались к названной цифре. В указанный выше период на территории усадьбы Б прослежены последовательно сменяющие друг друга срубы-пятистенки, связанные настилами с остальной частью двора. Среди находок этого времени отметим предметы вооружения: фрагменты кольчужного и пластинчатого доспехов, кистень, шпоры. Металлические подвески с тисненным изображением фантастического зверя (рис. 13:4,5), перламутровые крестики с фигурными концами, вставка прозрачного стекла с резным позолоченным изображением всадника свидетельствуют о зажиточности хозяев усадьбы. К этому этапу существования усадьбы относятся находки шести берестяных грамот. Три из них пред-

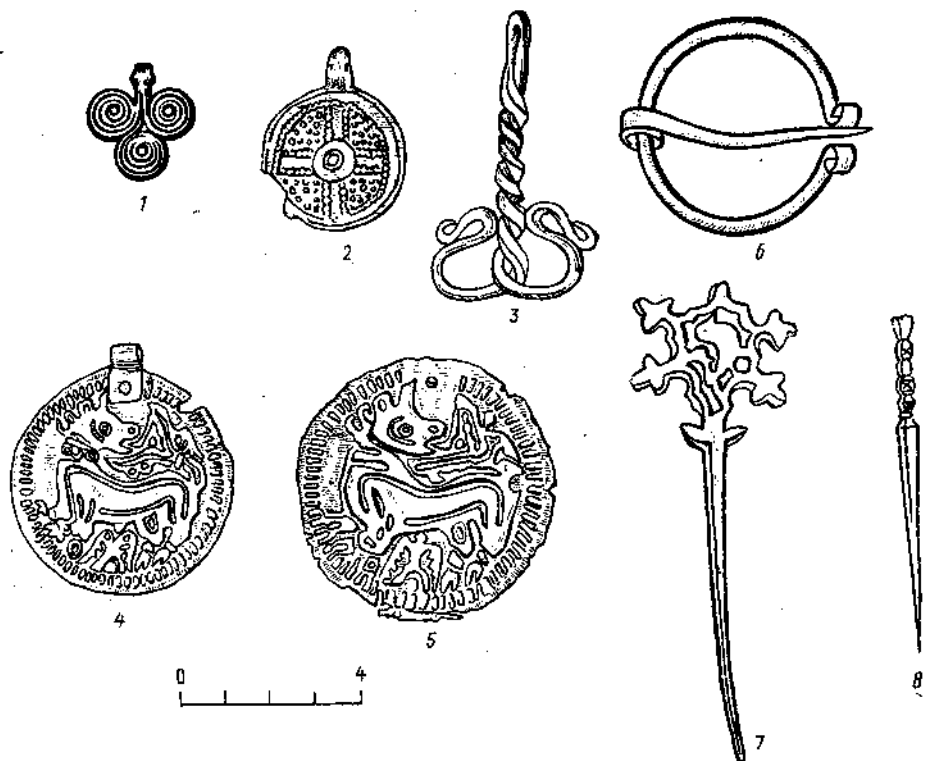

Рис. 13. Украшения из цветных металлов.

Усадьба Б: 2, 4—5 — подвески (ярус 14, кв. 95; ярус 16, кв. 85); 6 — фибула (ярус 14, кв. 102). Усадьба В: 1, 3 — подвески (ярус 18, кв. 142; ярус 18, кв. 144); 7, 8 — булавки (ярус 16, кв. 135; ярус 15, кв. 147).

ставляют синодики (грамоты № 5, 7, 10), тексты еще двух грамот связаны с денежными расчетами (№ 8, 9) и последняя (№ 11), написанная скандинавским младшеруническим алфавитом, имеет следующий текст: «Вискар (Висгейр?) взял (приобрел) этот участок земли» (8, с. 210).

Последняя грамота вызвала много вопросов, в частности о том, кому принадлежала земля, приобретенная скандинавом Висгейром. О существовании иностранных дворов в Смоленске известно по письменным источникам, в частности торговым договорам Смоленска с Ригой и Готландом 1229 и 1274 гг. Видимо, договора фиксировали уже ранее практиковавшееся приобретение усадеб иностранцами.

В первом тридцатилетии XIII в. топография построек на территории усадьбы не меняется. Изменился тип жилой постройки: вместо избы-пятистенки ставятся вплотную друг к другу два сруба. Чем вызвана такая перемена в типе постройки, сказать трудно, тем более, что набор находок остается прежним.

Существенные изменения в топографии построек усадьбы произошли в период с середины XIII до начала XVI в. В середине XIII в. жилая постройка занимает прежнее место, но в западной части усадьбы, вдоль мостовой, появляются два сруба хозяйственного назначения. Свободное пространство двора мостится настилами, на которых содержится скот. Застройка усадьбы в дальнейшем становится все более плотной. Характер находок этого времени также меняется: исчезают предметы вооружения, меньше становится изделий из цветного металла. Обедняется не только состав находок, но и резко сокращается их количество.

Таким образом, из наблюдений за развитием усадьбы Б вытекает, что до 70-х годов XII в. здесь занимались обработкой черного и цветного металла. Позже следов ремесленного производства не прослеживается, но, судя по постройкам сложного плана, находкам вооружения и редким украшениям, в 70—90-е годы XII в. усадьбой владеют зажиточные горожане, которые имеют непосредственные связи с иностранными гостями (берестяная грамота № 11). Изменения, происшедшие после середины XIII в. (большая плотность застройки, новый тип жилища), могут свидетельствовать о смене хозяев.

Усадьба В начинает свое существование в XI в., когда на материке (21 ярус) ставится сруб. Планировка вскрытой части усадьбы устанавливается в 20—30-е годы XII в. и до конца XV в. почти не изменялась. Раскопками открыты две постройки, расположенные друг против друга. Одна из них была жилой, вторая имела хозяйственное назначение. Двор, как правило, был занят настилами.

Состав находок на протяжении всего рассматриваемого времени довольно однороден: инструменты, бытовые предметы, украшения. В отличие от находок усадьбы Б здесь предметов вооружения не найдено. До середины XII в. на территории усадьбы прослеживаются следы металлообрабатывающего производства в виде шлаков и обломков тиглей, находки которых топографически связаны с печью, стоящей во дворе. Дополняют эту картину находки пинцетов, долота, напильника. К этому же времени относятся и деревообрабатывающий инструмент: скобель, тесло, несколько резцов.

Иной состав находок, принадлежащих второй половине XII — началу XIII в. Этим временем датированы обнаруженные здесь фрагменты сирийских и киевских стеклянных сосудов, которых особенно много в слоях 70—90-х годов XII в. С этим же периодом связаны находки писал, основной массы украшений из цветных металлов (рис. 13, 14), в частности, височные кольца, поливных изделий — писанок и поливных рукоятей ножей. Особо следует отметить находки деревянного безмена и металлического крюка для безмена.

Хронологическое различие в составе находок позволяет говорить, что в XI — первой половине XII в. жители усадьбы занимались ювелирным и деревообрабатывающим ремеслом. Во второй половине XII — начале XIII в. следов ремесленного производства не обнаружено, набор же найденных предметов свидетельствует о зажиточности хозяев усадьбы. Найдены безменов, правда, с большой осторожностью, позволяют предполагать занятие торговлей. Предметы, относящиеся к 30-м

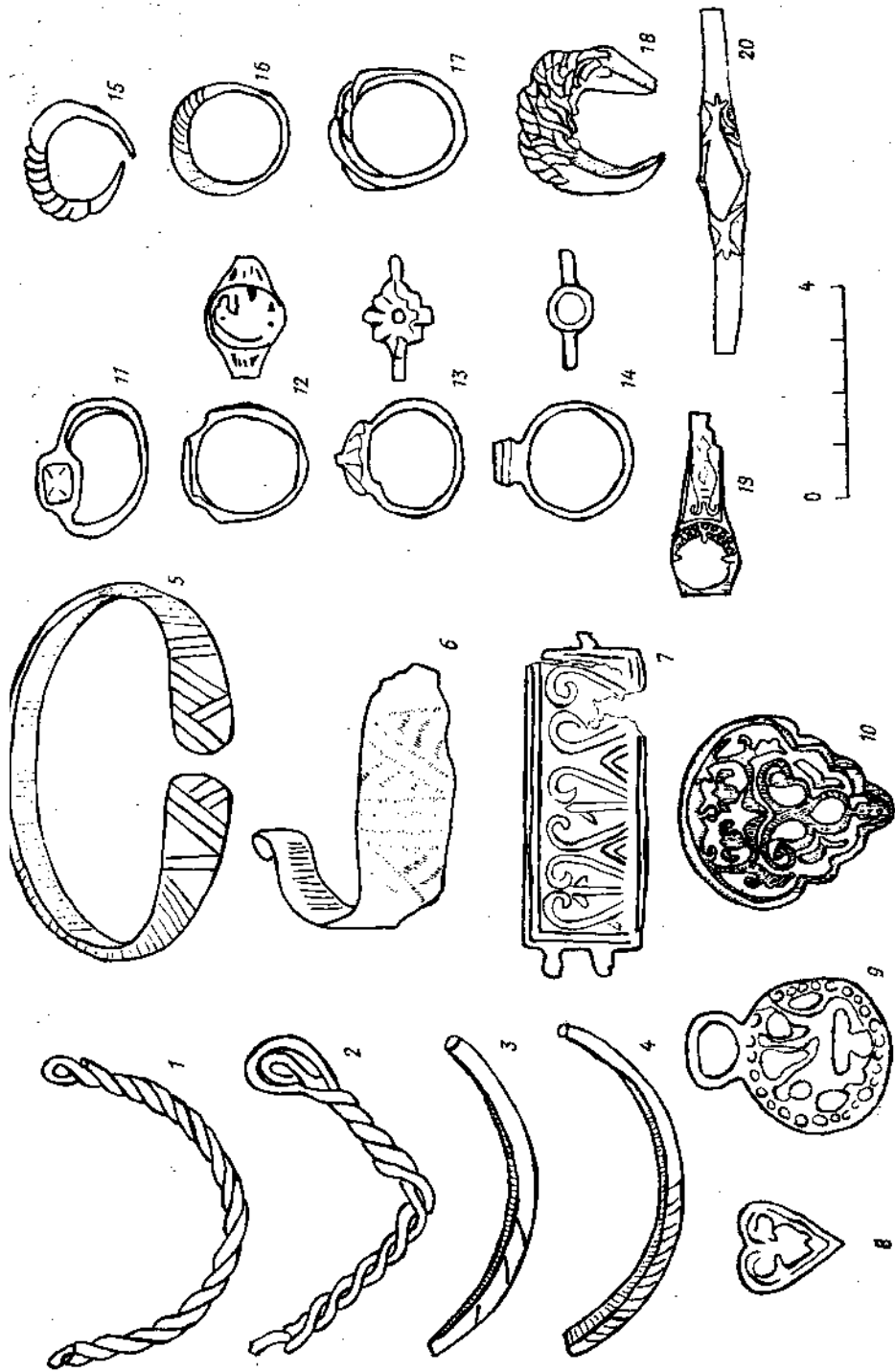

Рис. 14. Украшения из цветных металлов. Браслеты: усадьба Б — 1—3, 5 (ярус 10, кв. 112; ярус 14, кв. 121; ярус 15, кв. 59; ярус 17, кв. 131); усадьба В — 4, 6—7 (ярус 11, кв. 135; ярус 18, кв. 173; ярус 18, кв. 178; ярус 18, кв. 189). Перстни: усадьба Б — 16, 17, 19, 20 (ярус 13, кв. 39; ярус 20, кв. 69; ярус 18, кв. 30; ярус 15, кв. 89); усадьба В — 11—14, 15, 18 (ярус 18, кв. 144; ярус 15, кв. 142; ярус 16, кв. 163; ярус 18, кв. 175; ярус 14, кв. 175). Поясные бляшки: усадьба Б — 8, 9 (ярус 8, кв. 74; ярус 16, кв. 74); усадьба В — 10 (ярус 4, кв. 56); усадьба В — 10 (ярус 4, кв. 56).

годам XIII—XIV в., менее выразительны. Но в этот период найдено большое количество изделий из кожи, среди которых много обрезков кроя и заготовок. Дополняют эту картину находки шильев и подковок для обуви. Последние датируются XIV в.² Среди бытовых предметов этого времени следует отметить костяные шахматные фигурки (рис. 12: 1—4).

В XV—начале XVI в. на территории усадьбы В прослежены две мастерские — ювелирная и косторезная. Ювелирная мастерская представлена срубом с печкой посередине (сруб 18/XI, ярус 4). Находки из этой постройки содержат обломки тиглей, бронзовую проволоку, пластины, кусочки меди, свинца и бронзы. Косторезная мастерская выделяется по находкам опиленных костей — отходов производства и заготовок различных костяных предметов, которых найдено более 120 экземпляров. Все эти предметы сосредоточены в районе хозяйственных срубов усадьбы В на протяжении 5—3 ярусов, то есть с рубежа XV—XVI вв. до середины XVI в. Следует отметить, что, как и на усадьбе Б в этот период, состав находок заметно обедняется, количество их невелико.

В целом коллекция вещей, найденных на территории усадеб, насчитывает около девяти тысяч индивидуальных находок, которые составляют 119 категорий предметов из железа и стали, цветных металлов, стекла, кости, дерева, керамики.

Распределение вещевого материала по ярусам дает любопытную картину: наибольшее количество находок приходится на XII в. — около 50%, к началу XIII в. это число уменьшается до 14%, в XIV в. — это 8,5%, и только в XV в. оно возрастает до 13,5%. На XVI в. приходится минимум найденных предметов — около 3%. Таким образом, само

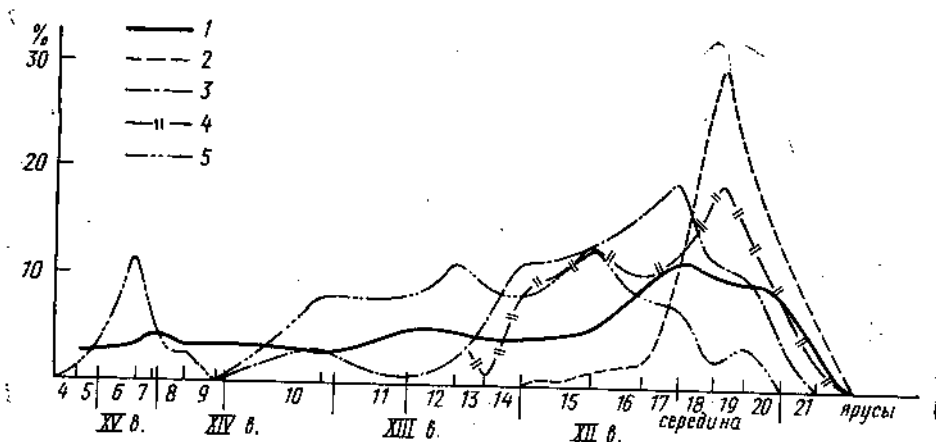

Рис. 15. Распределение находок по ярусам: 1 — предметы из черных металлов (1242 экз.); 2 — корчаги (138 экз.); 3 — стеклянные браслеты (2662 экз.); 4 — гребни костяные (81 экз.); 5 — гребни из самшита (74 экз.).

² Подробнее об изделиях из кожи см. статью М. Ю. Полонской в настоящем сборнике.

распределение по ярусам позволяет предполагать, что наиболее интенсивно усадьбы функционировали в XII в. Обратившись к хронологическому распределению находок из разных материалов, можно уточнить некоторые моменты в эволюции жизни усадеб.

Хронологическое распределение изделий из черных металлов дает следующую картину (рис. 15). Основная масса изделий высокого качества, к которым относятся орудия труда, инструменты, оружие, бытует с начала XII до 30-х годов XIII в. Наибольшая их часть относится к XII в., а максимум находок падает на вторую половину этого столетия. В первое тридцатилетие XIII в. отмечается резкое сокращение этих предметов, и со второй половины XIII в. находки из железа встречаются в небольшом количестве. Резко сокращается и ассортимент продукции металлообрабатывающего производства, который ограничивается такими вещами, как замки, ключи, ножи, гвозди, каблучные подковки и т. п.

Следует заметить, что основная масса изделий из черных металлов не выходит за рамки общерусских типов (рис. 16). Однако среди них есть вещи, не встречающиеся или редкие в других городах, как, например, ключи с тремя винтообразными лопастями (рис. 16:24), которые бытовали с 70-х годов XII до середины XIII в. Уникальной находкой является уздечный султан, аналогии которому есть в сибирских древностях (рис. 11:1). Он датируется первым тридцатилетием XIII в. и, вероятно, свидетельствует об опосредованных единичных контактах между далекими территориями. Редкими являются и находки орудий с клеймами: это коса-горбуша, датируемая 70-ми годами XIII — началом XIV в. Выполнена она в технике косой наварки, на обушке имеет клеймо в виде круга, разделенного на сектора. Близкое по рисунку клеймо есть на обушке топора, найденном в пластах 60—70-х годов XV в.

Показательным для этапов эволюции рассматриваемых усадеб является и хронологическое распределение такого массового материала, как стеклянные браслеты (рис. 15). В данном случае учтено 2662 экз. Из графика распределения видно, что около 50% находок приходится на XII в., 40% найдено в пластах XIII в., остальные браслеты относятся ко второй половине XIII—XIV в. Максимум находок браслетов приходится на первое тридцатилетие XIII в. Итак, из хронологического распределения предметов из черных металлов и стекла следует, что период с середины XIII—XVI в. в жизни усадеб характеризуется спадом экономики.

Попытаемся теперь установить социальную принадлежность раскопанных усадеб. Известно, что Смоленск имел деление на концы (10, с. 16; 11), наряду с которыми существовали сотни. Первичной административно-территориальной единицей была кончанская, боярская. Сотенная, княжеская являлась по отношению к ней вторичной.

Таким образом, городскими землями владели местные феодалы, населявшие два конца Смоленска — Пятницкий и Крылошевский. Вероятно, в территории концов вклинивались земли сотенной организации, номинальным владельцем которых был князь. Кроме того, с XII в. появляется третий землевладелец — церковь, получившая вначале территорию Соборной горы и части земель в Заднепровье, а позже и другие территории города (10, с. 16). В 1404 г. Смоленск подпадает под

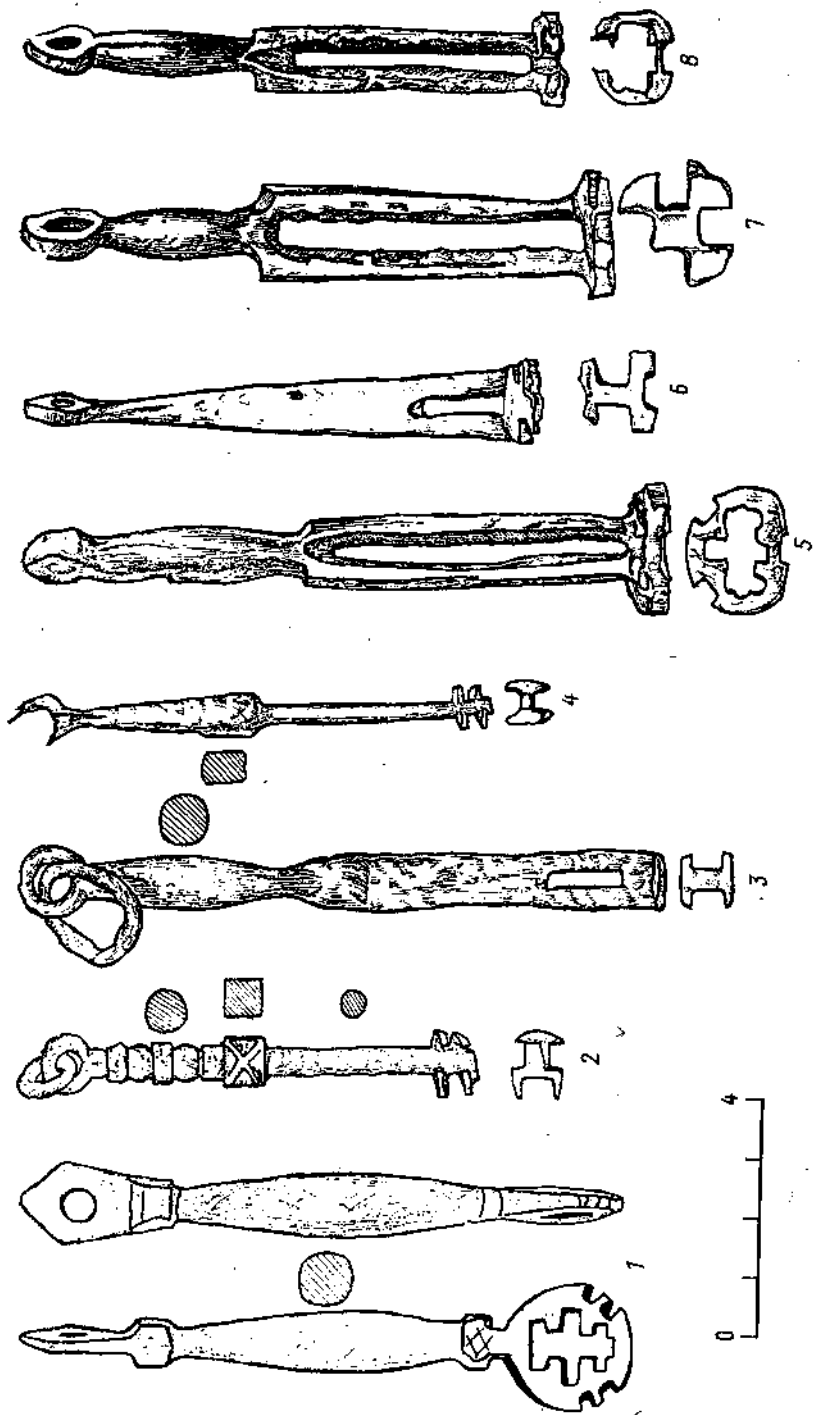

Рис. 16. Ключи от навесных замков. Усадьба Б — 1 (тип А, ярус 18, кв. 93; 5, 8 (тип Б, ярус 18, кв. 59; ярус 16, кв. 75); 6, 7 (тип В, ярус 15, кв. 110; ярус 14, кв. 75). Усадьба В — 3 (тип В, ярус 14, кв. 152); 2, 4 (тип индивидуальный, ярус 14, кв. 176; ярус 13, кв. 157).

власть Великого Литовского княжества и главным владельцем городской земли становится литовский князь, свободно распоряжающийся ею через посредство своего наместника. После возвращения Смоленска в состав Московского государства в 1514 г. Василий III выселяет смоленских бояр под Москву, а крупных московских землевладельцев — в Смоленск. С этого времени основной административно-топографической единицей становятся сотни.

Обратившись к рассмотренным выше усадьбам, можно заметить, что до 30-х годов XII в. (22—19 ярусы) их конфигурация аморфна. Начиная с 30-х годов XII в. между ними мостится улица, участки усадеб приобретают очертания четырехугольника. Вероятно, эти два момента не случайны: их можно связать с появлением в это время на Соборной горе владычного двора. Возможно, что отдельные усадьбы вблизи епископской резиденции принадлежали церкви или арендовались ею. Не исключено, что такой усадьбой могла быть усадьба А. Относительно социальной принадлежности усадеб Б и В ничего определенного сказать нельзя. По имеющемуся материалу, можно заключить, что до 30-х годов XIII в. их владельцами были зажиточные горожане. Расцвет усадеб приходится на 70-е годы XII — начала XIII в.

Существование концов в Смоленске позволяет провести аналогии с Новгородом, в котором известны усадьбы кончанского и сотенного населения. Известно, что боярские усадьбы Неревского конца состояли из комплекса дворов, площадь каждого из которых достигала 1200—2000 кв. м, сотенные же усадьбы имели площадь 400—450 кв. м, причем в XIV в. их территория захватывалась боярскими семьями (12, с. 34—41). Кроме того, боярские усадьбы отмечены в Новгороде в тех местах, где найдены слои X в., усадьбы же свободных горожан существуют лишь с XI в. Вышесказанное позволяет предположить принадлежность рассмотренных смоленских усадеб представителям зажиточного сотенного населения.

Расцвет и упадок этих усадеб связан с общей историей Смоленска. Сильный и богатый в XII в., особенно в его второй половине, город приходит в упадок в 30-е годы XIII в., что можно связать с мором 1230—1232 гг. В это же время начинаются междоусобные распри смоленских князей и набеги Литвы. Не позже 70-х годов XIII в. в городе появляются татарские чиновники. К XIV в. Смоленская земля дробится на несколько уделов, а к середине этого столетия Литва захватывает все северо- и юго-западные ее области. Восточная часть — Можайск и Вязьма — отходит к Московскому государству (13, с. 310—318). С 1404 по 1514 г. Смоленск находится под властью Литовского княжества. Со второй половины XV в. начинает расти военно-служилая прослойка, состоявшая в основном из пришлого населения. Этот процесс продолжается вплоть до конца XVII в. (14, с. 4). Здесь уместно заметить, что площадь рассматриваемых усадеб совпадает с площадью посадских дворов XVI—XVII вв. (14, с. 46).

Таким образом, археологический материал является чутким индикатором нестабильных ситуаций в истории города.

Примечания

1. Гуревич Ф. Д. Древний Новгородок. Л., 1981.
2. Загорюльский Э. М. Возникновение Минска. Минск, 1982.
3. Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования/Сб. ст. Л., 1985.
4. Черных Н. Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы// Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 93—112.
5. Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска//СА. 1980. № 2.
6. Асташова Н. И. Постройки древнего Смоленска//Проблемы истории СССР. Вып. VIII. М., 1979.
7. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (XIII—XV вв.)//МИА. № 92. М., 1960.
8. Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на берёсте (из раскопок 1952—1968 гг.)//Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1984 г. М., 1985.
9. Логвин Г. Н., Тимошук Б. А. Белокаменный храм в Василеве//Памятники культуры: Исследования и реставрация. Т. 3. М., 1961.
10. Сапожников Н. В. Историческая топография древнего Смоленска: Автореф. канд. дис. М., 1983.
11. Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.
12. Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы Новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
13. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.
14. Ширяев С. Д. Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII вв. Смоленск, 1931.

**ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ
СМОЛЕНСКА (до постройки крепости
1596—1602 гг.)**

Оборонительные сооружения Смоленска являются теми необходимыми ориентирами, без которых невозможно даже в самой приблизительной степени реконструировать процесс изменения городской территории во времени и пространстве. В настоящее время городские укрепления Смоленска представлены остатками каменной крепости, созданной Федором Коном в 1596—1602 гг., и фрагментами предшествующего ей земляного вала. Несмотря на относительно позднюю дату этих сооружений, есть основания полагать, что город был укреплен уже в начальный период своего существования, о чем свидетельствует упоминание Смоленска как города во вводной части Повести временных лет (68, с. 13), а также оценка его укрепления Константином Багрянородным, который назвал крепостями только Киев, Смоленск и Витичев (13, с. 272).

В историографии Смоленска утвердилось мнение, что местом возникновения города, а следовательно, его детинцем следует считать Соборную гору (66, с. 201, прим. 1; 67, с. 5; 61, с. 200; 79, с. 98—100; 18, с. 287; 20, с. 75—78; 96, с. 37), где в 1101 г. Владимиром Мономахом возводился городской каменный Успенский собор (такие соборы в древнерусских городах сооружались, как правило, в детинцах). В повышении верхней площадки городища в южной и северной ее частях исследователи усматривают остатки древнего вала. С юга оно было отрезано от напольной части искусственным «Сухим рвом», по дну которого сейчас проходит улица Красный ручей. Таким образом, Соборная гора, как будто бы может претендовать на то, чтобы называться местом первоначального Смоленска.

Археологическое изучение городища, начатое в 20-х годах XX в., показало, что памятник содержит слои, относящиеся к дославянскому периоду существования поселения (VI—VIII вв.), древнерусские, рубежа XI—XII вв. и более позднего времени (42, с. 199—209, 292; 49, л. 1—5; 50, с. 211; 97, с. 25; 2, с. 222—226; 5, с. 71—73; 4, л. 3; 6, л. 2, 3, 34—38). Переходных слоев IX—X вв. не обнаружено, а возникшее здесь на рубеже XI—XII вв. поселение занимало незначительную территорию, поскольку в древности Соборная гора была значительно ниже и меньше по площади. Это позволило Д. А. Авдусину высказать предположение, что городище не являлось местом первоначального поселения, а могло быть лишь «более поздним его религиозным центром. На ней (Соборной горе.— Н. С.) нет места для домов княжеской челяди, для княжеского двора» (5, с. 73). Возражая, П. А. Раппопорт считал, что большая площадь верхней площадки городища (около 2,4 га) свидетельствует о возможности размещения здесь первоначального поселения, детинца, так как в XVIII в. на Соборной горе было построено «во-

семь крупных культовых и церковно-административных зданий епископского двора». Однако, высчитывая площадь верхней площадки городища, П. А. Раппопорт имел в виду его современные размеры, хотя признавал, что они по сравнению с первоначальными сильно увеличились (20, с. 77, 78). Это произошло в результате планировочных работ, связанных со строительством во второй половине XVII — первой половине XVIII в. нового собора и зданий епископского двора. Исследования, проведенные на городище в 1983—1985 гг., подтверждают выводы, сделанные Д. А. Авдусным. В раскопе (Согор-XVII), расположенном в южной части городища, к востоку от Архиерейского дома, возведенного в XVIII в., были обнаружены культурные напластования, датированные началом — первой половиной XII в. (86, с. 80). Тем самым площадь возможного первоначального поселения сократилась еще больше. Кроме того, шурф на самой южной оконечности городища (1984 г.), так же как и шурф 1966 г. (4, л. 3), показали, что никакого культурного слоя здесь нет.

Анализируя социально-политическую структуру Новгорода, В. Л. Янин отмечает: «Зная, что первые храмы, учрежденные в момент христианизации, тяготели к бывшим капищам, очищая и освящая светом христианства эти центры древнего «поганства», мы можем уверенно предполагать, что и первоначальный детинец предназначался не для защиты княжеской власти, а гарантировал безопасность иных общественных сил — вечевых органов и языческого жречества» (98, с. 88). Этот вывод перекликается с предположением Д. А. Авдусина о религиозном характере поселения на Соборной горе. Ведь именно здесь Мономах строит каменный собор, воздвигнутый скорее всего на месте деревянного, а с 1136 г. тут обносится Смоленский епископ. Окончательно вопрос о первоначальном поселении на Соборной горе может быть разрешен лишь в результате планомерного исследования городища, так как усматриваемые особенности рельефа в принципе могли быть остатками либо укреплений существовавшего здесь дославянского поселка, либо культового центра города, возникшего с появлением епископского подворья.

В литературе по истории Смоленска сложилось мнение о том, что территория, прилегающая к Соборной горе, является местом окольного города (9, с. 93—95; 79, с. 100; 88, с. 244—245). В связи с тем что пока невозможно с точностью определить место первоначального поселения города, понятие «Окольный город» для Смоленска является преждевременным.

1. «Старый город»

Разрядные книги 1475—1598 гг. под 1580 годом упоминают в Смоленске «большой старый деревянный город» (74, с. 312). Его очертания в виде земляного вала частично прослеживаются на изображениях города начала XVII в. — медали, отчеканенной в память взятия Смоленска польскими войсками в 1611 г., (рис. 1), и анонимном виде города 1627 г. (рис. 2). Основываясь на последнем, С. П. Писарев предложил, применительно к современной ему топографии города, трассу прохождения вала. «Начинаясь на востоке у верховьев Зеленого ручья, где ограда Авраамиевского монастыря, вал шел к западу, приблизительно,

Рис. 1. «Сигизмундова медаль» 1613 г. на взятие Смоленска в 1611 г.

по теперешней улице Козловская гора (восточная часть совр. ул. Ленина. — Н. С.); в Козловском овраге он пропал, а на другой стороне оврага снова появился. Далее, пересекая улицы, он имел пере-рывы для проезда. Дойдя до Почтовой площади (совр. пл. Ленина. — Н. С.), он круто повернул сначала к северу, а потом к северу-западу (где ныне дом г. Цапенко) и направился по окраине оврага за тепе-решнюю Воскресенской церковью...» (66, с. 201; 67, с. 5). К этому мне-нию присоединились и другие исследователи Смоленска (59, с. 5; 25, с. 8; 93, с. 256; 9, с. 94; 20, с. 80). Исключение составляет только И. Д. Белогорцев, который, ничем не обосновывая свою точку зрения, полагает, что вал с небольшим отклонением к северу-западу шел по

современной ул. Пржевальского до пересечения с валом на современной ул. Бакунина в районе Королевского бастиона (14, с. 145).

Далее, в западной части города вал, вероятно, поворачивал к верховью Пятницкого оврага, к стати здесь еще в начале нашего века И. И. Орловским были обнаружены его остатки «в виде кургана» (59, с. 5) на Николаевской улице (совр. ул. Ногина). Затем вал «спустился» к Днепру к Пятницким воротам, оставляя Пятницкий ручей за собой» (66, с. 201). На востоке он, поворачивая у Авраамьевского монастыря к северу и оставляя его за пределами укреплений, проходил по Георгиевской улице (совр. ул. Фурманова), потом по нагорью Зеленого ручья и за Георгиевской церковью шел по спуску к речке Гуриловке — Георгиевскому ручью — до Днепра¹.

Вышеприведенная трассировка вала нуждается в некотором корректировании. Беря начало у оконечности западного отрога Георгиевского оврага, вал шел примерно вдоль современной ул. Ленина, немного отступая от нее к северу. Западным своим окончанием он упирался в восточный склон бывшего Козловского оврага. Продолжаясь на противоположной его стороне, вал, постепенно отклоняясь к северо-западу, примыкал к западному отрогу оврага, по которому в древности протекал Смолигов ручей. На противоположной стороне он, постепенно отклоняясь к северо-западу, шел до того места, где сейчас расположен городской Драматический театр, а оттуда круто поворачивал к северу и упирался в восточный отрог Пятницкого оврага (где сейчас проходит ул. Ногина), оставляя его за пределами укрепленной территории.

Таким образом, линия вала как бы членилась на три участка. Первый прикрывал с напольной стороны Спасскую (Козловскую) гору, второй — Соборную гору и третий — северную часть Вознесенской и Воскресенскую горы (рис. 3). Подобная трассировка вала кажется наиболее вероятной, так как в этом случае полностью учитывался сложный рельеф Смоленска и обеспечивалось более надежное прикрытие города с напольной стороны. Вместе с тем использование естественных преград — оврагов — при прокладке вала упрощало и сокращало во времени работу по его возведению. С западной и восточной сторон вал, очевидно, не имел продолжения вдоль оврагов или был очень незначительным. Георгиевский и Пятницкий овраги так глубоки и склоны их настолько круты, что они сами по себе служили прекрасным препятствием. Возможно, что для придания большей устойчивости обороне города овраги по краям были укреплены тыном. Кстати, С. Герберштейн (1526) в верхней части города отмечал именно укрепления в виде тына, отличая данную конструкцию от прибрежной части крепости, которая была выстроена «из дуба» (22, с. 111, 112).

Относительно датировки вала высказывалось несколько точек зрения. С. П. Писарев не датировал вал каким-либо определенным временем, считая это сооружение одним из древнейших укреплений города

¹ На анонимном виде 1627 г. вал включает Авраамьевский монастырь в пределы укрепленной территории города. Так как в начале XIII в. монастырь находился за городом (80, с. 154), то этот участок вала, вероятно, относится к более позднему времени (87, с. 73—77).

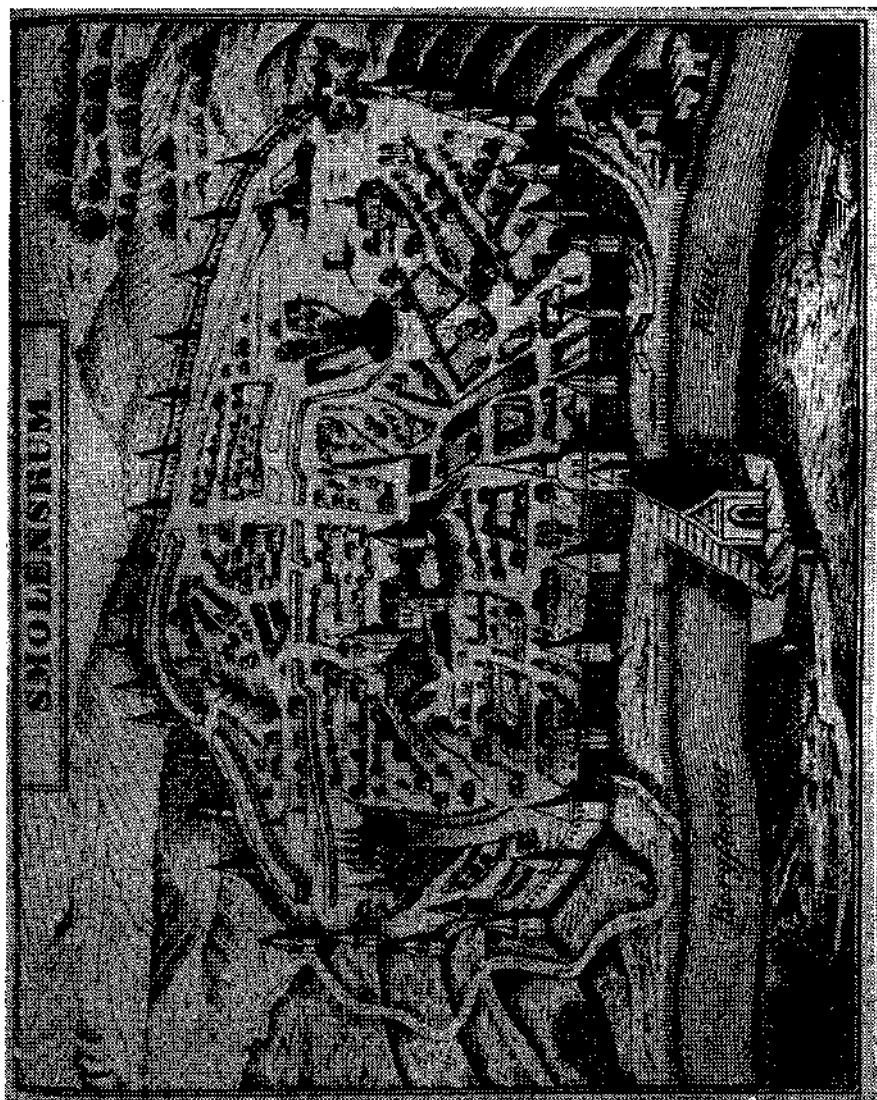

Рис. 2. Агонимный вид Смоленска 1627 г.

(66, с. 201, прим. 1; 67, с. 5). И. И. Орловский вначале относил вал к середине IX в., полагая, что Аскольд и Дир во время своего похода на Царьград видели его (59, с. 4). Позднее он изменил свою датировку, предполагая, что вал был насыпан в XII в., когда князь Ростислав Мстиславич «устрои град великий Смоленск» (61, с. 209). Также высказывалось предположение о насыпке вала во времена княжения в Смоленске Владимира Мономаха (32, с. 12). И в настоящее время исследователи Смоленска не пришли к единому мнению о времени возведения этого укрепления. Вал датируется и периодом княжения Мономаха (20, с. 79) и временем Ростислава (9, с. 93). Д. А. Авдусиным было высказано предположение, что еще до княжения Ростислава, который «только достроил уже имевшиеся укрепления» (5, с. 83), оборонительные сооружения Смоленска охватывали всю городскую территорию целиком и во время похода Аскольда и Дира по своим размерам превосходили киевские, где в это время укрепленным был только детинец (3, с. 38). Правда, Д. А. Авдусин, говоря об оборонительных сооружениях Смоленска IX в., не отождествляет их с валом, изображенным на видах города 1611 и 1627 гг.

Проблематичным является вопрос о существовании укреплений в прибрежной части города. С. П. Писаревым было высказано предположение, что эта часть была укреплена деревянной стеной в литовское время, а до этого город не имел никаких укреплений береговой части «ввиду ее безопасности и для свободы сношений к реке» (66, с. 77; 67, с. 5, 36; 54, с. 13). Его поддержал и И. И. Орловский (59, с. 8, 9, 24). Оба исследователя ссылались на «Наказные воеводские памяти смоленским посадским старостам и объездным головам» 1608 г., содержащимся в документах Смоленской приказной избы, где упоминается «старый деревянный город». Границы его определяются в этом документе следующим образом: «от Крыношевских (Крылошевских. — Н. С.) ворот по Пятницкие ворота, и от Днепровских ворот по Духовские ворота» (8, с. 416, № 349). Если предположить, что некоторые башни крепости Ф. Коня получили свое название от башен предшествовавшего укрепления, то участок от Крылошевских ворот — на востоке, до Пятницких ворот — на западе будет соответствовать северной линии стен «Старого деревянного города». Это подтверждается и другими данными. Таковы сведения 1611 г. о деревянных укреплениях — тыне и городне — в районе Пятницких ворот (63, с. 99, № 167; с. 109, № 183). Можно было бы предположить, что линия стен «Старого города» в северной части существовала на большем протяжении. В «Росписи сбегим крестьянам» (1609 г.) помимо упоминания «старой Крылошевской башни», «старых Крылошевских ворот» и «старой стены» сказано: «От Крылошевского мосту (имеется в виду мост около Крылошевских ворот через Георгиевский ручей. — Н. С.) по старой деревянной стене по Житный двор и у каменной городской стены по Богословскую башню» (63, с. 167, № 238). Обращает на себя внимание, что участок от Крылошевского моста по Житный двор, находившийся в районе Пятницких ворот (87, с. 104—106) в начале XVII в., подразумевается входящим в систему старых укреплений, тогда как на участке от Житного двора и до Богословской башни деревянных укреплений не

было. Отсюда следует, что линия укреплений «Старого деревянного города» простиралась от Крылошевских до Пятницких ворот. Становится понятным, почему в «Росписи сбежим крестьянам» после Житного двора упоминается линия укреплений новой каменной крепости.

Упираясь западным концом в Пятницкий овраг, а восточным в Георгиевский, деревянная стена входила в общую систему укреплений, образуя единую укрепленную территорию, которая с юга и частично с запада прикрывалась земляным валом, а с запада и востока по краям оврагов, видимо, тыном. Эта часть города в Разрядных книгах и упоминается как «Большой старый город», в грамотах великих литовских князей как «замок», а в документах начала XVII в. как «старый» или «Старый деревянный город».

На основании анализа направлений настилов деревянных мостовых, вскрытых при раскопках на ул. Соболева в северной части крепости, Д. А. Авдусин доказал существование здесь уже в начале XII в. крепостных ворот (5, с. 85).

Переходя к рассмотрению конструктивных особенностей этой крепости, особенно ее прибрежной части, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время нет никаких археологических данных, позволяющих судить о системе обороны крепости². Ничего, по существу, не могут дать и графические источники XVII в., поэтому для реконструкции системы вооружения крепости приходится пользоваться немногочисленными письменными данными.

Смоленская крепость в прибрежной части была выстроена из дуба. На это есть указания М. Меховского, 1517 г. (48, с. 108) и С. Герберштейна, 1526 г. (22, с. 111). Документы, относящиеся к осаде города поляками 1609—1611 гг., содержат сведения о том, что стены старой деревянной крепости состояли из городен. К примеру, в 1610 г. М. Б. Шеин и П. И. Горчаков отдали приказ о раздаче на дрова нескольких городен жителям Брянска, Серпейска, Вязьмы и Дорогобужа, принимавшим участие в обороне Смоленска (8, с. 354, 355, № 297). В том же 1610 г. упоминается о продаже городен деревянного города (63, с. 49, № 90).

Срубы, составлявшие стену крепости, изнутри были забиты глиной и, вероятно, ею же обмазаны снаружи. С появлением огнестрельного оружия в стенах устраиваются бойницы (96, с. 28). Причем, судя по тому, что в источниках отмечается наличие нижнего боя, бойницы располагались в несколько ярусов (63, с. 99, № 167).

Из документов, относящихся к осаде города, известно, что расстояние от стены каменной крепости и до Большой проезжей дороги (совр. ул. Соболева) было 11 сажень (что составляло 23,76 м — сажень в начале XVII в. равнялась 2,16 м (33, с. 89)). Участок в 3 сажени (6,48 м)

² Следует отметить, что деревянные конструкции, наблюдавшиеся в 1900 г. при земляных работах в северной части крепости между башнями Лазаревской и Семеновской и в восточной ее части у Авраамьевского монастыря (54, с. 13; 59, с. 9, 23, 24; 24, с. 578; 25, с. 10, 11), ничего общего с укреплениями «Старого города» не имели и являлись свайной частью фундамента каменной крепости (87, с. 53—55). Аналогичная конструкция фундамента была отмечена под стенами Белого города в Москве, возведенного также Ф. Коном (37, с. 18, 19).

от каменной стены предназначался для проезда (63, с. 27, № 45; с. 28, 29, № 47). На 8 саженьях (17,28 м) размещались осадные дворы и, видимо, старые укрепления. Остается невыясненным, шла ли деревянная стена по верху вала или его в этом месте не было.

Крепость дополнительно была усилена башнями. Впервые проездные ворота — брама — упоминаются в Литовской и Жмойской летописях под 1401 г. (95, с. 75). Иоасафовская летопись знает Крылошевскую стрельницу, упоминаемую в связи со вторым походом Василия III на Смоленск в 1513 г. (30, с. 194). В Разрядных книгах под 1561—1562 гг. есть сведения о Пятницких, Крылошевских, Духовских, Непровских (Днепровских) и Костеревских воротах (75, с. 101). Они существовали еще в начале XVII в. рядом с воротами и башнями новой каменной крепости и дали им свои названия (8, с. 416, № 349; 63, с. 77, № 132; с. 109, № 183; с. 167, № 237).

Днепровские или Фроловские ворота новой крепости были главными воротами Смоленска. В начале XVII в. они чаще именуются Фроловскими. В «Наказных воеводских памятях...» Днепровские ворота упомянуты, входящими в систему укреплений «Старого деревянного города» (8, с. 416, № 349). В «Росписи караулов» 1610 г. говорится о «старых Духовских воротах» (63, с. 77, № 132). Ни одни ворота новой каменной крепости так не назывались (29, с. IX—XII). В «Наказных воеводских памятях...» сказано: «ездити... в старом деревенном городе от Крылошевских ворот по Пятницкие ворота и от Днепровских ворот по Духовские ворота». Если считать, что старые Духовские ворота находились в северной части крепости, то получается, что маршруты караулов дублировались, причем если первый маршрут охватывал весь северный фронт деревянной крепости, то второй только ее часть. Если же предположить, что Духовские ворота находились против Днепровских, на месте пересечения земляного вала «Старого города» с улицей, которая впоследствии стала именоваться Молоховской, то все становится на свои места. Оба маршрута проходили по основным улицам города: первый — по Большой Проезжей улице (совр. ул. Соболева) от Пятницких ворот на западе до Крылошевских ворот на востоке; второй — по Молоховской улице (совр. ул. Большая Советская) от Днепровских ворот на севере до Духовских на юге.

Таким образом, укрепление в прибрежной части города возникло, видимо, уже в начале XII в. Вместе с земляным валом они образовывали единую систему обороны Смоленска. Городские оборонительные сооружения этого времени имели протяженность более 3,5 км и охватывали огромную территорию площадью примерно в 65 га. С северной стороны крепость была дополнительно усилена башнями. По крайней мере одна башня находилась в ее южной части (рис. 3).

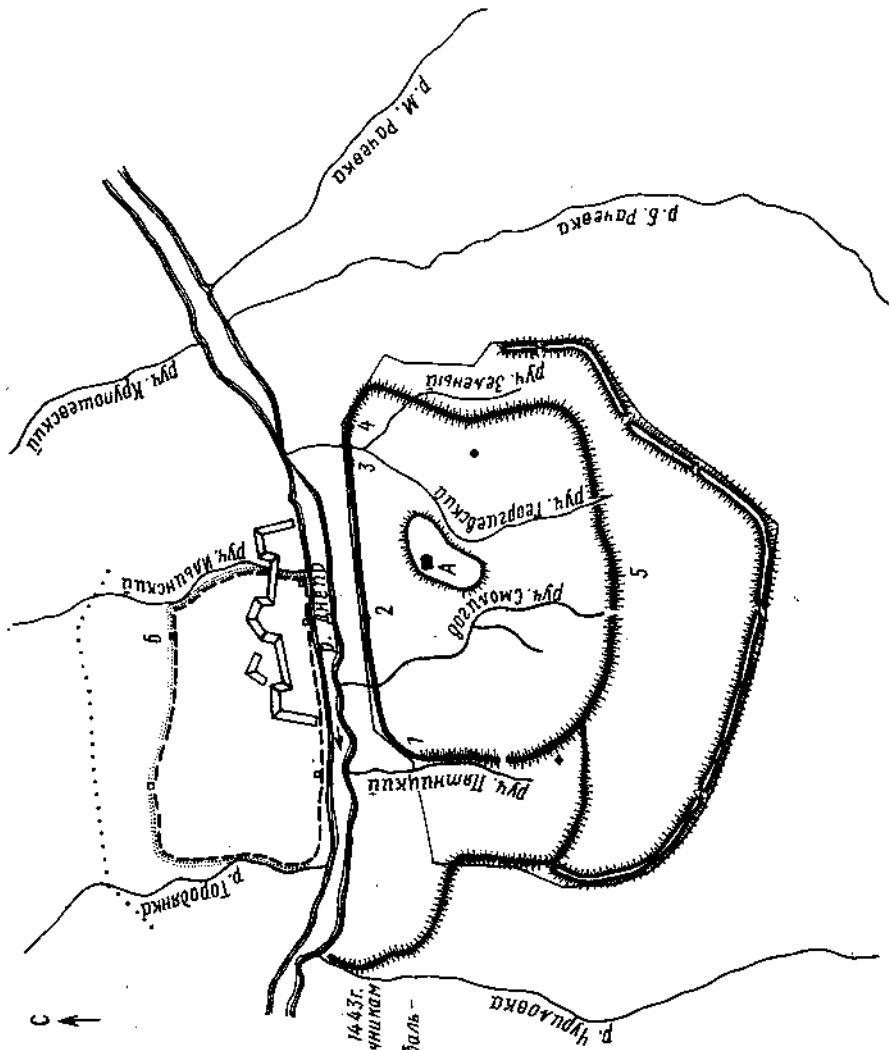
«Старый город» просуществовал до начала XVII в., когда, потеряв свое прежнее значение, он уже в польское время был уничтожен. Валы в южной части крепости продолжали существовать еще некоторое время и были срыты между 1627 и 1636 гг., так как на виде Смоленска 1627 г. они еще присутствуют, а на плане Гондиуса 1636 г. (рис. 4) их уже нет.

Крепость в свое время была столь мощна, что, как говорил очеви-

Оборонительные сооружения

Условные обозначения

- Границы крепости 1596-1602 г.г.
- Старый город
- Горная гора
- Вятичский острог
- Вал XVII в.
- Заднепровский острог к нач. XV в.
- "Новая крепость" (кон. XVI в.)
- Кривобок (1706 г.)
- Граница Заднепровского посада к 14 в.г.
- Дашни, известные по плану. Источником
- Возможные места дашен
- Место находки вятичского погребаль-ного комплекса

- A - Целевский собор
- 1. Вятичские ворота
- 2. Днепровские ворота
- 3. Костеревские ворота
- 4. Крышевецкие ворота
- 5. Дубовские ворота
- 6. Заднепровские ворота

Рис. 3. План оборонительных сооружений Смоленска (до 1706 г.).

Рис. 4. План г. Смоленска В. Гондиуса. 1636 г. (фрагмент).

дец, за ней были едва видны верхушки зданий, а стены не могли быть разрушены ни выстрелами, ни таранами (96, с. 28).

Конечно, было бы заманчиво приписать возведение этих укреплений деятельности того или иного князя, однако данных для этого пока нет.

2. «Пятницкий острог»

На плане В. Гондиуса к западу от каменной крепости показано какое-то укрепление в виде вала (рис. 4). По размерам оно уступает земляным конструкциям «Старого города», а также валу XVI в. Вал начинался на правом берегу р. Чуриловки у ее устья, шел к югу, а затем поворачивал к востоку и вверх по Казанской горе доходил до Богословской башни крепости. Он существовал еще в конце XVIII в. (26, с. 211) и был полностью уничтожен только в 1877—1879 гг. (53, с. 517; 67, с. 152; 59, с. 7, 8; 60, с. 5; 65, вып. 5, с. 46, прим. 5). Польским историкам периода осады города 1609—1611 гг. известно в этом месте земляное укрепление, которое они именуют «городком» (70, с. 452, 455; 73, с. 22). Отечественные документы того же времени помещают здесь «в Пятницком конце острог» (8, с. 318, № 266; 63, с. 31, № 51). Под наименованием «Пятницкого острога» это укрепление и фигурирует в литературе (56, с. 153, 154; 66, с. 130, 228; 67, с. 42, 152; 59, с. 9). С. П. Писарев и И. И. Орловский считали, что оно было обширным и предшествовало по времени возведению каменной крепости, которая в западной части как бы сократила укрепленную территорию города, оставив часть земляного вала за ее пределами (67, с. 36, 42; 59, с. 9). Первоначально вал от места будущей Богословской башни имел продолжение к югу по улице Большой Казанской (совр. ул. Бакунина), где он также сохранялся до 1877—1879 гг. и сливался с валом в южной части крепости, образуя при этом внешнюю линию обороны города.

На плане В. Гондиуса западный участок вала за пределами крепости резко отличается по своим параметрам от вала в южной ее части. В конце прошлого века С. П. Писарев наблюдал остатки внутривальных конструкций Пятницкого острога в виде массивных дубовых обгорелых бревен в районе Немецкого кладбища (65, вып. 5, с. 46, прим. 4). Обследование линии обороны на юго-западе Смоленска показало, что его внутривальные конструкции другого типа — менее мощные, плетневого характера и к тому же более плохой сохранности (82, с. 87, 88; 85, с. 85). Если предположить, что эти два участка бывшей внешней линии обороны разновременны, то они должны были каким-то образом смыкаться с предшествующими укреплениями, поскольку в противном случае утрачивалось их функциональное назначение. Если же вал Пятницкого острога старше вала у крепостной стены, то он должен был подходить к укреплениям «Старого города» с запада. Скорее всего, исходя из рельефа города, вал Пятницкого острога, не доходя до пересечения ул. Бакунина с ул. Пржевальского (бывш. ул. Большая Вознесенская), поворачивал к юго-востоку, а затем к востоку, где смыкался с валом «Старого города» (рис. 3).

Хронология укрепления Пятницкого острога, на наш взгляд, достаточно точно определяется по найденной в 1890 г. в Смоленске на Безымянной улице (совр. ул. Ногина) в западной части каменной кре-

пости пока единственной на территории города серии бронзовых украшений, интерпретируемой как остатки погребального инвентаря, сопровождавшего захоронение сельского типа, датированного началом — серединой XII в. (15, с. 253).

Смоленск, в отличие от некоторых других городов, разрушенных монголо-татарами и содержащих поэтому прямо на городской территории массовые захоронения, в том числе и сельского типа, не был прямой жертвой нашествия и до 1396 г. ни разу не подвергался серьезным разгромам. К городу вплотную подступали сельские поселения, впоследствии поглощенные им по мере роста его территории. Иоанн Кобенцель, посетивший Смоленск в 1575 г., отмечал, что в его окрестностях «много икоусственных возвышений, которые здешние жители называют курганами и говорят о них, что это древние гробницы» (35, с. 140).

Погребение с рассматриваемым комплексом вещей находилось за пределами оборонительных сооружений «Старого города» на территории Пятницкого острога (рис. 3). Так как совершение погребения сельского типа в городе крайне маловероятно, можно предположить, что укрепления Пятницкого острога были возведены не ранее начала — середины XII в. Судя по тому, что они вплотную примыкали к крепости «Старого города», можно наметить схему возведения древних оборонительных сооружений Смоленска: сначала была построена крепость «Старого города», затем Пятницкого острога.

Вопрос об абсолютной хронологии укреплений прибрежной и напольной частей «Старого города» более сложен. Поскольку в первую очередь укрепляли напольную сторону поселения и затем уже прибрежную, а возведение оборонительных сооружений на берегу Днепра относится к началу XII в., то вал «Старого города» был насыпан либо до начала XII в., либо одновременно со строительством укреплений прибрежной части.

Район города к востоку от устья р. Чуриловки более всего изобилует остатками памятников архитектуры домонгольского времени (83; 21, с. 339—341). Здесь находился и двор князя Романа Ростиславича со стоящей на нем церковью Иоанна Богослова — одной из трех сохранившихся на территории города церквей XII в. Следует отметить, что по крайней мере со второй половины XII в. резиденции смоленских князей находились вне городских укреплений. Князья могли возводить свои храмы как на землях сотенного населения, так и на общегородских землях (83, с. 58, 59). Это хорошо прослеживается и на примере Новгорода и Пскова (11, с. 24). Вероятно, территория Пятницкого острога была одним из таких районов, что и объясняет наличие здесь княжеской резиденции. После смерти Романа в 1180 г. его брат Давид Ростиславич переносит свой двор западнее, ближе к Смядыни, где, видимо, после этого возводит свою дворцовую церковь во имя Михаила Архангела (Свирскую). Такое перемещение княжеского двора было связано скорее всего с тем, что территория, на которой находился старый двор, перешла под юрисдикцию кончанской администрации Смоленска. Этому акту предшествовала борьба княжеской и кончанской администраций, которая подчас выливалась в вооруженные столкнове-

ния. Противоречия начались еще при жизни Романа Ростиславича, который «многие досады прия от смолян» (31, с. 617). С особой силой они разгорелись после его смерти. В 1186 г. «встань бысть Смоленские промежу князюмъ Давыдом и смоляны, и много голов паде лучшихъ мужъ» (31, с. 647; 57, с. 38, 229). О разногласии между смолянами и Давидом Ростиславичем повествует летопись и под 1195 г., где говорится, что они «не добре с Давыдом» (31, с. 692). В конечном итоге кончанская администрация, видимо, вышла победителем, что выразилось в переносе княжеского двора. Произошло это до 1197 г. — года смерти Давида Ростиславича. Не позднее были воздвигнуты и новые городские укрепления, которые в дальнейшем получили наименование Пятницкого острога, так как примыкали к Пятницкому концу и скорее всего находились вместе с входящей в них территорией под его юрисдикцией.

Протяженность оборонительной линии Пятницкого острога ориентировочно достигала 1,6 км.

3. «Новый город»

На Сигизмундовой медали и видах Смоленска 1627 и 1636 гг. изображена черта валов, которая проходит параллельно линии стен крепости Ф. Коня и опоясывает город в его южной части на пространстве от Авраамьевского монастыря на востоке до Королевской крепости на западе. Н. Н. Мурзакевич, впервые описавший их в 1835 г., отмечал, что «остатки земляного вала уцелели от Королевской крепости до Молоховских ворот, от Шеинова пролома до Никольских ворот, от Никольской башни до Авраамьевской... и от Шеиновой башни до Богословской (что в предместьи) улицы» (53, с. 517). В последующее время аналогичные сведения встречаются и у других исследователей города (66, с. 77; 59, с. 7). Выше уже отмечалось, что участок вала на протяжении от Королевской крепости и до устья р. Чуриловки принадлежал более раннему укреплению — Пятницкому острогу, возведение которого следует отнести ко времени княжения Давида Ростиславича (1180—1197). До настоящего времени вал частично сохранился у Авраамьевского монастыря и в Парке КиО возле остатков Королевской крепости; на остальном же пространстве он был срыт в конце XIX в.

Датировался вал по-разному. Так, С. П. Писарев приписывал его устройство деятельности первых смоленских князей (66, с. 8); И. И. Орловский считал, что он был возведен в литовское время (59, с. 7, 8). В наше время И. Д. Белогорцев, а затем Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт выдвинули предположение, что это укрепление возникло в годы правления в Смоленске Ростислава Мстиславича, когда в 1134 г. он «устрои град великий Смоленск» (14, с. 145; 19, с. 207; 20, с. 82—84).

Исследование вала, предпринятое в 1976, 1978 и 1981 гг., позволило более точно определить время насыпки и выявить его конструктивные элементы.

Раскоп площадью в 40 кв. м³, заложенный около Авраамьевского монастыря у каменной крепостной стены между башнями Ворониной и

³ В связи с очень плохой сохранностью насыпи, частично уничтоженной в конце XIX в. и попорченной поздними строениями, раскоп был доведен до материка только на площади в 4 кв. м.

Заалтарной, позволил определить, что вал был насыпан практически на материке, если не считать тонкую прослойку песка; подошва его залегала на глубине 550—596 см от верха оставшейся насыпи (7, с. 40, 41; 84, с. 103, 104). Встреченные в непо потревоженной части насыпи фрагмент поливной турецкой керамики XVI в., а на материке три кусочка чернолощенной керамики, которая в Смоленске датируется первой третью XIV—XVII в. (97), позволили считать, что вал был насыпан скорее всего в XVI в. Несмотря на встреченные во время раскопок отдельные пятна древесного тлена, установить характер внутривальных конструкций не удалось.

С этой целью в 1978 и 1981 гг. были заложены два раскопа в западной части крепости в Парке КиО, южнее Королевской крепости, где вал сохранился лучше всего (82, с. 87, 88; 85, с. 85). Ширина вала в основании достигала здесь 27 м, ширина верхней площадки—6 м. Раскопы располагались в 1 м один от другого и шли перпендикулярно оси вала. Первый площадью 48 кв. м (1978) занимал весь внутренний

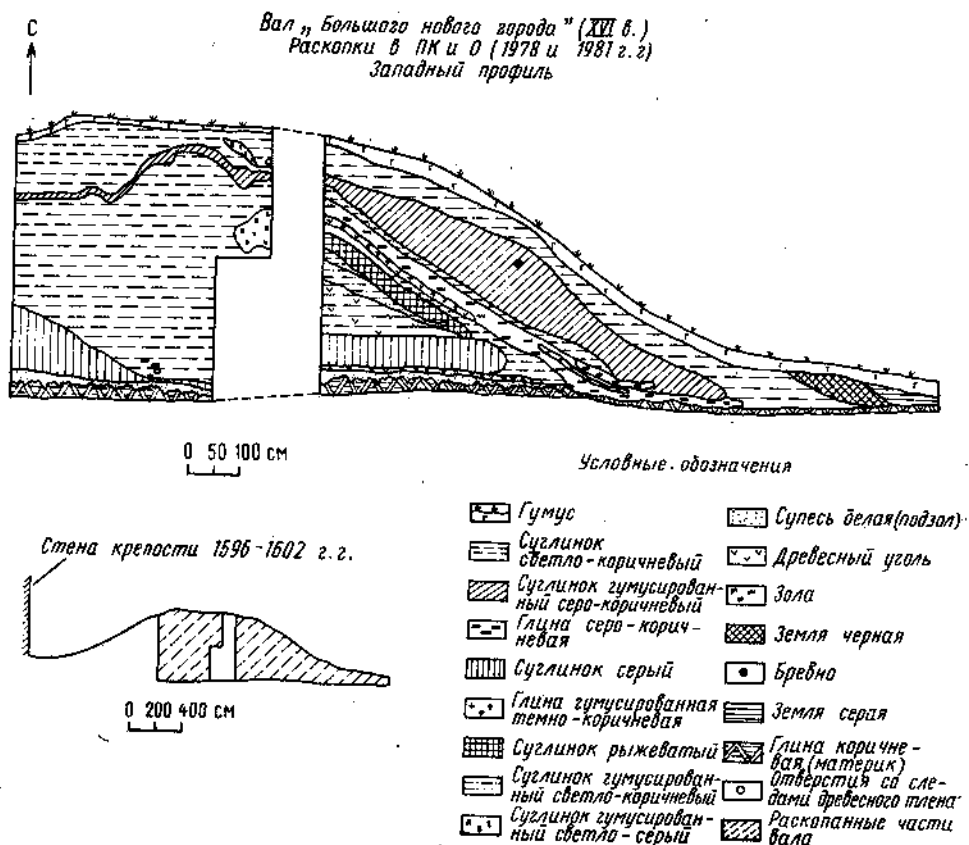

Рис. 5. Разрез вала «Большого нового города».

склон вала; второй — 20 кв. м (1981) — почти всю его верхнюю площадку. Насыпь вала (рис. 5) состояла из чередующихся слоев суглинка светло-коричневого цвета, гумусированных суглинков и глин разных оттенков. Ее подстилала прослойка погребенного дерна мощностью 2—14 см, под которой залегал подзол и материк. В северной половине раскопа 1978 г. обнаружено, что слой погребенного дерна и подзола были уничтожены перед насыпкой вала, видимо, в результате нивелировочных работ. Вал насыпался на необжитом месте, так как выше погребенного дерна в обоих раскопах следов культурного слоя не было обнаружено. Высота насыпи от слоя погребенного дерна до верхней площадки вала достигала 510 см. В результате работ были выявлены остатки деревянных конструкций в виде плах, бревен, жердей очень плохой сохранности. В первом раскопе они прослежены на глубинах от 60 и до 420—430 см от верха насыпи. Размер бревен в длину колебался от 50 до 380 см, изначальный диаметр равнялся, по-видимому, 20—25 см. В основном они сосредоточивались в восточной части раскопа и шли перпендикулярно оси вала. Верхний ярус выявленной конструкции представлял собой остатки настила из плах. В профиле южной и восточной стенок раскопа при зачистке его отмечено 11 цилиндрических отверстий со следами древесного тлена, что указывает на то, что они также относились к внутривальным конструкциям. Обнаруженная конструкция представляла собой как бы чередующиеся слои отдельно лежащих бревен, идущих вдоль и поперек оси вала. За исключением, пожалуй, первого яруса, она близка некоторым вариантам внутривальных конструкций, особенно часто встречаемых в Польше, — так называемым «рустовым», хотя П. А. Раппопорт считал, что такой тип укреплений не являлся особенностью Польши: «в северной полосе славянских земель издавна существовала особая военно-инженерная традиция, захватывающая как Поморье, так и северную часть восточнославянской территории» (79, с. 210).

В Древней Руси внутривальные конструкции подобного типа были встречены в валах Минска (28, с. 93, 139, 156), Твери, городища Алчедар (78, с. 110, 112; 79, с. 201) и Новгорода (10, с. 15). Все они относятся к домонгольскому времени. В более позднее время подобная конструкция встречается реже. На территории европейской части СССР она отмечена всего один раз в валах замка XVI—XVIII вв. на городище Плесецком под Киевом (76, с. 146; 77, с. 140, прим. 3).

Во втором раскопе сохранность дерева еще хуже. От него остались только полости, содержащие кое-где незначительные следы древесного тлена (рис. 5). Прослежены они на глубине 180—482 см от вершины вала и сосредоточиваются в основном в западной части раскопа. Размеры полостей в длину колеблются от 50 до 500 см; диаметр их 4—10 см. По существу это были не бревна, а толстые жерди. Ориентированы они в большинстве случаев перпендикулярно продольной оси вала. Во всех стенках этого раскопа были отмечены, так же как и в первом, отверстия от этих жердей, но в значительно большем количестве. Например, в северной стенке их насчитывалось 37. Диаметр отверстий не превышал 9 см. Расстояние между восточной и западной линией отверстий в северной стенке раскопа составляло 260 см. Расположение

полостей и отверстий, их диаметр позволили предположить, что это скорее всего были какие-то плетневые конструкции. Плохая их сохранность не дает с точностью установить, были ли это клетки или стенки, идущие перпендикулярно продольной оси вала. Тем не менее расположение полостей от жердей и отверстий в стенках раскопа указывает на то, что некоторые из них шли и вдоль оси вала, а это в свою очередь позволяет определить данные конструкции скорее всего как клетки. Кстати, А. Поссевино, посетивший Смоленск в 1580 г., отмечал, что укрепления его «состоят из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния» (69, с. 44).

Керамический материал, обнаруженный в насыпи, датируется XIV—XVI вв. Таким образом, возведение вала на этом участке, так же как и насыпи у Авраамьевского монастыря, можно отнести ко времени не ранее XVI в. Следует отметить, что плетневые конструкции были обнаружены в русских памятниках и более раннего времени: В. В. Хвойкой в валах Шарковского (77, с. 106, прим. 3) городища (Киевская обл.) и Н. П. Милоновым при раскопках вала в Переяславе Рязанском (51, с. 30). Видимо, какое-то время этот способ крепления валов на Руси не практиковался. Именно поэтому он так поразил современников при возведении в 1534 г. валов Китай-города в Москве (89, с. 292).

Обращает внимание синтез двух строительных элементов, использованных при возведении смоленского вала: рустового и плетневого. Сначала ставились плетеные из толстых жердей клетки, которые заполнялись землей, а потом склоны вала укреплялись с применением рустовой конструкции. Это нашло отражение в различной стратиграфии насыпи. Если ее ядро более однородно, что связано с единовременным заполнением клеток, то склоны более стратифицированы: почти каждый слой продольно-поперечных бревен пересыпался землей.

Свидетельства письменных источников в совокупности с полученными в ходе исследования вала данными позволили сделать вывод, что это укрепление было возведено после воссоединения в 1514 г. Смоленска с Московским государством (84, с. 101—107)⁴.

А. Н. Кирпичниковым было высказано предположение, что рассматриваемое укрепление относится к типу бастионных крепостей, которые с 30-х годов XVI в. получают широкое распространение на Руси, будучи заимствованными из Западной Европы (34, с. 476). Он также считает, что эта линия обороны Смоленска была возведена вскоре после пожара 1554—1555 г. (34, с. 487).

Согласно А. Н. Кирпичникову, в России первой крепостью, устроенной таким образом, был земляной Китай-город в Москве—1534 г. (34, с. 476). Вслед за ним укрепления подобного типа возводятся в Почепе (1535), Себеже (1535), Заволочье (1536), Стародубе (1536). В других городах бастионные крепости строятся позднее (34, с. 471,

⁴ У исследователей Смоленска нет единого мнения по вопросу о трассировке вала в районе Авраамьевского монастыря (66, с. 113, 114, прим. 3, 153; 67, с. 137; 60, с. 33; 20, с. 84). Этот вопрос рассмотрен в работе «Историческая топография древнего Смоленска» (87, с. 73—77). На основании анализа четырех групп планов города начала XVIII—первой половины XIX в. удалось установить, что Авраамьевский монастырь был введен в черту Смоленска именно насыпкой этого вала.

472, 477—484). Однако обращает на себя внимание тот факт, что из пяти перечисленных городов только Москва находилась в отдалении от западных рубежей государства. Остальные располагались в непосредственной близости от границ Великого княжества Литовского и Ливонского ордена. Видимо, именно здесь в первую очередь получили распространение новые приемы в возведении крепостей. В связи с этим остается неясным, почему Смоленск — город, наиболее важный в стратегическом отношении, прикрывавший дорогу на Москву, укрепляется чуть ли не в последнюю очередь. Скорее всего внешний вал Смоленска был возведен около 1534—1536 гг. Пожар же 1554—1555 гг. мог уничтожить деревянные конструкции на валу, но не саму земляную насыпь.

Итак, рассматриваемый оборонительный пояс протяженностью около 2,5 км охватывал южную часть города от Авраамьевского монастыря до Королевской крепости, где смыкался с укреплениями Пятницкого острога⁵. Скорее всего это и есть тот «Новый большой город», который упоминают Разрядные книги под 1580 г. (рис. 3) (74, с. 312).

Судя по изображениям Смоленска начала XVII в., вал «Нового города» шел вдоль линии каменных стен не сплошной полосой, а с разрывами, что соответствовала расположению Никольских (Еленских), Молоховских и Колытецких ворот каменной крепости. Ворота в свою очередь, вероятно, строились с учетом особенностей этой линии обороны, поскольку ведущие к ним улицы формировались задолго до постройки как каменной крепости, так и возведения самого вала. Видимо, вал «Нового большого города» был дополнительно укреплен проезжими башнями, располагавшимися там же, где впоследствии были возведены упомянутые ворота каменной крепости.

По оборонительным качествам рассматриваемое укрепление не уступало стенам каменной крепости. На видах города начала XVII в. уровень его и стен крепости Ф. Коня одинаков. С. П. Писарев отмечал, что высота вала в восточной части города у Никольских ворот до его срытия в конце XIX в. равнялась высоте каменной стены, исключая зубцы (72). Это хорошо видно и на некоторых изобразительных материалах второй половины XIX в. (43). Такого же уровня достигает и сохранившийся до настоящего времени участок вала в западной части города. Однако первоначально высота отдельных участков вала, видимо, была разной. С. Жолкевский оценивал ее более чем в 10 локтей — около 6 м (27, с. 168). Другой участник осады города в 1609—1611 гг. указывает примерно такую же высоту, равную высоте двух копий (70, с. 701). С. П. Писарев доводит ее до 7 саженьей — около 15 м (65, вып. 5, с. 46, прим. 3). Результаты раскопок подтверждают также различные высоты вала. Учитывая, что подошва его в районе Авраамьевского монастыря залегала на глубине около 6 м от поверхности сохранившейся части насыпи, а высота вала до срытия равнялась высоте каменной стены без зубцов, получаем первоначальную высоту вала в

⁵ Направление вала к северу от Авраамьевского монастыря пока не установлено. Возможно, что здесь он доходил до укреплений острога в Крылошевском конце, существование которого единожды отмечено в источниках (63, с. 165, № 236).

этом месте примерно 10—12 м. Высота же его в Парке КиО, учитывая оползание и оседание насыпи, должна была превышать 6 м⁶.

Дореволюционные историки Смоленска считали, что вал был дополнительно укреплен деревянными стенами и башнями (66, с. 78; 59, с. 7, 8). Однако на видах города XVII в. на валу в верхней нагорной части Смоленска изображены не стены и башни, а деревянный тын. Следует отметить авторитетное суждение Ф. Ф. Ласковского, утверждавшего, что размеры вала свидетельствуют о существовании не деревянных стен, а тына (39, с. 227). В таком виде укрепления вала существовали довольно продолжительное время. В 1632—1634 гг. современники отмечали, что вал был «по московскому обычаю... весьма искусно укреплен ложементом и деревянным частоколом и в некоторых местах сделаны огромные срубы для помещения батарей» (23, с. 9). Ранее, в 1580 г., вал имел «на небольшом расстоянии друг от друга отверстия, где можно разместить для защиты небольшие пушки, если бы кто-нибудь попытался начать штурм» (69, с. 46). Такое оформление вершины вала отличает крепость «Нового большого города» от китайгородской, у которой «на версе остроиша град древян по обычаю» (89, с. 292).

Смоленская крепость являлась одним из грандиознейших военных сооружений своего времени и не утратила значения после возведения каменных стен и башен. Это укрепление сыграло большую роль во время обороны Смоленска в 1609—1611 гг. Гетман Станислав Жолкевский в своем дневнике писал: «за стеной тут же непосредственно был старый вал... во времена предков наших бывший сильнейшим оплотом крепости, нежели эта каменная стена... Столь высокий вал служил препятствием ко входу в крепость» (27, с. 168) и не раз спасал защитников Смоленска, когда каменные стены не выдерживали — добавляет другой, анонимный участник осады города (70, с. 644).

4. Заднепровский острог

В литературе по истории Смоленска основной акцент делался на изучение его левобережной части, которая считается древнейшей. Несмотря на то, что поселение в Заднепровье (правобережная часть города) существовало, по мнению исследователей, уже с XII в. (67, с. 11), эту территорию считали отсталым в социально-экономическом отношении городским предместьем, заселенным исключительно «рабами» и «изгоями», занятыми на содержании княжеских тетеревиных садков (60, с. 75; 61, с. 215; 38, с. 68). Бурное развитие правобережной части Смоленска относилось ими к концу XVI в., что связывалось с падением значения Смядыни, которая рассматривалась исследователями как особый княжеский город (66, с. 112; 67, с. 38; 60, с. 75). Между тем Заднепровье играло значительную роль в жизни Смоленска. Уже с XII в. здесь ведется строительство церквей, и одно это свидетельствует о социально-экономической значимости этого района города.

Упоминание посада за Днепром впервые встречается в источниках под 1443 г. (40, с. 29). Сообщение летописи о раннем паводке в Смоленске содержит уточнение, что вода затопила весь посад и «мало не

⁶ Здесь учитывается высота только самой насыпи.

дошла... до Покровской горы», которая находится примерно в 750 м к северу от Днепра. Это свидетельство летописи указывает на значительные размеры Заднепровского посада уже в первой половине XV в. С XVI в. упоминания посада за Днепром регулярно встречаются в записках иностранных авторов, побывавших в Смоленске. Одни Смоленском называли территорию как на правом, так и на левом берегах Днепра: И. Кобенцель, 1575 г. (35, с. 140); И. Пернштейн, 1575 г. (64, с. 10); архиепископ Алласонский Арсений, 1588 г. (12, с. 47); Г. Текандер, 1602 г. (91, с. 12). Другие разделяли Смоленск на город, располагавшийся в Заднепровье, и крепость на левом берегу реки: М. Меховский, 1517 г. (48, с. 108); С. Герберштейн, 1526 г. (22, с. 112); Д. Принц, 1578 г. (71, с. 49); Н. Варкоч, 1593 г. (17, с. 12); С. Немоевский, 1606 г. (55, с. 24); М. Стадницкий, 1609 г. (90, № 6, с. 183); С. Маскевич, 1609 г. (46, с. 18). Подобные описания Смоленска находим и у ряда других иностранных авторов на протяжении всего XVII в. (47, кн. 1, с. 197; 36, с. 168).

Следует подчеркнуть, что в этих свидетельствах прослеживается тенденция в именовании «городом» именно правобережья Днепра, причем, если здесь «виднеется много храмов, довольно красиво построенных из жженого кирпича», то сама крепость «кроме стены, которою она окружена, каменного храма и каких-то деревянных заключений... ничего не имеет» (71, с. 49). О явном запустении территории крепости свидетельствует сообщение С. Немоевского о прибытии Марины Мнишек в Смоленск, которой пришлось поселиться в городе, «потому, что в кремле (имеется в виду каменная крепость. — Н. С.) нет никакого обиталища» (55, с. 24).

Из приведенных описаний следует, что в конце XVI — начале XVII в. крепость Смоленска, расположенная в левобережье, приходит в упадок и используется, вероятно, только как цитадель на случай осады неприятелем; в то же время происходит интенсивный рост заднепровского посада, который именуется городом. О его величине говорит тот факт, что к 1606 г. здесь, по одним данным, насчитывалось до 6 тыс. дворов (70, с. 446), по другим — до 8 тыс. (90, № 6, с. 183; 47, кн. 1, с. 197).

Наблюдения за культурным слоем Смоленска в Заднепровье во время земляных работ и данные геобурения говорят о наличии здесь культурных напластований от 2 до 5 и более метров, что немалым мерею мощности культурного слоя в левобережной части города (81, с. 78—84).

Смоленск на протяжении всей своей истории неоднократно подвергался нашествиям. Поэтому логично было бы предположить, что посад за Днепром, так же как и крепость на левом берегу Днепра, был укреплен, в противном случае ему сложно было бы к XVI в. развиться до таких размеров.

Возведение первых укреплений Заднепровского посада, по мнению исследователей, относится к концу XVI в. (66, с. 112; 67, с. 38; 60, с. 75). Их основной функцией являлась защита моста через Днепр (66, с. 171; 39, с. 194). В настоящее время никаких остатков оборонительных сооружений здесь не сохранилось, и даже земляная крепость — Крон-

верк, построенная в 1706 г. по приказу Петра I, просуществовала лишь до 1830 г. (60, с. 52—54).

Письменные источники сообщают о наличии укреплений в правобережье города начиная только со второй трети XVII в. Под 1633 годом упоминается небольшой острог, защищавший мост через Днепр (62, с. 731, 732). А. Лизек, посетивший Смоленск в 1675 г., говорит о «новой крепости», судя по описанию, расположенной в Заднепровье (41, с. 338—339).

В письме смолян об осаде города поляками от 8 октября 1609 г. отмечается: «А в Смоленске мы двory свои пожгли на посаде, потому что нашего изможения в остроге не стало стоять» (8, с. 421, № 354). Из письма не совсем ясно, где находился посад, который смоляне сожгли при подходе войск Сигизмунда III, и острог, который они с трудом удерживали. Ведь «Острогом» в Смоленске в это время назывались не только посадские укрепления, но и сама каменная крепость (8, с. 308—331, № 255; 63, с. 151—158, № 231). Польские источники проясняют эти моменты: посад, который был сожжен, находился в Заднепровье (70, с. 446, 455). Именно его русские сожгли, «перевезя ценности в крепость по ту сторону Днепра» (90, № 6, с. 183).

Следовательно, можно предположить, что посад за Днепром к началу осады города поляками был укреплен, а его укрепления назывались «Острогом». Косвенным подтверждением этому могут служить данные о численности смоленского гарнизона. К моменту осады в 1609 г. он насчитывал 5335 человек (44, с. 228). Часть жителей несла службу и на правобережье, к ним относились, например, слобожане Петровского и Покровского монастырей, а также жители Дорогобужа и Вязьмы — всего 625 человек (63, с. 158, № 233). Учитывая, что численность гарнизона города была небольшой, а монастырские слобожане и иногородцы составляли, видимо, не основной контингент войск, расположенных за Днепром, можно полагать, что обороне Заднепровского посада уделялось достаточно внимания в общей системе обороны Смоленска. Вряд ли на правобережье оборонялся лишь небольшой предместный острожек, поскольку в таком случае нахождение в нем относительно большого гарнизона необъяснимо. Скорее всего здесь располагались посадские укрепления — «острог». Несмотря на то, что защита заднепровского острога была доверена непрофессионалам, это не может являться свидетельством его малой значимости, так как, во-первых, они были, видимо, приданы дополнительно гарнизону острога, а, во-вторых, численность военных-профессионалов, участвовавших в защите левобережной крепости, составляла всего 9,4% от общей численности ее гарнизона, состав которого складывался из представителей дворян, крестьян и посадских (45, с. 65—97). В пользу того, что в Заднепровье располагался гарнизон, защищавший какие-то укрепления, свидетельствует также и борьба за обладание мостом через Днепр, соединявшим обе части города, которая развернулась с начала осады Смоленска.

Если бы защита города сводилась только к обороне крепости, было бы логичным ожидать, что ее защитники в первую очередь уничтожат мост через Днепр, тем более что на Покровской горе находился много-

численный лагерь поляков, которые, обладая мостом через реку, могли бы помешать успешному ведению обороны левобережной крепости. Но этого не произошло. Мост служил единственной связью между двумя частями смоленского гарнизона, и в этом случае заинтересованность смолян в его сохранении понятна. Поляки не смогли сходу завладеть им, и поэтому 3 октября 1609 г. для удобства сношения между войсками наводят понтонный мост через Днепр к западу от крепости (70, с. 450; 16, с. 6). Но уже на следующий день гетман С. Жолкевский, лагерь которого располагался в Борисоглебском монастыре на Смядыни, отдает приказ о частичной разборке его для того «чтобы наши не переезжали на другую сторону (правый берег. — Н.С.), потому что от беспечного их выезда Москвитяне захватывали много наших» (70, с. 450). Этот факт указывает на наличие в Заднепровье русских войск, которые брали в плен поляков, вероятно, в результате вылазок из острога.

11 октября 1609 г., пишет в своем дневнике С. Бельский, «наши сожгли неприятельский мост в крепости... и Москвитяне вышли было с мушкетами для защищения моста». В результате схватки потери понесли обе стороны (16, с. 9, 10). Здесь под термином «крепость», видимо, подразумеваются укрепления не только левобережья, но и Заднепровья, в противном случае непонятно, откуда вышли смоляне для защиты моста.

Возвращаясь к приведенному выше письму смолян от 8 октября 1609 г., можно предположить, что, так как острожные укрепления не могли обеспечить надежную защиту посада, а гарнизон города был невелик, жители Заднепровья перешли в крепость, которая стала основным оплотом осажденных; посад же предварительно был выжжен для обеспечения лучших условий обороны.

В этом смысле особый интерес представляет гравированный вид Смоленска 1610 г., исполненный Г. Келлером и известный в трех вариантах (рис. 6—8)—А, Б и В (87, с. 9, 10). Несмотря на то что время изготовления гравюры определяется вариантом Б и датируется 1610 г., представленные на ней события относятся к более раннему времени — началу осады Смоленска. На это указывает изображение горящих моста через Днепр (сожжен 11 октября 1609 г.) и заднепровского посада. Кстати, в экспликации к варианту В гравюры под литерой «С» обозначено: «Предградие, которое Москвитяне сами подожгли и разрушили».

Хотя данный вид города носит условный характер, он представляет значительный интерес для реконструкции укреплений Заднепровья. По гравюре можно выделить три типа оборонительных сооружений.

Тип I. Каменные стены и башни (есть на всех вариантах гравюры). Характер их воспроизведения схож с передачей изображения стен и башен крепости Ф. Коня. Наиболее похожи по своим очертаниям две башни, расположенные против моста через Днепр. Все башни круглые, но о действительном их плане по гравюрам судить нельзя. Четко прослеживаются четыре каменные башни, три из которых имеют шатровые завершения. Существование здесь пятой башни остается под сомнением. На варианте А, западнее большой башни с шатровым завер-

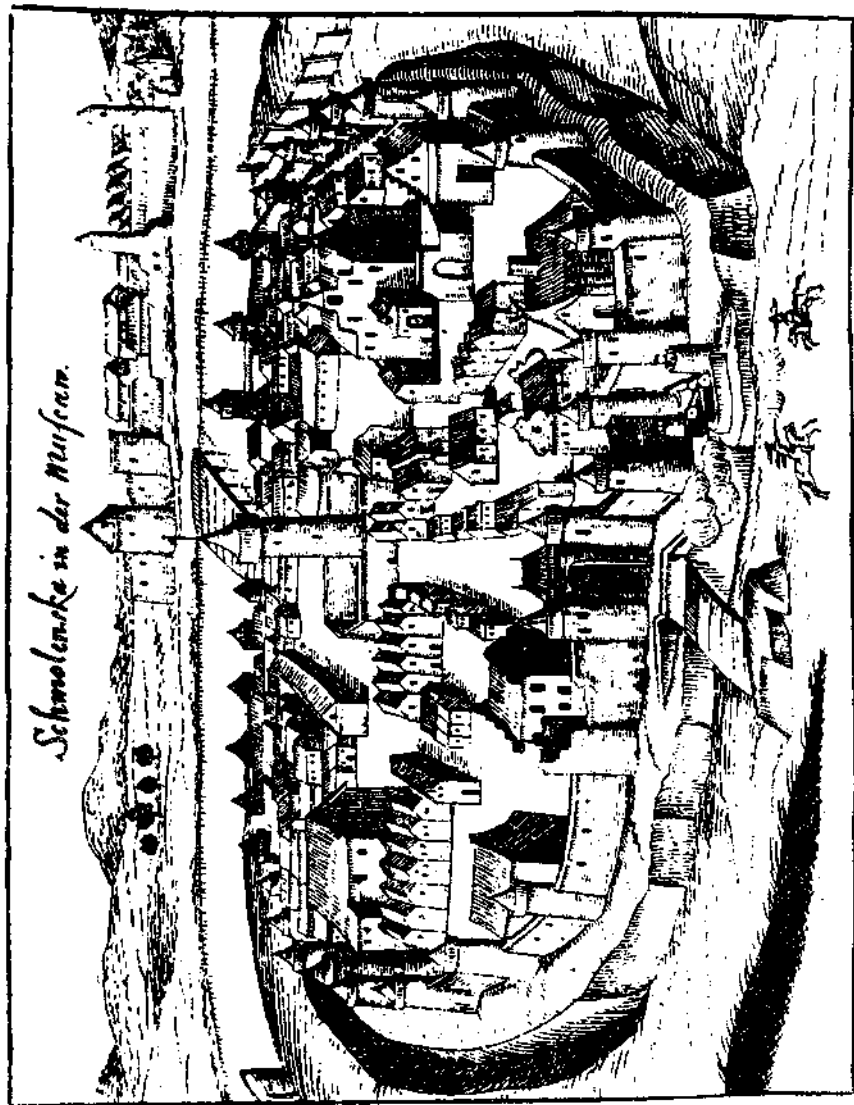

Рис. 6. План г. Смоленска. Г. Келлера. 1610 г. Вариант А.

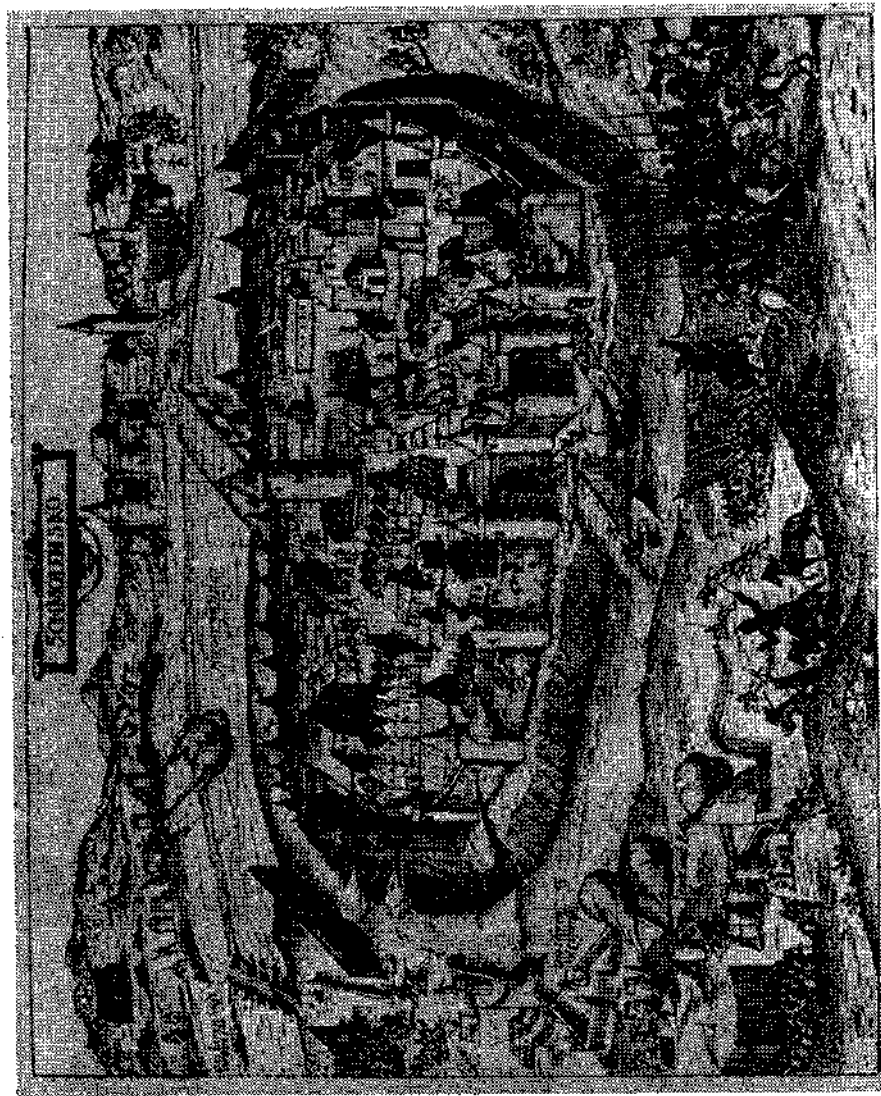

Рис. 7. План г. Смоленска Г. Келлера. 1610 г. Вариант Б.

шением, расположенной против моста через Днепр, показано прясло стены, имеющее двускатную деревянную кровлю. На варианте Б эта часть укрепления может рассматриваться как башня без шатра. На гравюре, представленной вариантом В, она закрыта изображением дыма от горящего посада. Между двумя башнями в юго-западной части показаны каменные стены, часть из которых имеют двускатные кровли (вариант А). В стенах и башнях укрепления видны бойницы, на некоторых башнях они показаны в несколько ярусов. Расположение башен одна относительно другой на вариантах разное, поэтому судить о действительном их местонахождении сложно.

Тип II. Деревянные стены и башни. На всех вариантах гравюры показано, что восточная часть посада укреплена деревянными башнями. Видно прясло стены между четырехугольными деревянными башнями, одна из которых имеет четырехскатное шатровое завершение, и участок стены к югу от нее. Эта часть укрепления с абсолютной точностью повторяется на всех вариантах, что служит подтверждением действительности существования этого оборонительного сооружения. Исключение составляет только количество бойниц, изображенных на башне с шатровым завершением. Если на варианте А показана одна бойница, на варианте Б — две, то на варианте В их нет.

Деревянные укрепления по величине меньше каменных. Несмотря на специфический характер источника, можно полагать, что относительная величина башен в данном случае выдержана и соответствовала действительности.

Тип III. На варианте А в юго- и северо-восточной частях укрепления показан тын. Начинаясь на востоке от прясла деревянной стены, он идет вдоль линии Днепра к западу до каменной башни. Тын показан и на заднем плане укрепления в северной его части. На вариантах Б и В его нет, так как эта часть гравюры занята изображением проезжающего мимо отряда всадников. Вследствие этого говорить о наличии здесь тына можно только предположительно.

Таким образом, все варианты гравюры свидетельствуют о разнохарактерности укреплений Заднепровья, которую можно объяснить тем, что они возводились неодновременно. Это скорее всего было связано с постепенностью роста посада. Вывод о наличии каменных укреплений вызывает некоторые сомнения, ведь основная крепость на левом берегу получила их только к 1602 г. Источники не сообщают об одновременном сооружении каменных крепостей на обоих берегах Днепра.

В Разрядных книгах 1475—1598 гг. под 1586 годом говорится о «Большом каменном городе» в Смоленске (74, с. 377). Это название за период с 1586 по 1602 г. упоминается всего один раз. В источниках кануна осады города 1609—1611 гг. встречается такой термин, как «каменный город», но он относится уже к крепости Ф. Коня (63, с. 27, № 45). Можно предположить, что название «Большой каменный город» относится к последней. Однако комиссия по постройке крепости была создана только в 1595 г. (I, с. 451, № 365, II), само же строительство началось через год, когда Смоленск посетил Борис Годунов, назначивший места для рвов, стен и башен (58 с. 47). Следовательно, упоминание в источниках «Большого каменного города» за десять лет до

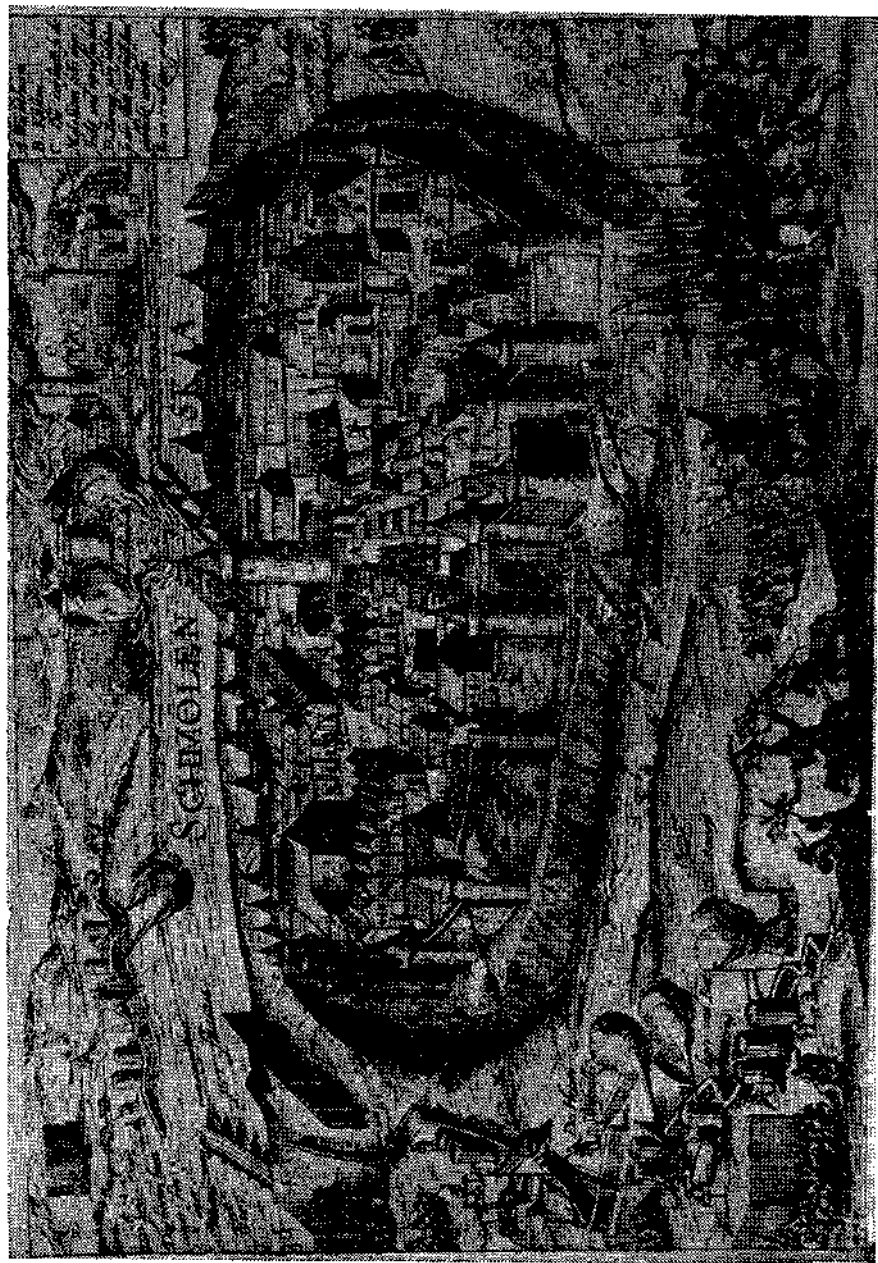

Рис. 8. План г. Смоленска Г. Келлера. 1610 г. Вариант В.

строительства крепости может косвенно свидетельствовать о том, что какие-то каменные укрепления в Заднепровье существовали до постройки знаменитой смоленской крепости.

Связь Заднепровского острога с другими частями посада осуществлялась посредством ворот. Один из участников осады города оставил в своем дневнике такую запись: «Ворот к городу, который русские сожгли, 3, к югу 3 и к северу 3» (70, с. 447). Видимо, эту запись нужно понимать так, что ворот, ведущих в острог с южной и северной сторон, было по трое. Это сообщение не может относиться к крепости Ф. Коя. В ней было 9 ворот: пять с северной стороны, одни с южной, двое с восточной и одни с западной. Изображение некоторых ворот острога имеется на вариантах гравюры Г. Келлера. Одни находились в юго-восточной части острожных укреплений между бревенчатой стеной и тыном (вариант А); вторые располагались несколько восточнее линии Днепровского моста в южной части укрепления (вариант В); третьи — в северной части острога по линии моста через Днепр (вариант Б). Местонахождение других ворот не известно.

К самому концу XVII в. относятся известия о Заднепровских воротах в Смоленске (92, с. 172), которые, вероятно, находились в той же «новой крепости», которую в свое время видел А. Лизек. Эти ворота располагались в ее северной части против моста через Днепр. Конечно, это уже была не та крепость, что в конце XVI — начале XVII в., однако можно полагать, что ворота с таким названием существовали здесь и ранее, поскольку на примере укреплений в левобережной части города видно, что в Смоленске прослеживается преемственность в наименовании некоторых башен и ворот.

Установить точные границы Заднепровского острога, укрепления которого на рубеже XVI—XVII вв. охватывали часть посада, нельзя. Можно лишь приблизительно наметить его очертания. Для этого необходимо выяснить, что представляла собой «новая крепость». В одном из документов конца XVII в. есть указание на то, что «за рекою за Днепром около всего посаду от реки Днепра до Днепра ж зделали надолб в две кобылины на девяти стах на тридцати на трех саженьях» (96, с. 45)⁷. Из описания видно, что посад за Днепром был окружен двойным тыном протяженностью около 2 км (южная часть посада оставалась незащищенной). Трудно сказать, была ли протяженность укрепления такой же, как в предшествующий период. Хотя в XVII в. путешественники и принимали посад за основную часть города, тем не менее он не был таким, как раньше. После взятия поляками Смоленска все их силы были направлены не на возрождение посадских укреплений за Днепром, а наоборот. В одной из грамот Сигизмунда III так прямо и сказано: «Уничтожить на посадах крепости, а распространять оныя в городе», под которым подразумевалась каменная крепость (52, с. XXVII—XXXIV). Жители привлекались в крепость земельными и торговыми привилегиями (56, с. XVI, прим. 1). К тому же перед осадой 1632—1634 гг. города русскими войсками под предводительством

⁷ Для сравнения укажем, что протяженность валов Кронверка, устроенного Петром I в Заднепровье, равнялась 561 сажени (60, с. 53).

М. Шеина посад был снова выжжен (62, с. 731, 732). Таким образом, вплоть до воссоединения Смоленска с Россией посад за Днепром испытывал упадок. Достаточно сказать, что в 1656 г. здесь проживало только 200 человек (52, прил. XI).

Укрепление посада тыном в конце XVII в. по сравнению с реконструируемыми тремя типами укреплений рубежа XVI—XVII вв. было, несомненно, шагом назад, что говорит о снижении роли этого района в социально-экономической жизни города. Новая линия обороны посада скорее всего проходила там же, где находились ранние укрепления, с той лишь разницей, что в старом остроге прибрежная часть посада была также укреплена.

Посад Заднепровья не ограничивался рамками острога. На вариантах гравюры Г. Келлера (А) посадские постройки есть и к северу от укреплений острога, а по данным геобуриения, к востоку от Ильинского ручья имеется культурный слой мощностью до 4 м (81, с. 78—84). Линия укреплений Заднепровского острога в конце XVI в. проходила, видимо, по берегам ручьев Городянки — на западе и Ильинского — на востоке, которые в дополнение к искусственным сооружениям служили надежными естественными преградами. Северная граница острога, исходя из расчета протяженности укреплений конца XVII в., должна была проходить севернее современной ул. Кашена. Таким образом, в конце XVI в. острог в Заднепровье охватывал территорию площадью около 50 га (рис. 3).

Точная дата появления острога в Заднепровье неизвестна. Площадь его изменялась и росла в зависимости от роста посадской территории. Однако стабильные укрепления, которые с различными модификациями просуществовали до 1609 г., возникают здесь, видимо, к XV в. В то же время посад, простиравшийся к этому времени до Покровской горы, мог иметь и второй пояс обороны, хотя бы в виде тына.

На основании вышеизложенного видно, что система оборонительных сооружений в Смоленске складывалась постепенно, на протяжении длительного времени. Различного рода источники позволили проследить основные этапы ее развития, приведшие к возведению в 1596—1602 гг. мощной каменной крепости. Строительство ее именно в этом городе свидетельствует об особой роли Смоленска в системе обороны западных границ Русского государства на протяжении многих веков его существования.

Примечания

1. ААЭ. Спб., 1836. Т. I.
2. Авдусин Д. А. Археологические раскопки в Смоленске // Смоленский альманах. Смоленск, 1952. Вып. 10.
3. Авдусин Д. А. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957.
4. Авдусин Д. А. Отчет о работах Смоленской археологической экспедиции в 1966 г. // Архив ИА АН СССР. Р.—I. № 3355.
5. Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967.
6. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнёздове Смоленской археологической экспедиции за 1974 г. // Архив ИА АН СССР. Р.—I. № 5318.

7. Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Сапожников Н. В. Раскопки в Смоленске//АО 1976 г. М., 1977.
8. АИ. Спб., 1841. Т. 2.
9. Алексеев Л. В. О древнем Смоленске: (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии)//СА. 1977. № 1.
10. Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг.//Архитектурное наследство. М., 1962. № 14.
11. Алешковский М. Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории//Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. I. М., 1975.
12. Арсений, архиепископ Алласонский. Описание путешествия в Московию (1588—1589 гг.)//Историческая библиотека. 1879. № 9.
13. Багрянородный К. Об управлении государством//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
14. Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске//МИСО. Вып. 5. Смоленск, 1963.
15. Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. О вятичских древностях из Смоленска//СА. 1980. № 2.
16. Бельский С. Дневник 1609 г. Самуила Бельского//ЧОИДР. 1848. Кн. 6.
17. Варкоч Н. Описание путешествия в Москву посла Римского императора Николая Варкоча с 22-го июля 1593 года//ЧОИДР. 1874. Кн. 4.
18. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники//СА. 1967. № 3.
19. Воронин Н. Н. Два смоленских отрывка в Устюжском летописном своде//Вопросы истории. 1975. № 2.
20. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Древний Смоленск//СА. 1979. № 1.
21. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979.
22. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Спб., 1908.
23. Гондиус В. Изображение атаки и обороны Смоленска. 1634. (МДСXXXIV). Спб., 1847.
24. Грачев В. И. Смоленская стена//РА. 1900. Кн. 3. № 12.
25. Грачев В. И. Осада Смоленска Сигизмундом III (1609, 1610, 1611 гг.). Смоленск, 1909.
26. Дорожные записки 1797 г.//Шукинский сборник. М., 1903. Вып. 2.
27. Жолкевский С. Рукопись. Начало и успех Московской войны в царствование Е. В. Короля Сигизмунда III, под начальством Его Милости пана Станислава Жолкевского, воеводы киевского, напольного коронного гетмана//Изд. П. Мухановым. М., 1835.
28. Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск, 1982.
29. Инвентарь г. Смоленска 1654 г.//Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1904.
30. Иоасафовская летопись. М., 1957.
31. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.
32. Исторический очерк Смоленска. Спб., 1894.
33. Каменцева Е. Н., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975.
34. Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России//Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979.
35. Кобенцель И. Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века//ЖМНП. 1842. № 9. Ч. 35.
36. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). Спб., 1906.
37. Коробков Н. М. Стена Белого города//Историко-археологический сборник. М., 1948.
38. Красноперов И. М. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV века//Историческое обозрение. Спб., 1894. Т. 7.
39. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Спб., 1858. Ч. I.
40. Летопись великих князей литовских//Изд. А. Н. Поповым. Спб., 1854.
41. Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г.//ЖМНП. 1837. № 11. Ч. 16.

42. Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии//Научные известия Смоленского государственного университета, Смоленск, 1926. Т. 3. Вып. 3.
43. Маевский К. Зарисовки и обмеры древних крепостных сооружений г. Смоленска. 1868 г. Перспективный вид Никольской башни с внутренней стороны//ГЭ. Отдел рисунка. Ед. хр. 40981.
44. Мальцев В. П. Борьба за Смоленск в XVI—XVII вв. Смоленск, 1940.
45. Мальцев В. П. Ключ государства Российского//Исторические записки. М., 1940. № 8.
46. Маскевич С. Записки//Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Слб., 1834. Ч. 5.
47. Мейерберг А., фон. Донесение Августа Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московии//ЧОИДР. 1873. Кн. 3, 4; 1874. Кн. 1.
48. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
49. Миловнов Н. П. Ценные археологические памятники на территории Кремля в Смоленске//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1939. Д. 39а.
50. Миловнов Н. П. О результатах исследований в Смоленске на территории Кремля//Историко-археологический сборник. М., 1948.
51. Монгайт А. Л. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани//КСИИМК. Вып. 17. М., 1947.
52. Мурзакевич Н. А. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск, 1804.
53. Мурзакевич Н. Н. Достопамятности города Смоленска//ЖМНП. 1835. № 12.
54. Неклюдов М. Н., Писарев С. П. О раскопках в Смоленске. Смоленск, 1901.
55. Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606—1608). М., 1907.
56. Никитин П. Е. История города Смоленска. М., 1848.
57. Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.
58. Новый летописец//ПСРЛ. М., 1965. Т. 14.
59. Орловский И. И. Смоленская стена 1602—1902 гг. Смоленск, 1902.
60. Орловский И. И. Достопамятности Смоленска. Смоленск, 1905.
61. Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смяднии и раскопки его развалин//Смоленская старина. Смоленск, 1909. Вып. I. Ч. I.
62. Отрывки из дневника о войне царя Михайла Федоровича с польским королем Владиславом. 1632—1634//РИБ. Слб., 1872. Т. I.
63. Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг./Под ред. Ю. В. Готье//ЧОИДР. 1912. Кн. I.
64. Пернштейн И. Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана II при московском дворе в 1575 г. М., 1876.
65. Писарев С. П. Рукописный памятник смоленского Авраамьевского монастыря и его литературное значение//Филологические записки. Воронеж, 1881. Вып. I, 3; 1882. Вып. 4, 5.
66. Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894.
67. Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898.
68. Повесть временных лет/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Т. I.
69. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
70. Поход его королевского величества в Москву (Россию) 1609 г.//РИБ. 1872. Т. I.
71. Принц Д. Начало и возвышение Москвы. Сочинение Даниила Принца из Бухова//ЧОИДР. 1876. Кн. 4.
72. Протест гласного и местного археолога С. П. Писарева//СВ. 1898. 15 марта.
73. Пясецкий П. Смутное время и Московско-польская война//Памятники древней письменности и искусства. Слб., 1887. Т. 68.
74. Разрядная книга 1475—1598. М., 1966.
75. Разрядная книга 1475—1605. М., 1981. Т. 2. Ч. I.
76. Раппопорт П. А. Обстеження городищ в районі Кірово у 1950 р.//Археологія. Київ, 1952. Т. 7.
77. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.//МИА. М.; Л., 1956. № 52.
78. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.//МИА. М.; Л., 1961. № 105.
79. Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.//МИА. Л., 1967. № 140.

80. Редков Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом//Смоленская старина. Смоленск, 1909. Вып. 1. Ч. 1.
81. Сапожников Н. В. К вопросу об исторической топографии г. Смоленска: Диплом. работа. Рукопись. Хранится на кафедре археологии МГУ. 1974.
82. Сапожников Н. В. Раскопки городского вала в Смоленске//АО 1978 г. М., 1979.
83. Сапожников Н. В. Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска//Вести. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1979. № 5.
84. Сапожников Н. В. «Литовский вал» в Смоленске//КСИА. Вып. 160. М., 1980.
85. Сапожников Н. В. О раскопках в г. Смоленске//АО 1981 г. М., 1983.
86. Сапожников Н. В. Исследования в Смоленске//АО 1983 г. М., 1985.
87. Сапожников Н. В. Историческая топография древнего Смоленска: Канд. дис. Рукопись. Хранится в научной библиотеке МГУ им. А. М. Горького. 1983.
88. Седов В. В. Смоленская земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
89. Софийская вторая летопись//ПСРЛ. Спб., 1853. Т. 6.
90. Стадницкий М. История Димитрия царя московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской. Дневник Мартына Стадницкого//РА. 1906. Кн. 2. № 5, 6.
91. Тектандер Я. Г. Iter persicum, краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествия в Персию, предпринятого в 1602 г.//ЧОИДР. 1896. Кн. 2.
92. Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого//РА. 1888. Кн. 1. № 2.
93. Хозеров И. М. Город Смоленск в начале XVII в.//Смоленская оборона 1609—1611 гг. Смоленск, 1939.
94. Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска//КСИИМК. Вып. 11. М., 1945.
95. Хроника Литовская и Жмойская//ПСРЛ. М., 1975. Т. 32.
96. Ширяев С. Д. Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII вв. Смоленск, 1931.
97. Юркина Т. В. О чернолощеной керамике Смоленска XIV—XVII вв.//Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. 5.
98. Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований//Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1(11).

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ РАСКОПА УС—V В СМОЛЕНСКЕ

В 1955—1957 гг. в г. Смоленске на ул. Соболева вблизи Днепровских ворот крепости была вскрыта площадь в 288 кв. м (раскоп УС—V). Однако ценность добытого здесь материала, много давшего для изучения этого участка древнего города, его застройки, хозяйства, быта жителей, была значительно снижена тем, что раскопки велись на месте разрушенных в 1941 г. зданий, фундаменты которых прорезали культурный слой на глубину до 3,5 м от современной поверхности. Это обстоятельство в сочетании со сложностью рельефа исследуемого участка (уклон поверхности—1,7 м с Ю на С на расстоянии 18 м и 0,6 м с В на З на расстоянии 16 м) не позволило в ходе раскопок выделить комплексы одновременно существовавших сооружений. Выделение строительных ярусов на раскопе УС—V произведено автором статьи. В данной работе приводится поярусное описание найденных сооружений и их датирование.

Автором раскопок Д. А. Авдусиным культурный слой раскопа УС—V был разделен на 5 горизонтов, различающихся составом. Эти горизонты стали основой для последующего выделения нами строительных ярусов, то есть болеедробного стратиграфического членения остатков сооружений и связанного с ними культурного слоя. В верхних ярусах решение поставленной задачи, осложненное современными перекопами, в то же время облегчалось наличием значительного количества последовательно сменявших друг друга настилов и тем обстоятельством, что основные постройки выходили в профили раскопа. Кроме того, выделению ярусов способствовала неоднородность культурного слоя: использовались прослойки, объединявшие остатки одновременных построек. Сооружения в нижних пластах располагались большей частью внутри раскопа, не уходя в стенки. Таким образом, использование профилей раскопа не дало здесь желаемого результата. Внутри же раскопа реконструкции нижних ярусов мешало отсутствие значительных прослоек. Поэтому в нижних пластах был использован дополнительный прием: стратиграфия построек наблюдалась не только в профилях раскопа, но и с помощью профилей, вычерченных вдоль линий квадратов С—Ю (рис. 1).

Основной сравнительный материал дал вскрытый в 60-е годы раскоп УС—IX, расположенный восточнее раскопа УС—V. Даты большинства выделенных на нем строительных ярусов были установлены путем дендрохронологического анализа. Дерево же раскопа УС—V дендрохронологически датировано не было. Территориальная близость раскопов (расстояние между ними—около 200 м) позволяет предполагать, что система застройки территории и закономерности распространения находок одинаковы для обоих участков древнего города.

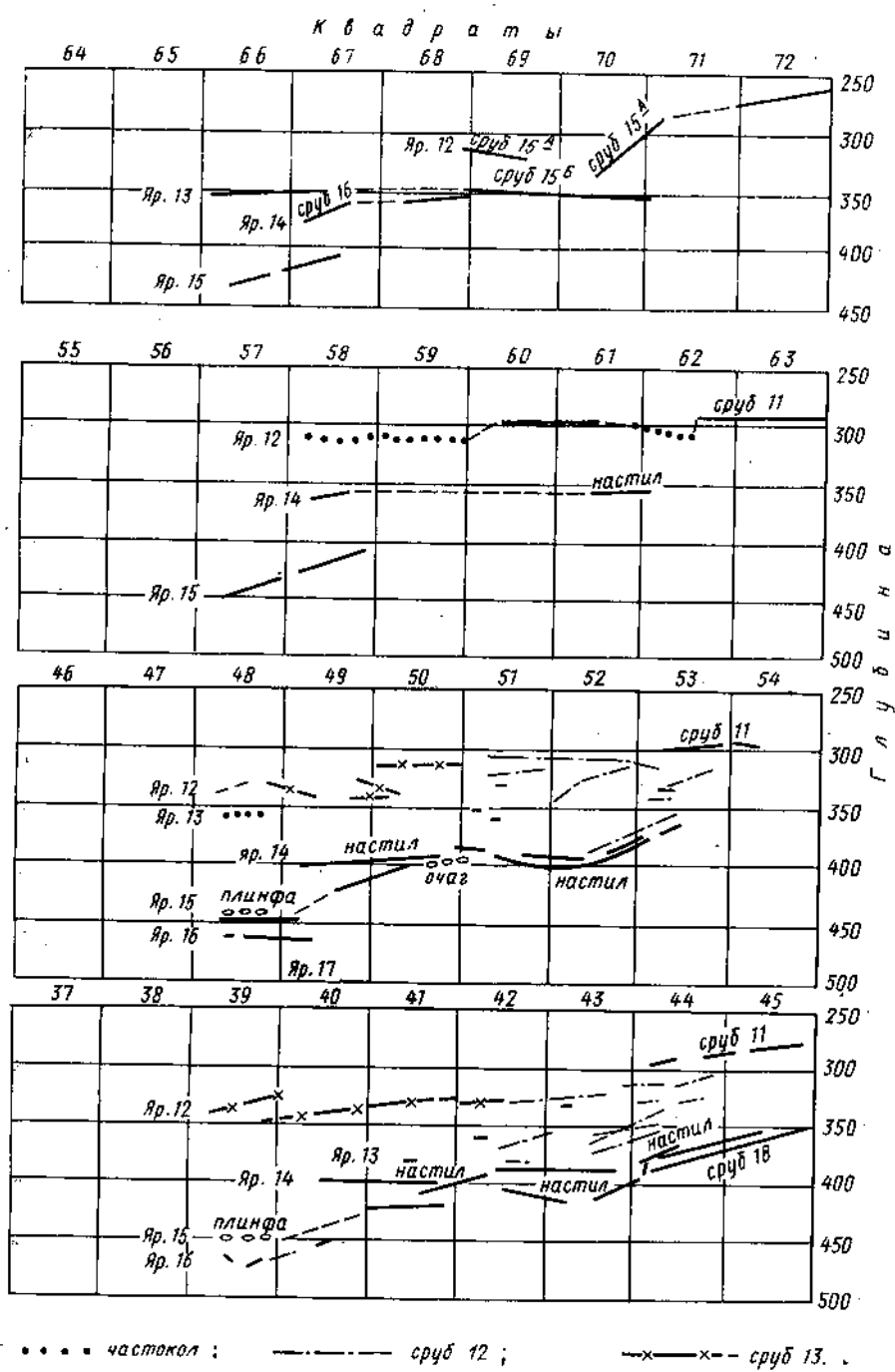
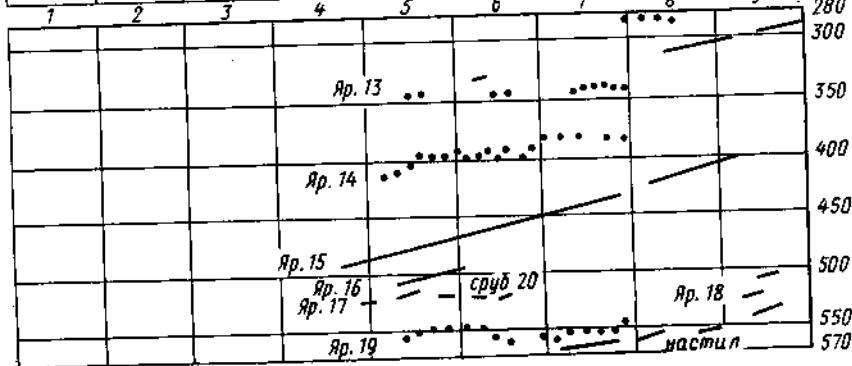
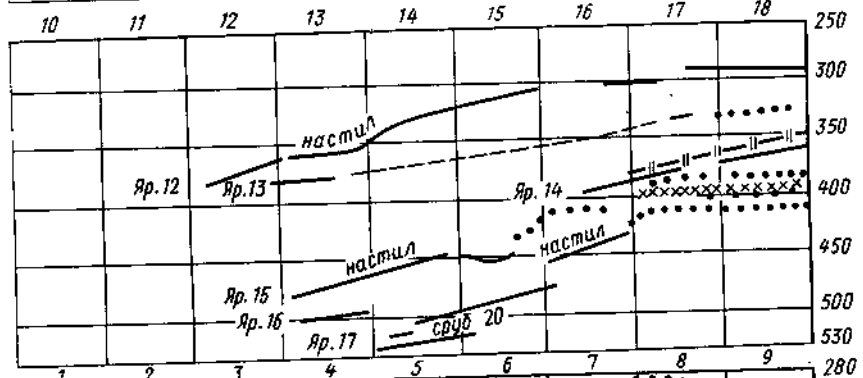
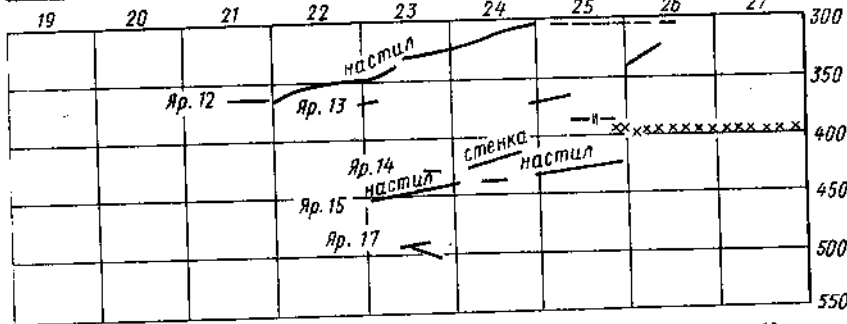
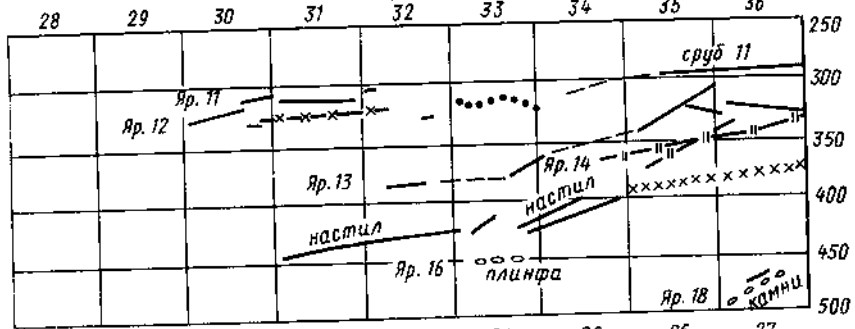

Рис. 1. Остатки сооружений в профилях по линиям квадратов С—Ю.
(продолжение рис. 1 см. на с. 82)

Квадраты

ГЛУБИНА

..... частаколы; —||— сруб 17 x x x x сруб 19

Стратиграфия раскопа УС—V.

Отметим некоторые общие черты, сохраняющиеся в планировке этого участка на протяжении длительного периода. Большинство открытых сооружений относится к одной усадьбе, занимавшей основную часть площади раскопа. В раскоп вошли также незначительные участки усадеб, расположенных к западу и востоку от нее. Проследить топографию территории к северу от названных усадеб удалось только в верхних пластах: нижние здесь не вскрывались.

Ярусы 19—16. Сооружений, сохранившихся здесь, слишком мало, чтобы говорить о планировке. В ярусе 19 в западной части раскопа проходил частокол направления Ю—С, ограничивая расположенный западнее настил. В ярусе 17 в западной части раскопа вскрыт юго-восточный угол сруба. Видимо, в этот период границы усадеб еще не приобретают даже относительную стабильность: в ярусе 17 частокол не мог существовать на месте более раннего: он уперся бы в упоминавшийся сруб.

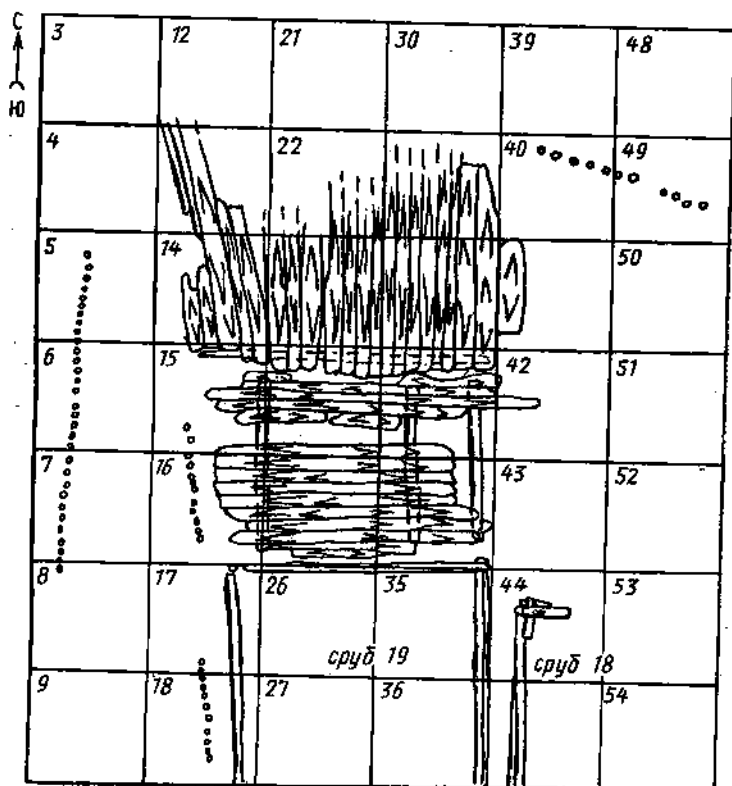

Рис. 2. Сооружения 15-го строительного яруса.

Ярус 15 (рис. 2). В южной части раскопа находился сруб № 19, поставленный на частокол. Свайный фундамент играл здесь нивелирующую роль: он располагался не по всему периметру сруба, а только там, где местность имела наибольший уклон. Не исключено, что в качестве фундамента был использован частокол предыдущего яруса. Внутреннее устройство сруба проследить не удалось. Обнаруженная под ним гидроизоляционная прослойка (кора, перекрытая глиной), не встреченная больше на раскопе, в сочетании с малым диаметром бревен (12—14 см) и малыми размерами самого сруба (длина северной стены — 4,5 м, восточная и западная уходили в стенку раскопа) может свидетельствовать в пользу хозяйственного характера сооружения.

К северу от сруба обнаружен настил из плах, уложенных на лаги. На примыкавшем к срубам участке плахи лежали параллельно его северной стене, а на более северном — перпендикулярно. К востоку от сруба № 19 зафиксированы незначительные остатки сруба № 18, ориентированного так же, как и первый. Западнее настла и сруба № 19 — две линии частоколов. Расстояние между ними — 2—3 м. Частоколы

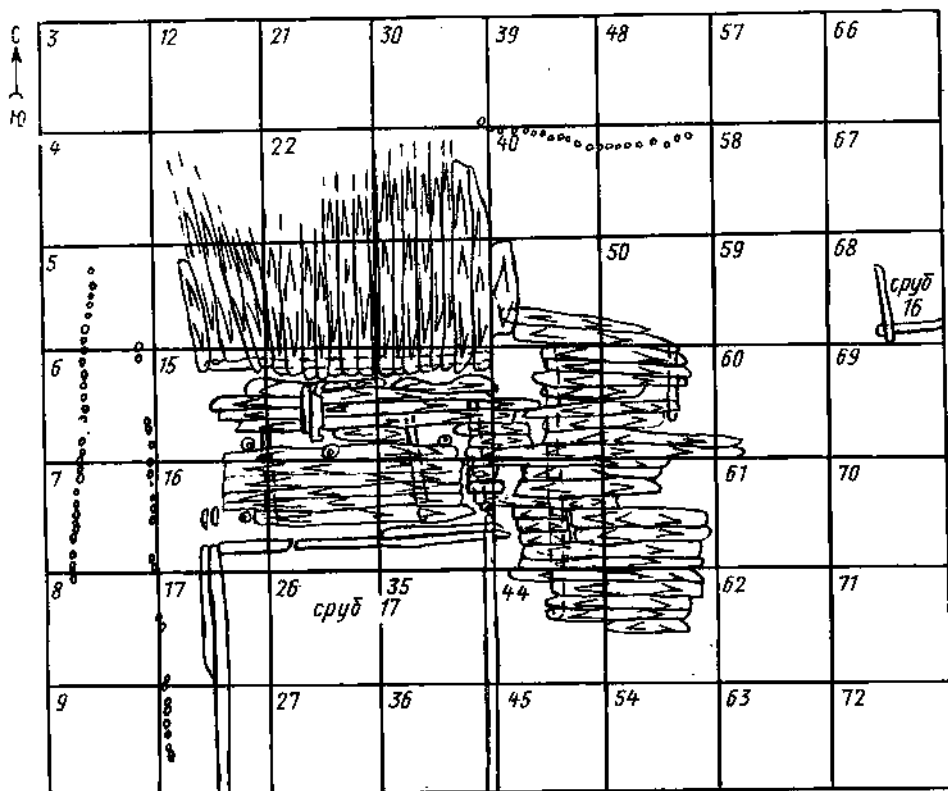

Рис. 3. Сооружения 14-го строительного яруса.

являлись границами усадеб: основной, на которой располагались описанные сооружения, и западной: в западном профиле раскопа на уровне ярусов 15—16 зафиксированы основания двух лежащих один на другом срубов. Прослежен также участок частокола, ограничивавшего основную усадьбу с севера.

Ярус 14 (рис. 3). Сруб № 19 сменился срубом № 17, повторившим план предыдущего, но имевшим большие размеры. Западная стена сруба № 17 поставлена на частокол, ограничивавший усадьбу в ярусе 15. К настилу яруса 15, несколько подремонтированному, был пристроен новый участок (к востоку от сруба № 17). Новый настил перекрыл остатки сруба № 18. Севернее сруба на настил поставлено сооружение, от которого сохранились остатки стенки столбовой конструкции, расположенной перпендикулярно срубам (горизонтально лежащее бревно с двумя вырубками, крепившее его бревно-распорка и поваленный столб). Возможно, посредством двух рядов столбов (в кв. 15, 24, 33 и кв. 16, 34), параллельных северной стене сруба № 17 и расположенных между домом и столбовой стенкой, это сооружение было связано со срубом в единую систему (например: «крыльцо — сени» или «галерея — сруб»). Западная граница усадьбы, сохраняя прежнее направление, несколько отодвинулась на запад. Расширение шло за счет поглощения межусадебного пространства: восточная граница соседней усадьбы, прослеженная в предыдущем ярусе, продолжала существовать и в ярусе 14. Северная граница основной усадьбы проходила на прежнем месте. В восточной части раскопа обнаружен юго-западный угол разрушенного сруба № 16. Отсутствие частоколов на этом участке не позволяет судить о принадлежности его той или иной усадьбе.

Ярус 13 (рис. 4). На территории основной усадьбы — сруб № 12, расположенный северо-восточнее сруба № 17 яруса 14. Постройка квадратная (длина стороны — около 4 м). Внутри — доски пола на переводинах и опечье: уложенный на столбы дощатый настил, обугленный и покрытый обожженной глиной. Постройка, вероятно, была жилой, чему не противоречит и состав находок. Возможно, к несохранившейся пристройке к срубам № 12 относилась лестница, от которой осталось бревно с вырубками и опорный столб, обнаруженный в 12 м к западу от сруба. Обозначилась восточная граница основной усадьбы: линия кольев направления Ю—С. Ориентировка сруба № 12, примыкавшего к частоколу восточной стеной, была согласована с направлением границы. Западная граница — на старом месте; северная, сохраняя прежнее направление, несколько отодвинулась на север. К востоку от основной усадьбы — остаток сруба № 15б. Основная часть его уходила в восточную стенку раскопа.

Ярус 12 (рис. 5). Севернее и несколько западнее продолжавшего существовать сруба № 12 построен сруб № 13, имевший квадратную форму (3,2×3,4 м). Северная стена его параллельна северной границе усадьбы. Между бревен постройки была проложена береста. Сруб имел сложную систему подкладок. Внутренняя планировка его не прослежена. К югу от сруба № 12 — сруб № 11, плохой сохранности. Строение, видимо, было хлевом: при крайне малом количестве находок внутреннее заполнение составлял мощный слой навоза. Расстояние между

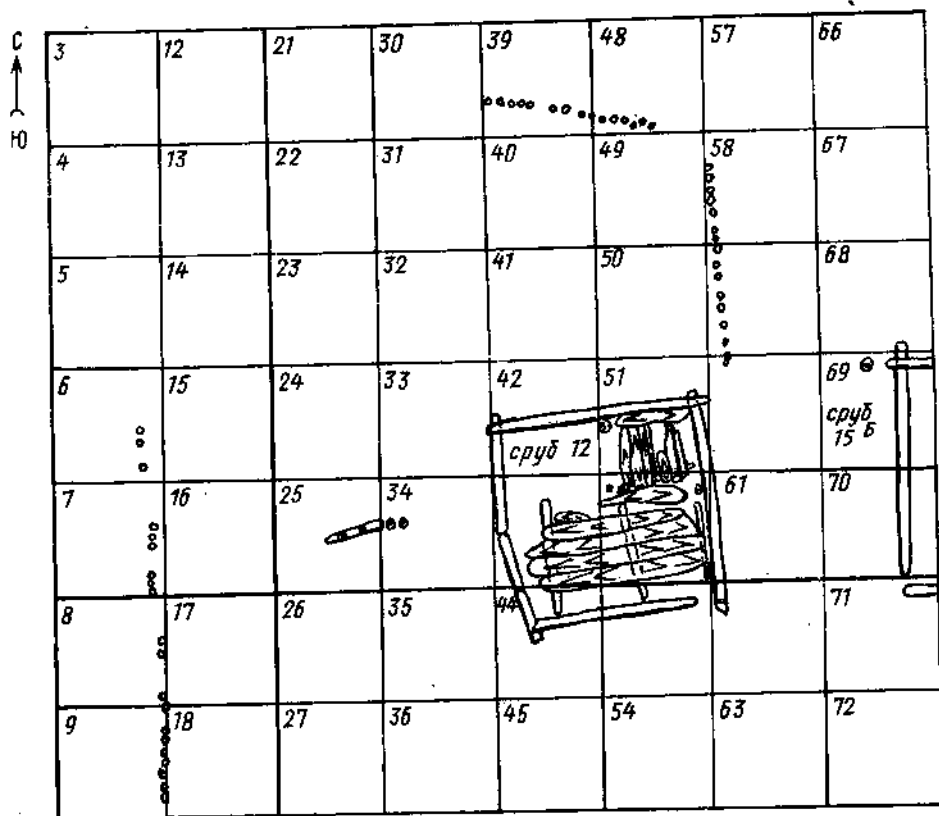

Рис. 4. Сооружения 13-го строительного яруса.

срубами не превышало 0,5 м и было замощено: остатки настила при-
мыкали к юго-западному углу сруба № 12 и соответственно к северо-
западному углу сруба № 11. Западнее сруба № 13 с юга на север про-
ходил настил из бревен, уложенных на землю без лаг. От юго-запад-
ного угла сруба № 13 к югу тянулся частокол, ограничивая настил с
востока. Возможно, поворачивая, частокол огибал настил и с юга: здесь
обнаружены колья, расположенные, однако, несколько беспорядочно.
Описанный частокол проходил внутри основной усадьбы. К югу от
настила и к западу от сруба № 11 — развал бревен, не позволяющий
конкретно говорить о каком-либо строении. Северная и восточная гра-
ницы усадьбы находятся на прежнем месте, западная не сохранилась.
В юго-западном углу раскопа — незначительные остатки сруба № 6,
настил из горбылей севернее сруба и короткий (менее 1 м) участок ча-
стокола, параллельного направлению настила, но расположенного се-
вернее него. На юге частокол поворачивал к вымосту под прямым
углом и кончался у северо-восточного угла настила. Учитывая плани-
ровку участка в более раннее время, можно считать, что описанные на

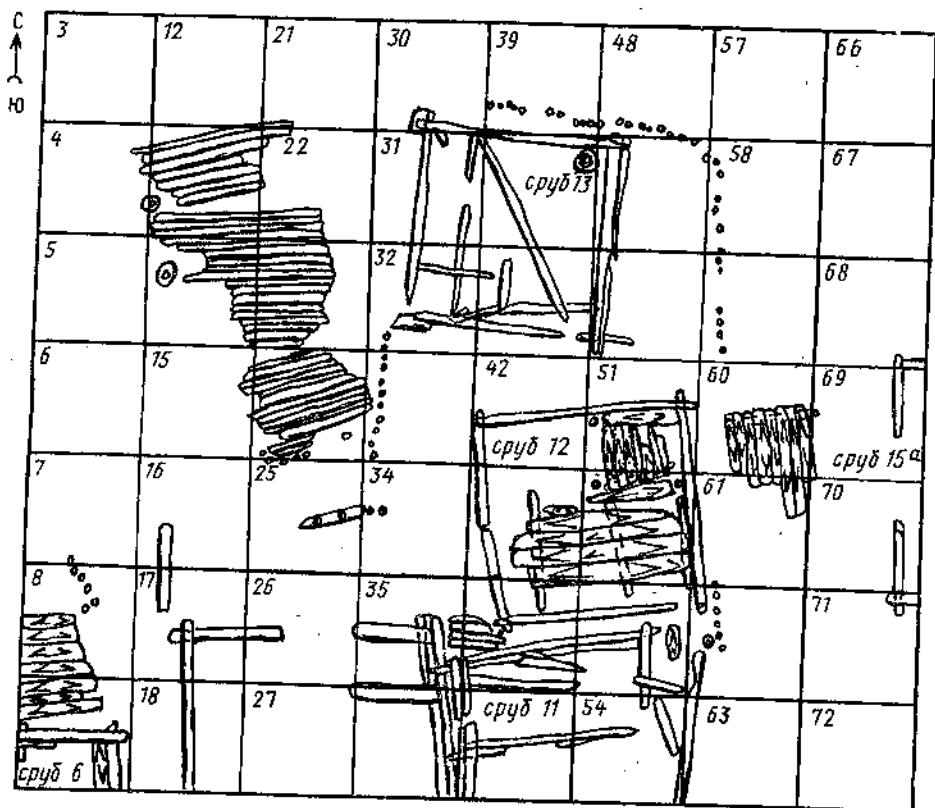

Рис. 5. Сооружения 12-го строительного яруса.

юго-западном участке раскопа остатки сооружений принадлежали западной усадьбе, расширившейся за счет нейтрального пространства.

Восточнее основной усадьбы — сруб № 15а, сменивший сруб № 15б. Западнее на той же усадьбе — линия столбов, параллельная западной стене сруба. Между столбами и восточной границей основной усадьбы — настил из горбылей на лагах.

Ярус 11 (рис. 6). Единственный сруб (№ 5), прослеженный в ярусе 11, был расположен в юго-западной части раскопа. Сохранился северо-западный угол сруба: остатки двух венцов, связанных в обло и лежащих один в другом. Возможно, внешний венец — это остатки галереи, которой согласно реконструкции Ю. П. Снегальского была окружена древнерусская изба (1, с. 31—48). Можно предложить еще одну интерпретацию остатков сруба № 5 по аналогии со Старой Ладогой. В обнаруженной там постройке концы половиц налегали на бревенчатую обвязку, бревна которой в углах были связаны в обло (2, с. 33). Восточнее сруба — настил из бревен и горбылей на лагах. К северу от описанных сооружений открыты два бревенчатых настила. Бревна лежали по направлению В—З (перпендикулярно направлению бревен и горбылей

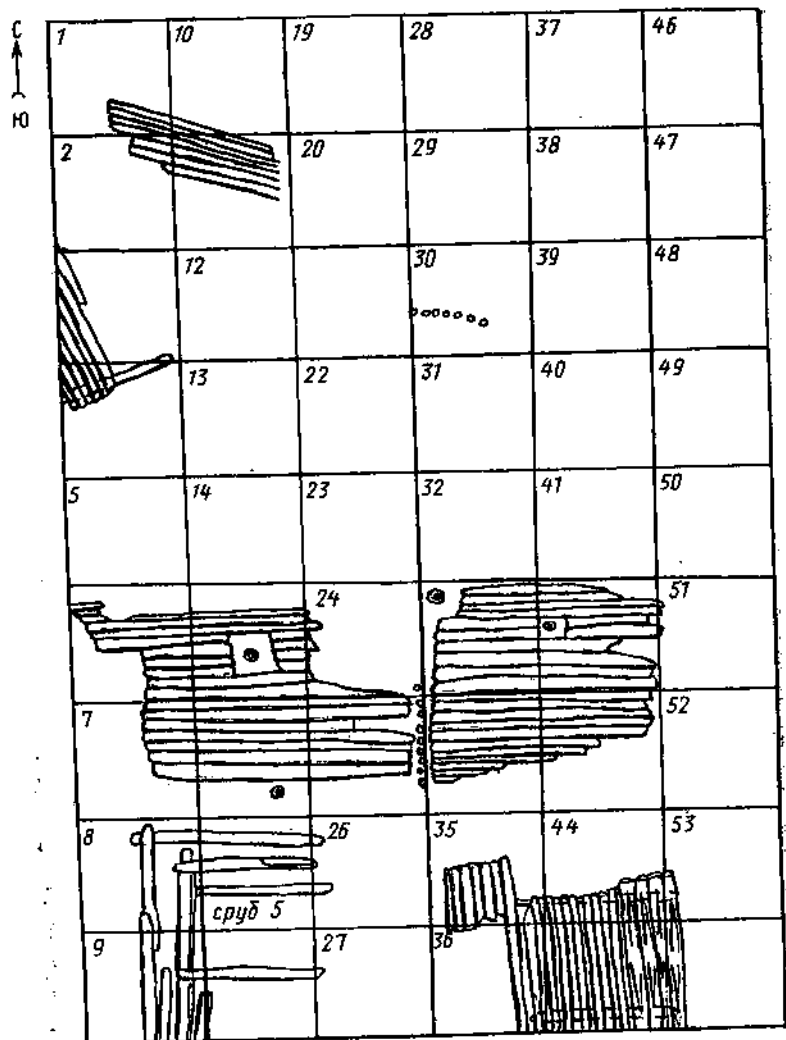

Рис. 6. Сооружения 11-го строительного яруса.

южного вымоста), лаг не было. Каждый из настилов имел квадратную вырубку, в которую был вкопан столб¹. Вымосты разделял частокол направления Ю—С.

Судя по сохранившемуся незначительному отрезку, северная граница усадьбы осталась на прежнем месте. В северной части усадьбы обнаружены остатки еще одного настила на лагах. Направление — ЮЗ—СВ. В северо-западном углу раскопа (за пределами усадьбы)

¹ Подобные квадратные вырубki в настиле встречены на раскопке УС—IX в ярусах 9 и 10.

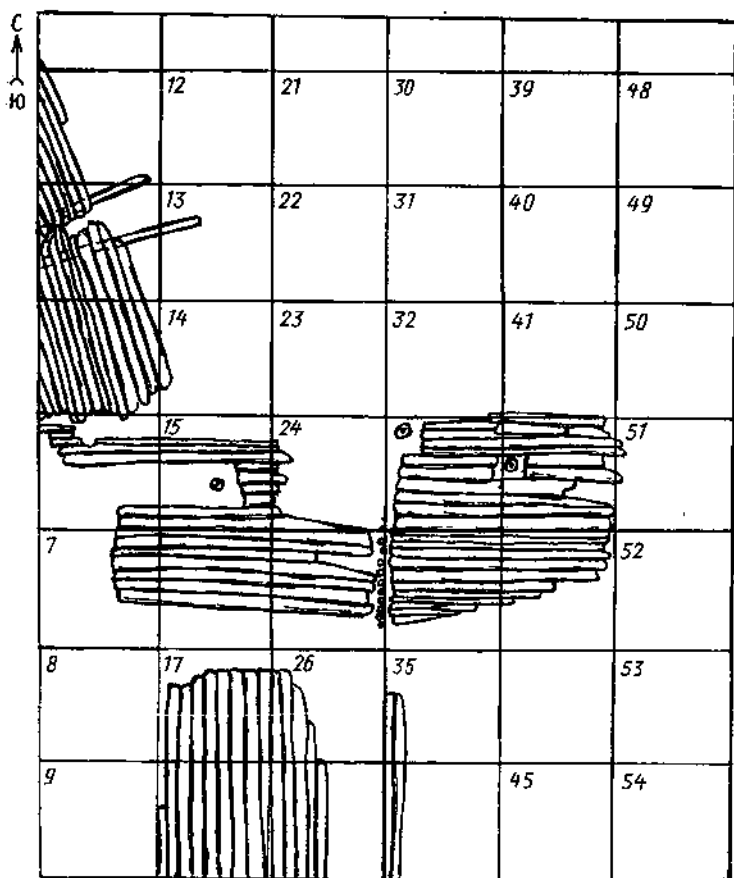

Рис. 7. Сооружения 10-го строительного яруса.

открыты остатки настила из бревен, лежащих на земле без лаг. Бревна уложены параллельно северной границе усадьбы. Западная и восточная границы основной усадьбы в ярусе 11 не сохранились, но, судя по расположению сруба № 5, усадьба должна была расширяться в западном направлении не менее чем на 1 м.

Ярус 10 (рис. 7). Продолжали существовать настилы с вырубками и частокол между ними. Был сохранен и настил в северо-западной части усадьбы. Сюда к нему пристроен еще один участок, доходивший до вымоста с вырубкой. На месте сруба № 5 — настил из бревен и горбылей направления Ю—С, уложенных прямо на землю. Границы усадьбы не прослеживаются. Невыразительность остатков сооружений не позволяет определенно говорить о резкой перепланировке усадьбы в 11-м и 10-м ярусах.

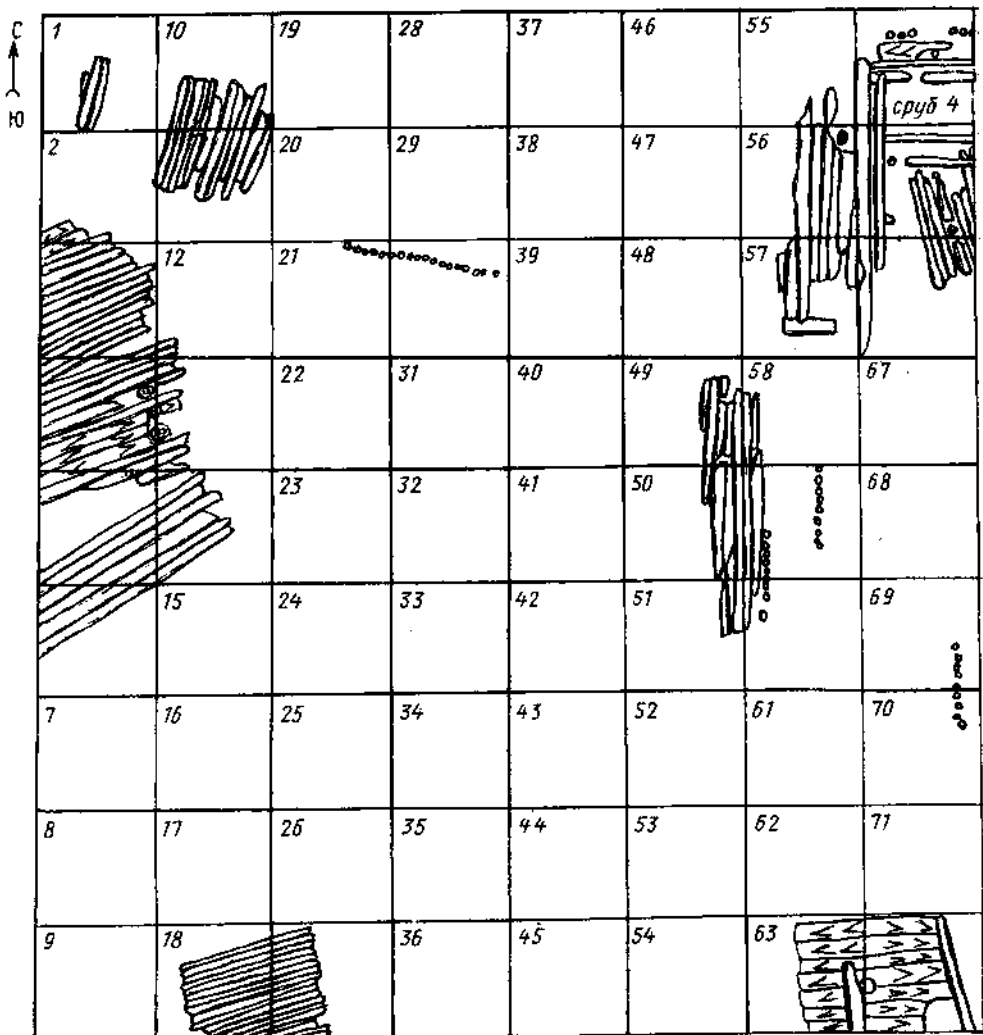

Рис. 8. Сооружения 9-го строительного яруса.

Ярус 9 (рис. 8). В северо-восточном углу раскопа обнаружены остатки сруба № 4, уходящего в стенку раскопа. Сохранился его северо-западный угол, часть северной и западной стен. Внутри — настил, направление бревен которого не совпадало с направлением стен сруба. Скорее всего необычное положение настила является результатом позднейших перекопов. К западной стене сруба № 4 с внешней стороны примыкал бревенчатый вымост; лаги не прослежены. К северу от сруба — частокол, параллельный его северной стороне. В юго-восточном

углу раскопа обнаружен настил из обтесанных и плотно пригнанных досок направления В—З. С востока к доскам плотно прилегалo бревно. Еще одно бревно лежало на настиле рядом с круглой вырубкой для столба. Остатки сооружения были покрыты слоем навоза, что свидетельствовало о наличии здесь помещения для скота. Между описанными постройками — три параллельных друг другу коротких отрезка частоколов направления Ю—С. К западной линии кольев примыкал с запада бревенчатый настил.

Вероятно, западный частокол — граница усадьбы, которой принадлежали сруб и хлев. Два других частокола ограничивали пространство внутри усадьбы; они могли быть остатками открытого загона для скота: на уровне яруса 9 слой в этом месте был насыщен навозом. Таким образом, в ярусе 9 наметились западная и северная (к северу от сруба № 4) границы восточной усадьбы.

На территории, которую, ориентируясь на планировку предыдущих ярусов, можно отнести к основной усадьбе, сохранились только два настила в западной части раскопа. Оба уложены на землю без лаг. Первый — из бревен и горбылей, второй — из тонких бревен. Направление настилов совпадает, но значительное расстояние между ними и разная толщина бревен мешают окончательному отнесению их к одному сооружению. Северная граница основной усадьбы продвинулась к северу на 1 м (по сравнению с ярусом 11). Западная и восточная границы не сохранились. В северо-западном углу раскопа, за пределами обеих усадеб — остатки бревенчатого настила без лаг. Направление его параллельно северной границе усадьбы.

Ярус 8 (рис. 9). В северной части основной усадьбы — сруб № 3, квадратный в плане (длина стороны — 5,6 м). Постройка погибла в пожаре. Внутри сохранился настил пола и развал печи (?), расположенный у восточной стены в средней ее части и представлявший собой лежащую на двух обгорелых досках прослойку обожженной глины с углем. Вдоль восточной стены сруба проходил частокол, который, огибая дом, поворачивал на С—З, сохраняя традиционное направление северной границы основной усадьбы. В ярусе 8 северная граница прослеживалась в пределах раскопа на всем ее протяжении. Судя по сохранившемуся участку, восточная граница несколько отодвинулась в глубь основной усадьбы. В юго-западной части раскопа — участок западной границы, расположенной там же, где и в ярусах 13—12. Таким образом, некоторое расширение усадьбы в западном направлении в ярусе 11 было временным. В западной части усадьбы — настил, идущий вдоль границы. Бревна лежали на земле без лаг.

На восточной усадьбе раскопан обгорелый бревенчатый настил без лаг. Западные края бревен упирались в частокол направления ЮЮВ—ССЗ. Южнее находились две короткие линии кольев направления Ю—С и у восточной стенки раскопа — еще один частокол того же направления, поворачивающий под прямым углом в двух метрах южнее настила. Западный ряд кольев, видимо, вместе с частоколом, ограничивавшим настил, служил границей усадьбы, остальные же, скорее всего, отделяли внутриясадебный загон для скота: как и в предыдущем ярусе, в слое отмечено обильное количество навоза.

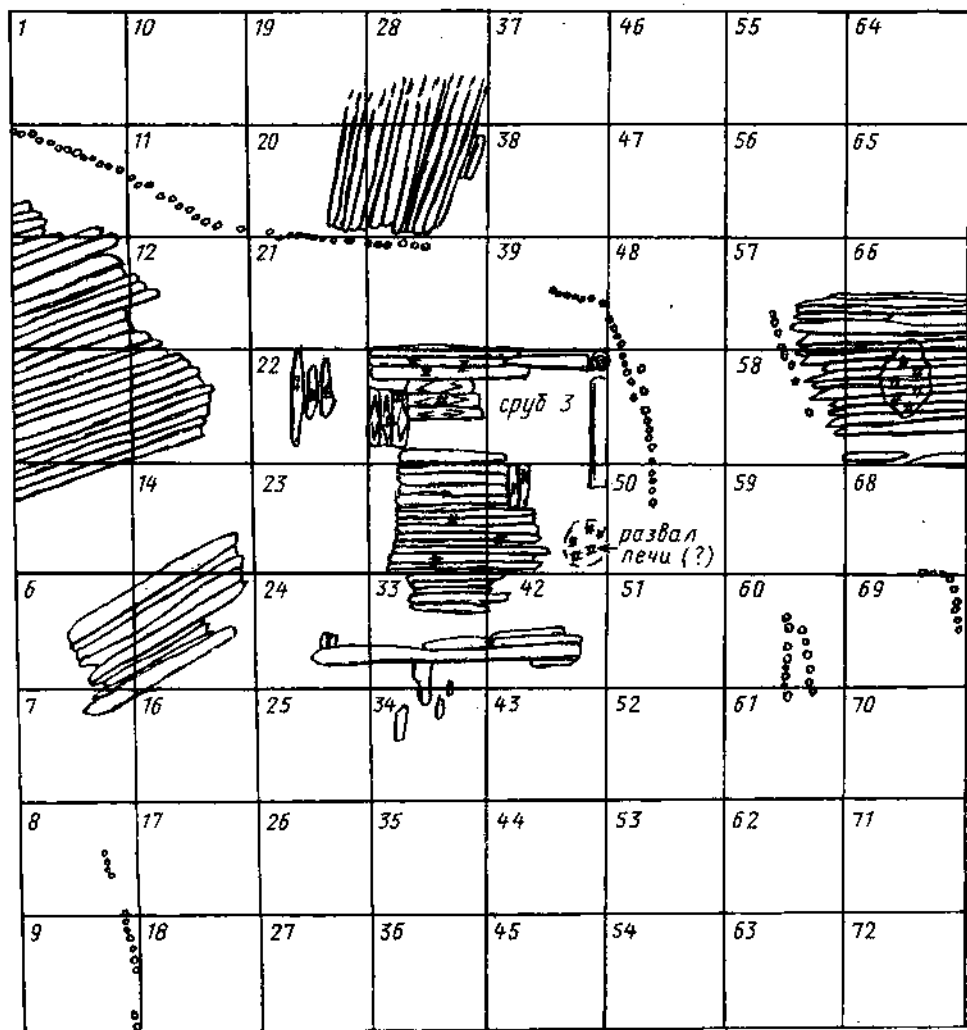

Рис. 9. Сооружения 8-го строительного яруса.

К северу от основной усадьбы — вымост того же направления, что и в ярусе 9.

Ярус 7 (рис. 10). Сохранилась только западная граница основной усадьбы, место и направление которой остались прежними. К границе примыкал с востока настил (как и в ярусах 8—9). В южной части он состоял из горбылей, уложенных плоской стороной вверх; прослежена западная лага. Севернее настил сооружен из бревен и повернутых выпуклой стороной вверх горбылей; лаг на этом участке не было. Восточнее настила обнаружены остатки сруба № 2: северная стена и

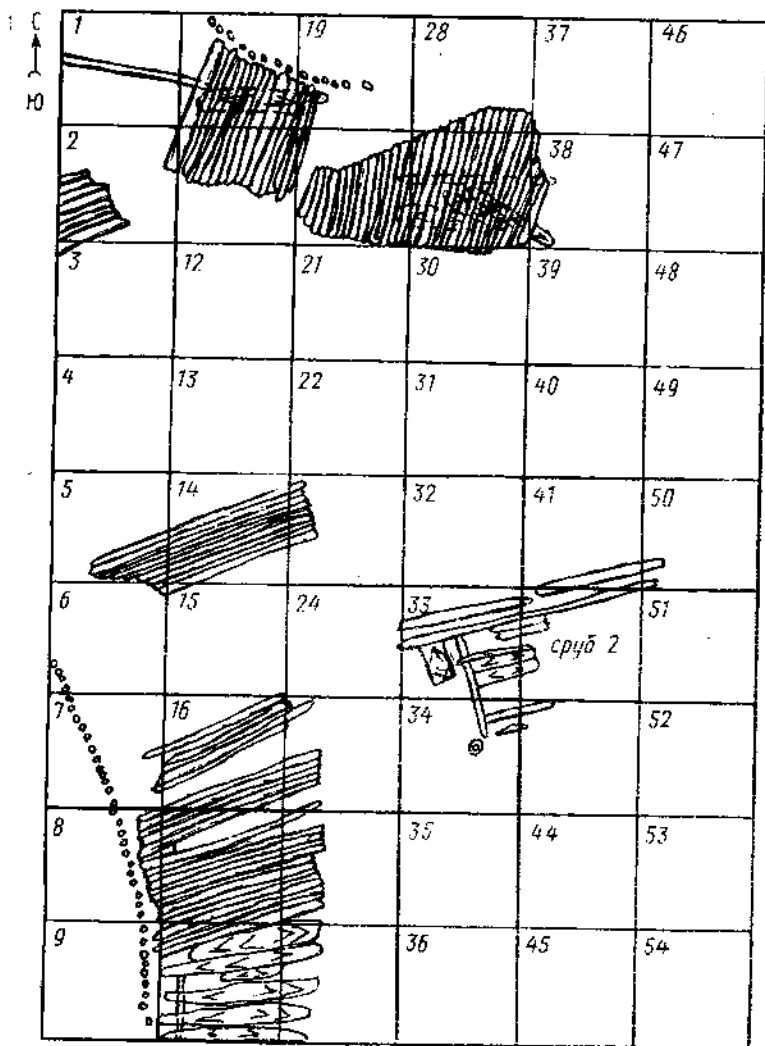

Рис. 10. Сооружения 7-го строительного яруса.

олече. Никаких других сооружений на территории основной усадьбы не сохранилось.

В северо-западной части раскопа — настил. В ярусе 7, в отличие от более ранних ярусов 8 и 9, под настилом прослеживались бревна (лаги?) и доски (подкладки?). Вдоль северного края вымоста проходил частокол.

Ярус 6 (рис. 11). Западная часть раскопа по-прежнему занята бревенчатым настилом без лаг. На расстоянии 3 м к западу от настила — частокол, идущий в том же направлении, что и западная граница ос-

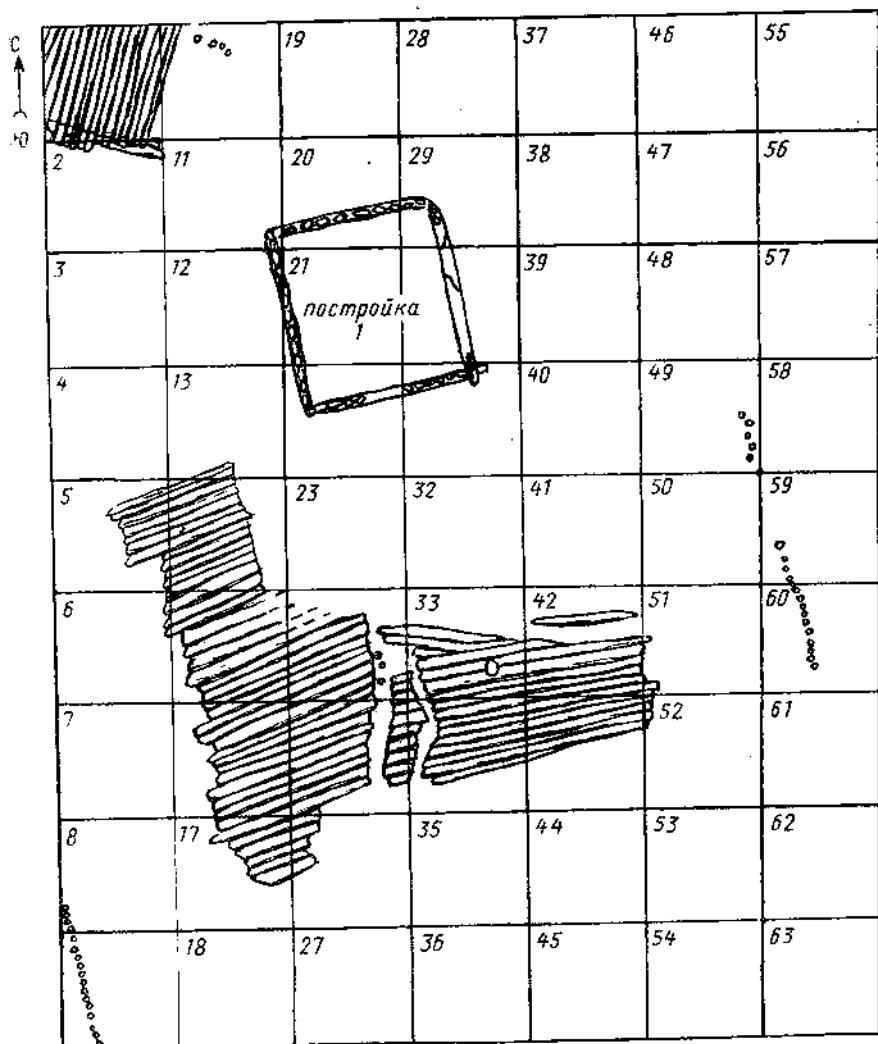

Рис. 11. Сооружения 6-го строительного яруса.

новой усадьбы, но располагавшийся западнее, чем эта граница в ярусе 7. Западный край настила поврежден, поэтому нельзя установить, примыкали ли первоначально бревна вымоста к частоколу и соответственно был ли этот частокол границей основной усадьбы. Равным образом из-за отсутствия остатков других сооружений в восточной части раскопа нельзя с уверенностью утверждать, что открытый здесь частокол служил восточной границей основной усадьбы.

К востоку от описанного вымоста был сооружен другой, параллельный первому. Настилы разделяла траншея с частоколом, что напо-

минает планировку ярусов 10—11 (где разделявший вымосты частокол располагался почти на том же месте). К северу от настилов — постройка № 1. Бревна горизонтального венца, сложенные в обло, имели в верхней части продольные пазы. Вставленные в них четырехугольные брусья образовывали сплошную стенку. Постройка квадратная в плане (длина стороны — около 3 м). Судя по конструкции, сооружение было предназначено для производственных или хозяйственных целей, о чем свидетельствует и песчаная подсыпка внутри при отсутствии деревянного пола. Найденные внутри обломки поливной керамики и «государственного» кирпича, по которым в полевом отчете сооружение датируется XVII в., попали сюда из перекопов. Судя по расположению описанной постройки, северная граница основной усадьбы (в ярусе 6 не сохранилась) должна была бы значительно продвинуться к северу.

В северной части раскопа — вымост на лагах. Он сохранял то же направление, что и в более ранних ярусах. С севера к настилу примыкал частокол (сохранился незначительный участок).

Ярусы 5—1. Внимания заслуживают лишь бревенчатые настилы в западной части раскопа в ярусах 4, 3, 2. Они сохраняют то же направление, что и западные настилы нижних ярусов.

В заключение поярусного обзора построек раскопа УС—V остановимся еще раз на настилах в западной и северной частях раскопа. Для них характерна относительная устойчивость места и направления.

Северные вымосты ярусов 6—9, судя по расположению границ основной усадьбы и учитывая, что настилы эти были ограничены частоколами с обеих сторон, можно считать внешними по отношению к усадьбам. Возможно, они были съездами к улице, расположенной где-то за пределами раскопа.

Что касается западных вымостов ярусов 6—9, то они лежали на основной усадьбе и кончались у ее северной границы. Западные же настилы ярусов 2—4 продолжались на север до конца раскопа, не оставляя места для вымостов направления В—З. В ярусе 4 четко прослеживалась лага настила. Возможно, ко времени образования верхних ярусов на этом месте возникла улица направления Ю—С.

Хронология

Прежде всего попытаемся найти опорные точки для установления хронологии раскопа УС—V. Для этого рассмотрим основные категории находок.

Стеклянные браслеты

Бытование этих украшений на территории Древней Руси, как установлено (З, с. 166—175), строго подчиняется определенной закономерности: с 30-х годов XII в. начинается их массовое появление в древнерусских городах; максимум распространения приходится на первую половину XIII в., последующее сокращение наблюдается после татаро-монгольского нашествия и падения Киева, снабжавшего стеклянными браслетами даже те города, где существовало их собственное произ-

водство; исчезновение — в основном в первой половине XIV в., реже — во второй. Следует отметить исключительное обилие обломков стеклянных браслетов на раскопе УС—V: их найдено более 2 тысяч. Почти такое же количество их зафиксировано на раскопе УС—IX, площадь которого более чем в полтора раза превышала площадь раскопа УС—V.

То, что установленная закономерность бытования стеклянных браслетов характерна и для Смоленска, доказывает их распределение по ярусам раскопа УС—IX (рис. 12). (Даты 1—16 ярусов раскопа УС—IX: 4,

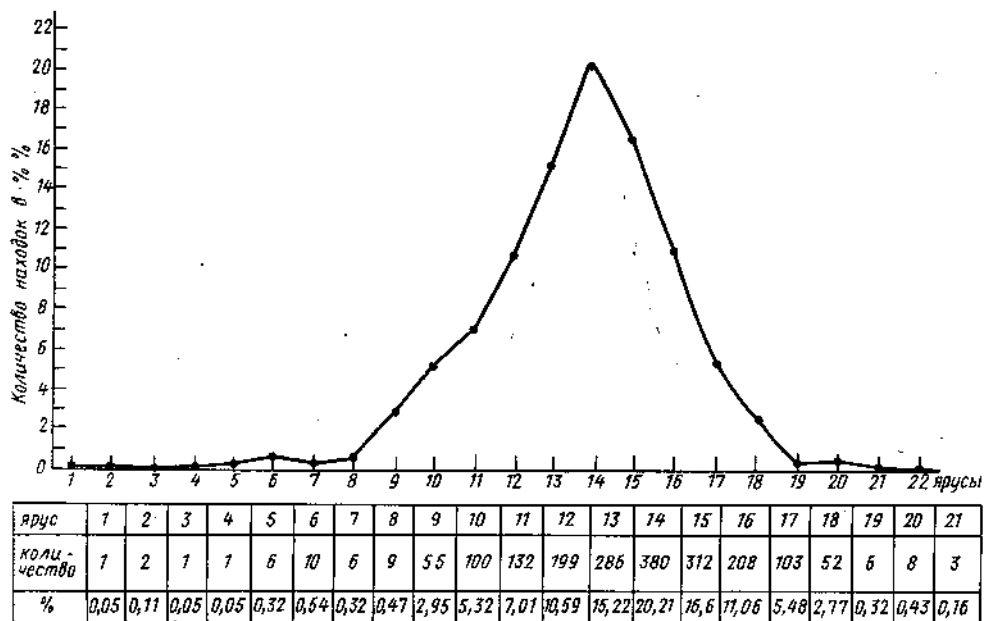

Рис. 12. График поярусного распределения стеклянных браслетов на раскопе УС—IX.

с. 93—112.) Максимум находок приходится на 14-й ярус (1200—1232 гг.). Достоверное начало бытования стеклянных браслетов следует отнести к 18-му ярусу, то есть скорее всего к началу XII в. (для ярусов более ранних, чем 16-й, начало которого приходится на 1142 г., дендрохронологические даты не получены). Конец бытования браслетов приходится на 9-й ярус (90-е годы XIV в. — 1412—1421 гг.).

График поярусного распределения стеклянных браслетов на раскопе УС—V (рис. 13) по форме схож с рассмотренным выше. Вершина приходится на 15-й ярус. Судя по форме графика, следовало бы говорить о начале бытования браслетов в ярусе 18. Но нужно учитывать то обстоятельство, что заселенная площадь в ярусах 19—17 значительно меньше, чем в более поздних; то есть при равных площадях доля браслетов в нижних ярусах была бы несколько большей, чем получен-

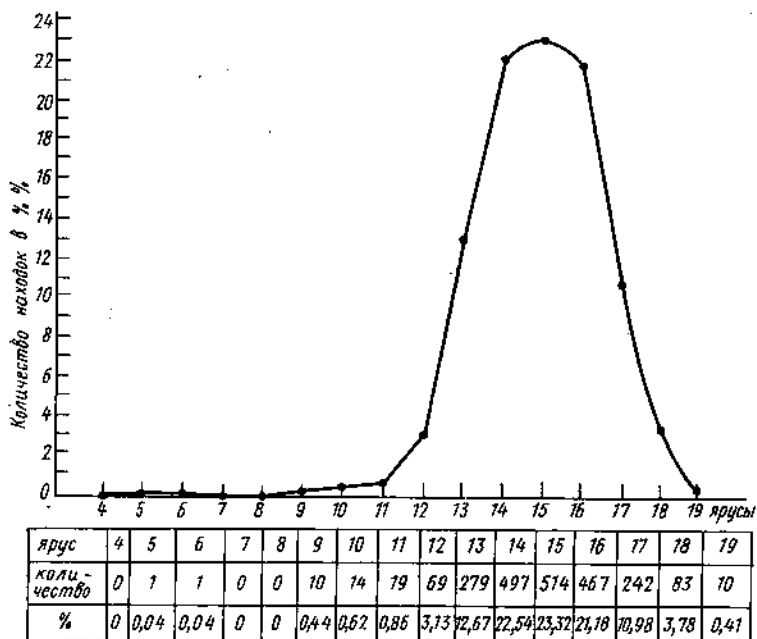

Рис. 13. График поярусного распределения стеклянных браслетов на раскопе УС—V.

ная при наших вычислениях. Не исключено, что рассматриваемая категория находок в массе своей появляется именно в ярусе 19. Верхней границей бытования стеклянных браслетов, судя по кривой, можно было бы считать 12-й ярус. Но достоверность данных этой части графика снижают мощные перекопы в верхних пластах.

Пока ограничимся выводом, что ярус 15 раскопа УС—V одновременно ярусу 14 раскопа УС—IX (вершины графиков) и относится к началу — 30-м годам XIII в.

Стеклянные бусы²

Основное количество их обнаружено в ярусах, начиная с 13 и ниже. Бусы, бытовавшие в домонгольское время (цилиндрические одноцветные, шаровидные и зонные фиолетовые), встречены в 14—19-м ярусах. В 19-м ярусе найдена только фиолетовая бусина; бусы данного типа появляются в Новгороде не ранее XII в. Остальные бусы распределяются по ярусам следующим образом. В ярусе 14 — зеленая зонная бусина (даты бытования в Новгороде — XII—XIII вв.). Три синие зонные бусины (вторая половина XII — начало XIV в.) — в ярусах 14 и

² Типологию и даты см.: 3, с. 77—102; 5, с. 165—171; 6, с. 153.

15. Две желтые зонные бусины (первое десятилетие XII—XV в.) — в ярусе 17. Рыбовидные бусы, датируемые М. В. Фехнер XI—XIII вв., — в ярусах 14 и 18. Винтообразные бусы (вторая половина XII — вторая половина XIV в.) — в 13, 14 и 17-м ярусах. Бусы с пластичным узором и нерельефной инкрустацией — в 14, 16 и 18-м ярусах. В Новгороде они датируются XI — серединой XIV в.; в послемонгольское же время бытуют почти исключительно бусы с рельефной инкрустацией, не встречающиеся на нашем раскопе.

Стеклоянная посуда

Всего найдено около 20 обломков. Здесь рассматриваются лишь наиболее выразительные части сосудов — донца. В 17-м ярусе найден фрагмент узкого донца типа наперстка с рифленной поверхностью (рис. 14:5). Стекло желтоватого оттенка, характерного для содержащих свинец древнерусских стекол. Реконструкция и датировка сосудов с подобными донцами принадлежит Ю. Л. Шаповой. Время их бытования — вторая четверть XI — первая четверть XIII в. (3, с. 46. Рис. 4:10, 11). В 15-м и 16-м ярусах найдено по одному донцу с поддоном. В разрезе дно с поддоном и стенка сосуда составляют единую линию (рис. 14:6, 7). Даты бытования этих сосудов в Новгороде — 60-е годы XII — вторая половина XIII в. (3, с. 49—50).

Деревянные и костяные гребни³

На раскопе УС—V наиболее распространены, как и в Новгороде, деревянные гребни 1 типа (14 экз.), характеризующиеся прямыми стенками и встречающиеся наряду с другими типами на протяжении всего периода бытования деревянных гребней. Деревянные гребни типа 2 с вогнутыми стенками (даты в Новгороде — XIII—XV вв.) найдены в ярусах с 13-го по 15-й (5 экз.). Тип 3 с выпуклыми стенками, приближающимися к линии круга, представлен одним экземпляром из 15-го яруса. В Новгороде он датируется XIII в. В ярусах 14 и 16 найдены еще два гребня со слегка закругленными стенками, не выделенные Б. А. Колчиным в определенный тип. На раскопе УС—IX аналогичная находка относится к последней четверти XII в.

В новгородских слоях XII в. четко прослеживается сокращение количества деревянных гребней. Это объясняется усилением набегов половцев в Поволжье, препятствовавших доставке самшита (8, с. 83—84; 9, с. 48—49). На раскопе УС—V незначительное количество этих находок в каждом ярусе не позволяет достоверно определить спады и возрастания в их распространении. Но в Новгороде сокращение количества самшитовых гребней компенсируется возросшим количеством костяных гребней, и в ярусах, относящихся к XII в., последние преобладают (9, с. 46). На раскопе УС—V явное преобладание костяных гребней над деревянными наблюдается в ярусе 16 и ниже, а в 18-м и 19-м ярусах встречены только костяные гребни (по одному в каждом ярусе).

³ Типологию и даты см.: 7, с. 100—102; 8, с. 83—84.

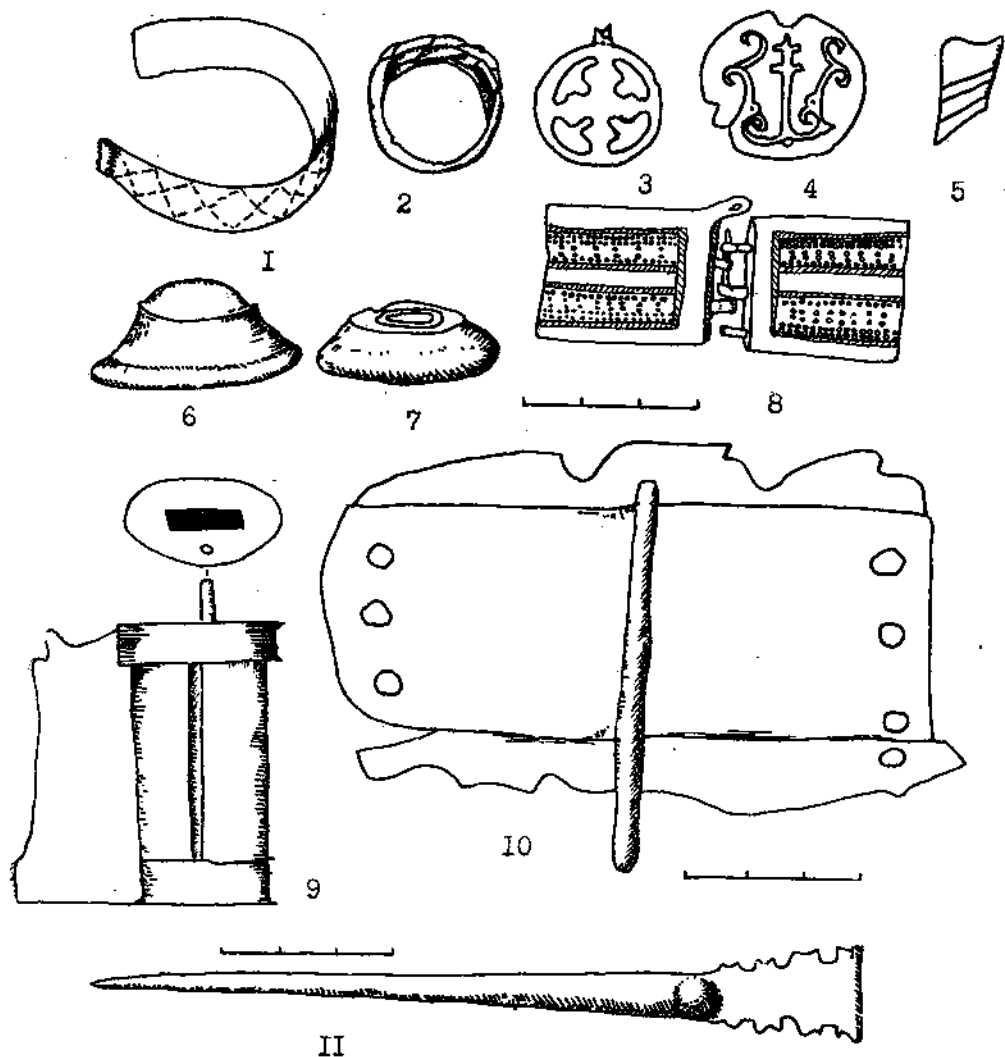

Рис. 14. 1—4, 8 — украшения из цветных металлов; 5—7 — фрагменты стеклянных сосудов; 9—10 — замки; 11 — писало железное.

Железные ключи и замки⁴

Преобладали ключи от навесных замков. Ключи типа В (60-е годы XII — начало XV в.) найдены в ярусах 8, 9, 14—15 и 17—18 (рис. 15: 2, 5, 7, 8); типа В, варианта I (конец XII — первая четверть XV в.) — в ярусах 7, 9, 12—13 и 17 (рис. 15: 1, 4, 6, 11), типа В, варианта II (30-е годы XIII — первая четверть XV в.) — в ярусе 13 (рис. 15: 10).

⁴ Типологию и даты см.: 10, с. 63—86.

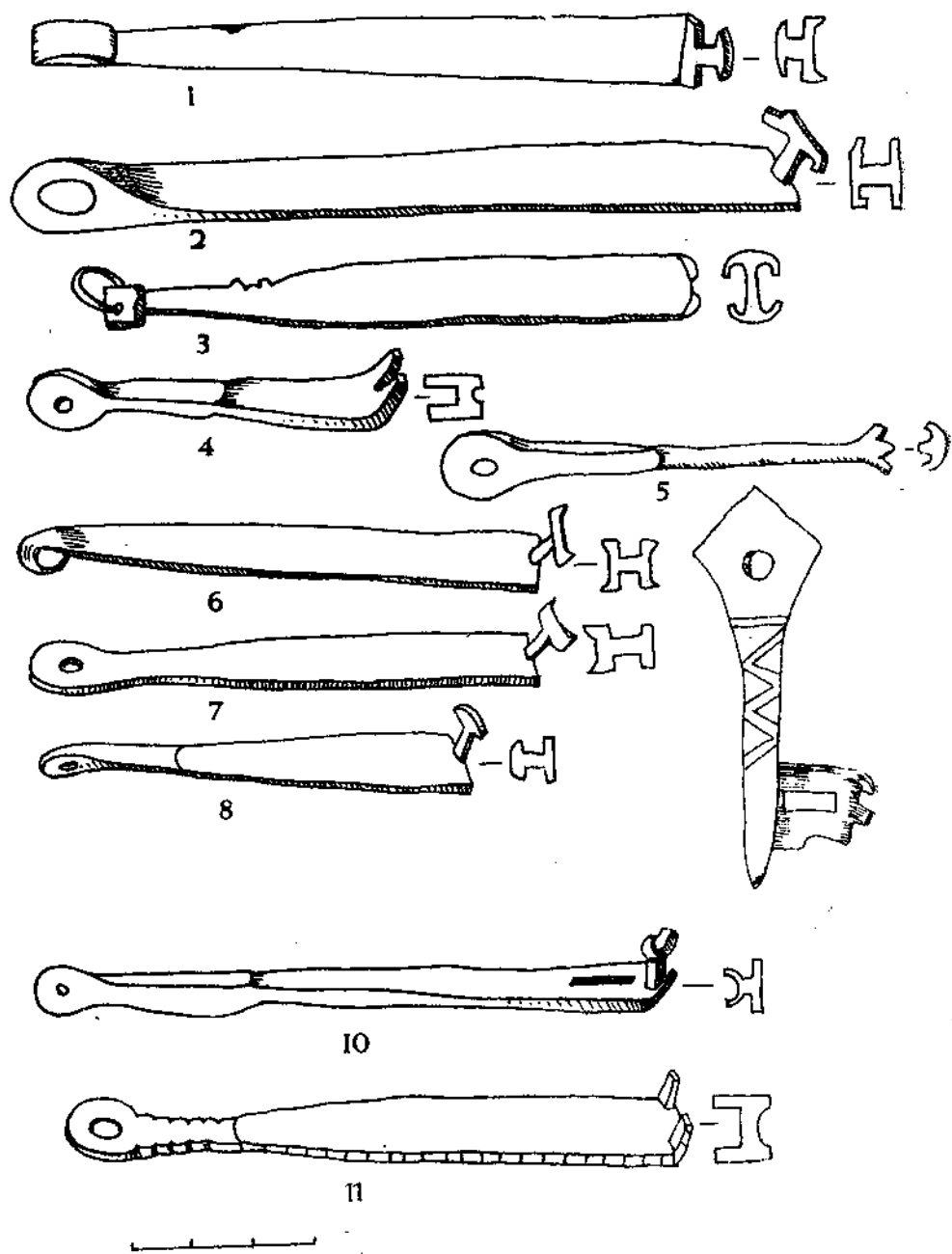

Рис. 15. Ключи железные.

В ярусе 12 найден замок типа В, варианта II (рис. 14:9). Единственный ключ типа Г (конец XII в. — 20-е годы XV в.) встречен в ярусе 8 (рис. 15:3). В слоях, относящихся к 15—16-му ярусам, найден ключ с заостренным концом, запиравший накладные цельнометаллические замки ларцов и сундуков (конец XI—XIII в.) (рис. 15:9), а в слоях 18-го яруса — часть внутреннего замка с деревянным засовом (1 вариант по классификации Б. А. Колчина), датируемого концом XI — концом 60-х годов XIII в. (рис. 14:10).

Оружие и предметы снаряжения всадника и коня

Наиболее многочисленны железные наконечники стрел⁵. В ярусе 9 встречен срезень джучидского типа (тип 72; послемонгольское время, верхняя дата — XIV в.) (рис. 16:11); в ярусе 12 — ромбический 4-угольный наконечник, который предположительно можно отнести к типу 87 (XII—XIV вв.) (рис. 16:8); в ярусе 13 — стрела в виде кунжутного листа (тип 69; послемонгольское время; верхняя дата — вторая половина XIV в.) (рис. 16:5); в ярусе 14 — долотовидная стрела (тип 98; домонгольское время, начиная с середины XI в.) (рис. 16:6).

Кроме того, с ярусом 14 связывается срезень-лопаточка (тип 67; послемонгольское время вплоть до XIV в.) (рис. 16:10), попавший в более глубокие слои при рытье траншеи для частокола 14-го яруса. К этому же ярусу относится арбалетная стрела (тип 6; XIII—XIV вв.) (рис. 16:7). Ромбовидная стрела типа 33 из яруса 16 (рис. 16:9) датируется домонгольским временем начиная с XII в.

В слоях, относящихся к 12—13-му ярусам, найдена шпора с колесиком (рис. 16:1) (20—30-е годы XIII — конец XV в.) (12, с. 67—69), в 18-м ярусе — кольчатые удила (рис. 16:4) (тип 4, X—XIII вв.) (12, с. 16). В ярусе 5 найдена еще одна шпора (рис. 16:2), с которой удалось ознакомиться только по рисунку описи, не дающему о ней полного представления.

Украшения из цветного металла

В ярусе 17 найден бронзовый пластинчатый загнутоконечный браслет с ромбическим орнаментом (рис. 14:1). Браслеты этого типа датируются в погребальных комплексах XI—XIV вв., в Новгороде — концом XI — серединой XIV в. (14, с. 111—112). Обломок створчатого браслета относится к ярусу 16 (рис. 14:8), даты в Новгороде — XII—XIV вв. (14, с. 116); бронзовый ложновитой перстень (рис. 14:2) встречен в ярусе 13 (в Новгороде подобные украшения встречаются в слоях начала XI — начала XV в. (14, с. 125)). Две круглые металлические привески, прорезная с включенным крестом (рис. 14:3) из яруса 16 и монетовидная с изображением процветшего креста (рис. 14:4) из яруса 15, датируются XII—XIV вв. (15, с. 108—111, 127—132; 14, с. 41—42).

⁵ Типологию и даты см.: 11, с. 63—86.

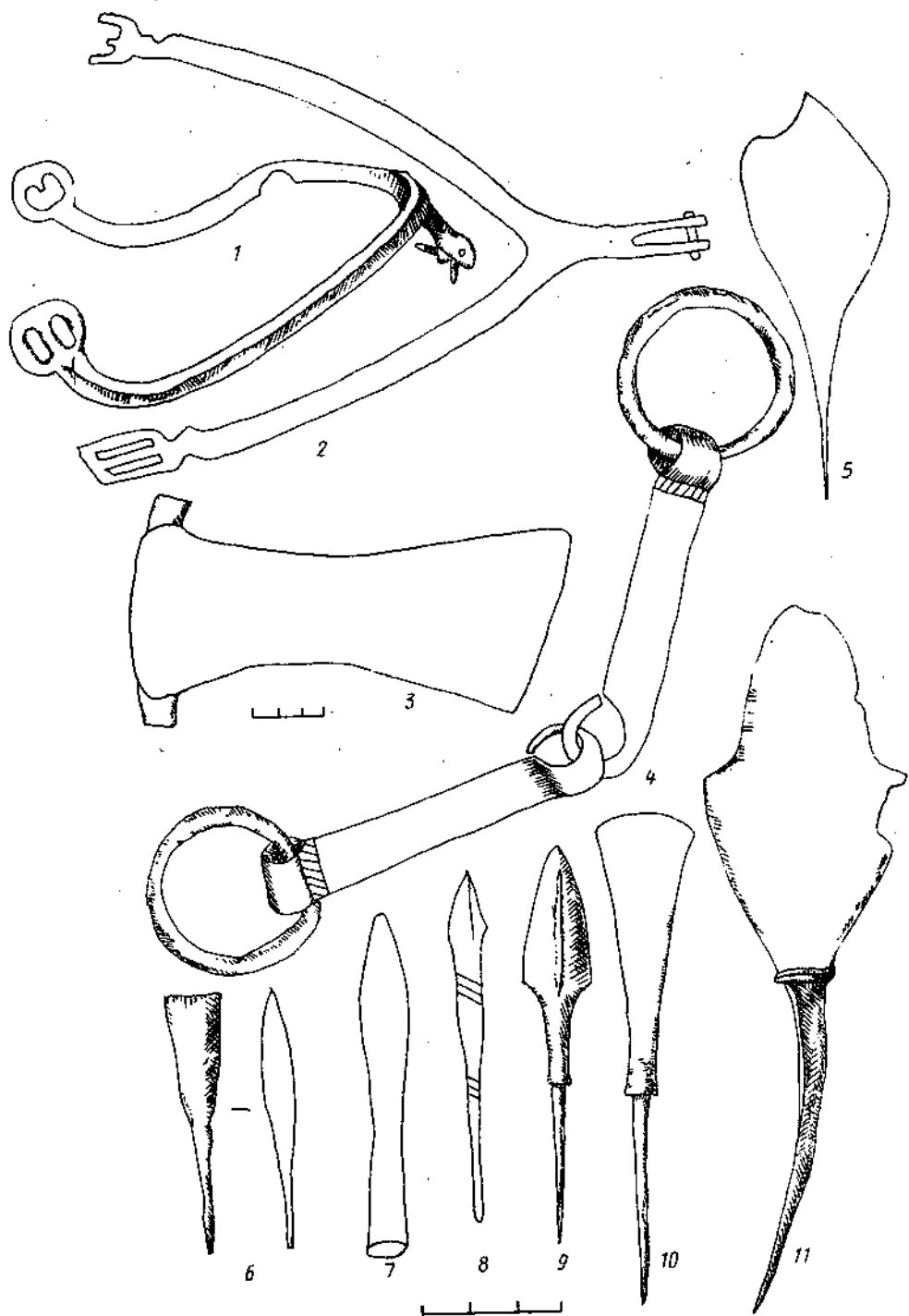

Рис. 16. 1, 2 — шпоры; 4 — удила; 3 — топор рабочий; 5—11 — наконечники стрел.

Следует упомянуть еще о двух находках, не вошедших в рассмотренные выше группы. В ярусе 14 найдено писало типа II (лопаточка имеет характерные зубчики в виде «ласточкиных хвостов») (рис. 14:11), датированное второй половиной XII — серединой XIII в. (16, с. 78). В ярусе 9 найден железный топор (рис. 16:3); но, поскольку доступным оказался только рисунок описи, точно определить тип и соответственно дату находки не представляется возможным.

Исходя из распределения основных категорий находок, попытаемся установить хронологию раскопа УС—V. Рассмотренные находки не противоречат отнесению ярусов, начиная с 15-го и ниже, к домонгольскому времени. О дате яруса 15 уже говорилось в разделе «Стекланные браслеты». Ярус 19, учитывая распределение стекланных браслетов, отсутствие деревянных гребней в ярусах 18—19, а также находку в ярусе 19 зонной фиолетовой бусины, можно датировать началом XII в. Ярусы 16—17 мы относим ко второй половине — концу XII в.; отметим, что преобладание костяных гребней над деревянными прослеживается именно в ярусах, начиная с 16-го и ниже. Наше предположение подтверждается также находками в 16-м ярусе ромбовидной стрелы, обломка стеклнного сосуда с поддоном, прорезной привески и створчатого браслета, а в 17-м ярусе — винтообразной бусины. Время существования 16—17-го ярусов уточняют нижние даты бытования этих находок.

Рассмотрим теперь ярусы выше 15-го. 14-й ярус по установленному соотношению с раскопом УС—IX⁶ можно датировать 30—50-ми годами XIII в., а 13 — 50—90-ми годами XIII в.

Находки подтверждают правомерность отнесения 14-го яруса к периоду монгольского нашествия. Следует обратить внимание на две находки стрел из яруса 14: долотовидную стрелу, датированную домонгольским временем, и срезень-лопаточку, относящуюся к послемонгольскому времени.

Что касается ярусов, расположенных выше 13-го, то по рассмотренным находкам датировать их с достаточной точностью не удастся. Можно только наметить даты, опять же по аналогии с раскопом УС—IX, и проверить их, где это возможно.

Тогда ярус 12 должен датироваться концом XIII — первыми десятилетиями XIV в. Ярус 11 — периодом от первых десятилетий XIV в. до 90-х годов XIV в. Но, поскольку многие сооружения этого яруса продолжали использоваться и в следующем, логичнее предположить, что за столь длительный период начали и окончили свое существование два яруса: 11-й и 10-й. Тогда ярус 9 должен датироваться 90-ми годами XIV — 20-ми годами XV в., ярус 8 — 20-ми — концом 30-х годов XV в., ярус 7 — концом 30-х — концом 40-х годов XV в.

Учитывая верхние даты находок из ярусов 7—9 (срезень джучидского типа в ярусе 9, ключи типа В и типа В варианта I в ярусах 7—9,

⁶ Так как максимум находок стекланных браслетов на раскопе УС—IX приходится на 14-й ярус, а на раскопе УС—V — на 15-й, то вблизи вершины графиков распределения стекланных браслетов ярусы раскопа УС—V одновременны ярусам раскопа УС—IX, которые отстоят от них по номеру на единицу.

типа Г в ярусе 8), можно считать, что намеченные даты для ярусов 7—9 допустимы. На ярусы 6—1 должен был бы приходиться период с середины XV по начало XVII в. (конец 1-го яруса на раскопе УС—IX). Находки из верхних слоев не позволяют проверить это предположение (основная помеха — многочисленные перекопы), и оно остается в качестве гипотезы.

Таким образом, наиболее достоверными мы считаем даты 19—13-го ярусов (начало XII—90-е годы XIII в.). Вполне допустимы также даты ярусов с 12-го по 7-й (конец XIII—середина XV в.). О датах верхних ярусов сказано выше.

Примечания

1. Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л.: Наука, 1972.
2. Старая Ладога: Сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1948.
3. Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
4. Черных Н. Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы//Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
5. Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода//МИА. № 55. М., 1956.
6. Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни//Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959.
7. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей//СА. 1958. № 2.
8. Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. Вып. Е 1—55. М., 1968.
9. Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
10. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. № 65. М., 1959.
11. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы. Самострел.) VIII—XIV вв.//САИ. Вып. Е 1—36. М., 1966.
12. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. Вып. Е 1—36. Л., 1973.
13. Там же.
14. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
15. Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески//Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
16. Медведев А. Ф. Древнерусские писала XI—XV вв.//СА. 1960. № 2.

КОЖАНАЯ ОБУВЬ ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА

В результате раскопок на улице Соболева в Смоленске было обнаружено большое количество кожаных предметов (обувь и другие изделия, представленные как целыми экземплярами, так и их деталями и заготовками; куски кожи со следами кроя, являющиеся, вероятно, производственными отходами, и пр.). Характер обнаруженного материала, а также концентрация его на ограниченном пространстве в течение определенного времени свидетельствуют в пользу существования здесь производства изделий из кожи, преимущественно обуви.

В работе использованы материалы из раскопок в Смоленске в 1951—1952, 1955, 1957, 1964—1968, 1971—1976 гг. Пользуюсь случаем выразить авторам раскопок Д. А. Авдусину и Н. И. Асташовой благодарность за предоставленный для работы материал. Нами привлечены коллекции из раскопок на ул. Соболева на левом берегу Днепра в пределах крепостной стены, сооруженной в 1596—1602 гг. (это раскопы УС—III, УС—V, УС—VIII—IX, УС—XI), хранящиеся на кафедре археологии истфака МГУ и в фондах Смоленского государственного музея-заповедника. Основой для исследования количественных характеристик производства с целью выявления производственных центров послужили кожаные изделия из раскопов УС—VIII—IX и УС—XI.

Для разработки темы большое значение имели также письменные источники: летописи, освещающие политическую историю города; смоленские торговые документы (1), дающие важный материал по экономической жизни и состоянию торговли в XIII—XIV вв.; Смоленская крестоприводная книга 1598 г. (2).

Датировка материалов раскопов УС—VIII—IX и УС—XI произведена на основе дендрохронологического анализа деревянных сооружений (3). Слои раскопов УС—III и УС—V, в которых найдены кожаные изделия, датированы на основе дендрохронологического метода, примененного для Смоленска, с учетом результатов исследования вещевого материала¹.

В основу данной работы положена классификация кожаной обуви по совокупности технологических признаков, предложенная Е. И. Оятевой (4; 5; 6), базирующаяся на развитии приемов кроя и способов крепления. Кожаная обувь рассматривается нами по двум отделам: мягкой и жесткой конструкции. К первому отделу относятся: поршни, мягкие туфли, мягкие сапоги и детали этих видов обуви. Ко второму — сапоги жесткой конструкции, башмаки и детали этих видов.

Поршни — это цельнокроеная обувь, скрепленная ремненным, нитяным или смешанным способом, крепившаяся к ноге ремнями. Если принимать линию эволюции обуви от простой к сложной, то есть от цель-

¹ См. Отчеты Смоленской экспедиции (хранятся в Архиве ИА АН СССР).

нокроеной заготовки к детальнокроеной (6), то можно предположить, что на Руси именно поршни были древнейшим типом кожаной обуви. Шились они из цельного куска кожи с учетом размера подошвы и припусков на заднюю, подъемную и боковые части ступни. По краям заготовки шли прорезы, через них пропускался узкий кожаный ремешок, с помощью которого обувь крепилась к ноге (7, с. 81—82; 8, с. 202). Такой принцип изготовления с теми или иными модификациями типичен для ранней кожаной обуви вообще и прослеживается практически на всей территории Европы (4; 5; 6).

По способу оформления носовой части заготовки различают поршни простые и резные. Датируются оба варианта концом XI — 80-ми годами XIV в.

Простой поршень изготавливался из куска кожи четырехугольной формы; при этом существовало два метода крепления заготовки в районе мыска и пятки: ременный — с помощью ремешка или шнура и нитяной — простым тачным швом (рис. 1: 1, 2).

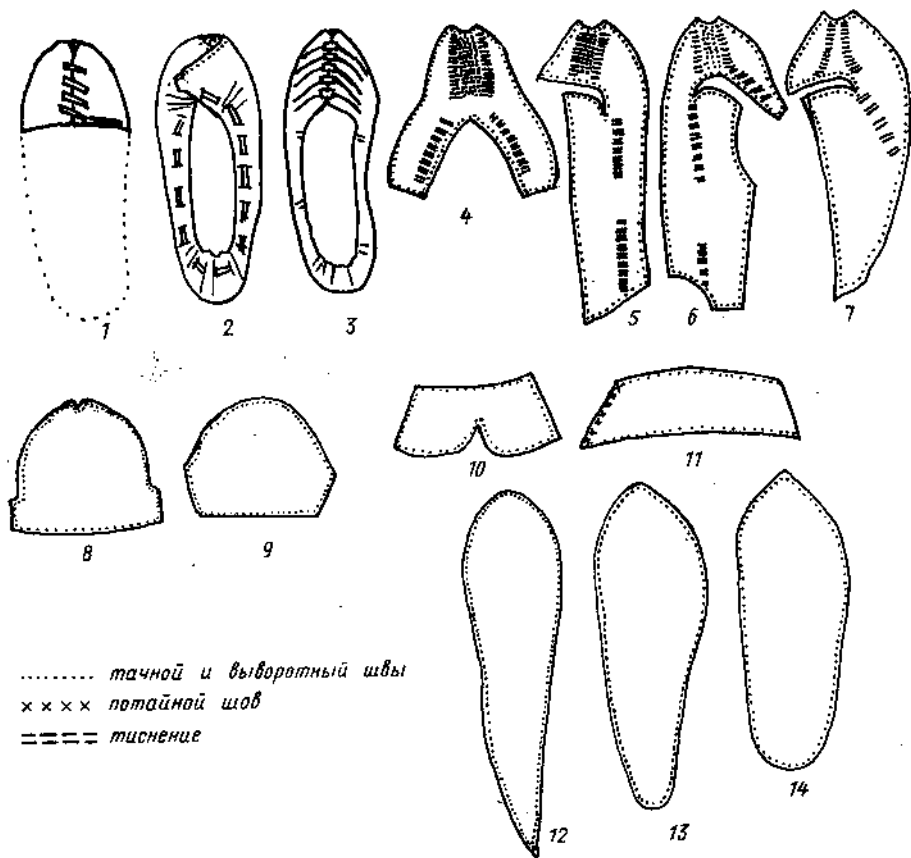

Рис. 1. Мягкая обувь. 1—3 — поршни; 4—7 — верхняя часть туфель; 8—9 — головки сапог; 10—11 — задники, 12—14 — подошвы.

Для ремешка, которым поршень крепился к ноге, на бортах были сделаны прорези. В раскопах УС—VIII, УС—IX и УС—XI в слоях 18—9 стратиграфических ярусов найдено 5 простых поршней, которые можно датировать началом XII—концом XIV в. В 16-м пласте раскопа УС—V и пластах 20 и 31 раскопа УС—III встречены еще 3 поршня этого вида, датируемые XII—XIII вв. Из 8 поршней 5 экземпляров скреплены ремешком, в то время как 3 остальных — нитяным. К сожалению, поршни дошли до нас в плохой сохранности (часто это только передняя часть), поэтому трудно с достоверностью проследить эволюцию этого вида. Лишь по фрагментарным находкам боковых частей простых поршней и аналогичным экземплярам из других средневековых городов (8, с. 202; 9, с. 61; 10, с. 45—47; 11, с. 315; 12, т. II, ч. 2, с. 161; 13, с. 286—287) можно говорить о том, что развитие простого поршня шло по пути усовершенствования края и методов крепления заготовок. На каком-то этапе, вероятно, можно говорить о смешанном методе крепления, например носок затянут ремешком, в то время как пятка сшита, или наоборот. Поршней, скрепленных таким методом, в Смоленске пока не обнаружено, но аналогий из Новгорода позволяют предположить их существование (10, с. 46). Затем преобладающим становится нитяной способ крепления носка и пятки, количество прорезей по бокам увеличивается, и они равномерно располагаются по всей заготовке, что при стягивании придает обуви гораздо более удобную и красивую форму. Все эти усовершенствования тем не менее не затрагивают основы заготовки: это по-прежнему четырехугольный кусок кожи.

Резные или, как их еще называют, *ажурные поршни* (рис. 1:3) имели в своей основе заготовку той же конструкции, вдоль носовой части которой располагались поперечные прорезы; через них поршень стягивался в подъем. Такие поршни и их заготовки широко распространены в материалах древнерусских городов (Новгород, Псков, Гродно, Москва) (7, с. 79; 8, с. 202; 9, с. 61). Этот вид представлен в Смоленске одним целым экземпляром и 5 фрагментами, которые найдены в слоях 20—10 ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, в 17-м пласте раскопа УС—V и 22-м пласте раскопа УС—III. Датируются они концом XI — серединой XIV столетия.

Судя по неразработанности края и простоте изготовления (возможно использование как дубленой, так и недубленой кожи), поршни были скорее всего продуктом домашнего производства и имели широкое распространение. Этот вид обуви просуществовал очень долго. В словаре В. Даля за 1882 год читаем: «...поршни вообще не шьются, а гнутся из одного лоскута сырой кожи или шкуры на... ремешком сборе; обычно поршни — из конины, лучшие — из свиной шкуры; есть и тюленьи...» (14, т. III, с. 325—326).

Мягкие туфли, очень распространенный в средневековых городах (7, с. 79; 8, с. 205; 9, с. 61; 15, с. 46) тип обуви, в основе которого лежит принципиально отличный (от поршней) способ края — детально-кроенность заготовки. Самые ранние известные нам смоленские мягкие туфли (конец XI в.) имеют в своей основе именно такой способ края, сложившийся, вероятно, задолго до этого времени. Они состоят из двух

конструктивных деталей: подошвы и верха, который в свою очередь мог быть одно-, двух- и трехчастным. Несмотря на то что шилась эта обувь без учета левой и правой ноги, она, конечно же, была более износоустойчивой и удобной, чем поршни.

Верх туфель, как правило, выкраивался из более тонкой кожи, тогда как подошва — из более плотной. Сшивались они между собой выворотным швом; детали верха, если он был многочастным, — выворотным или простым тачным швом. Верх часто отделан воротничком, под ним находятся прорези, через которые пропускался ремешок, закреплявший обувь на ноге. Таким образом, метод соединения деталей у туфель можно считать нитяным, а способ крепления к ноге — ремennым. Подошва у мягких туфель имела удлиненные носок или пятку, которые конструктивно входили при скреплении в состав верха туфли. Как «пережиток» цельнокроенности у подошв мягких туфель полностью отсутствует геленочная часть, а пяточная часть гораздо шире, чем у более поздней обуви.

Среди мягких туфель Смоленска выделяются три вида, которые различаются между собой по способу кроя и скрепления деталей верха, что в свою очередь определяет у них ту или иную форму подошвы.

1. Туфли с *одночастной* заготовкой верха со швом *сзади*, в который входит удлиненная пяточная часть подошвы (рис. 1:4). 5 экземпляров этого вида найдено в слоях 18—13-м ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX, УС—XI, датируются они серединой XII — первой половиной XIII в. Мягкие туфли, аналогичные смоленским, были распространены в Старой Ладогe, Пскове, Новгороде, а также известны нам по раскопкам в Польше (15, с. 47; 7, с. 80; 8, с. 202; 5, с. 114). Все 5 экземпляров украшены: 2 — продержками в сочетании с вышивкой, 3 — только вышивкой.

2. Туфли с *одночастной* заготовкой верха со швом *сбоку*, которой соответствует подошва с округлой пяткой и с округлым же или заостренным носком. Шов у таких туфель всегда находился с внутренней стороны ноги. По способу кроя верха внутри этого вида можно выделить два варианта:

а) заготовки с *цельной* боковой частью, конец которой пришивался к верху так, что шов оказывался расположен ближе к носовой части (рис. 1:5). 23 экземпляра (вместе с фрагментами) подобных туфель найдены в слоях 20—13-го и 10-го ярусов раскопов УС—VIII и УС—XI, 3 — в 31-м и 26-м пластах раскопа УС—III, а также 4 экземпляра в 28-м и 24-м пластах раскопа УС—I. Датируются они XI — серединой XIV в. 6 туфель отделаны вышивкой, все остальные — сочетанием продержек и вышивок;

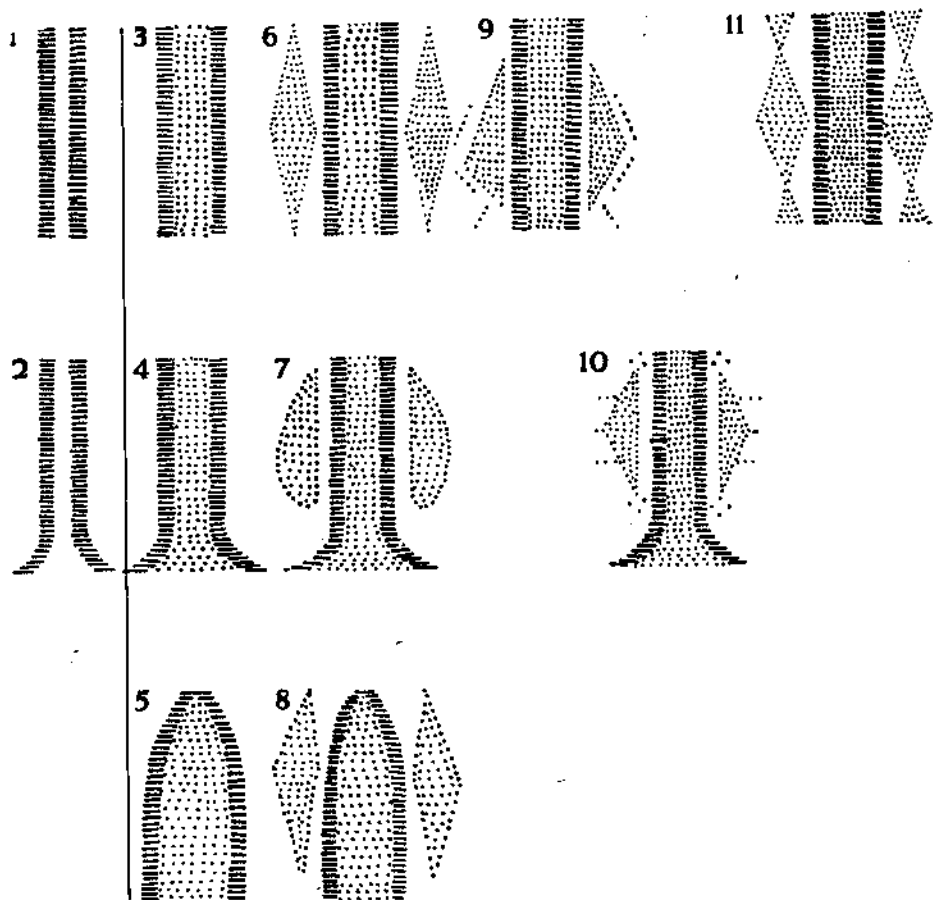
б) заготовки с *расчлененной* боковой частью, у которой шов находится примерно на уровне середины ступни (рис. 1:6). 13 экземпляров этого варианта (7 — из слоев 18—17-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX, УС—XI; 3 — из пластов 27 и 28 раскопа УС—III; 3 — из пластов 26 и 25 раскопа УС—V) датируются второй половиной XII в. 3 из них отделаны вышивкой, 10 — сочетанием вышивки и продержек. Аналогии смоленским туфлям второго вида мы находим в Пскове, Старой Ладогe, Новгороде и Гродно (7, с. 80; 15, с. 47; 8, с. 201).

3. Туфли с *многочастной* заготовкой верха, у которой целиком выкраивали верх и внешнюю часть боковой стороны (рис. 1:7), в то время как внутренняя сторона подкраивалась отдельно. Часть воротничка с внутренней стороны тоже могли кроить отдельно. Подошвы у таких туфель возможны как с конструктивно удлиненной, так и округлой пятой. Этот вид представлен наибольшим количеством экземпляров — 41. 33 из них найдены в слоях 20—15-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX, УС—XI; 5 — в пластах 23, 21, 19 раскопа УС—III и 4 — в пластах 26 и 24 раскопа УС—V. Этот вид имел распространение с XI до начала XIII в. 13 экземпляров туфель украшены продержками, 13 — вышивкой, остальные — сочетанием вышивки и продержек. Аналогии широко распространены в других древнерусских городах (7, с. 81; 8, с. 203; 15, с. 48).

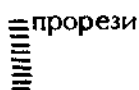
Многие заготовки мягких туфель Смоленска имеют настолько одинаковую и совершенную форму (особенно хорошо это прослеживается на заготовках второго вида), что можно говорить о стандартизации кроя, то есть о применении специальных выкроек (шаблонов). Подобное явление отмечают исследователи кожевенного материала и в других древнерусских городах (7, с. 81; 10, с. 56).

Из 89 исследованных мягких туфель — 63 украшены. Существуют два способа отделки, различающиеся по технологии: вышивки и продержки (продергивание нити или шнура через ряды параллельных прорезей), применявшиеся как отдельно, так и в сочетании друг с другом. Украшение туфель продержками прослеживается с XI до конца XII в. (20—16-й ярусы). Одновременно существует орнамент, образованный сочетанием продержек с вышивкой; он встречен на туфлях всех трех видов. С начала XII до середины XIV в. (20—13-й ярусы) туфли преимущественно украшаются вышивкой. Орнамент, выполненный продержками, представляет собой два ряда прорезей, идущих вдоль передней части верха, либо параллельно, либо сходясь к носу, или же слегка расходясь к краю. При сочетании продержек и вышивки последняя может покрывать пространство как внутри, так и за пределами продержек. Полностью характер вышивки восстановить невозможно, так как от нее сохранились в основном зоны проколов, только в некоторых случаях мы можем предполагать элементы орнамента в виде спирали или прямых линий, отходящих в стороны от зон проколов. Зоны проколов имеют форму прямоугольников, треугольников, ромбов и сочетаний этих фигур. Особая богатая композиция отмечена в тех случаях, когда туфли отделаны вышивкой; причем украшались, кроме передней, задняя и боковые части. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, достаточно популярным был орнамент, включающий волоты. Типы орнаментации мягких туфель представлены на рис. 2. Эти типы соответствуют следующим видам туфель:

Типы орнаментации	Виды мягких туфель
1, 2	2а, 3
3	1, 2а
4	3
5	2а, б, 3
6	3
7	неопределимо
8	2а
9, 10	3
11	2а, б, 3
12	1
13—15	3
16	2а, б
17	3

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

прорезы

следы вышивки

Мягкие сапоги состоят из следующих элементов: головки, задника, голенища и подошвы. Поскольку целых экземпляров этого вида не найдено, то рассматривать их целесообразно по отдельным деталям. Имеющийся в нашем распоряжении материал относится к XI—XIII вв.

Головки мягких сапог различают 2 варианта:

1. С треугольным вырезом в носовой части (рис. 1: 8). 4 экземпляра таких головок найдены в слоях 19—15-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 3 экземпляра — в 25-м пласте раскопа УС—V. Датируются они XII — началом XIII в.

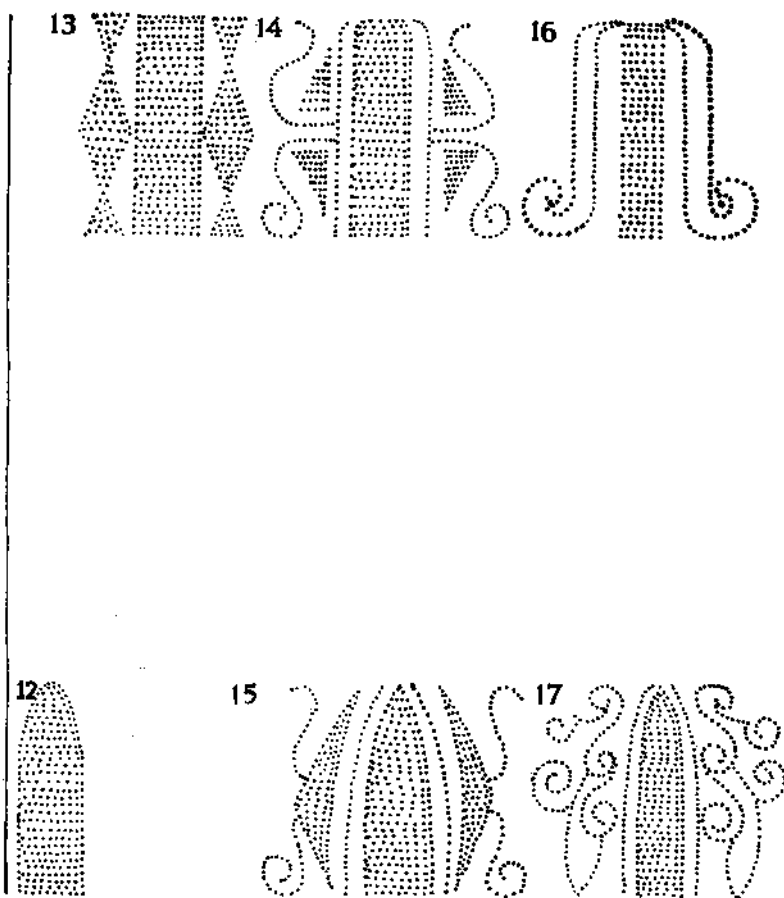

Рис. 2. Орнаментация передней части верха мягких туфель.

2. С округлой носовой частью, глухим верхним срезом (рис. 1:9), 3 экземпляра найдены в слоях 19—16-го ярусов раскопов УС—IX и УС—XI, 3—в 31—28-м пластах раскопа УС—III и 1—в 26-м пласте раскопа УС—V. Датируются они XII в. Пришивались головки к подошвам выворотным швом, к голенищам — выворотным или простым тачным швом; при использовании более плотной кожи — потайным. Оба вида головок, претерпевая различные усовершенствования, продолжают существовать одновременно, входя в сапоги жесткой конструкции. Аналогичные смоленским мягкие головки были широко распространены в древнерусских городах (7, с. 81; 8, с. 206).

Задники также различают двух вариантов:

1. С треугольным вырезом в нижней части. Они представлены 2 экземплярами (высота 7 и 6 см) (15-й ярус раскопа УС—XI и пласт

28 раскопа УС—III), которые датируются концом XII — началом XIII в. (рис. 1: 10).

2. Прямоугольные или трапециевидные довольно высокие (от 8,5 до 5 см) задники. Их найдено 9 экземпляров, 6 из которых — в слоях 18—16-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 2 — в 20-м и 14-м пластах раскопа УС—III и 1 — в 21-м пласте раскопа УС—V. Датируются они серединой XII — первой половиной XIII в. (рис. 1: 11).

Мягкие задники обоих вариантов пришивались к подошве выворотным швом, причем первому из них соответствуют подошвы с конструктивно удлиненной, а второму — с округлой пяткой. Задники первого варианта просуществовали сравнительно недолго (по материалам Новгорода — до XIII в.) (8, с. 206), в то время как второй вариант положил начало более поздним формам, входящим в жесткую конструкцию.

Голенища сапог мягкой конструкции представлены фрагментами: эта часть сапог, как правило, использовалась вторично. Один из фрагментов найден в слое 14-го яруса раскопа УС—XI, второй — в 20-м пласте раскопа УС—V. Поскольку край нижнего обреза голенища зависел от формы головки и задника, можно предположить, что имеющиеся у нас фрагменты принадлежали голенищам, которые выкраивались вместе с задником и состояли из двух частей, сшитых по бокам тачным швом. Задняя часть этих голенищ пришивалась непосредственно к подошве выворотным швом, а передняя — к головке. По материалам Пскова и Новгорода (7, с. 81; 8, с. 212; 10, с. 60), такие голенища соответствовали сапогам с глухим верхом.

Судя по наличию мягких задников второго варианта, можно предполагать также существование еще одной формы голенищ с ровно обрезанным нижним краем.

Подошвы, соответствующие обуви мягкой конструкции (туфлям и сапогам), образуют один вид и по способу соединения с верхом разбиваются на два варианта:

1. Подошвы с конструктивно удлиненной пяткой и округлым носком (рис. 1: 12, 13), соответствующие мягким туфлям 1-го и 3-го видов, а также сапогам, имеющим задник первого варианта, у которых удлиненная часть пятки вшивается в задний шов заготовки верха либо в треугольный вырез задника. Длина их варьирует от 25 до 31 см. 10 таких подошв найдено в 20—14-м ярусах раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 3 экземпляра — в 31, 29, 26-м пластах раскопа УС—III и 1 экземпляр — в 27-м пласте раскопа УС—V. Датируются они XI — первой половиной XIII в.

2. Подошвы с округлой пяткой и округлым же или заостренным носком (рис. 1: 14). Они найдены в количестве 26 экземпляров в слоях 20—11-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 7 экземпляров — в 33—18-м пластах раскопа УС—III и 6 — в 28—24-м пластах раскопа УС—V. Датируются слою XI — концом XIII в. Это — подошвы самых разнообразных размеров (длина от 14 до 28,5 см). Они пришивались к верху выворотным швом, имели невыраженную геленочную часть и кроились без учета левой и правой ноги. Подобные симметричные подошвы с невыраженной геленочной частью встречаются и в более позднее время, но, судя по размерам, это подошвы детской обуви.

Учитывая, что описанные выше виды подошв могли принадлежать различным видам мягкой обуви (в том числе и сапогам), попытаемся сделать реконструкцию мягких сапог полностью, рассмотрев по отдельности все их детали и учитывая аналогии из Новгорода, Пскова и Старой Ладogi. Вероятно, это были сапоги трех фасонов:

1. Головка (вариант 2) + голенище указанного вида + подошва (вариант 2).

2. Головка (вариант 1) + голенище (неизвестно) + подошва (вариант 1) + задник (вариант 1).

3. Головка (вариант 1) + голенище (неизвестно) + задник (вариант 2) + подошва (вариант 2).

Обувь жесткой конструкции, представленная сапогами и башмаками, характеризуется наличием, кроме основных (головка, задник, подошва, голенище), также и дополнительных деталей: поднарядов, прокладок, стелек, каблуков (4, с. 107).

Сапоги жесткой конструкции появляются во второй половине XII в. (16, с. 285—286). Они различаются между собой формой головок и задников. Скреплялись эти сапоги сначала только нитяным способом, а с появлением каблука (конец XIII в.) — также и с помощью дополнительного крепежного материала (гвоздей и клепок). Поскольку ни одного целого экземпляра сапог жесткой конструкции в Смоленске не найдено, мы попытаемся, так же как и при рассмотрении мягких сапог, исследовать этот тип обуви по его деталям и на основании изменения форм головок, голенищ, задников и подошв, а также усовершенствования самой конструкции сапога выявить его эволюцию.

Головки сапог жесткой конструкции по форме носовой части можно разделить на следующие варианты:

1. С треугольным вырезом носовой части, идентичные по форме головкам первого варианта мягкого вида, отличающиеся от них наличием поднарядов. Таким образом, эта форма сохраняется на достаточно длительном отрезке времени (XII—XVI вв.). Однако за такой период она претерпевает и значительные изменения. В головках жесткой конструкции видна явная стандартизация, что вполне соответствует общей тенденции развития кожаной обуви Смоленска. Уже в XIII в. вырез головок приобретает законченную форму с треугольным выступом по середине, с внутренней стороны виден след от поднаряда (проколы от потайного шва), очень часто они украшены тиснением. (рис. 3:1). В слоях 14—9-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI найдено 7 экземпляров таких головок; 6 экземпляров — в 13—10-м пластах раскопа УС—III; 2 экземпляра — в 16—15-м пластах раскопа УС—V.

2. С округлой носовой частью. Можно выделить два способа края выреза у этих головок:

а) головки с ровным краем (рис. 3:2), представленные 13 экземплярами, 5 из которых найдены в слоях 14—19-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 4 — в 10-м и 5-м пластах раскопа УС—III, 4 — в 18—16-м, 12-м пластах раскопа УС—V, датируются они началом XIII — концом XIV в.

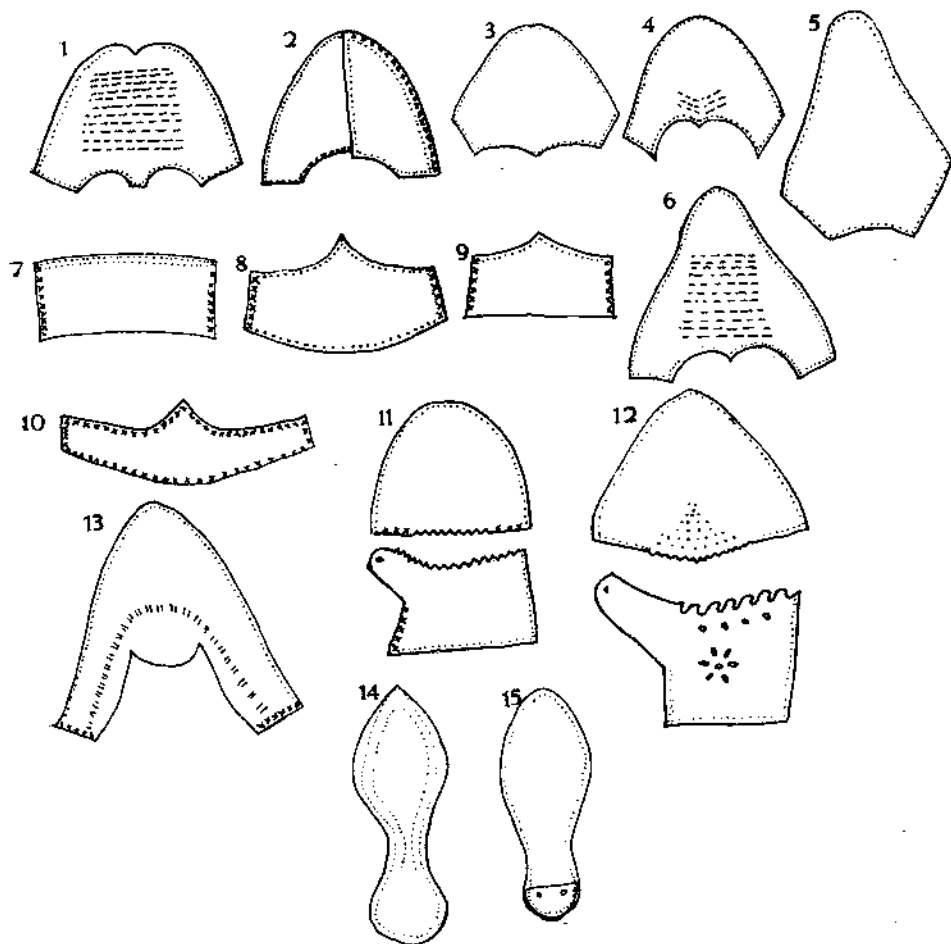

Рис. 3. Обувь жесткой конструкции.

1—6 — головки сапог; 7—10 — задники; 11—13 — детали верха башмаков;
14—15 — подошвы.

б) головки, край которых представляет симметричную фигурную линию со слегка выступающей средней частью, преобразующейся со временем в вытянутый треугольный выступ (рис. 3:3, 4). Здесь наблюдаются те же тенденции в развитии, что и в первом варианте, — усовершенствование покроя (стандартизация) и пошива (применение потайных швов), увеличение жесткости и износоустойчивости за счет поднарядов и украшения тиснением. Подобного рода головок найдено 2 экземпляра в слоях 12—10-го ярусов раскопов УС—IX и УС—XI, 1 — в 10-м пласте раскопа УС—III и 3 — в 19, 17 и 10-м пластах раскопа на УС—V. Датируются они началом XIII—XV в.

3. С узким мысом — самый многочисленный вариант головок. Обрез края у них постепенно получает форму вогнутой линии, одновременно с которым существует край, отделанный треугольным выступом. Очень часто головки этого варианта украшались тиснением, выполнявшим здесь не только декоративную функцию, но и служившим для придания обуви большей гибкости (7, с. 85). Головки с ровно обрезанным краем (рис. 3:5) найдены в слоях 14—4-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI (9 экземпляров), пластах 11 и 10 раскопа УС—III (2 экземпляра) и в пластах 17—9 раскопа УС—V (7 экземпляров). Головки с треугольным выступом (рис. 3:6) найдены в слоях 14—10-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI (8 экземпляров); в пластах 13 и 8 раскопа УС—III (3 экземпляра), в пластах 16—11 раскопа УС—V (4 экземпляра). Датируются головки этого варианта началом XIV—концом XV в. Все виды головок жестких сапог, найденные в Смоленске, имеют аналоги в других средневековых городах (7, с. 86—87; 8, с. 209; 13, с. 81; 15, с. 50).

Как уже было сказано, головки сапог жесткой конструкции часто отделялись тиснением. Исходя из материала раскопок можно предположить, что тиснение в Смоленске появляется в начале XV в.

К первой же половине XV в. относятся найденные в Смоленске 8 сапожных колодок. Длина их варьируется от 25 до 20 см. Все они принадлежат к типу правил (8, с. 198), состоят из одного куска плотного дерева и имеют низкую и узкую форму. По новгородским материалам, такие колодки появляются в XII—XIV вв. Вначале сапог сшивался, затем в него вставляли колодку и, обивая молотком, придавали форму и расправляли швы (правили) (8, с. 199).

Поднаряды треугольной формы (рис. 3:2) верх сапога в Смоленске стали укреплять приблизительно с XIII в. Поднаряды подшивались к головке изнутри и придавали обуви большую прочность (этой же цели служило применение двойной кожи). Почти вся жесткая обувь Смоленска начиная с первой половины XIII в. имела поднаряды, которые либо сохранились сами, либо легко определяются по остаткам соответствующих швов: шва через край, которым дополнительные детали пришивались к основному, и шва, скрепляющего верх с подошвой. В Смоленске было найдено 34 поднаряда треугольной формы, из них 26 — в 13—4-м ярусах раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 4 — в 19—10-м пластах раскопа УС—V и 4 — в 17—12-м пластах раскопа УС—III.

Жесткие задники — одна из самых массовых категорий находок. При изучении эволюции задников хорошо прослеживаются отмеченные выше общие тенденции развития обуви жесткой конструкции. По способу оформления верхнего края можно выделить два варианта задников:

1. С ровно обрезанным верхним краем (рис. 3:7), высотой от 7 до 3 см. 21 экземпляр найден в слоях 17—8 ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI, 5 экземпляров — в 20—8-м пластах раскопа УС—III и 4 экземпляра — в 18—15-м пластах раскопа УС—V. Датируются они концом XII—первой половиной XV в.

2. С поднятой средней частью, которая постепенно преобразуется в треугольный выступ (рис. 3:8, 9) высотой от 7,5 до 2,5 см. Именно

этой форме соответствуют голенища с косо срезанным нижним краем (см. материалы Новгорода и Пскова (8, с. 206; 7, с. 90)). 30 задников этого вида найдено в слоях 18—1-го ярусов раскопов УС—VIII, IX, XI; 15—в 22—5-м пластах раскопа УС—III и 14—в 20—5-м пластах раскопа УС—V. Датируются они XII—XIV вв.

Примерно с начала XII в. (14-й ярус) задники делают более низкими (4—2,5 см), что и закрепляется в последующий период; для плотности применялись двойные задники: внутри пришивался швом через край второй слой так, что получался карман, в который вкладывали прослойки из толстой кожи или бересты (рис.3:10). К подошве задники пришивали выворотным швом, с головкой и голенищем они скреплялись с помощью потайного шва.

Подошвы жесткой конструкции также развиваются по пути усовершенствования формы: сужение геленочной части при округлой пятке и мысе, варьирующем свою форму в зависимости от верха обуви. Первые подошвы «нормальной» формы датируются первой половиной XII в. Они сделаны из плотной кожи, что обуславливает появление нового шва — потайного, проколы от которого остаются в толще кожи, а по контуру подошвы идут два параллельных ряда отверстий (рис. 3:14). Уже в XII в. прослеживается четкое различие между подошвами на левую и правую ноги (УС—XI № 64—ярус 17). Для жесткости подошвы делались многослойными, в пяточной части подшивали по несколько прокладок. Жесткие подошвы имеют округлую форму пятки и округлый же или заостренный мыс (рис. 3:14, 15). С округлым мысом найдено 12 подошв в слоях 17—10-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI; 25—в 26—5-м пластах раскопа УС—III; 14—в 22—14-м пластах раскопа УС—V. Датируются они серединой XII — серединой XIV в. Подошвы с острым мысом более многочисленны. 40 экземпляров найдено в слоях 17—1-го ярусов раскопов УС—VIII, УС—IX, УС—XI; 24—в 27—4-м пластах раскопа УС—III; 19—в 23—5-м пластах раскопа УС—V. Все эти находки датируются первой половиной XII—XVI в.

О применении *каблука* можно судить по степени распространенности подошв с узкой геленочной и четко выраженной пяточной частями (7, с. 91): они становятся массовыми уже в XIV в. (10-й ярус). Каблук делался наборным, кожаные пластинки скреплялись металлическими заклепками. Аналогично смоленскому наборному каблуку (сохранился на высоту 5 см) мы видим в Старой Ладогe в начале XIV в. (коллекция Гос. Эрмитажа, инв. ЛГ-69).

Таким образом, общая эволюция подошв выразилась в изменении их плотности, появлении новых швов, в укреплении пяточной части прокладками, набойками и каблуками, то есть в том, что делало конструкцию сапога наиболее удобной и износоустойчивой.

Голенища, соответствующие сапогам жесткой конструкции, представлены 11 фрагментами. 2 из них найдены в раскопе УС—XI, в слоях 13—12-го ярусов, 7—в раскопе УС—V в 17—8-м пластах и 2—в 16—14-м пластах раскопа УС—III. Поскольку сохранились только нижние части, то высоту голенищ установить пока не удалось. Как и мягкие, жесткие голенища тоже состояли из двух частей, сшивавшихся по

бокам, сзади находился вырез, в который вшивался выступ задника, спереди же край голенища повторял линию верхнего обреза головки и пришивался потайным швом. Сапоги с голенищами рассматриваемого вида были, вероятно, наиболее распространены, поскольку общее развитие обуви шло по линии детализации края, и способ выкраивания голенищ вместе с задником (что мы наблюдаем в мягкой конструкции) не мог применяться широко.

Башмаки — это детальнокроеная обувь, части которой скреплены шитым способом. Удалось выделить два вида башмаков, различающихся по форме:

1. С верхом, состоящим из передней части, двух боковых частей и задника, скреплявшихся между собой потайным и тачным швами. Этот вид представлен 11 экземплярами, 3 из которых найдены в слоях 8—6-го ярусов раскопов УС—IX и УС—XI, 8 — в 11—4-м пластах раскопа УС—III, датируемых второй половиной XV—XVI в. Судя по тому, что подошвы, синхронные этому виду обуви, имеют более совершенную форму и ярко выраженную геленочную часть, можно предположить, что башмаки, будучи бескаблучной обувью, имели прокладки в пяточной части. На боковых частях башмаков имеются выступы в области подъема, в них проделаны небольшие отверстия для завязок (видимо, тонких кожаных ремешков), с помощью которых обувь крепилась к ноге. Верх имеет округлую форму, его край и края боковых частей отделаны острыми или закругленными зубчиками, на некоторых экземплярах присутствует орнамент в виде небольших прорезей или проколов, образующих несложные геометрические фигуры (рис. 3: 11, 12).

2. С верхом, состоящим из головки с удлиненным язычком и задника с прокладкой (рис. 3: 13). В отличие от первого этот вид имеет скорее заостренную форму мыса. Детали верха скреплены тачным швом, сделаны они из плотной кожи; подошвы и верх скреплены сандальным швом. 2 экземпляра найдены в слоях 11—10-го ярусов раскопов УС—IX, УС—XI, 3 — в 9-м и 5-м пластах раскопа УС—III и 2 — в 10-м пласте раскопа УС—V; все датируются второй половиной XV—XVI в. Точную аналогию смоленским башмакам этого вида находим в Старой Ладогe (коллекция Гос. Эрмитажа, инв. ЛГ-196). Из нее видно, что подошва башмаков трехслойная, с широким, низким наборным внутренним каблучком (Е. И. Оятева называет этот вид «туфли с язычком» (15, с. 51)). Интересно, что способ отделки башмаков этого вида имитирует ременную поддержку мягкой обуви: по передней и боковым сторонам идут частые параллельные прорезы, через которые продернут узкий ремешок, здесь не несущий никакой функциональной нагрузки, поскольку обувь сформована вполне по ноге и не нуждается в дополнительных способах крепления.

Таким образом, на изученном материале можно проследить общие для всех средневековых городов тенденции эволюции кожаной обуви по линии детализации и стандартизации края, применения более сложных швов и развития жесткой конструкции, что повышало износоустойчивость изделий (7; 15; 10; 5).

На стадии становления города обувь шилась на дому. Древнерусские города не составляли исключения. Можно предположить появле-

ние в Смоленске первых сапожно-кожевенных мастерских, аналогичных обнаруженным в Москве и Новгороде (13, с. 100; 10, с. 12). На протяжении всего периода феодализма сапожное ремесло (так же как и портняжное) сосуществует с домашним производством, сохранившимся до XX в. Чаще всего, надо думать, ремесленное производство отличалось от домашнего более разработанной технологией пошива изделий и их качеством. Но эти характерные черты все же нельзя абсолютизировать, так как на Руси существовала богатая традиция домашнего производства.

Обычно определяющими для вновь обнаруживаемой ремесленной мастерской считаются такие признаки, как наличие заготовок, полуфабрикатов, готовых изделий, отходов производства, соответствующих инструментов (17, с. 7). Однако еще больше, пожалуй, в пользу ремесленной мастерской свидетельствуют предметы сопутствующего инвентаря, а также хронологическая устойчивость производства. Развитое домашнее производство (существовая наряду с другими основными занятиями хозяев дома) менее устойчиво во времени, нежели производство ремесленное. Кроме того, изделия в первом случае будут изготавливаться, видимо, из менее дорогого и более доступного материала. Поэтому производство из высококачественной кожи разной выделки (свидетельство разнообразия используемого сырья) также может служить косвенным подтверждением существования мастерской.

Как уже отмечалось, большая концентрация массового материала² на определенных участках раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI позволяет предположить существование здесь производства изделий из кожи. Распределение материала на территории раскопов показывает, что на 94,3% площади УС—VIII, УС—IX и УС—XI найдено всего 43,5% материала (в среднем — 10,5 единиц на квадрат), тогда как на оставшуюся площадь (то есть на 5,7%) приходится 56,5% находок (в среднем — 229 единиц на квадрат)³.

Подобный характер распределения массового материала позволяет нам допустить возможность существования на указанной территории одной или нескольких сапожных мастерских (центров развитого специализированного производства). Для их выявления необходимо изучить каждое место скопления массового материала в сочетании с инструментарием, строительными сооружениями, сопутствующими находками. На территории хорошо стратифицированных раскопов УС—VIII, УС—IX и УС—XI нами намечены три устойчивые зоны скопления массового материала: I, II, III.

Зона скопления I прослеживается, начиная с 20-го строительного

² Сюда включены как целые найденные экземпляры изделий из кожи, так и отдельные детали, а также заготовки, производственные отходы.

³ За границу между зонами нормального и повышенного распределения материала мы приняли 100 единиц кожи на квадрат, так как вероятность случайного нахождения более 100 единиц кожи в одном квадрате (при среднем ее распределении, составляющем 20 единиц на квадрат) ничтожно мала.

яруса, на территории, традиционно занятой мостовой между усадьбами А и Б, а также частично на территории самих усадеб⁴.

В 20-м стратиграфическом ярусе (начало XII в.) наблюдается скопление кожаных остатков между усадьбами А и Б; в срубе № 50, расположенном у западной границы усадьбы Б, найден горшок с воском (следует отметить, что сапожники используют воск для вождения ниток).

В 19-м ярусе (20—40-е годы XII в.) зона по-прежнему занимает пространство между усадьбами А и Б. Ей соответствует сруб № 49, примыкающий к западной границе усадьбы Б, в котором также оказался горшок с воском. Среди обрезков обнаружена заготовка подошвы с удлиненной пяткой.

В 18-м ярусе (40—60-е годы XII в.) сохраняется прежнее положение зоны I; в западной части усадьбы Б существует сруб № 48, находящийся в непосредственной близости от места скопления кожи. Одновременно в 2 м к западу от мостовой, но уже на территории усадьбы А, найдено железное шило.

В 17-м ярусе (60—70-е годы XII в.) зона I, занимая мостовую, несколько расширяется в сторону усадьбы Б. Среди обрезков — кожаная плетенка.

В 16-м ярусе (80-е годы XII в.) зона I занимает мостовую, по-прежнему увеличиваясь в сторону усадьбы Б. На территории усадьбы Б зафиксирован сруб № 38 этого времени, расположенный в другой (восточной) части усадьбы. В непосредственной же близости от места скопления кожи находится сруб № 41, относящийся к усадьбе А (Н. И. Асташова определяет его как связанный с металлообрабатывающим производством (18, с. 10)). Среди массового материала (между срубом № 41 и мостовой) найдена заготовка туфли, а у восточного края мостовой, граничащего с усадьбой Б, — железное шило.

В 15-м ярусе (конец XII в.) зона I, по-прежнему занимая мостовую, увеличивается в сторону как усадьбы А, так и усадьбы Б.

В 14-м ярусе (начало XIII в.) концентрация массового материала в зоне I отсутствует.

В 13-м ярусе (20—30-е годы XIII в.) вновь наблюдается скопление материала в зоне I, которая по сравнению с предыдущими ярусами явно смещена на территорию усадьбы Б (вдоль линии мостовой, по западному краю усадьбы), захватывая при этом также небольшую часть усадьбы А (в ее юго-восточной части, вдоль линии мостовой). На территории усадьбы А найдено железное шило, а среди массового материала из усадьбы Б обнаружены орнаментированные кожаные ножны.

В 12-м ярусе (середина XIII в.) зона I распадается на два участка:

1) юго-западная часть мостовой и 2) северо-восточная часть усадьбы Б, которой соответствует сруб № 34. Здесь же в срубе и в непосредственной близости от него были найдены: кусок кожи с неоконченным тиснением, использованная заготовка с плетенкой, два кожаных плетеных кольца и кожаная аппликация.

⁴ См. работу Н. И. Асташовой о топографии и планировке смоленских усадеб в настоящем сборнике.

В 11-м ярусе (70—80-е годы XIII в.) зона I не прослеживается. В более поздних слоях такой концентрации массового материала в этом месте также не наблюдается.

На территории переулка между усадьбами Б и В, а также частично на территории самих этих усадеб выделена зона II, прослеженная с 20-го по 7-й ярус.

В 20-м ярусе зона II занимает восточную границу усадьбы Б и частично территорию переулка.

В 19-м ярусе в зону II попадает юго-восточный угол усадьбы Б; немного севернее, тоже на территории усадьбы Б, находится сруб № 65. Внутри сруба обнаружены куски воска. Среди массы кожаных обрезков выявлено достаточно большое количество экземпляров с очевидными следами края.

В 18-м ярусе зона II располагается вдоль восточной границы усадьбы Б, по-прежнему занимая ее юго-восточный угол.

В 17-м ярусе большая часть находок происходит из северо-восточного угла усадьбы Б и меньшая — из юго-восточного. Здесь же находится сруб № 64, вокруг которого, по сути, концентрируется зона II. Недалеко от сруба найдено шило. Среди материала — остатки края, кожаные поделки и фрагменты орнаментированной кожи.

В 16-м ярусе зона II примыкает к восточным границам усадьбы Б, в северо-восточном углу которой расположен сруб № 38.

В 15-м ярусе наблюдается то же расположение зоны II, а в северо-восточном углу усадьбы Б находится сруб № 37.

В 14-м ярусе зона II смещена западнее, значительно распространяясь на территорию усадьбы Б. Ей соответствуют срубы № 31 и 57.

В 13-м ярусе зона II тяготеет к восточной границе усадьбы Б и заходит на территорию переулка. Здесь же расположены срубы № 30, 31 и 56.

В 12-м ярусе зона II расположена в юго-восточном углу усадьбы Б, идет по ее восточной границе и занимает северную часть переулка. В восточной части усадьбы Б находятся срубы № 29 и 55.

В 11-м ярусе зона II занимает переулочек и юго-восточный угол усадьбы Б. На усадьбе Б существуют срубы № 27 и 28.

В 10-м ярусе (20—40-е годы XIV в.) в зону II входит восточная часть усадьбы Б и территория переулка. В северо-восточном углу усадьбы Б находятся срубы № 20 и 22. В юго-восточном углу усадьбы найдены 2 железных шила (одно — с деревянной ручкой) и деревянная колодка (правило).

В 9-м ярусе (70—80-е годы XIV в.) зона несколько сужается, занимая юго-восточную часть усадьбы Б и южную часть переулка. В заполнении сруба № 38, входящего в зону II, найдены шило и железная игла в кожаном футляре; среди обрезков кожи — фрагменты поделок и кожаные ножны.

В 8-м ярусе (конец XIV — начало XV в.) зона II занимает северную часть переулка и расширяется к западу и востоку от него, частично распространяясь, таким образом, на территорию усадьбы Б и усадьбы В; в юго-восточной части усадьбы Б — срубы № 20 и 22.

В 7-м ярусе (30—40-е годы XV в.) зона II занимает небольшое пространство в северо-восточном углу усадьбы Б, к востоку от сруба № 32.

После 7-го яруса зона II не прослеживается.

Начиная с 18-го яруса выделяется зона III, которая располагается в восточной части усадьбы В.

В 17-м ярусе кожа скапливается к северу и югу от сруба № 59, неподалеку от которого найдено железное шило.

В 16-м ярусе повышенной концентрации кожи в зоне III не наблюдается; на территории усадьбы В в это время существуют срубы № 54, 58 и 62. В заполнении сруба № 62 найдено 2 железных шила, а также фрагменты деталей кожаной обуви и обрезки (остатки кроя).

В 15-м ярусе зона III занимает северо-западную и центральную части усадьбы В. К востоку от зоны III — два сруба — № 52 и 53, в близости от сруба № 53 найдено железное шило.

В 14-м ярусе в зону III входят южная и северо-западная части усадьбы В, а также северная часть переулка между усадьбами Б и В. На усадьбе В существует сруб № 51, в заполнении которого найдены куски воска, кожаные изделия (чехол и кошелек), височное кольцо на кожаном ремешке и фрагменты кожи со следами кроя.

В 13-м ярусе зона III занимает южную часть усадьбы В. Рядом расположены срубы № 42 и 48. В заполнении сруба № 48 найдены куски воска и шило, а также два кожаных кошелька и кожаный чехол для топора. По-прежнему присутствуют остатки кроя.

В 12-м ярусе зона III расположена в той же части усадьбы В; к северу от нее — срубы № 45 и 46.

В 11-м ярусе мы наблюдаем ту же концентрацию кожи в южной части усадьбы В; существует сруб № 45, а также сруб № 47, в районе которого обнаружены многочисленные куски со следами кроя.

В 10-м ярусе в зону III по-прежнему попадают южная часть усадьбы В, ей соответствуют срубы № 40 и 36, находящиеся к северу от нее.

После 10-го яруса зона III не прослеживается вплоть до 7-го яруса.

В 7-м ярусе в традиционной для зоны III юго-восточной части усадьбы В вновь отмечается скопление массового материала, которому соответствует сруб № 29.

Далее зону III удается проследить до 4-го яруса (70-е годы XV в.). В 6-м ярусе ей соответствуют срубы № 11 и 6, в 4-м — сруб № 18. Надо отметить, что с 7-го по 4-й ярус зона III не так выражена, как в предыдущее время, но так как она располагается в традиционном для нее месте, ей сопутствуют строительные сооружения, а массовый материал представлен достаточным количеством обрезков кожи, то не учитывать ее нельзя.

Выделенные зоны скопления массового материала скорее всего представляют собой выбросы отходов производства. На графике (рис. 4) представлена интенсивность концентрации материала в каждой из зон по стратиграфическим ярусам.

Расположение зон I и II на участках, пограничных между усадьбами, не позволяет отождествить каждую из зон с конкретной мастер-

ской. Вероятно, кожаные изделия изготовлялись в обеих усадьбах, а места сброса отходов могли быть общими. Зона III полностью связана с территорией усадьбы В, что может свидетельствовать в пользу существования здесь отдельного сапожного производства.

Следы сапожного производства на территории рассматриваемых усадеб просматриваются в течение достаточно длительного промежутка времени — на протяжении почти трех столетий (XII—XV вв.), что подтверждает предположение о функционировании на этой территории одной или нескольких ремесленных мастерских. Об отдельном ремесленном производстве в усадьбе В говорят относительно более узкие хронологические рамки выброса отходов. Тогда как производство в усадьбах А и Б возникает в конце XI — начале XII в., в усадьбе В оно начинается не раньше середины XII в. В то время, когда производство в усадьбах А и Б переживает спад (конец XII — начало XIII в.), в усадьбе В, напротив, с начала XIII в. наблюдается резкий подъем (рис. 4). Это тем более интересно, что на это время падают феодальные

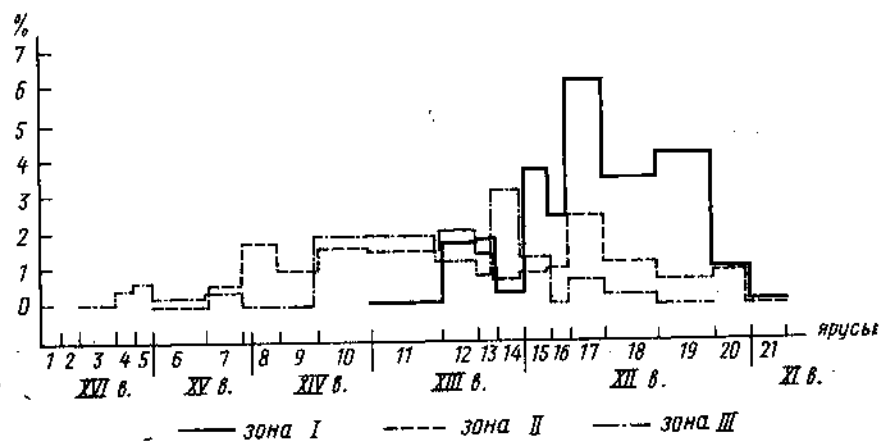

Рис. 4. Распределение кожи по ярусам в зонах концентрации.

усобицы и волнения конца XII в. (19, т. I, с. 485), а также землетрясения, голод и мор 1230 г., засвидетельствованные, в частности, в Волынской краткой летописи (19, т. XXXV, с. 120). Систематическое производство в усадьбе В прекращается в 40-е годы XIV в. (выброс в зоне III в 8—4-м ярусах незначителен), тогда как производство в усадьбах А и Б существует до 30-х годов XV в. (зона I, II). Правда, в этот период в усадьбах А и Б происходит резкое затухание производства, связанное, возможно, с какими-то событиями, последовавшими за взятием Смоленска Витовтом в 1404 г. (19, т. XXXV, с. 53). Максимальная интенсивность производства изделий из кожи в этих усадьбах падает на более ранний период (20—40-е годы XII в. — 60—70-е годы XII в.).

На существование ремесленных мастерских на территории усадеб А, Б и В указывает также богатый ассортимент найденных вещей: значительное количество изделий собственно обувного производства (туфли, сапоги), находки профессионального инвентаря (сапожная колодка, шилья, иглы, сосуды с воском), а кроме того, и разные поделки из кожи: ножны, кошельки, чехлы, кольца, аппликации и прочее. Все предметы выполнены на высоком профессиональном уровне и отличаются довольно сложной технологией изготовления.

Таким образом, характер материала в зонах скопления, его количество, хронологическая устойчивость самих зон свидетельствуют о функционировании на территории усадеб А, Б и В ремесленного производства изделий из кожи, прежде всего обуви, с конца XI до начала XV в.

Сырьем для сапожного производства является продукция сыромятно-кожевенного производства. Так как никаких следов последнего раскопками не обнаружено, то мастерские, следовательно, занимались исключительно производством обуви и изделий из кожи. На основании этого можно предположить, что уже в начале XII столетия в Смоленске сапожное производство существовало отдельно от сыромятно-кожевенного. По данным Смоленской крестоприводной книги 1598 г., мы можем сделать вывод о том, что к XVI в. полное разделение сапожного и сыромятно-кожевенного дела стало традиционным. Среди перечисленных в книге ремесленников 31% (157 из 508) составляют кожевники и обувщики. Часто встречающиеся фамилии Сапожников (2, с. 153) и Овчинников (2, с. 165) свидетельствуют об устойчиво широком распространении сапожного и кожевенного ремесла в древнем Смоленске. К концу XVI в. эти ремесла, согласно данным крестоприводной книги, были достаточно развитыми, с широким диапазоном специальностей. Мы встречаемся с кожевниками — овчинниками, сыромятниками, тимниками, гладильниками, баранниками; сапожниками — чеботарем, подошвенником; ремесленниками, связанными с кожевенным производством, — седельниками, узниками (5, с. 135—140). Среди перечисленных книгой 508 смоленских ремесленников нет никого, кто, занимаясь выделкой кож, был бы одновременно занят производством из них каких-либо изделий. Материалы сапожных мастерских раскопа УС—IX и УС—XI периода конца XI — начала XV в. не дают ни малейших оснований говорить о разделении труда внутри самого сапожного ремесла. Ремесленники данных мастерских не только не специализировались на производстве отдельных деталей обуви, как это было, например, в средневековом Новгороде, но наряду с обувной продукцией выделывали в большом количестве иные изделия (кошельки, ножны, чехлы и т. п.).

Таким образом, мы попытались на протяжении XII—XV вв. проследить возникновение, развитие и исчезновение на территории раскопа по улице Соболева в Смоленске очагов сапожного ремесла. Возникновение и развитие этих центров связано с общим процессом становления данного ремесла на Руси. Исчезновение же их в средневековых городах зависело прежде всего от внешних факторов.

Эволюция домашнего производства кожаной обуви в производство профессиональное определяется как растущей социальной дифференциацией общества, так и дальнейшей интенсификацией городской жизни.

ни, требующей обувь максимально удобную и износоустойчивую, то есть сработанную профессионально. Характерно, что процесс становления сапожного самостоятельного ремесла связывается с периодом, когда начинает преобладать обувь жесткой конструкции, обеспечивающей повышенную износоустойчивость и делающей (в связи со стандартизацией выкроек) возможным массовое производство.

Примечания

1. Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.
2. Источники по истории русского языка. Смоленская крестоприводная книга 1598 г. М., 1976.
3. Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска//СА. 1980. № 2. С. 246—250.
4. Ояева Е. И. К методике изучения древней кожаной обуви//АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973. С. 105—111.
5. Ояева Е. И. Кожаная обувь из средневековых городов Польши//АСГЭ. Вып. 12. Л., 1970. С. 112—118.
6. Ояева Е. И. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы: (опыт методологической разработки)//АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 107—112.
7. Ояева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова//АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962. С. 77—94.
8. Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Велико-го//Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959.
9. Воронин Н. Н. Древнее Гродно//МИА. Вып. 41. М., 1954.
10. Ситникова И. В. Обработка кожи в древнем Новгороде: Дипломная работа. 1981. Хранится на кафедре археологии исторического факультета МГУ.
11. Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани. М., 1953.
12. Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней. М., 1875.
13. Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980.
15. Ояева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги//АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965. С. 42—49.
16. Арциховский А. В. Одежда//Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969.
17. Колчин Б. А. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.)//КСИА. Вып. 99. М., 1964.
18. Асташова Н. И. Постройки древнего Смоленска//Проблемы истории СССР. Вып. 8. М., 1979.
19. ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980.

Е. В. Каменецкая

ЗАОЛЬШАНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА ГНЁЗДОВА

Гнёздовский археологический комплекс состоит из поселения и нескольких курганных групп. Ядром его можно считать Центральное городище, примыкающее к нему селище, Леоную и Центральную курганные группы. На различных расстояниях к западу от Центрального городища расположены Днепровская курганная группа, Ольшанские городище и курганная группа (левый берег р. Ольшанки), Заольшанская курганная группа (Правобережная Ольшанская)¹, Нивленская курганная группа. Степень сохранности и исследованности групп различна. Заольшанская группа в настоящее время раскопана полностью и поэтому ее материалы представляют большой интерес для изучения как Гнёздова, так и других аналогичных памятников IX—X вв.

Заольшанская группа впервые была обследована и описана в 20-х годах А. Н. Лявданским, который отметил 100 курганов (1, с. 145). В 1922 г. Е. Н. Клетнова раскопала в Заольшанской группе 5 насыпей, раскопки производились траншеями. Судя по описанию, в двух курганах было обнаружено сожжение на месте, в двух — на стороне, в одной насыпи кости не отмечены. В трех курганах кости были помещены в урны, в одном — груда костей прикрыта березовой корой (2, с. 52—60).

В 1978—1981 гг. раскопки Заольшанской курганной группы вела Смоленская археологическая экспедиция Московского университета. Выявлено 88 насыпей, 87 из них раскопано (рис. 1), на одном из курганов (88) росла сосна, и его было решено не копать. Пять насыпей (кург. 63, 75, 81, 84, 87) повреждены предыдущими раскопками. Однако отождествить указанные насыпи с курганами, описанными Е. Н. Клетновой, не удалось. В кургане 63 сохранившееся кострище позволяет определить обряд погребения, и он учтен при обработке материала.

Раскопки группы выявили два основных типа погребального обряда — трупосожжения и трупоположения. Несколько насыпей могут быть интерпретированы как меморативные.

Заольшанская группа курганов находится на правом берегу Днепра на расстоянии примерно 800 м к западу от Ольшанского городища и устья реки Ольшанки, впадающей в Днепр. Курганы расположены на надпойменной возвышенности, вытянувшейся вдоль Днепра узкой грядой (ширина 35 м, длина 310 м). Размещение курганов связано с особенностями рельефа местности: к югу от них находится пойма Днепра, севернее — низкое, местами заболоченное пространство. К северу от курганов находятся карьеры по добыче гравия, которые, несомненно,

¹ Группа известна в литературе как Заольшанская. При раскопках для удобства шифровки материала она получила обозначение Правобережная Ольшанская (Поль). В настоящей статье, когда речь идет о курганах данной группы, шифр Поль перед обозначением курганов опускается.

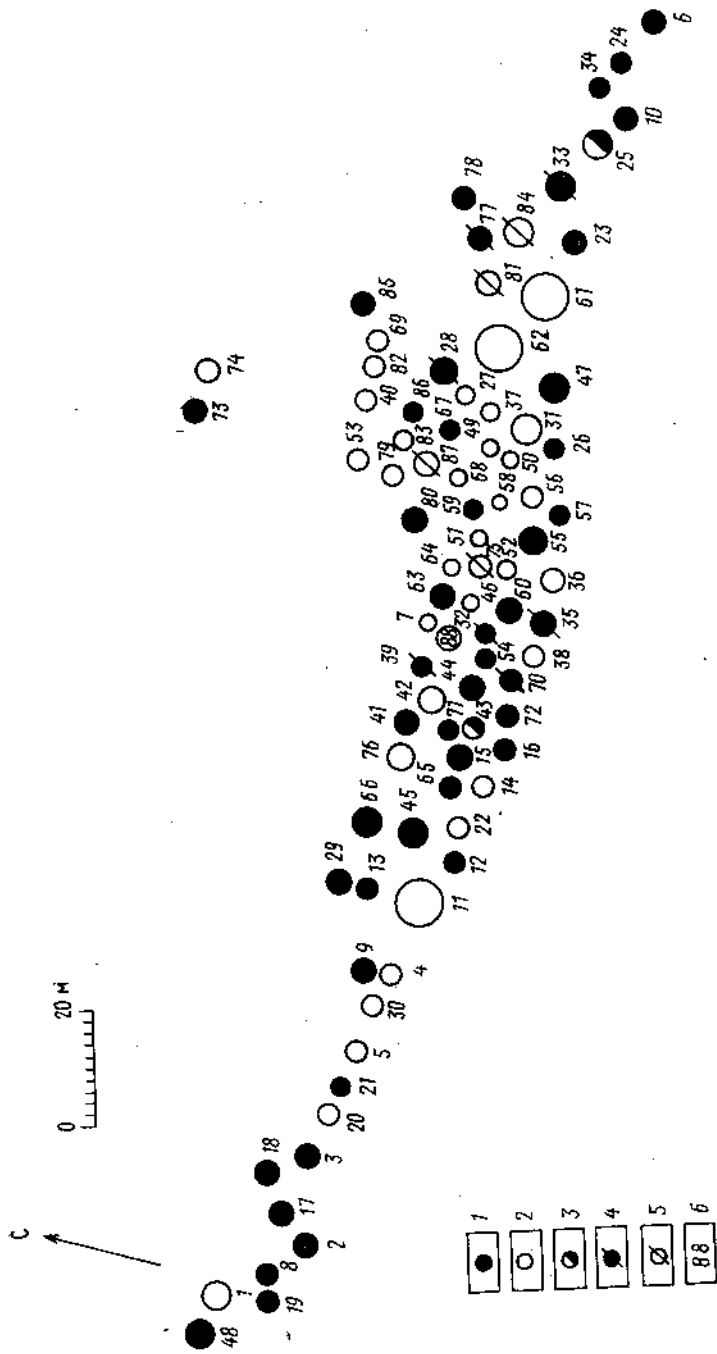

Рис. 1. План Заольшанской курганной группы.

1 — курганы с погребениями по обряду трупосожжения; 2 — курганы с погребениями по обряду трупосожжения; 3 — курганы, содержащие погребения по обряду трупосожжения и труположения; 4 — погребения; 5 — мемориальные курганы; 6 — курган 88 не раскопан.

исказили первоначальный вид этой местности. С западного и восточного края курганы располагались цепочкой, в средней части — более сгущенно, но, как правило, не более четырех насыпей в ряд с севера на юг. Два кургана удалены к северу от основной группы на 25 м. Вся группа отличается хорошей сохранностью большинства насыпей. Сильнее испорчены курганы, расположенные на южной стороне гряды, они оплыли к югу и частично разрушены проходящей здесь дорогой. Сильно сnivelирован ряд курганов, находящихся на восточной окраине, на более низких участках. Некоторые курганы заросли деревьями, кустарником. На отдельных насыпях — ямы и западины, связанные, как показали раскопки, с обрядом трупоположения (осадка земли над ямой) и с предыдущими раскопками. Курганы, особенно в центральной части, расположены очень плотно, ровики соседних насыпей часто наплывают друг на друга. Большинство курганов имело форму шаровых сегментов, однако у некоторых насыпей форма оснований вытянутая или неправильная, северные склоны круче, чем южные.

Раскопки курганов производились на снос с разборкой ровиков. Средняя ширина ровиков 100—180 см, отмечены также ровики меньших размеров — около 50 см, и ровики большие — до 200 см. В Заольшанской группе встречались кольцевые ровики и ровики с перемычкой, в ряде случаев с двумя перемычками. При самых различных вариантах ориентации перемычек во всех обрядах преобладает юго-западное направление, иногда в сочетании со вторыми всходами на ЮВ, СВ, З, СЗ и С. Юго-западное направление всходов составляет 48% (22 кургана) от 46 насыпей, где имеются всходы, и судить о них можно с достаточной достоверностью. В ровиках найдены угли, отдельные кальцинированные кости, в отдельных случаях обнаружена керамика, одновременная насыпке курганов и более поздняя. В одном из ровиков встречен железный нож.

Высота насыпей колеблется от 0,15 до 0,9 м, поперечники от 3 до 11 м. Преобладают насыпи высотой от 0,3 до 0,7 м, они составляют 70% всех курганов (60 насыпей). Курганы высотой 0,15—0,3 м — 18% (16 насыпей) и высотой 0,7—0,9 м — 12% (11 насыпей). Поперечники большинства курганов также не отличаются значительными размерами, основная часть курганов имеет диаметр от 3 до 7 м 82,6% (71 насыпь), диаметр 7—9 м — 12,8% (11 насыпей); до 3 м — 1,1% (1 насыпь), больше 9 м — 3,5% (3 насыпи)².

Насыпи курганов возведены из супеси и суглинка. Почвенные условия хорошо сохранили древесный тлен и остатки обугленного дерева в кострищах. Необожженные кости не сохраняются, лишь в одной небольшой по глубине яме найдены человеческая челюсть с зубами, в некоторых ямах прослежены следы костного тлена, в двух курганах найдены зубы плохой сохранности. Почти не уцелели изделия из тонких пластинок серебра и бронзы.

При раскопках выявлено 40 курганов с трупосожжениями, 34 — с трупоположениями, 7 — меморативных насыпей, 2 — сочетание кремации и ингумации, 4 кургана испорчено и судить об обряде трудно (Прило-

² Диаметр одного кургана группы точно определить не удалось.

жение I, III). Сравнивая размеры курганов с различными обрядами погребения, можно заметить, что курганы с трупосожжениями несколько выше курганов с обычными трупоположениями. В группе курганов с обрядом сожжения 10 насыпей имело высоту от 0,7 до 0,9 м. Из них большими размерами отличается курган 47 с богатым захоронением. Среди захоронений по типу трупоположения выделяются своими размерами два кургана с камерными погребениями. Их высота 0,7 м и 1,0 м (кург. 61, 62). Меморативные курганы по высоте и диаметру ничем не отличаются от насыпей с другими обрядами погребения.

По количеству захоронений обряд трупосожжения в Заольшанской группе является преобладающим, насыпи с трупосожжениями составляют 46% всех курганов группы. Зафиксированы два варианта сожжений — на месте и на стороне, первый вариант отмечен в 25 насыпях (кург. 3, 6, 8, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 24, 29, 34, 41, 44, 45, 47, 54, 55, 60, 63, 65, 78, 80, 85, 86), второй — в 15 (кург. 2, 10, 17, 19, 21, 23, 26, 48, 57, 59, 66, 67, 71, 72, 73). Основным критерием для определения типа сожжения служило наличие остатков погребального костра в виде обугленных плах (рис. 2: 1, 2), так как из-за сильной спрессованности кострища разница в его толщине в сожжениях на месте и на стороне небольшая. Другими признаками типа сожжения служат размер и интенсивность кострища, количество и характер расположения костей и вещей. В Заольшанской группе хорошая сохранность остатков погребального костра позволяет в ряде случаев определить сожжения на месте даже тогда, когда курган поврежден (например, в кургане 63). Кострища представляют собой сильно спрессованный слой золы, угля и песка толщиной от 0,1 до 0,3 м. В тех случаях, когда сохранились остатки обугленного дерева от погребального костра, цвет материкового песка ярко оранжевый, песок сильно прокален. Волокна обугленных плах чаще всего расположены в направлении ЮЗ—СВ. Размеры кострища в сожжениях на месте обычно составляют 2,2—5,5 м, поперечники насыпей 3,70—9,30 м, а их высота 0,2—0,9 м. Размеры кострищ в курганах с сожжением на стороне — 1,40—4,0 м, поперечники насыпей 3,5—9,0 м, высота от 0,15 до 0,7 м. Приведенные данные показывают, что в размерах насыпей с сожжением на месте и на стороне существенной разницы нет, хотя в среднем диаметр и высота курганов с сожжением на стороне меньше. В сожжениях на месте преобладают поперечники насыпей 5—7 м, в сожжениях на стороне — 4—6 м.

Обожженные кости при обоих обрядах, как правило, находятся в урне, одной или нескольких и вокруг них. В восьми курганах (кург. 6, 8, 16, 17, 41, 47, 60, 65) зафиксировано по 2—3 урны, это наиболее богатые сожжения, среди них есть и парные. В сожжениях на месте большая часть костей сосредоточена в центральной части кострища, но встречаются они и по всему кострищу. В расположении урны наблюдаются два основных варианта: урна находится на кострище, в слое кострища или в горелых плахах; урна помещена выше кострища или в насыпи. Разделять насыпи по положению урны немного выше кострища или вверху нецелесообразно из-за небольшой высоты большинства курганов. В обоих вышеуказанных вариантах урна может стоять прямо или с наклоном, может лежать на боку и быть перевер-

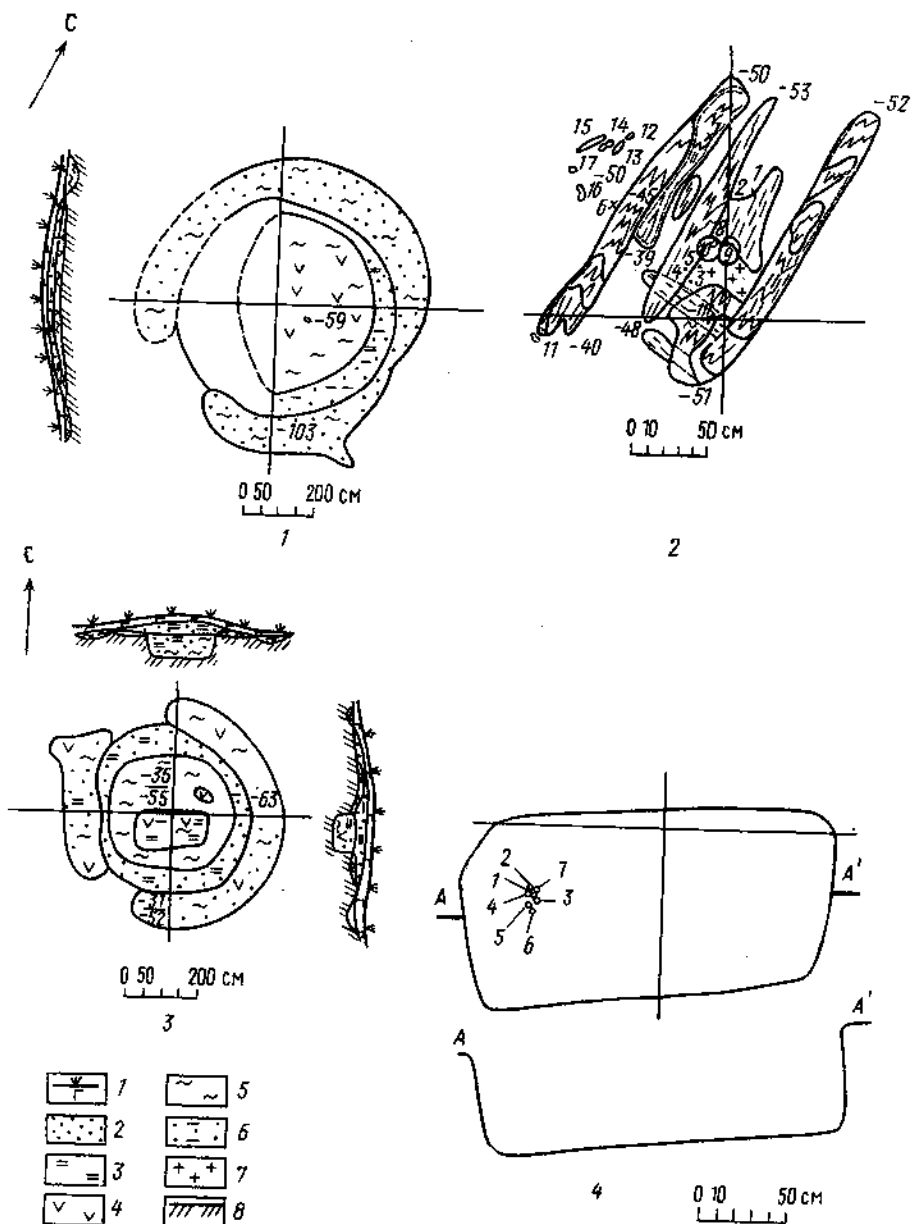

Рис. 2. Курган 65.

1 — план кострища и профили кургана. 2 — план деревянных плах кострища с обозначением нивелировочных отметок и номеров находок: 1, 3—5 — бусы; 2, 7 — оплавленное стекло; 6 — обломки скобы; 8 — обломки гривны; 9, 10 — сосуды-урны; 12 — пластина железная; 13, 15 — ножи; 14 — ключ; 16 — оковки. Курган 7. 3 — план кострища и профили кургана; 4 — план ямы с обозначением находок и ее разрез. Находки: 1—6 — бусы; 7 — обломок дирхема-подвески. Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — песок; 3 — глина; 4 — уголь; 5 — зола; 6 — супесь; 7 — обожженные кости; 8 — материк.

нутой вверх дном. Количественно преобладают урны, стоящие на кострище (29 курганов). Перевернутые и прямостоящие урны могут находиться одновременно в одном погребении (кург. 6, 45, 60). В ряде случаев для прикрывания стоящей на кострище урны использовалась перевернутая придонная часть других горшков (кург. 41, 47 — сожжение на месте). Перевернутые урны отмечены в обоих типах сожжения (кург. 6 — сожжение на месте, кург. 21 — сожжение на стороне). При урне могли находиться сопровождающие сосуды, целые или в обломках. Случаи, когда одна из урн немного выше уровня кострища, отмечены в курганах 6, 10, 26; урна в насыпи — в курганах 18 (сожжение на месте) и 19 (сожжение на стороне). В кургане 45 урна вколпана в материк, рядом лежит камень, поблизости находится второй сосуд, перевернутый вверх дном, в обломках. Камень рядом с урнами найден в кургане 65, здесь же на урне лежит гривна (рис. 2:2). По количеству найденных сосудов выделяется курган 8 (сожжение на месте, кострище отличной сохранности). Кроме двух урн в кострище найдены обломки еще трех горшков. Судя по расположению обломков, меньший сосуд был помещен в большой. Диаметр самого большого ≈ 24 см, самого маленького — 8 см. На двух горшках обнаружены клейма.

Кальцинированные кости, собранные при раскопках, были изучены Е. Г. Андреевой. Ею рассмотрен материал из двадцати пяти курганов (раскопки 1978—1979 гг.) с захоронениями по обряду трупосожжения. Определение костей установило наличие среди погребенных взрослых людей, детей и подростков. В десяти курганах зафиксировано погребение взрослого человека (кург. 2, 9, 19, 21, 24, 34, 41, 42, 45, 47), в двух курганах — подростков (кург. 3, 29), в шести курганах — детей (кург. 6, 10, 18, 25, 26, 43). В четырех насыпях вместе со взрослыми были погребены дети или подростки (кург. 8, 12, 16, 17). В шести насыпях находим сочетания костей человека с собакой (кург. 8), с собакой и лошадью (кург. 47), овцой (кург. 42), лисой (кург. 45), птицей (кург. 12), в кургане 25 вид животного неопределим. В кургане 13 найдено только сожжение животного, но его вид не удалось определить.

Погребальный инвентарь курганов с трупосожжениями представлен ножами (15 экз. в тринадцати курганах), стрелами (3 экз. в трех курганах), оселками (6 экз. в пяти курганах), пуговицами (6 экз. в двух курганах), гвоздями (5 экз. в пяти курганах), заклепками (3 экз. в трех курганах), бусами (48 экз. в одиннадцати курганах), подковообразными фибулами (9 экз. в девяти курганах). Найдены также 2 ключа в двух курганах, 2 кресала в двух курганах, 6 шипов в пяти курганах, обломки костяных гребней (в трех курганах). В курганах 12 и 16 обнаружены круглые бронзовые фибулы (не сохранились), в курганах 8, 21, 47, 65 — железные гривны с подвесками в виде «молоточков Тора» и колец, в кургане 47 — бронзовая ажурная подвеска в виде свернувшегося кольца зверя и кольцевидная фибула с зооморфным орнаментом. В кургане 16 найдено подражание саманидскому дирхему Насра II ибн Ахмада (914—943 гг.). Вещи располагались, как правило, в урне, вокруг нее или в центральной части кострища. В кургане 8 гривна находилась под обломками одной из урн, в кургане 47 — лежала сверху на урне и была прикрыта донной частью сосуда с клеймом,

в кургане 65 — обломки гривны лежали сверху на урне и внутри нее. Курганы 8, 47, 65 содержали богатые сожжения на месте. В кургане 21, где обнаружено малоинвентарное сожжение на стороне (рис. 3: А), перевернутый сосуд прикрывает гривну, лежащую на кострище.

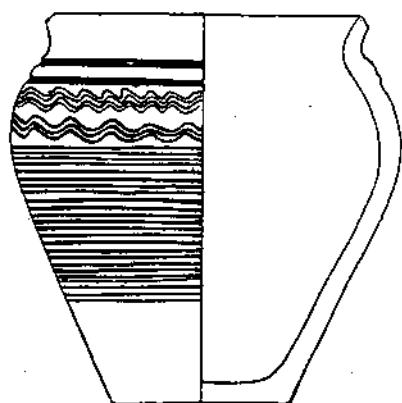
Вся керамика — как урны, так и сопровождающие сосуды — круговая, на 13 сосудах имелись клейма.

Большинство курганов не заключало в себе значительного количества вещей и сосудов. Наиболее богаты находками курганы с сожжением на месте (№ 3, 6, 8, 24, 47, 65). По размерам и набору инвентаря в группе выделяется курган 47, раскопанный в восточной ее половине. На кострище находились две урны, на одной из которых лежала железная гривна с подвесками в виде «молоточков Тора» и колечек. Урна была прикрыта донной частью сосуда с клеймом. В кострище обнаружена бронзовая подвеска с зооморфным орнаментом, две бронзовые подвески, деформированные в огне, обломок фибулы подковообразной, бронзовой, бронзовая 14-гранная гирька, два железных шипа, гвоздь, 4 обломка железных предметов, обломки бронзовых предметов (бляшка?), обломки костяного гребня, 4 зонных стеклянных бусины (1 красная и 1 оранжевая обожженные, 2 зеленые), 1 фаянсовая реберчатая бирюзовая, 1 хрустальная призматическая 8-гранная и 1 хрустальная круглая (?), 3 стеклянные зеленые оплавленные. В кургане были погребены два человека (мужчина и женщина), лошадь, собака.

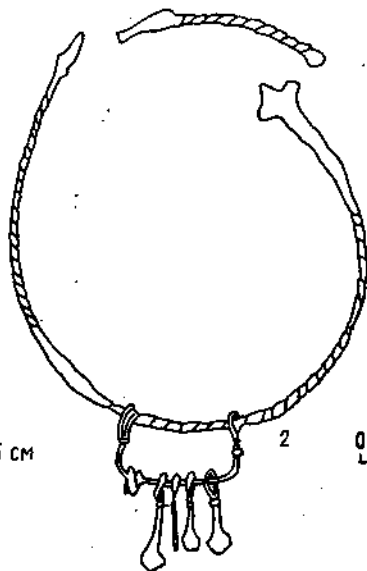
Различий по типам обнаруженных вещей и керамики курганы с сожжениями на месте и на стороне не имели и располагались в группе вперемешку.

Из 34 раскопанных в группе курганов с захоронениями по обряду трупоположения 7 можно отнести к камерным, 27 курганов содержали обычные ямы; под одной насыпью было две ямы (кург. 49). Как правило, все подкурганные ямы перерезают кострище небольших размеров и интенсивности. Обычные ямы зафиксированы в курганах 1, 4, 5, 7, 14, 20, 22, 27, 31, 36, 37, 38, 40, 42, 46, 49, 51, 52, 53, 58, 64, 68, 69, 74, 79, 82, 83. Размеры ям составляют в длину от 1,05 до 2,7 м, в ширину от 0,5 до 1,4 м. Глубина ям колеблется от 0,2 до 1,0 м. Зависимости глубины ямы от ее длины и ширины не замечено. Преобладают ямы длиной 1,7—2,5 м, шириной 0,8—0,95 м (74%). Форма ям — прямоугольная со скругленными углами, ко дну немного сужающаяся (рис. 2: 4). Заполнены они обычно песком с золой и углем. В кургане 49 обнаружены две ямы, размеры одной — 1,5×0,88 м, глубина 0,52 м, другой — 2,4×1,17 м, глубина 0,73 м, ориентировка ЮЗ—СВ. Над меньшей ямой отмечено скопление камней. Видимо, в этой насыпи были погребены взрослый и ребенок. Вещей не найдено.

Как уже указывалось, в курганах Заольшанской группы плохо сохраняются необожженные кости. Следы костей хорошо прослежены в курганах 5 и 64. Зубы плохой сохранности найдены в курганах 50 и 83. Человеческая челюсть с зубами обнаружена в яме кургана 42, имевшей небольшую глубину — 0,12 м; возможно, глубина ямы была несколько больше и частично срезана при зачистках, инвентарь обычный (рис. 3: В). Яма эта отличается и необычной ориентировкой — ЮЮЗ—ССВ. Необходимо отметить, что, судя по расположению вещей

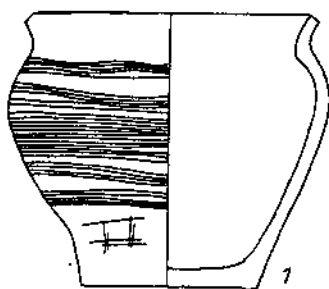
0 1 5 CM

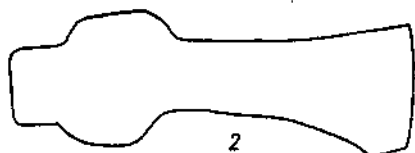
0 1 5 CM

A

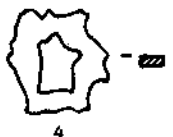
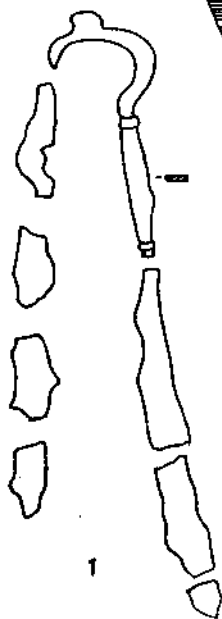

0 1 5 CM

0 1 5 CM

B

B

0 1 5 CM

в захоронениях и отдельным случаям, когда зафиксированы следы чепца, преобладает западная ориентировка погребенных, иногда с небольшими отклонениями. Ориентировку З—В имеют 16 ям, ЮЗЗ—СВВ — 4 ямы. Восемь ям ориентированы по линии ЮЗ—СВ, и по одному разу встречены погребения с ориентировкой СЗ—ЮВ, ЮЮЗ—ССВ. В кургане 52 бусы расположены в восточной части ямы, видимо, ориентировка погребенного была восточной.

В девяти ямах зафиксированы следы дерева, которое использовалось для перекрытий и обкладки стен ямы (кург. 5, 14, 27, 38, 50, 66, 69, 74, 82).

Все курганы с захоронениями этого типа небогаты вещами (рис 3: Б, В). В 10 ямах погребальный инвентарь совсем отсутствует. В 9 ямах найдены сосуды (в 7 ямах по одному сосуду, в одном — 2 сосуда и в одном — 3 сосуда). Вся керамика круговая, клейм нет. В расположении сосудов в ямах нет четкой закономерности. Встречено положение горшка в ногах, есть и в головах, и в центральной части слева и справа. Необычно расположение керамики в кургане 14, три сосуда в ряд стоят в центральной части восточной половины ямы. Положение погребенного при таком расположении сосудов не ясно, возможно, погребение детское. Яма отличается большой глубиной — 0,9 м. Всего в этой группе найдены 3 топора (кург. 4, 20, 64), 1 копьё (кург. 4), 3 крестовидные подвески (кург. 5, 27, 38), 34 бусины (кург. 5, 7, 14, 52), 3 ключа (кург. 31, 37, 42), 2-е ножниц (кург. 27, 42), а также 18 ножей (кург. 4, 5, 14, 20, 22, 27, 31, 37(2)³, 38(2), 42, 43, 46, 51, 64, 79, 83), 4 пряжки (кург. 14, 20, 64, 83), 1 оселок (кург. 20), 1 пуговица (кург. 37), бронзовый бубенчик (кург. 46), две подковообразные фибулы (кург. 5, 64), 1 кресало с кремнем (кург. 83), 5 заклепок (кург. 14(3), 27(2)). В кургане 31 найден саманидский дирхем Насра II ибн Ахмада, чеканенный в г. Андераба в 318 г.х. = 936 г., превращенный в подвеску, и небольшой обломок саманидского дирхема первой половины X в. Обломок неопределимого дирхема обнаружен в яме кургана 7. В кургане 5 найдены остатки деревянного сосуда.

В расположении вещей в ямах наблюдаются различные варианты. Например, один из трех топоров найден у плеча (кург. 20), другой — в ногах (кург. 4), третий — у пояса (кург. 64). Следует напомнить, что костяки в курганах не сохранились, поэтому о положении вещей приходится говорить с некоторой условностью. Ключи, ножницы также расположены в различных частях ям. Большинство ножей было обнаружено в центральной части ям, видимо, у пояса. Крестовидная подвеска в кургане 27 находилась рядом с фибулой, в кургане 38 недалеко от нее был нож и только в яме кургана 5 она, по-видимому, входила в состав ожерелья, так как найдена вместе с бусами. Ожерелья из бус

Рис. 3. Инвентарь курганов 20, 21, 42.

А — курган 21: 1 — сосуд; 2 — гривна; 3 — гвоздь; 4 — кремневый отщеп. Б — курган 20: 1 — сосуд; 2 — топор; 3 — пряжка; 4 — нож; 5 — оселок. В — курган 42: 1 — ножницы; 2 — ключ; 3 — нож; 4 — пряжка; 5 — кремневый отщеп.

³ В скобках указано количество предметов.

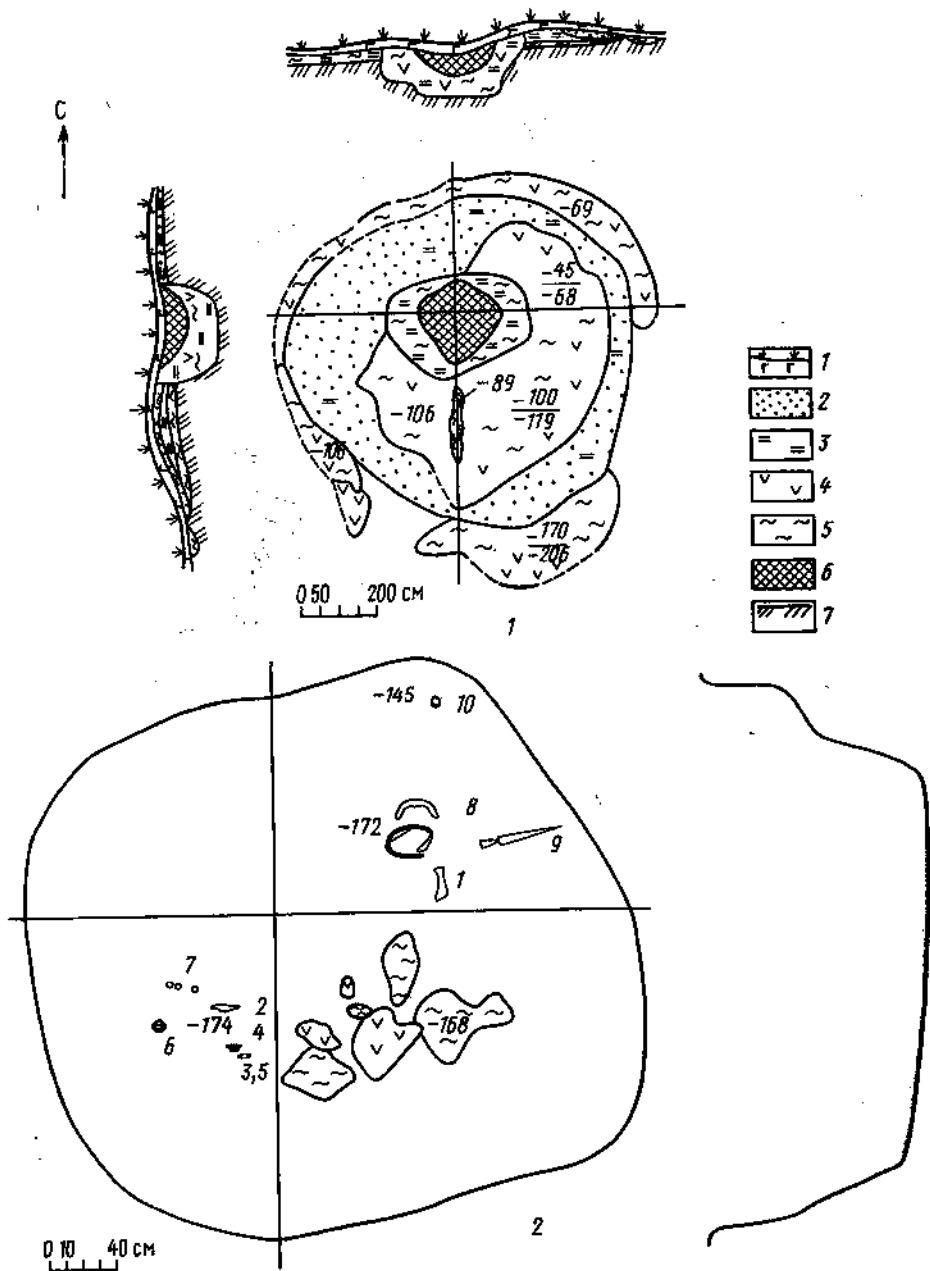

Рис. 4. Курган 61.

1 — план кострища с обозначением нивелировочных отметок и профилей кургана;
 2 — план и разрез ямы с указанием номеров находок: 1 — топор; 2 — нож; 3, 5 —
 стрелы; 4 — стрела и шило; 6 — фибула; 7 — пуговицы; 8 — дужка и обручи
 ведра; 9 — копые; 10 — заклепка.
 Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — песок; 3 — глина; 4 — уголь; 5 —
 зола; 6 — перекоп; 7 — материк.

найлены в погребениях кургана 5 (19 бусин), 7 (6 бусин), 52 (8 бусин), в яме кургана 14 была обнаружена одна бусина.

В расположении курганов с труположениями в обычных ямах закономерностей нет; они расположены вперемешку с другими насыпями. Погребались по этому обряду как мужчины, так и женщины.

Среди захоронений по обряду труположения были обнаружены камерные захоронения. Признаками для отнесения погребения к типу камерного служат размеры и глубина ям, наличие деревянных конструкций, определенный набор вещей. Размеры ям колеблются от 2,0 до 5,5 м, ширина от 1,3 до 5,0 м, глубина от 0,68 до 1,3 м. К типу камерных отнесены погребения в курганах 11, 30, 50, 56, 61, 62, 76. Еще одна камера находилась в кургане 25 со смешанным погребением; она будет описана отдельно. Следует отметить, что яма кургана 30 отнесена к камерным условно на основании больших размеров и наличия заплечиков в придонной части ямы. Вещей и остатков деревянных сооружений в ней не найдено. Насыпи курганов 11, 56, 61, 62 отличались большими размерами (поперечники 7,15—11,0 м, высота 0,5—1,0 м). Курганы 61 и 62 — самые большие в группе (рис. 4:1), расположены рядом друг с другом в восточной ее части. Во всех курганах (кроме 76) ямы перерезают слабый кострищный слой в виде зольных пятен. Ямы имеют прямоугольную форму со скругленными углами, форма ям в курганах 11, 61 и 62 приближается к квадрату со скругленными углами. Размеры и ориентировки ям см. по следующей таблице.

Таблица

№ п/п	№ кургана	Размеры ямы, м	Глубина ямы, м	Ориентировка
1	11	2,0×2,5	0,68	ЮЗ — СВ
2	50	2,65×1,4	0,75	ЮЗ — СВ
3	76	2,7×2,1	0,85	З — В
4	30	3,0×1,3	0,82	ЮЗЗ — СВВ
5	56	3,0×2,0	0,93	З — В
6	25	3,2×1,68	0,8	СЗЗ — ЮВВ
7	61	3,4×3,2	1,3	ЮЗ — СВ
8	62	5,5×5,0	1,25	ЮЗ — СВ

Из таблицы следует, что преобладает ориентировка ЮЗ—СВ, лишь две камеры имели направление З—В. Заполнены ямы были песком с золой, ко дну они сужались. Ямы курганов 61 и 62 имели заплечики. В кургане 61 они находились на глубине 50—85 см и имели ширину 10—35 см, в кургане 62 — на глубине 65—70 см, ширина заплечиков — 10—25 см (рис. 4:2). В ямах прослежены остатки деревянных конструкций, видимо, обкладок дна, стенок и перекрытий. Особенно четко просматриваются следы деревянного настила дна и рухнувшего на него перекрытия в камере кургана 62. Перекрытие опиралось на центральный столб, от которого сохранилась яма диаметром 0,6 м, глубиной 0,42 м, на дне ее остатки дерева.

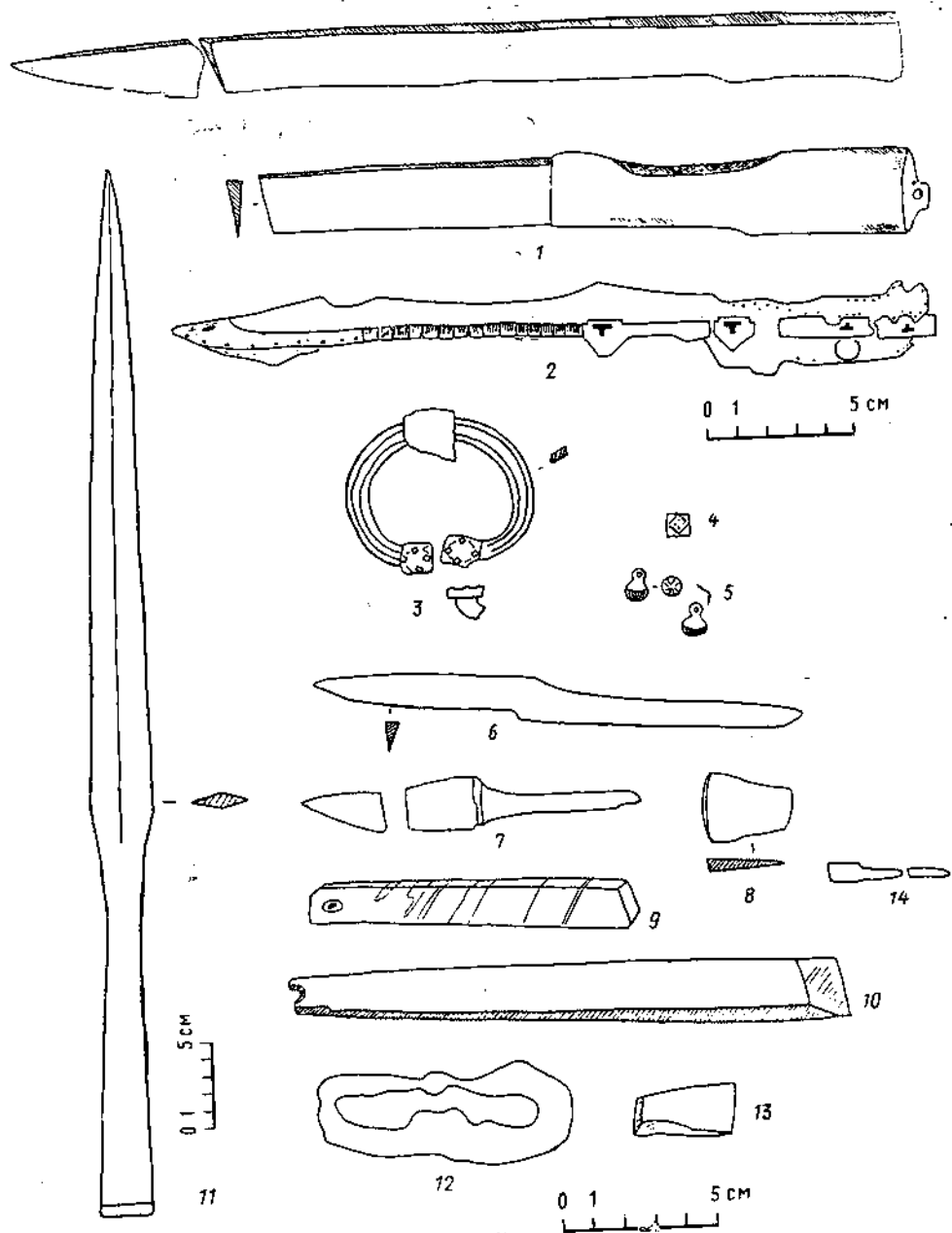

Рис. 5. Инвентарь кургана 11.
 1 — скрамасакс; 2 — ножны; 3 — фибула; 4 — гирька; 5 — пуговицы; 6, 7 —
 ножи; 8, 14 — железные предметы; 9, 10 — оселки; 11 — копьё; 12 — кресало;
 13 — кремьнь.

Камерные погребения Заольшанской группы содержали, как правило, больше вещей, чем погребения в обычных ямах (рис. 5, 6, 7). В четырех камерах были погребены мужчины (кург. 11, 56, 61, 62), трое из них с оружием: копья (кург. 11, 61, 62), топоры (кург. 61, 62), стрелы (кург. 61), скрамасакс с ножнами, разломанный на три части (кург. 11). При мужском захоронении в кургане 56 найдены бытовые вещи: два оселка, кресало, нож, а также остатки кошелька с бронзовыми бляшками от него, железные обручи от ведра. Оселок, кресало и кремь содержало и погребение в кургане 11, а обручи от ведра — курганы 61 и 62. Во всех погребениях были найдены железные ножи. В камерах сохранились украшения и детали костюма: подковообразные фибулы и фрагменты тканей (кург. 11, 56, 61, 62), бронзовые пуговицы (кург. 11, 61, 62), причем в погребении кургана 62 фрагменты тканей являлись остатками головного убора. Наиболее богатый из камерных погребений — курган 11; в нем обнаружены также бронзовая 14-гранная гирька и обрзок монеты — половинка саманидского дирхема Исмаила ибн Ахмада (892—907 гг.).

В двух камерах были расширены женские захоронения с бусами из стекла (кург. 76), стекла и сердолика (кург. 50). В состав ожерелья в кургане 50, видимо, входили серебряная и бронзовая подвески, здесь же найдено серебряное кольцо. В камере кургана 76 обнаружена подвеска в виде золотого кольца с синей стеклянной напускной бусиной, золотая нить. Оба погребения содержали ножи, а в женском захоронении кургана 76 были ножницы. В том же кургане все вещи вместе со скорлупой ореха находились в кошельке, от которого сохранились кусочки кожи и серебряная с позолотой бляшка.

Ориентировка покойников юго-западная (кург. 11, 50, 61) и западная (кург. 56); в других камерах определить ориентировку с достаточной достоверностью сложно. В кургане 62, судя по расположению вещей, не исключено парное погребение. Пятна тлена на дне камеры кургана 11 дают основание с определенной осторожностью предположить, что рядом с погребенным находился убитый при захоронении конь.

Топография курганов с камерными погребениями свидетельствует об отсутствии какой-либо закономерности в локализации данного обряда в пределах группы.

Большой интерес представляют обнаруженные при раскопках Заольшанской группы два кургана, где сочетаются обряды труположения и трупосожжения. Один из них, курган 25, содержал богатое женское погребение в камере и сожжение ребенка (сожжение на месте). Захоронение произведено одновременно. Располагался курган с восточного края группы. Кости в сожжении помещены в урну, но также встречаются вокруг нее и по всему кострищу. В урне кроме костей найдены обломки костяного гребня, обломки бронзовой бляшки и бронзового предмета. В кострище обнаружен железный предмет (фибула?), два обломка железных предметов, две бронзовые бляшки, 5 бронзовых пуговиц, 7 обломков оплавленных бронзовых предметов, а также кальцинированные кости ребенка и неопределенного животного. Под кострищем обнаружено пятно ямы, ориентированной СЗЗ—ЮВВ, размеры ее 3,2×1,68 м, глубина 0,8 м. В яме сохранились следы деревянного

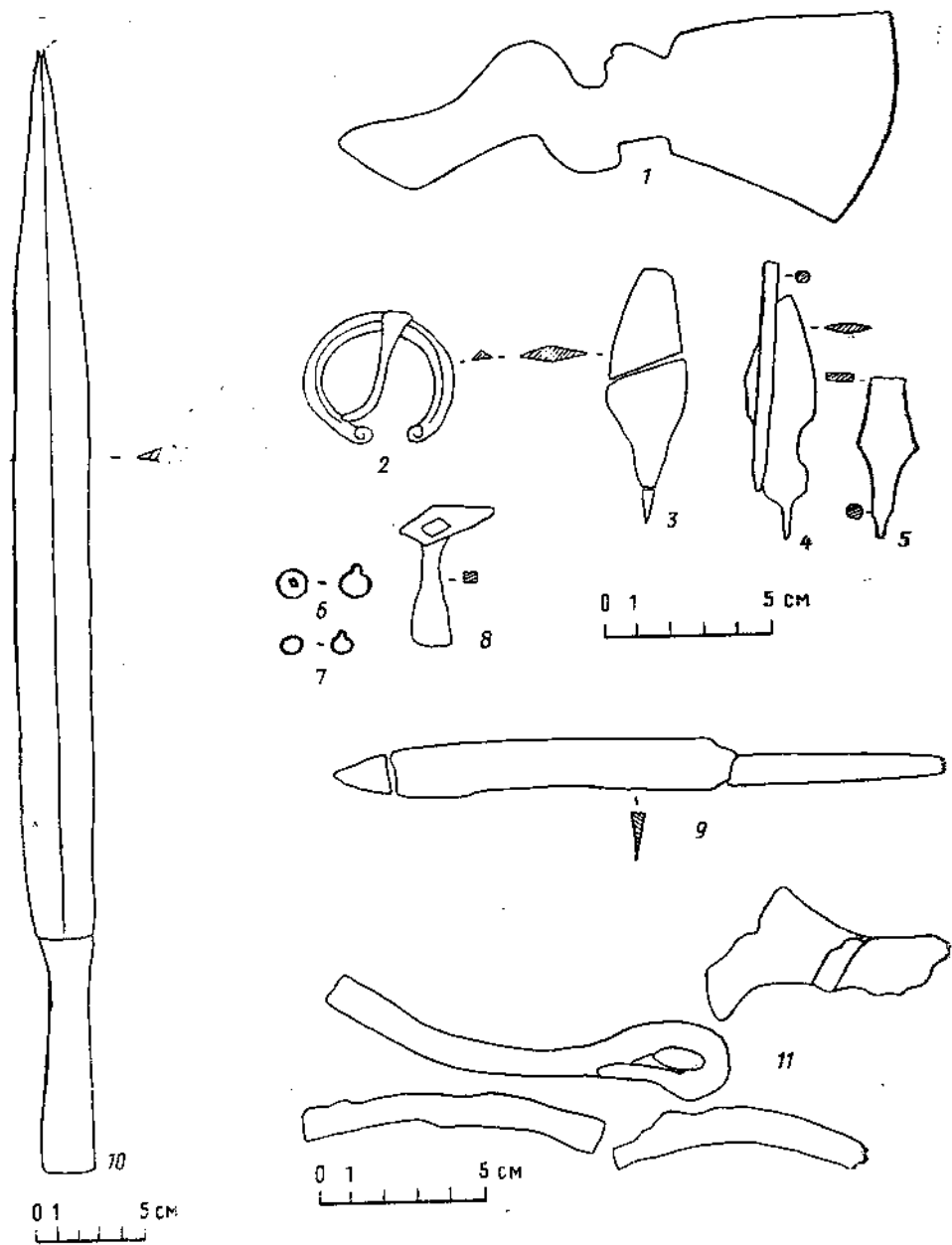

Рис. 6. Инвентарь кургана 61.
 1 — топор; 2 — фибула; 3—5 — стрелы; 4 — стрела с шилом; 6, 7 — пуговицы;
 8 — заклепка; 9 — нож; 10 — копье; 11 — дужки и обручи ведра.

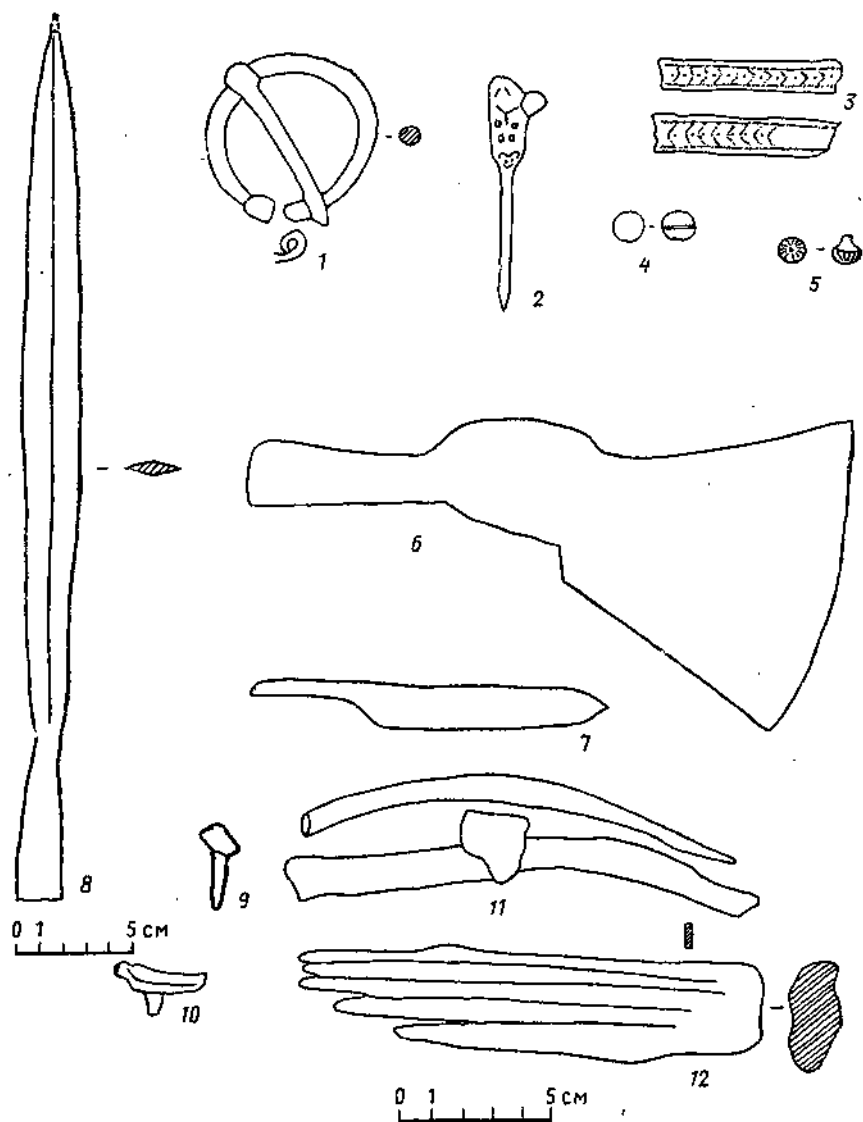

Рис. 7. Инвентарь кургана 62.
 1 — подковообразная фибула; 2 — кольцевидная фибула (фрагмент); 3 —
 обрывки тесьмы; 4 — стеклянная пуговица; 5 — бронзовая пуговица;
 6 — топор; 7 — нож; 8 — копье; 9 — заклепка; 10 — шип; 11 —
 обручи ведра; 12 — железный предмет.

перекрытия, дерево от него обгорело. В западной части ямы найдены две скорлупообразные бронзовые фибулы с позолотой плохой сохранности и остатки ткани на них, железный нож (?), ожерелье, в составе которого серебряные монеты-подвески: византийский миллиарсий императора Льва VI (886—911 гг.) и саманидский дирхем Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в аш-Шаше в 293 г.х. = 905/6 г., серебряная зерненная подвеска-лунница, 2 зеленые зонные стеклянные бусины.

Вторым курганом, где сочетались два обряда, явился курган 43. В нем расчищено слабое кострище со скоплением кальцинированных костей и яма, ориентированная З—В, размером 1,06×0,40 м, глубиной 0,24 м. В яме прослежены остатки деревянной плахи. В кострище — развал урны, два фрагмента керамики. В ровике найдены обломки железного кольца, железный нож. Обожженные кости принадлежали ребенку. Размер ямы позволяет предположить, что в ней тоже был погребен ребенок. Курган находится в центре группы.

Кроме трупосожжений и трупоположений в Заольшанской группе раскопано 7 курганов, которые следует считать меморативными (кург. 28, 32, 33, 35, 39, 70, 77). В этих курганах прослежены слабые кострища, но отсутствуют обожженные кости. Высота насыпей составляет от 0,25 до 0,75 м, поперечники — от 4,7 до 10 м. Размеры кострищ — от 1,2×1,4 м до 5,25×5,5 м. Интенсивность угольно-зольного слоя слабая. Лишь в кургане 32 отмечено кострище небольших размеров, но интенсивное, сохранились горелые плахи костра. В нем найден горшок, два фрагмента круговой керамики, два гвоздя и заклепка. В кургане 39 на кострище найдено 33 обломка керамики, в курганах 28, 33, 70 обломки сосудов встречены в ровиках и насыпи. В ровике кургана 33 найдены также железный нож и гвоздь, а в кострище кургана 35 — два кремневых отщепы и скребло. Меморативные насыпи Заольшанской группы не были локализованы в какой-либо одной ее части.

Курганы 75, 81, 84, 87 повреждены ямами, являющимися, по всей вероятности, следами от раскопок Е. Н. Клетновой. Скорее всего они содержали сожжения, но не исключен и меморативный характер некоторых из них.

Ритуал захоронений, прослеженный в Заольшанской группе, имеет аналогии в других курганах гнёздовского комплекса (3, с. 3—35; 4, с. 6—11; 5, с. 311—367; 6, с. 113—183; 7, с. 236—286). Особенно близкая ситуация наблюдается при раскопках последних лет в Днепровской группе (8, с. 50; 9, с. 46). Пожалуй, редкими пока для Гнёздова являются большие размеры камер курганов 61 и 62, сочетание сожжения и трупоположения в одной насыпи. В Заольшанской группе выше процент трупоположений, чем, например, в Лесной и Центральной группах, что частично объясняется относительной хронологией курганных групп Гнёздова, но нельзя не учитывать и того, что Заольшанская группа раскопана полностью, картина же в других группах может меняться в ходе дальнейших исследований.

Обряды погребений, рассмотренные выше, известны на территории Древней Руси в X в. Это круг древностей, получивших в литературе название дружинных курганов: курганы Киева (10, с. 127—230), Шестовицы (11, с. 10—41), Ярославского Поволжья (12, с. 5—31, 98—143;

13, с. 101—115). Хорошо изучены эти обряды в Бирке, в Скандинавии (14, с. 1 и сл.). По количественному соотношению трупоположений (обычных и камерных), трупосожжений (на месте и на стороне), а также меморативных насыпей Заольшанская группа наиболее близка курганам Шестовицы и Бирки. В погребальном обряде Заольшанской группы четкие этнические показатели не прослеживаются. Нет погребений в ладье, каменных выкладок, глиняных площадок. Однако со скандинавскими традициями можно связать ритуальный обычай ломать оружие при погребении. Так, в кургане 11 скрамасакс сломан на три части, которые находились в разных местах камеры. Обычай перевертывания урны при погребении, который Е. А. Шмидт в одной из своих работ определяет как балтский (15, с. 104), в Заольшанской группе в двух случаях сочетается с находкой железных гривен с подвесками в виде «молоточков Тора» (кург. 21, 47), что прямо увязывается с германской мифологией. Отметим, что перевернутый сосуд прикрывал именно гривну.

После рассмотрения погребальных обрядов остановимся на инвентаре погребений Заольшанской группы (см. Приложение II).

Предметы вооружения

Оружие найдено в 9 курганах, из них в 3 курганах с трупосожжением найдены только стрелы, остальные находки обнаружены в захоронениях по типу трупоположений, среди которых 3 камерных. Классификация оружия дается по работам А. Н. Кирпичникова (16, 18).

Копья (рис. 8:1—4). Найдено 4 экз.

Тип. I. Найдено 2 экз. (кург. 61, 62) (рис. 8:2, 3). Длина соответственно 53 и 42 см, форма ланцетовидная. А. Н. Кирпичников считает, что данный тип оружия восходит к западным или северным образцам (16, с. 12).

Тип III. Найдено 2 экз. (кург. 4, 11) (рис. 8:1, 4). Длина копья из кургана 4—30 см, из кургана 11—50 см (тип определен условно из-за плохой сохранности пера). У наконечника копья из кургана 11 втулка охвачена на конце железным кольцом, закрепленным с помощью бронзовой пластинки. Этот тип имел широкое распространение и не связан по происхождению с определенным районом (16, с. 2). Все копья датируются X в.

Топоры (рис. 8:5—7). Найдено 5 экз.

Тип II. Найдено 3 экз. (кург. 61, 62, 64) (рис. 6:1; 7:6; 8:5). Датируются X—началом XI в. (16, с. 36).

Тип. IV. Найдено 1 экз. (кург. 4) (рис. 8:6). Появился в X в., распространен в XI—XII вв. (16, с. 36).

Еще один топор найден в кургане 20 (рис. 8:7). По форме он близок к топорам-молоткам I типа, однако в сводке А. Н. Кирпичникова нет точно такого же экземпляра. Наиболее близкая аналогия имеется среди болгарских материалов X в. (17, с. 166, рис. 52, 119).

Скрамасакс (рис. 9:1, 2). Найдено 1 экз. (в кургане 11). Состоит из трех обломков, обнаруженных в разных местах камеры. Общая длина 50,5 см, ширина лезвия 2,3 см. Сохранились остатки кожаных но-

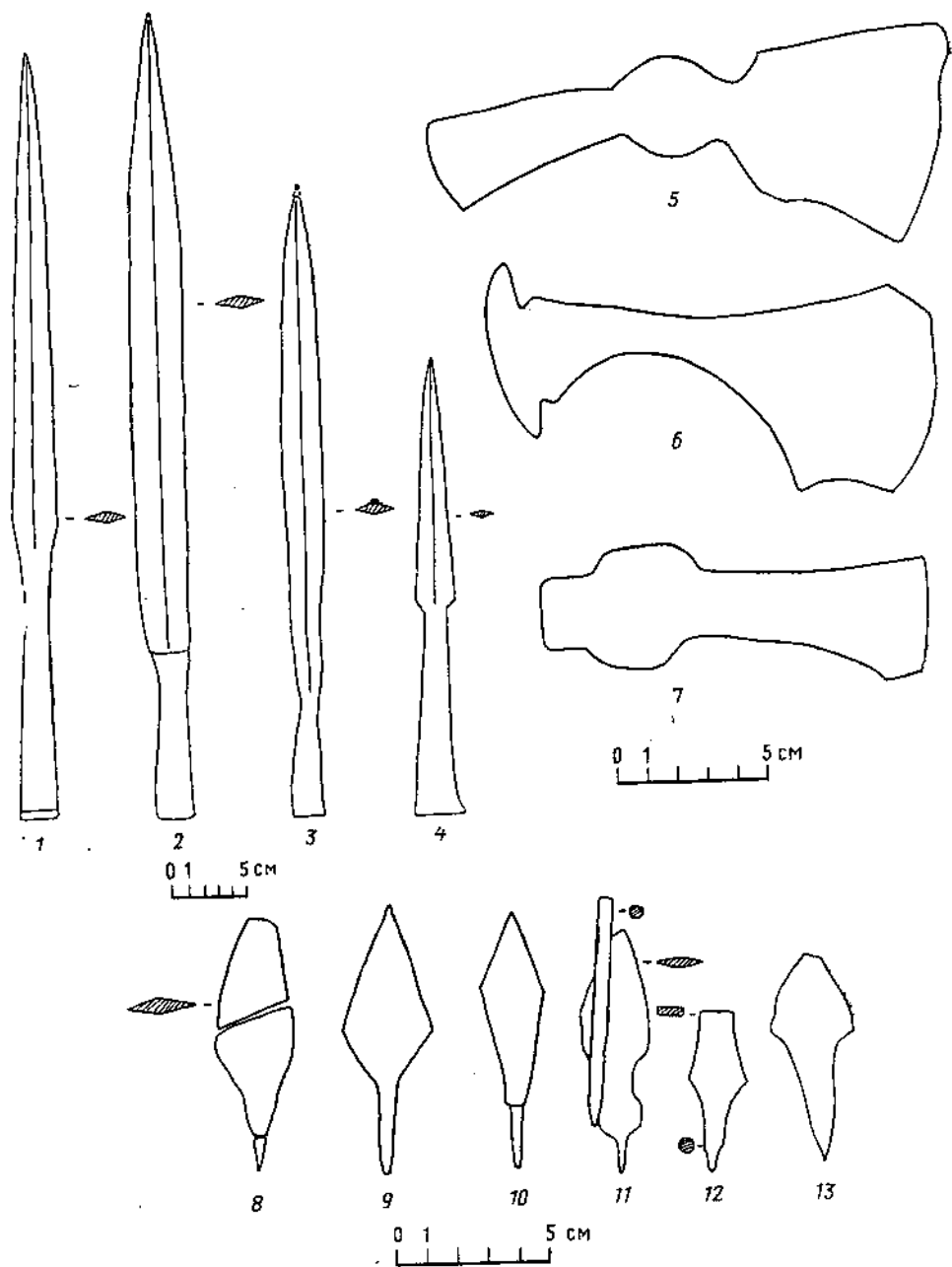

Рис. 8. Предметы вооружения.
 Копья: 1 — курган 11; 2 — курган 61; 3 — курган 62; 4 — курган 4. Топоры:
 5 — курган 64; 6 — курган 4; 7 — курган 20. Стрелы: 8, 11, 12 — курган 61; 9 —
 курган 60; 10 — курган 6; 13 — курган 18. 1—13 — железо.

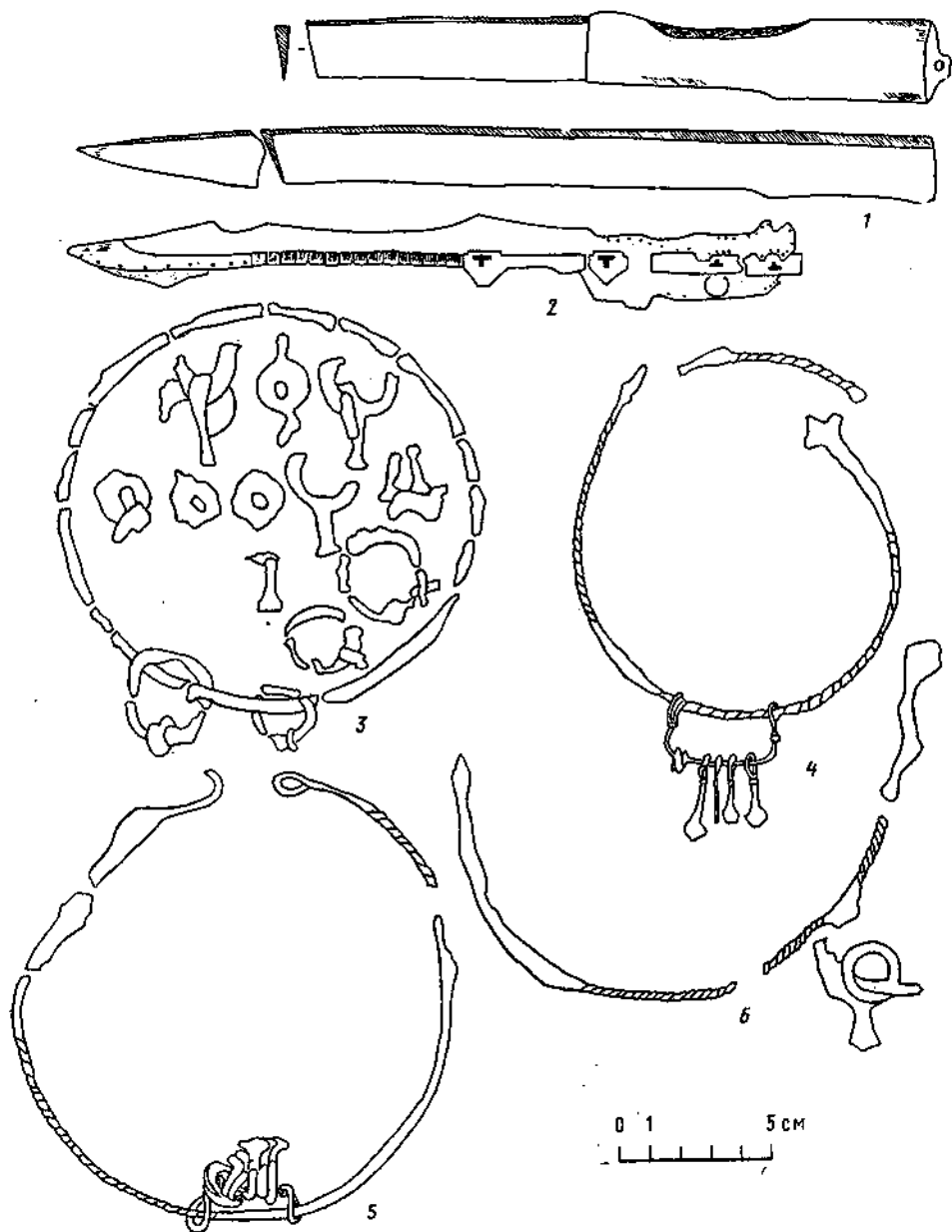

Рис. 9. Скрамасакс и гривны.

Обломки скрамасакса и ножи: 1, 2 — курган 11. Гривны: 3 — курган 47; 4 — курган 21; 5 — курган 8; 6 — курган 65. 1, 3—6 — железо, 2 — кожа, бронза.

жен с бронзовыми городчатыми обоймами и Т-образными прорезями (сохранность плохая). Для Руси X в. скрамасакс является довольно редкой находкой. По сводке А. Н. Кирпичникова, известно 9 достоверных находок скрамасаксов, причем все они обнаружены в богатых погребениях (18, с. 72). В Заольшанском могильнике курган 11 расположен в центре группы и выделяется богатством инвентаря.

Стрелы (рис. 8:8—13). Найдено 6 экз. Все стрелы относятся к типу ромбовидных. Три стрелы найдены в камерном погребении (кург. 61), три другие — в погребениях по обряду трупосожжения. Датируются X в.

Бытовые предметы и орудия труда

Всего найдено 124 предмета в 49 курганах, из них 24 — с погребениями по обряду трупосожжения, 23 — с обрядом трупоположения и 2 — меморативные насыпи.

Ножницы (рис. 10:13). Найдено 3 экз. Ножницы пружинные, размеры — 14 см (кург. 27), 17 см (кург. 42), 13 см (кург. 76), все три экземпляра — в обломках, найдены в погребениях по обряду трупоположения.

Ножи (рис. 10:6—8). Найдено 42 экз., из них 26 экз. — в 23 курганах с погребениями по обряду трупоположения, 15 экз. — в 13 курганах с трупосожжениями. В нескольких погребениях было по 2 экз. ножей. В трех трупоположениях у ножей сохранились остатки деревянных рукоятей. Один нож обнаружен в меморативном кургане.

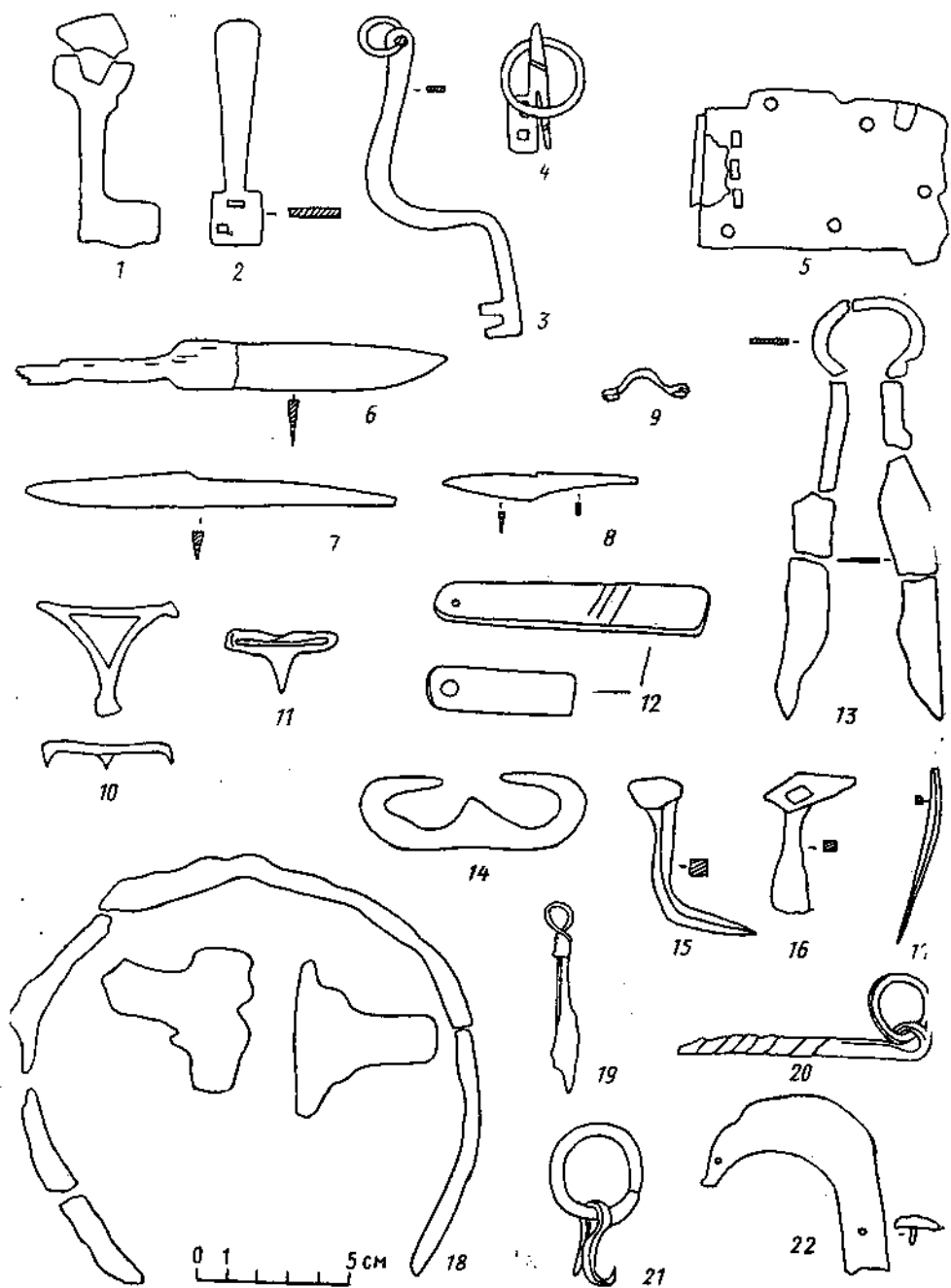
Кресала (рис. 10:14). Найдено 5 экз. Все кресала калачевидные, найдены в трех погребениях по обряду трупоположения и в двух — по обряду трупосожжения. В ингумациях находки кресал сопровождаются находками кремня.

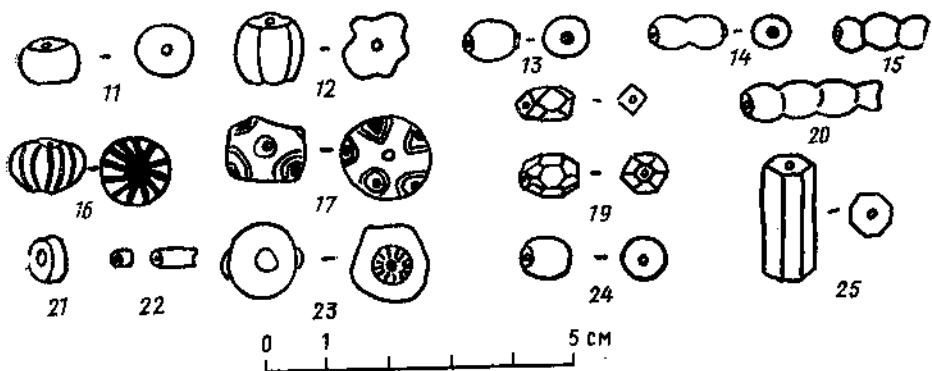
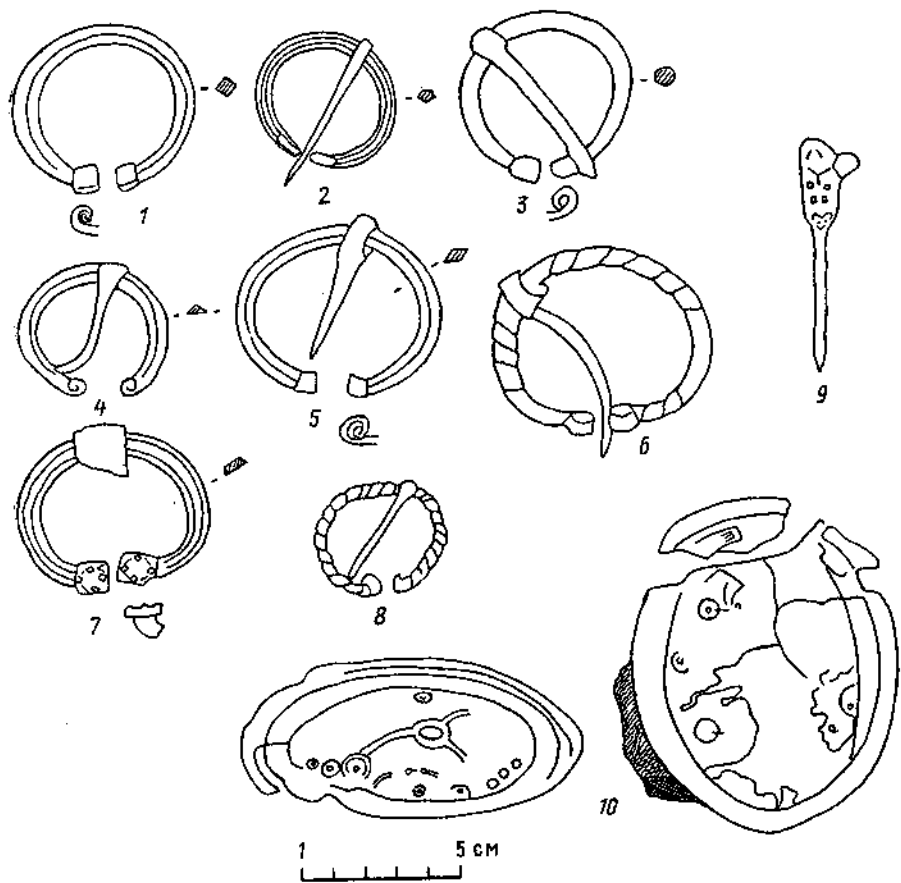
Оселки (рис. 10:12). Найдено 11 экз., целыми и в обломках, в трех трупоположениях и в пяти трупосожжениях. В двух трупоположениях и одном трупосожжении было по 2 экз. оселков. Размеры от 2,5 до 17 см, имеют отверстия для подвешивания. Оселок из кургана 11 сделан из полосатого камня (яшма?).

Ключи (рис. 10:1—4). Найдено 5 экз., в трех трупоположениях и в двух трупосожжениях. Форма ключей различна. Два ключа в виде лопаточек, лопасти прямоугольные с двумя отверстиями, размеры 4,5 и 7,5 см (кург. 18, 31). Два ключа коленчатые, размеры 10,5 и 11 см.

Рис. 10. Бытовые предметы и орудия труда.

Ключи: 1 — курган 42; 2 — курган 31; 3 — курган 65; 4 — курган 18. Накладка от замка: 5 — курган 24. Ножи: 6 — курган 42; 7 — курган 59; 8 — курган 44. Ручка от шкатулки: 9 — курган 18. Шипы: 10 — курган 6; 11 — курган 12. Оселки: 12 — курган 80. Ножницы: 13 — курган 27. Кресало: 14 — курган 15. Гвоздь: 15 — курган 32. Заклепка: 16 — курган 61. Шило: 17 — курган 24. Обручи и дужки ведра: 18 — курган 79. Костыльковая цепочка: 19 — курган 18. Стержень крученый с кольцом: 20 — курган 9. Пробой: 21 — курган 24. Оковка: 22 — курган 65. 1—11, 13—22 — железо; 12 — камень

(кург. 37, 65). Один из ключей имел прямоугольную бородку — выступ, размер его 7,5 см, на другом конце — кольцо (кург. 42). В курганах 18 и 65 ключи подвешены на железном кольце. На ключе в виде лопаточки из кургана 18 сохранился орнамент в виде двух параллельных косых бороздок.

Замки (рис. 10:5). Найден 1 экз. Железная накладка от сундучного (?) замка с гвоздиками.

Шипы «ледоходные» (рис. 10:10, 11). Найдено 7 экз. в пяти трупосожжениях и одном трупоположении.

Заклепки (рис. 10:16). Найдено 11 экз. в трех трупосожжениях и четырех трупоположениях, одном меморативном. Заклепки сохранились фрагментарно, три имели размеры 3—4,5 см, остальные мелкие, возможно, от шкатулок или ларцов.

Гвозди (рис. 10:15). Найдено 24 экз., 5 — в трупосожжениях, 16 — в трупоположениях, из них в камере кургана 62 обнаружено 14 гвоздей. 3 гвоздя обнаружены в меморативных насыпях.

Ведро (рис. 10:18). Сохранились железные детали — обручи, дужки в четырех курганах с погребениями по обряду трупоположения.

Шилья (рис. 10:17). Найдено 3 экз., находки фрагментарны, одно захоронение по обряду трупосожжения и два трупоположения.

Кроме того, по одному или двум экземплярам найдены следующие предметы: обоймица, скобы железные, оковки железные, пробой железный, стержень крученый с кольцом, фрагмент костыльковой цепочки и железная ручка от шкатулки, трубка для трута.

Вся группа вещей датируется X в.

Украшения и предметы культа

Найден 131 экземпляр (из них 92 бусины) в 33 курганах, среди которых 18 — с погребениями по обряду трупосожжения, 14 — с обрядом трупоположения, один курган с обоими обрядами.

Фибулы (рис. 11:1—10).

Подковообразные фибулы (рис. 11:1—8) — самая многочисленная группа, найдено 15 экз., 6 — в курганах с трупосожжениями и 9 в трупосожжениях. Диаметр фибул от 2,4 до 9,5 см, преобладают фибулы, имеющие диаметр 5—7 см. Наиболее часто встречаются спиралеконечные фибулы (9 экз.), без орнамента, сечение треугольное, круглое, ромбическое, трапециевидное, пятиугольное, одна из фибул тордированная (кург. 64). Фибула из кургана 48 орнаментирована насечкой. В камере кургана 11 фибула имела граненые головки, украшенные четырехуголь-

Рис. 11. Украшения.

Подковообразные фибулы: 1 — курган 15; 2 — курган 3; 3 — курган 62; 4 — курган 61; 5 — курган 56; 6 — курган 48; 7 — курган 11; 8 — курган 64. Кольцевидная фибула с длинной иглой: 9 — курган 62. Овальные фибулы: 10 — курган 25. Бусы: 11, 12, 25 — курган 47; 13, 14 — курган 52; 15, 17 — курган 5; 16 — курган 7; 18, 19, 21, 22 — курган 50; 20 — курган 16; 23 — курган 7; 24 — курган 12. 1—3 — железо; 4—10 — бронза; 11, 13—17, 20—23 — стекло; 12 — фаянс; 18, 19, 24 — сердолик; 25 — хрусталь.

никами. 5 фибул обнаружено в обломках, концы не сохранились. Из железа сделано 7 фибул, из бронзы — 8 экз. Датируются они X — началом XI в. (19, с. 149 и след.).

Овальные (скорлупообразные) фибулы (рис. 11:10). Найдено 2 экз. в камерном погребении кургана 25. Фибулы двускорлупные, бронзовые, ажурные, с позолотой. Сохранность плохая. Между фибулами — ожерелье из бус и подвесок. Фибулы относятся к типу 51 по Я. Петерсену, датируются X в. (20, с. 59 и след.).

Круглые бронзовые фибулы найдены в двух курганах, в трупосожжениях (утрачены).

Кольцевидная фибула с длинной иглой (рис. 11:9). Найдена в кургане 62, в камерном погребении. Фибула фрагментарна, сохранилась игла с навершием с зооморфным орнаментом в виде головы зверя. Датируется X в.

Гривны (рис. 9:3—6). Найдено 4 экз. в курганах с трупосожжением. Все сделаны из железа. Гривна из кургана 8 изготовлена из 4-гранного дрота, перекручена в двух местах, диаметр 15 см. К гривне прикреплена скоба, на которой подвешены 5 «молоточков Тора» и кольцо. Гривна из кургана 21 перекручена, диаметр 12,5 см, с помощью скобки подвешено колечко и 4 «молоточка Тора». Гривна из кургана 47 сохранилась во фрагментарном виде, диаметр — 14 см, подвески в виде «молоточков Тора» на колечках. Гривна из кургана 65 найдена в обломках, перекручена в одном или нескольких местах, имеет подвеску в виде колечка и «молоточка Тора». Датируется X в.

Подвески (рис. 12:1—10). Найдено несколько типов подвесок. Крестовидные серебряные подвески — 3 экз., все обнаружены в трупоположениях (рис. 12:1—3). Крестик из кургана 5 найден в составе ожерелья из 19 бусин. Изготовлен из серебряной пластинки 3,5×3,5 см, с расширяющимися лопастями подтреугольной формы, сохранилось отверстие для подвешивания. Крест из кургана 27 изготовлен из серебряной пластинки 2,8×3,0 см, лопасти расширяются незначительно, края подтреугольной формы. На лицевой стороне — пуансонный орнамент по краям креста и в виде двух перекрещивающихся рядов кружков по центру. Сохранилось отверстие и скоба для подвешивания. В погребении находились также нож, ножницы и сосуд. Крест из кургана 38 был сделан из очень тонкой серебряной пластины 3,5×3,7 см, концы креста прямоугольные. К сожалению, крестик сохранить не удалось, серебро распалось при расчистке. В погребении найдены также два ножа и сосуд.

Н. Г. Недошивина, посвятившая крестовидным подвескам специальную статью, где учтены материалы и Заольшанского могильника, считает их одновременно как украшением, так и ритуальными предметами. На территории Восточной Европы она отмечает всего 11 экз. таких крестов, найденных в четырех пунктах (21, с. 222—223).

Подвески-лунницы (рис. 12:4). Найдена одна серебряная лунница с зернью в камере кургана 25 в составе ожерелья из бус и подвесок.

Подвески круглые (рис. 12:6, 7). Найдено 4 экз. Подвеска круглая, серебряная с зернью найдена в погребении по обряду трупоположения, в составе ожерелья. Подвески круглые бронзовые плохой со-

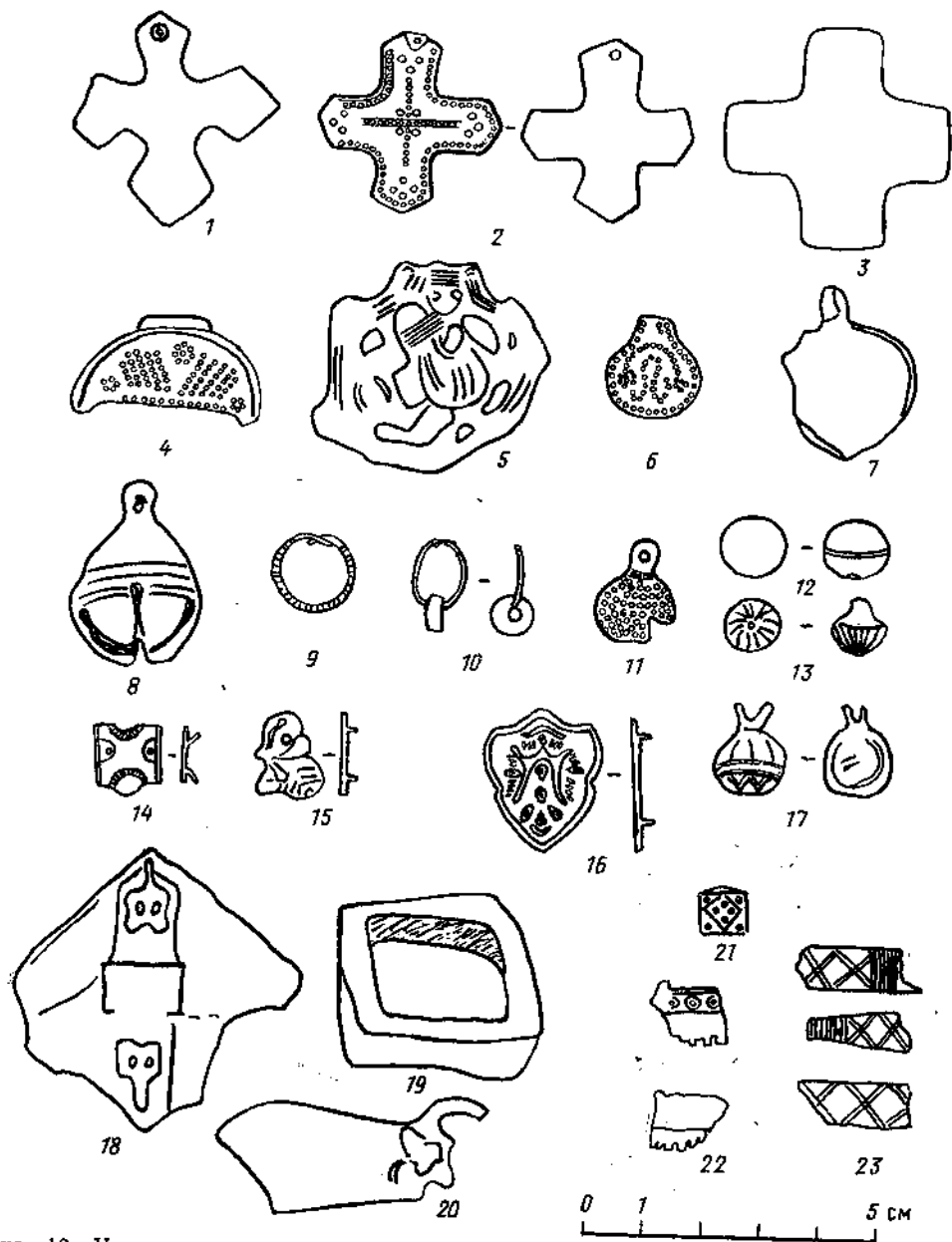

Рис. 12. Украшения, детали костюма и другие вещи из курганов. Крестовидные подвески: 1 — курган 5; 2 — курган 27; 3 — курган 38. Подвески: 4 — курган 25; 5, 7 — курган 47; 6, 9 — курган 50; 10 — курган 76. Подвески: 4 — курган 25; 5, 7 — курган 47; 6, 9 — курган 50; 10 — курган 76. Бубенчик: 8 — курган 46. Пуговицы: 11 — курган 37; 12, 13 — курган 62; 17 — курган 25. Бляшки: 14 — курган 25; 15, 18 — курган 56; 16 — курган 76. Пряжки: 19 — курган 64; 20 — курган 20. Гирька: 21 — курган 11. Гребни: 22 — курган 47; 23 — курган 25. 1—4, 6, 9, 11, 16 — серебро; 5, 7, 8, 13—15, 17, 18, 20, 21 — бронза; 10 — золото, стекло; 19 — железо; 22, 23 — кость.

хранности обнаружены в курганах с трупосожжением и с трупоположением.

Подвеска ажурная бронзовая с изображением свернувшегося кольцом зверя, грызущего свой хвост (рис. 12:5). Найдена в сожжении кургана 47. Имеет точные аналогии в Бирке, в погребении 371 (14, табл. 98, 23).

Подвеска в виде золотого проволочного колечка с надетой на него синей стеклянной зонной бусиной (рис. 12:10). Обнаружена в камере кургана 76.

Подвески, сделанные из монет, найдены в количестве 5 экз. Подвески, изготовленные из дирхемов, обнаружены в трупосожжении кургана 16 и в трупоположениях (кург. 7, 31, 25). Подвеска, сделанная из византийского милиарисия, найдена в составе ожерелья в женском камерном погребении кургана 25. Подробнее о самих монетах будет сказано в дальнейшем.

Кольцо серебряное с завязанными концами, диаметр 1,3 см (рис. 12:9). Найдено в кургане 50. В той же яме найдены бусы и подвески. Возможно, что кольцо также является подвеской.

Бубенчик бронзовый с крестообразной прорезью и орнаментом в виде 4 параллельных бороздок (рис. 12:8). Найден в яме кургана 46.

Все эти подвески встречаются в X в.

Бусы (рис. 11:11—25). Найдены в количестве 92 экз. в 18 курганах — семи трупоположений и одиннадцати трупосожжений. По 1—3 экз. обнаружено в 9 курганах, по 6—8 экз. — в 7 курганах. В трупоположении кургана 5 ожерелье состояло из 19 бусин, в сожжении кургана 47 найдено 10 бусин. Стеклянные лимонovidные бусы представлены 22 экз. различной расцветки (7 желтых, 6 бесцветных, 2 синих, 1 зеленая, 1 фиолетовая, 2 полосатые черные, 1 полосатая синяя, 2 золоченые). Стеклянные зонные бусы — 10 экз. (7 зеленых, 1 синяя, 1 красная и 1 оранжевая обожженные). Стеклянные ребристые бусы — 8 экз. (5 бесцветных и 3 желтых). Стеклянные пронизки — 11 экз. (6 желтых двучастных, 1 желтая четырехчастная, 2 синие трехчастные, 2 синие двучастные). Стеклянный бисер — 2 экз. (1 зеленый, 1 фиолетовый). Найдены также кольцевидная белая бусина глухого стекла, 10 фаянсовых бирюзовых бусин, 3 сердоликовые (1—12-гранная, 1 — с 21 гранью, 1 круглая обожженная). Мозаичные бусы — 2 экз. (1 черная с бело-синими глазками и 1 белая с красно-черными глазками). Найдено 3 экз. хрустальных бус (1 призматическая 8-гранная, 1 обломок круглой (?), 1 — форма неопределима, бусина распалась). Кроме того, 20 бусин повреждены в огне и их форма неопределима. Бусы датируются X — началом XI в., (22, с. 164 и след.). Среди них есть экземпляры византийского и сирийского происхождения.

Детали костюма

Найден 41 предмет и фрагменты тканей в 12 курганах, из них 1 — с трупосожжением, 10 — с трупоположением и 1 — со смешанным обрядом погребения.

Пуговицы (рис. 12:11—13, 17). Найдено 32 бронзовых, 1 серебряная зерненная и 1 стеклянная синяя. Бронзовые пуговицы имеют грибовидную форму, преобладают пуговицы с рифлением, есть и гладкие. По курганам они распределяются следующим образом: 13 экз. в камере кургана 11, 11 экз. в камере кургана 62, 2 экз. в камере кургана 61, 5 экз. в сожжении кургана 25, 1 экз. в яме кургана 31, 1 экз. в сожжении кургана 55. Серебряная пуговица с зернью найдена в труположении кургана 37, стеклянная синяя — в камере кургана 62.

Пряжки (рис. 12:19, 20). Найдено 4 экз. Железные пряжки прямоугольной формы — 3 экз. (один в обломках), найдены в курганах 14, 64, 83. Бронзовая пряжка с железным язычком обнаружена в кургане 20. Тип захоронений — труположения.

Бляшки (рис.12:14). Бронзовые орнаментированные бляшки — 3 экз., найдены в сожжении кургана 25.

Ткани. Фрагменты тканей от одежды погребенных найдены в камерах курганов 11, 25, 56, 61, 62; ткани из кургана 62 (рис. 7:3) были изучены М. В. Фехнер⁴. Найдены фрагменты шелковой ткани полотняного переплетения. Один из фрагментов — набойка, по красному фону — зеленый узор; часть обрывков имеет подрубленный край; другой фрагмент — с подрубленным краем и закрепленной в дырочке бронзовой пуговицей. Найдена также шелковая тонкая ткань полотняного переплетения со следами мелких складок, предположительно от рубашки. Кроме того, здесь же обнаружена тесьма из шелковых и серебряных золоченых нитей, узорная. Нитки византийские, но тесьма сплетена на территории Восточной Европы.

Все рассмотренные предметы бытовали в X в.

Монеты

Найдено 7 экз.⁵ в курганах (кург. 7, 11, 16, 25, 31). Один курган содержал трупосожжение (кург. 16), остальные монеты найдены в труположениях.

1. Дирхем-подвеска, Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шащ, 293 г. х. — 905/6 г. Курган 25.

2. Обрезок дирхема (менее половины), Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, 892—907 гг. Размеры: 28×11,5 мм. Курган 11.

3. Дирхем-подвеска, Саманиды, Наср II ибн Ахмад, Андераба, 318 г. х. — 930 г. Курган 31.

4. Подражение саманидскому дирхему Насра II ибн Ахмада, 914—943 гг., с приклепанным ушком. Курган 16.

5. Небольшой обрезок дирхема, Саманиды, первая половина X в. Размеры: 11×6 мм. Курган 31.

6. Дирхем-подвеска, обломок 2/3, с отверстием, неопределимый (?). Курган 7.

⁴ Приношу благодарность М. В. Фехнер за определение тканей из моих раскопок.

⁵ Монеты определены в Отделе нумизматики ГИМ кандидатом исторических наук А. В. Фоминым, которому выражаю свою благодарность.

7. Византия, милларисий имп. Льва VI, 886—911 гг., подвеска, ушко отломано. Диаметр 24 мм. Курган 25.

Разное

Кошельки (рис. 12:15, 16, 18). Детали кошельков в виде кусочков кожи и бляшек найдены в камерных погребениях (кург. 56, 76). В кургане 56 обнаружена накладка кошелька бронзовая, ромбовидная с кошой прорезью и два фрагмента бронзовых бляшек. В кургане 76 бляшка от кошелька серебряная с позолотой, орнамент растительный. Судя по расположению вещей, в кошельке могли быть ножницы, железный предмет, золотая нить, скорлупа лесного ореха. Датируются X в.

Гирьки (рис. 12:21). Найдено 2 экз. Бронзовая 14-гранная гирька найдена в камерном погребении кургана 11. Это одно из самых богатых захоронений, в котором обнаружена также половинка дирхема. Другая гирька происходит из богатого трупосожжения кургана 47. Данный тип относится к X в.

Гребни (рис. 12:22, 23). Фрагменты костяных односторонних наборных гребней найдены в трех курганах, все — с обрядом трупосожжения. На обломках из кургана 47 сохранился циркульный орнамент, на фрагментах гребня из кургана 25 — орнамент в виде перекрещивающихся и параллельных линий. Датируется X в.

Кремень. 25 экз. Кремневые наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины, резец, отщепы найдены в насыпях, на кострище, в ямах. В ряде случаев это предметы, попадавшие в курганы из более раннего слоя и не связанные с обрядом. В курганах 11, 56, 80, 83 кремень был найден вместе с кресалами, то есть служил для высекания огня.

Кроме того, в двенадцати курганах найдены обломки бронзовых предметов, в двадцати одном — обломки железных предметов. Назначение их определить сложно из-за фрагментарности или повреждения в огне.

Керамика

Керамический материал в Заольшанской группе представлен 46 целыми сосудами и обломками. Керамика встречается практически во всех курганах, ее положение в обряде описано выше. Так как типологизация этой малой части керамической коллекции Гнёздова нецелесообразна, то ниже будет дано описание керамики, позволяющее составить наиболее полное представление о найденном материале. Керамика Заольшанских курганов довольно однообразна. За исключением одной миски, все сосуды можно считать горшками с эсовидным профилем. Вся керамика сделана на гончарном круге. В тесте — примесь дресвы, цвет красноватый с различными оттенками. В большинстве случаев на днищах имеется подсыпка из дресвы и закраины.

Большую часть коллекции (42 целых сосуда и много фрагментов венчиков) составляют эсовидные горшки с хорошо выраженным плечиком, имеющие максимальное расширение тулова в верхней трети высоты сосуда (рис. 13, 14, 15:1—6). Высота колеблется в пределах от 8 до 20 см,

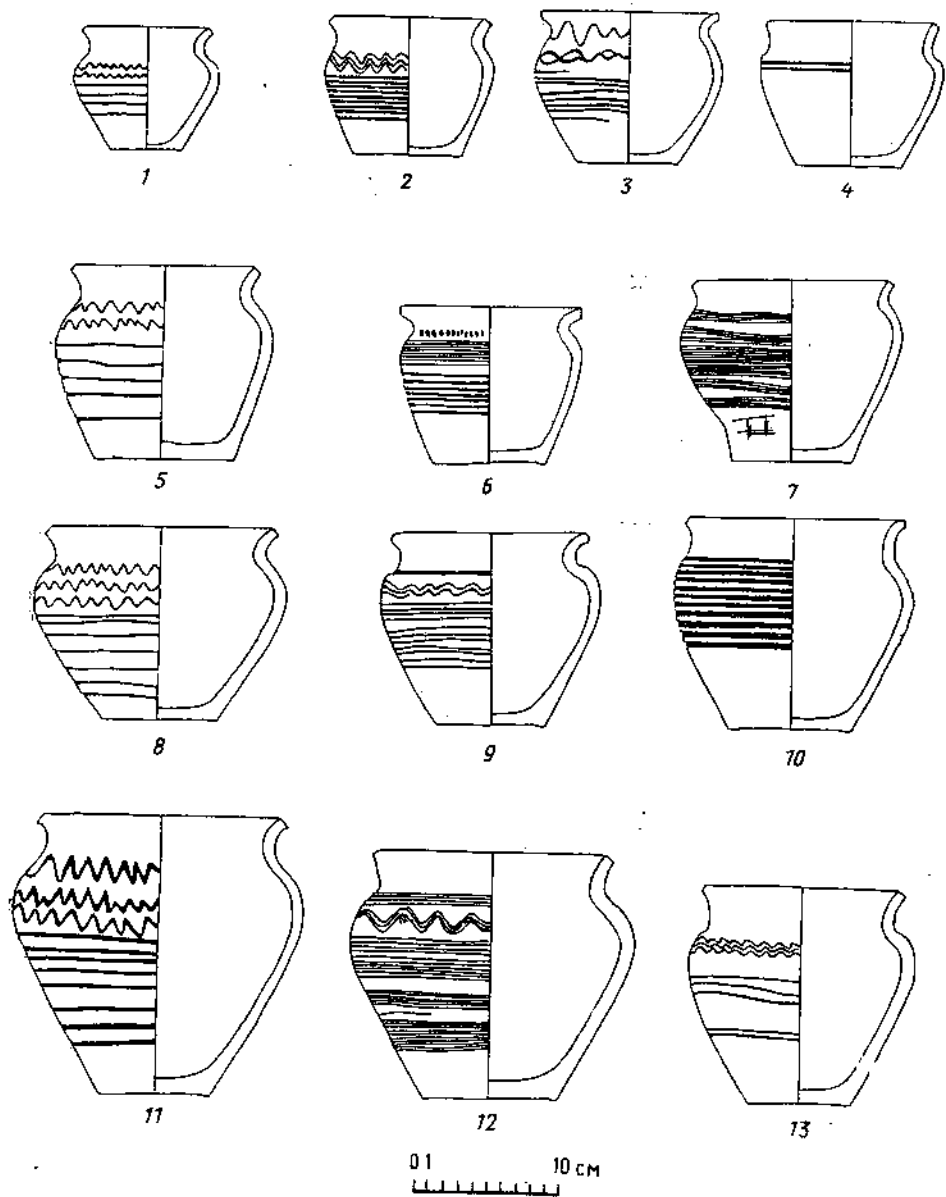

Рис. 13. Керамика первой группы.

Горшки: 1 — курган 8; 2 — курган 15; 3 — курган 14; 4 — курган 39; 5 — курган 51; 6 — курган 3; 7 — курган 20; 8 — курган 17; 9 — курган 38; 10 — курган 25; 11 — курган 16; 12 — курган 23; 13 — курган 83.

диаметр венчика от 8 до 19 см. Правда, один из сосудов, найденный в обломках, имел высоту не менее 25 см, два других — 26 и 27,5 см. Но преобладают горшки высотой 14—17 см, толщина стенок 0,5—1 см. Отмечено несколько вариантов оформления края венчика: косой срез, округленный край, косой срез с ложбинкой посередине, край венчика округлый, подчеркнутый ложбинками с обеих сторон. Высота шейки и степень отгиба венчика различны. У ряда сосудов на плечике имеется валик, образованный глубокими бороздками. Сосуды имеют линейно-волнистый орнамент, покрывающий верхнюю треть или все тулово сосуда. Орнамент представлен несколькими вариантами: только однорядные линии или волны, различные сочетания однорядных линий и волн, пояски из линий и волн, линейный орнамент, образующий борозды на тулове сосуда. Иногда встречается зубчатый штамп. На сосуде из кургана 18 волна прочерчена изнутри венчика по отгибу.

На днищах сосудов встречено 14 клейм, знаки выпуклые. 6 клейм представляют собой круг с точкой-бугорком посередине (рис. 14: 1—4). Диаметр круга 3,3 см, точка диаметром 0,4 см расположена не точно по центру круга (кург. 8, 55, 60, 65, 86 (2 экз. — оба обломки)). Горшки с этими клеймами имеют сходные венчики и орнамент. Высота их от 12 до 16,6 см, диаметр дна 8,5—9,5 см. 3 клейма имеют рисунок в виде прямоугольника со сторонами 3,5×3,3 см и заключенного в него ромба (рис. 14: 5—7) (кург. 8, 13, 47). В кургане 47 клеймо было на днище диаметром 7,5 см; верхняя часть сосуда не сохранилась. Два других имели диаметр дна 7 и 7,2 см. Клейма оттиснулись нечетко. Очень близкие к ним по типу сосуд и клеймо (кург. 80), в ромб которого вписаны 2 перекладины (рис. 14: 8). Близкий рисунок имеют еще 2 клейма, обнаруженные в курганах 12 и 44, однако он недостаточно четкий (рис. 15: 4,5). Это прямоугольник со сторонами 3,5×3,2 см, с перекрещивающимися линиями внутри. На клейме из кургана 12 углы прямоугольника прорисованы нечетко. Сосуды имели высоту 15 и 20 см, хорошо выраженное плечо, высокую шейку. Край венчика округлый, с ложбинками под срезом венчика. Вся поверхность покрыта глубокими линиями, образующими рифление. Еще одно клеймо обнаружено на дне сосуда из кургана 25 — один прямоугольник вписан в другой, в меньшем — перекрещивающиеся линии, с четырех сторон между прямоугольниками — перекладины (рис. 14: 9). В кургане 47 найден горшок с клеймом-свастикой.

Вторая группа представлена сосудами с максимальным расширением тулова на середине высоты; плечо покатое (3 экз.). Сосуд из кургана 5 имеет округлый венчик, плеча практически нет, дно утолщенное. Орнамент отсутствует, поверхность горшка неровная из-за примеси крупной дресвы (рис. 15: 8). Горшки из курганов 14 и 27 имеют характерное оформление венчика и шейки: шейка утолщена, изнутри срезана вертикально, а венчик резко отогнут. Край венчика оформлен ложбинкой по срезу (рис. 15: 6,9). На днище сосуда из кургана 14 — выпуклый бугорок, образованный, видимо, осью гончарного круга (рис. 15: 6).

Единственный мисковидный сосуд также из кургана 14 имел высоту 8,4 см при диаметре венчика 18 см, плечо покатое, по срезу края вен-

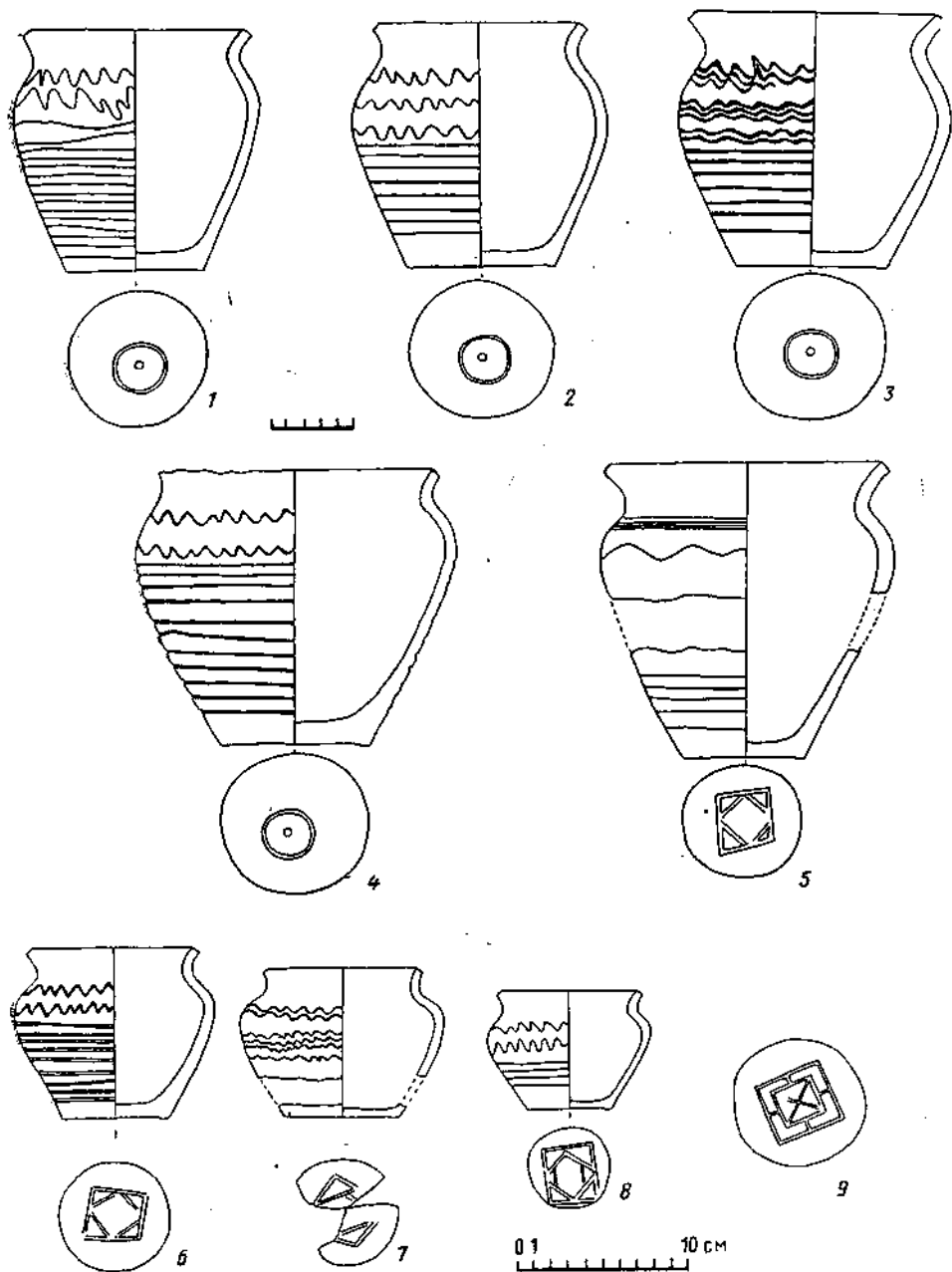

Рис. 14. Сосуды первой группы с клеймами.

Горшки: 1, 7 — курган 8; 2 — курган 65; 3 — курган 60; 4 — курган 86; 5 — курган 47; 6 — курган 13; 8 — курган 80; 9 — курган 25.

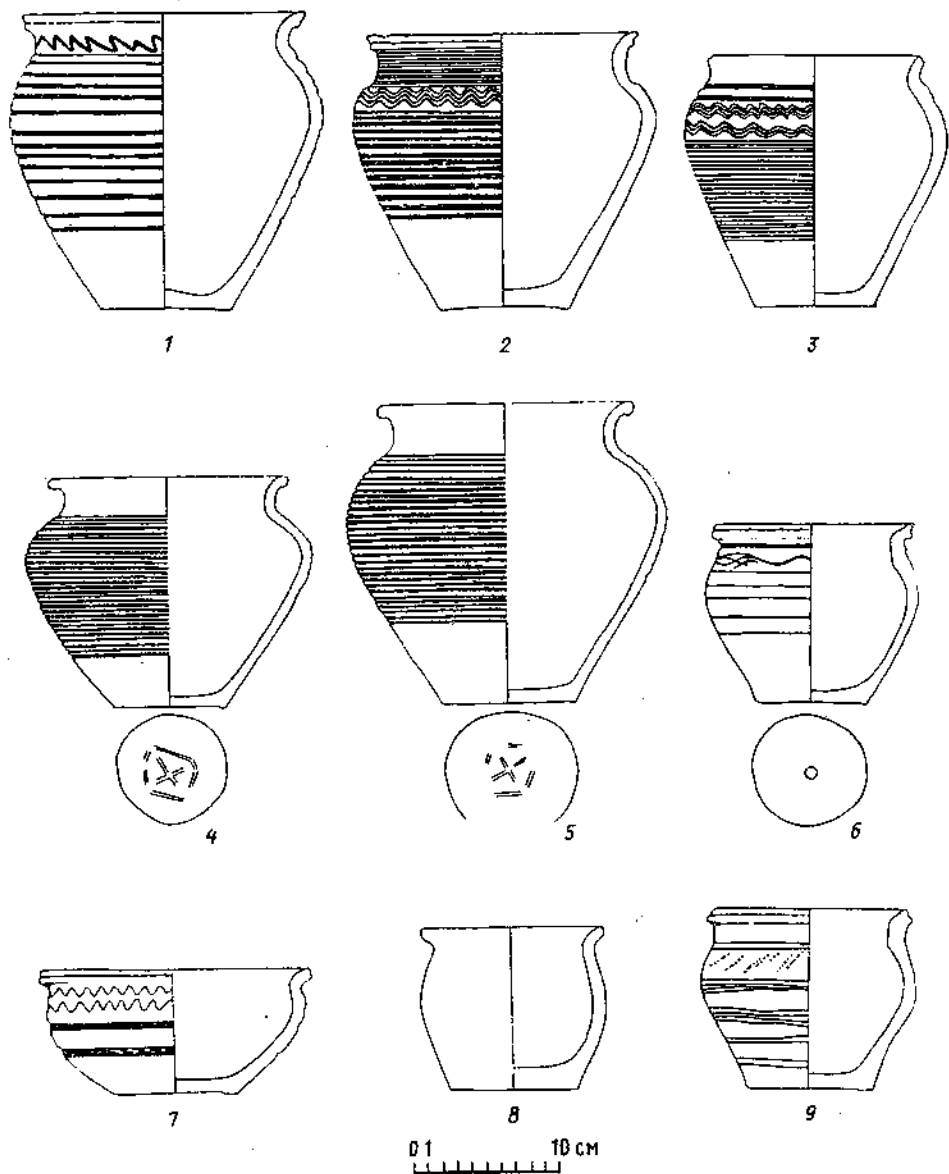

Рис. 15. Сосуды первой и второй групп.

1 — курган 41; 2 — курган 23; 3 — курган 21; 4 — курган 44; 5 — курган 12;
6, 7 — курган 14; 8 — курган 5; 9 — курган 27.

чика — ложбинки, по тулову — орнамент в виде волн и глубоких борозд (рис. 15:7).

Керамика Заольшанских курганов имеет аналогии в других группах Гнёздова. Сходство проявляется в тесте, пропорциях, оформлении венчика и орнаменте. Клейма также имеют аналогии. Круг с точкой зафиксирован в кургане 43 Лесной группы, квадрат с ромбом — в кургане 3 Ольшанской группы (6, с. 117, 176), в материалах доревольюционных раскопок (3, рис. 95—97). Сосуды, схожие по типу с горшком, имеющим отпечаток оси, из кургана 14 Заольшанской группы, были обнаружены при раскопках погребений Центральной группы (кург. 149, 150), на них тоже прослежены отпечатки оси гончарного круга, правда, вогнутые, что может быть объяснено степенью ее износа. Сосуды с валиком на плечике были найдены в курганах с дендродатами в Днепровской (Дн-4) и Центральной (Ц-306) группах (23). Максимальное сходство типов и клейм ряда сосудов позволяет утверждать, что они были изготовлены одним мастером и, следовательно, курганы очень близки по времени их сооружения. В кургане 8 найдено два различных по типу клейма: круг с точкой и прямоугольник с ромбом. Таким образом, можно полагать, что курганы 8, 13, 47, 55, 60, 65, 86 возведены в один очень короткий промежуток времени, не превышающий жизнь одного поколения.

Вся найденная керамика по типам является славянской и наиболее характерной для территории Белоруссии (24, рис. 5; 25, с. 43), славянских памятников Моравии (26, с. 25—27; 27, с. 504) и Южной Польши (28, с. 40, 42). Датируется X в., у западных славян она появилась в IX в. Иной керамический материал в Шестовице, хотя все сосуды также круговые. Единичны подобные типы керамики в Ярославском Поволжье, там преобладает лепная посуда. Эти различия объясняются особенностями местных керамических традиций, а также временем и путями заселения этих территорий славянами.

Вещи из погребений Заольшанской группы имеют аналогии в материалах других курганов Гнёздова (3—9). Необычным является топорик из кургана 20, редкостью можно считать скрамасак с ножнами. В Гнёздове отмечены лишь две находки скрамасаксов (18, с. 102). Вообще же круг аналогий для рассматриваемого материала тот же, что и для остальных курганов Гнёздова. Это вещи из так называемых дружинных курганов X в., известных на территории Древней Руси: Шестовицы (11, с. 42—91, 190—227), Киева (10, табл. IX—XII), Тимерёва (12, 29, с. 70—89) и др. Кроме того, ряд предметов имеет аналогии в норманских древностях, наиболее полный набор которых можно найти в материалах Бирки (30). Ввиду того что инвентарь дружинных курганов неоднократно рассматривался в литературе, представляется нецелесообразным перечислять аналогии каждой категории вещей. Датировка их укладывается в рамки X — начала XI в.

Сравнивая вещевой инвентарь Заольшанской группы с материалами одновременных памятников, следует обратить внимание на некоторые особенности. Одной из них является полное отсутствие лепной керамики и наличие нескольких однотипных клейм. Объяснение этому лежит в хронологии данных курганов, о чем пойдет речь ниже. Надо отметить

и наличие довольно значительного количества некоторых категорий вещей по отношению к небольшому размеру группы. Например, оружие представлено 5 топорами, 4 копьями, 8 стрелами и скрамасаксом. Для сравнения можно сказать, что в Тимерёве в 464 захоронениях найдено 13 топоров, 1 копьё, 34 стрелы. В Шестовице в 147 курганах обнаружено 6 топоров, 10 копий, 53 наконечника стрел, 8 скрамасаксов. В Заольшанской группе найдены 4 железные гривны с подвесками, в Тимерёве их 6, в Шестовице отмечены две находки гривен. В целом курганы Заольшанской группы имеют большое сходство с шестовицким комплексом в обряде и наборе вещей. Существенно отличаются только тесто и форма керамических сосудов этих комплексов.

Наличие относительно большого количества оружия в рассматриваемой группе является свидетельством того, что среди погребенных в этих курганах значительную часть составляли воины. А находки гривен с подвесками говорят о присутствии здесь скандинавов. В инвентаре могильника скандинавский элемент прослеживается достаточно четко. Скандинавское происхождение, кроме названных выше гривен с подвесками в виде «молоточков Тора» и колец, имеют парные скорлупообразные фибулы с золочением, бронзовая подвеска с зооморфным орнаментом, кольцевидная фибула с длинной иглой, с зооморфным орнаментом. Н. Г. Недошивина считает наличие крестовидных подвесок признаком начавшейся христианизации и не исключает, что они принадлежали воинам, выходцам из Скандинавии (21, с. 224).

Данных о наличии погребений представителей других этнических групп у нас нет. Можно лишь отметить типичную славянскую керамику. Но если гривны и указанные фибулы могут быть этническим определителем, то керамика лишь доказывает, что глиняную посуду производили мастера славянского происхождения или гончары, владевшие славянскими традициями гончарного дела.

Раскопки Заольшанской группы позволили сделать ряд наблюдений над характером группы, ее местом в гнёздовском комплексе, хронологией. Среди погребенных есть мужчины, женщины и дети, об этом свидетельствуют костные остатки и погребальный инвентарь. В группе имеются два кургана с захоронениями мужчины, женщины и ребенка, есть одновременные погребения взрослых и детей.

О том, было ли рядом с курганами поселение, судить сложно. Проведенные разведки не обнаружили в окрестностях группы культурного слоя. Расположенное при впадении р. Ольшанки в Днепр городище также не дает слоя X в. Возможно, что поселение могло быть уничтожено карьерами, близко подходящими к курганам с севера. Смоленский археолог Е. А. Шмидт отмечает селище в районе Ольшанского городища, но большая его часть уничтожена в результате выемки песка для керамического завода (31, с. 61).

Группа людей, хоронившая своих сородичей в Заольшанских курганах, была связана с населением других частей Гнёздова. Об этом свидетельствуют материалы раскопок поселения и остальных курганных групп комплекса с аналогичными Заольшанской группе обрядом погребения и вещевыми находками, многочисленными параллелями в круговой посуде, идентичными клеймами. Гончарная продукция производи-

лась одними и теми же мастерами. Некоторые железные вещи, найденные при раскопках в Заольшанской группе, были взяты для проведения металлографического анализа, результаты которого наряду с другими материалами из Гнёздова рассмотрены в статье Т. А. Пушкиной и Л. С. Розановой (32) ⁶. Выявлено несколько технологических схем для ножей: трехслойный пакет (кург. 6, 34, 61, 64), вварка стального лезвия в железную основу (кург. 8), цельностальной клинок (кург. 51). Исследованные топоры дали два вида технологии отковки лезвий: лезвие сделано целиком из железа (кург. 64), железа с поверхностной цементацией (кург. 4, 20). При изготовлении копья из кургана 11 использована технология сложного многослойного пакета и сварочного дамаска, копьё импортное. Скрамасакс из кургана 11 откован в классической схеме трехслойного пакета и закален.

Материалы Заольшанской группы, рассмотренные вместе с другими железными изделиями Гнёздова, позволили авторам сделать вывод о том, что кузнецы, изготовившие эти изделия, владели разнообразными приемами обработки черного металла и имели специализацию при изготовлении определенных видов продукции. Предполагается местное изготовление основной части изделий. Таким образом, какая-то часть железных изделий Заольшанских курганов сделана кузнецами, снабжавшими своей продукцией все население Гнёздова.

Курганы Заольшанской группы датируются серединой и второй половиной X в. Основанием для данной датировки, кроме наличия вещей, характерных для этого времени, служат находки монет и монет-подвесок первой половины X в., присутствие исключительно круговой посуды, среди которой имеются сосуды с клеймами, что также является датирующим признаком. Подтверждает такую датировку и тот факт, что в погребениях с дендродатами (975, 979 гг.) из Центральной и Днепровской курганных групп Гнёздова (23) найдены сосуды, по типу соответствующие группе сосудов из Заольшанских курганов. Это горшки с валиком на плечике, отличающиеся устойчивыми пропорциями и характером орнамента.

При раскопках практиковались общие траншейки у соседних курганов с целью выяснения их относительной хронологии. Определить направление роста всей группы в целом не удалось. Возводились курганы в течение сравнительно короткого промежутка времени. Об этом свидетельствуют расположение курганов, содержавших сосуды с идентичными клеймами, в разных концах группы, отсутствие монет VIII—IX вв., которые встречаются на поселении и в других курганных группах гнёздовского комплекса, не прослеживается также эволюция в типах круговой керамики.

Все типы погребений, представленные в Заольшанской группе, существовали здесь одновременно, на что указывает их топография и инвентарь. Следовательно, различия эти вызваны не хронологией, а скорее всего причинами социального и религиозного порядка. Уже указывалось на наличие в группе скандинавских языческих символов («молоточки

⁶ Благодарю Т. А. Пушкину и Л. С. Розанову за возможность использовать данные работы, находящейся в печати.

Тора») и признаков начавшейся христианизации (кресты-подвески в обычных ямах). Христианство на Руси, как известно, первоначально распространялось в княжеско-дружинной среде. Среди погребенных в Заольшанских курганах были воины-дружинники: это подтверждается камерными могилами и находками оружия. Присутствие скандинавов в славянской среде Верхнего Поднепровья, на торговых путях объясняется их активным участием в экономических и социальных процессах на Руси в IX—X вв.

Материалов о социальном составе населения, оставившего курганы, мало. В кремациях и ингумациях преобладают малоинвентарные погребения. Но есть, как уже отмечалось, богатые сожжения и погребения в камерах, принадлежавшие, возможно, представителям социальной верхушки данной группы.

Несомненно участие какой-то части населения в торговых контактах с различными регионами Древней Руси и соседними государствами. Свидетельством этих торговых связей являются находки бронзовых гирек, куфических монет и византийского милиарисия, хрустальных, мозаичных и сердоликовых бус, остатков ткани, изготовленной из византийских нитей, золотой подвески.

Время возникновения Заольшанских курганов совпадает с периодом расцвета Гнёздова в связи с наиболее активным функционированием торгового пути «из варяг в греки». Можно предположить, что жившие здесь со своими женами и детьми воины-дружинники выполняли охранные функции, контролируя правый берег р. Ольшанки при впадении ее в Днепр. Напомним, что на левом берегу этой речки также располагалась курганная группа. Окончательные выводы о месте и роли Заольшанской группы в системе гнёздовского археологического комплекса можно будет сделать в процессе полного исследования этого интереснейшего археологического памятника, раскопки и изучение которого еще не завершены.

Примечания

1. Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии//Труды смоленских музеев. Смоленск, 1924. Т. I.
2. Клетнова Е. Н. Раскопки в Гнёздове//Смоленская новь. 1923. № 3—4.
3. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
4. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905.
5. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г.//МИСО. Вып. 1. Смоленск, 1952.
6. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов//МИСО. Вып. 2. Смоленск, 1957.
7. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957—1960 гг.//МИСО. Вып. VII. М.: Московский рабочий, 1970.
8. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Раскопки в Гнёздове//АО 1985 г. М., 1987.
9. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Раскопки в Гнёздове//АО 1986 г. М., 1988.
10. Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
11. Блэфельд Д. I. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наукова думка, 1977.
12. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
13. Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника//СА. 1985. № 2.

14. Агвтап Н. Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm, 1943.
15. Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнёздова//СА. 1970. № 3.
16. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2//САИ. Вып. Е I—36. М.; Л., 1966.
17. Плетнева С. А. Ранние болгары на Волге//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20 т. М.: Наука, 1981.
18. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1//САИ. Вып. Е I—36. М.; Л., 1966.
19. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные фибулы//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
20. Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
21. Недошвина Н. Г. Крестовидные подвески из листового серебра//СА. 1983. № 4.
22. Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода//Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I//МИА. № 55. М., 1956.
23. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова//История и культура древнерусского города. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
24. Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в.//КСИА. Вып. 129. М., 1972.
25. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966.
26. Poulik J. Staroslovanská Morava. Praha, 1948.
27. Solle M. Pšovská keramika a její vztahy k hrnčířskému okruhu koufimskému//Archeologické rozhledy. No. XXXI. Praha, 1979.
28. Dąbrowska E. Wielkie grody dorzecza górnej Wisły. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1973.
29. Фехнер М. В., Недошвина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря//СА. 1987, № 2.
30. Агвтап Н. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm—Uppsala, 1940.
31. Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. II. М.: Московский рабочий, 1983.
32. Пушкина Т. А., Розанова Л. С. Кузнечные изделия Гнёздова//СА. 1992. № 2.

Обряды погребений в Заольшанской группе

Тип обряда	Номера курганов
Обряд трупосожжения	2, 3, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 23, 24, 26, 29, 34, 41, 44, 45, 47, 48, 54, 55, 57, 59, 60, 63, 65, 66, 67, 71, 72, 73, 78, 80, 85, 86.
Обряд трупоположения	1, 4, 5, 7, 11, 14, 20, 22, 27, 30, 31, 36, 37, 38, 40, 42, 46, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 58, 61, 62, 64, 68, 69, 74, 76, 79, 82, 83.
Курганы с обрядами трупосожжения и трупоположения	25, 43
Меморативные курганы	28, 32, 33, 35, 39, 70, 77
Поврежденные курганы	75, 81, 84, 87

Приложение II

Вещевой инвентарь курганов*

Наименование находок	Номера курганов с трупоположениями	Номера курганов с трупосожжениями
Копья	4, 11, 61, 62	
Топоры	4, 20, 61, 62, 64	
Скрамасакс	11	
Стрелы	61(3)**	6, 18, 60
Ножницы	27, 42, 76	
Ножи	4, 5, 11(2), 14, 20, 22, 25, 27, 31, 37(2), 38(2), 42, 43, 46, 50, 51, 56, 61, 62, 64, 76, 79, 83	6, 8, 12, 15, 34, 41, 44(2), 57, 59, 60, 65(2), 78, 80
Кресала	11, 56, 83	15, 80
Оселки	11(2), 20, 56(2)	2, 16, 45, 48, 80(2)
Ключи	31, 37, 42	18, 65
Замки		24
Шипы	62	6, 12, 24, 47, 60(2)
Заклепки	14(3), 27(2), 61, 62	10, 24, 45
Гвозди	31, 56, 62(14)	21, 24, 47, 54, 80
Ведра	56, 61, 62, 79	
Шилья	83, 61	24

* В приложение не внесен инвентарь из меморативных курганов. В них найдены: нож (кург. 33), заклепки (кург. 32), 3 гвоздя (кург. 32(2), 33).

** В скобках указано количество находок.

Наименование находок	Номера курганов с труположениями	Номера курганов с трупосожжениями
Обоймицы		45
Скобы		45, 65
Оковки		65
Пробой		24
Стержень с кольцом		9
Костыльковая цепочка (фрагмент)		18
Ручка шкатулки		18
Трубка для трута	64	
Фибулы подковообразные	5, 11, 56, 61, 62, 64	3, 15, 25, 34, 47, 48, 60, 80, 86
Фибулы овальные	25(2)	
Фибулы круглые		12, 16
Фибула кольцевидная	62	
Гривны		8, 21, 47, 65
Подвески крестовидные	5, 27, 38	
Подвеска-лунница	25	
Подвески круглые	50	16, 47(2)
Подвеска ажурная с зооморфным орнаментом		47
Подвеска в виде колечка с бусиной	76	
Кольцо с завязанными концами	50	
Бубенчик с крестовидной прорезью	46	
Бусы	5(19), 7(6), 14, 25(2), 50(7), 52(8), 76	8(3), 12(2), 16, 24(8), 34, 47(10), 54(7), 65(6), 71(6), 78, 86(3)
Пуговицы	11(13), 31, 37, 61(2), 62(11)	25(5), 55
Пряжки	14, 20, 64, 83	
Бляшки		25(3)
Фрагменты тканей	11, 25, 56, 61, 62	
Монеты и монеты-подвески	7, 11, 25(2), 31(2)	16
Кошельки (детали)	56, 76	
Гирьки	11	47
Гребни		25, 45, 47
Кремень	1, 5, 11, 22, 31(4) 42, 52, 56, 64, 83	2, 10, 21, 41, 55, 75, 80(6)

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КУРГАНОВ
ЗАОЛЬШАНСКОЙ ГРУППЫ

В 1978 г. были раскопаны курганы 1—10, в 1979 г. — курганы 11—54, в 1980 г. — курганы 55—78, в 1981 г. — курганы 79—87 и доследован курган 69. Почти все насыпи имели форму шарового сегмента. Поэтому при описании указываются отклонения от этой формы, степень сохранности насыпи. Размеры насыпей и кострищ обозначены в порядке С—Ю, З—В. Высоты насыпей указаны по центру или средние. Ровики даются без пояснений в тех случаях, когда форма их по какой-либо причине неясна. Практически все погребальные ямы перерезают кострище. Глубины погребальных ям указаны от поверхности материка. Необоженные кости в ямах в большинстве случаев не сохранились, а определение обоженных костей имеется для 27 курганов (раскопки 1978—1979 гг.). Вся найденная посуда изготовлена на гончарном круге.

Курган 1. Насыпь уплощена. Поперечники 6,0×6,5 м, высота 0,3 м. Ровик, перемычки на ЮЗ и СЗ. Кострище 0,3×0,35 м, толщина 0,1 м. Труположение, яма прямоугольная, СЗ—ЮВ, 1,95×0,80 м, глубина 0,6 м. Заполнение — суглинок с угольками. В северо-западном углу ямы — обломок бронзового предмета. В насыпи и в ровике — обломки керамики, в насыпи — наконечник кремневой стрелы.

Курган 2. Насыпь сильно оплыла. Поперечники 4,75×5,6 м, высота 0,35 м. Ровик, перемычка на З. Кострище овальное 2,85×2,1 м, толщина 0,2 м. В кострище — урна, рядом оселок, кремневая пластина, деформированная бронзовая пластина, обломки глиняных сосудов. В ровике фрагменты керамики, развал горшка. Сожжение на стороне. Возраст человека не определен.

Курган 3. Поперечники 6,9×6,5 м, высота 0,45 м. Кострище округлое 5,1×4,95 м, толщина 0,3 м. Обугленные плахи лежат в три слоя, направление волокон З—В, ЮЗ—СВ, ЮВ—СЗ. В плахах — кальцинированные кости, железная подковообразная фибула (рис. 11:2). На материке под плахами урна (рис. 13:6). Сожжение на месте. Человек (юный?).

Курган 4. Поперечники 6,0×5,15 м, высота 0,65 м. Ровик. Кострище овальное 5,6×4,1 м, толщина 0,2 м. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, З—В, 2,15×0,85 м, глубина 0,59 м. Заполнение — песок с золой и углем, на дне полоса глина. На дне ямы в западной части — железное копье острием на З (рис. 8:4), в центральной части — нож, в восточной половине ближе к северной стенке — топор (рис. 8:6). Погребение мужское.

Курган 5. Поперечники 4,3×4,75 м, высота 0,3 м. Ровик кольцевой. Кострище 3,8×4,0 м, толщина 0,1 м, зола. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, З—В, 2,5×1,02 м, глубина 0,7 м. Заполнение — супесь с золой и угольками. На материке пятна глина, в западной части ямы — следы бедренной кости. Вдоль стенок ямы и над погребением — древесный тлен. В центральной части ямы — остатки деревянного сосуда (?) (не сохранились). В северо-восточном углу ямы — сосуд глиняный (рис. 15:8). В западной части ямы найдены обломки фибулы (подковообразной?) бронзовой, бронзовый предмет (булавка?), железный нож с остатками деревянной рукоятки, крестовидная серебряная подвеска (рис. 12:1) и 19 бусин, среди которых — одна мозаичная черная с черно-бело-синими глазами (рис. 11:17) и 14 стеклянных. Стекланные бусы: 3 ребристых (1 желтая, 2 непрозрачные бесцветные), 2 прозники трехчастные синие (рис. 11:15), прозника двухчастная желтая, 8 лимонovidных (1 желтая, 1 фиолетовая, 1 зеленая, 1 синяя, 4 бесцветные). Также найдены 4 фаянсовые ребристые бирюзовые бусины. В насыпи и под дерном обнаружены фрагменты керамики, под дерном — предмет железный, в кострище — кремневый отщеп. Погребение женское. Судя по расположению костей в могильной яме, возможно захоронение в сидячем положении.

Курган 6. Поперечники 6,1×6,0 м, высота 0,6 м. Ровик. Кострище округлое 5,25×5,15 м, толщина до 0,35 м, на нем — обугленные плахи, ориентация волокон З—В. Первая урна в центре на 5 см выше уровня кострища, раздавлена, костей мало. Вторая урна лежит в центре кострища, в перевернутой донной части — обож-

женные кости. Рядом со второй урной — железный нож, между урнами — ромбовидный наконечник стрелы (рис. 8:10). На окраине кострища железный предмет и железный трехконечный шпиль (рис. 10:10). В верхней части кострища — обломки керамики. Фрагмент сосуда в ровике. Сожжение на месте. Ребенок (?).

Курган 7. Поперечник $4,1 \times 3,8$ м, высота 0,3 м. Ровик, перемычки на ЮЗ и СЗ. Кострище округлое $2,95 \times 3,2$ м, толщина 0,2 м. Трупоположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, 3—В, $1,85 \times 0,94$ м, глубина 0,53 м. Заполнение — глина, су-глинок, угольки. На материке в западной части ямы следы тлена, ожерелье. В составе ожерелья 6 бусин: 1 мозаичная белая с красно-черными глазками (рис. 11:23); 3 стеклянные (зона синяя, желтая ребристая, лимонovidная с синими полосами (рис. 11:16)); 2 фаянсовые ребристые бирюзовые. Там же найдена половинка неопределенного куфического дирхема (в ткани?). Погребение женское, ориентированное на 3.

Курган 8. Поперечники $8,0 \times 8,5$ м, высота 0,75 м. Ровик, перемычка на СВ. Кострище $4,5 \times 3,25$ м, толщина до 0,35 м. В центре его — остатки погребального костра — сложенные колодцем обгорелые плахи, направление волокон дерева С—Ю и 3—В. В центре костра — урна, вокруг нее обломки другой урны. К юго-востоку от первой урны лежала железная гривна с подвесками в виде «молоточков Тора» (рис. 9:5), часть ее под обломками второй урны. Недалеко от первой урны — 3 стеклянные бесцветные непрозрачные ребристые бусины, около второй урны — железный нож. Кости в первой урне обгорели меньше, чем во второй. В восточной части кострища — сосуд с клеймом (рис. 14:1). Обломки керамики найдены на кострище, в ровике и в насыпи, в том числе фрагменты сосуда с клеймом (рис. 14:7). Сожжение на месте. В первой урне определены кости юного человека, во второй — кости взрослого человека и собаки. Погребены мужчина, юная женщина и собака.

Курган 9. Поперечники $5,2 \times 5,5$ м, высота 0,67 м. Ровик, перемычка на СЗ. Кострище округлое $3,15 \times 3,2$ м, толщина 0,25 м. В центральной части кострища — обгорелые плахи костра, направление волокон дерева СЗ—ЮВ. Урна, обожженные кости внутри нее и вокруг. В кострище — крученый железный стержень, подвешенный к кольцу (рис. 10:20), железный предмет, бронзовая оковка, 11 обломков оплавленных бронзовых предметов. Обломки керамики на кострище, в насыпи и в ровике. Сожжение на месте. Определены кости человека взрослого, крупного. Погребение, видимо, мужское.

Курган 10. Вершина уплощена. Поперечники $3,65 \times 4,0$ м, высота 0,46 м. Ровик. Кострище $3,2 \times 4,0$ м, толщина 0,23 м. Обожженные кости встречаются по всему кострищу, а также в насыпи и в ровике. Урна немного выше кострища. Фрагменты керамики найдены на кострище, в насыпи, в ровике. В ровике — железная заклепка и железный предмет (шпиль?). Под кострищем — кремневая ножевидная пластинка. Сожжение на стороне. Кости человека (ребенка?).

Курган 11. Поперечники $8,75 \times 8,2$ м, высота 0,5 м. Ровик, перемычки на ЮЗ, СЗ и ЮВ. Кострище округлое $6,0 \times 5,25$ м, толщина 0,2 м. Трупоположение. Яма прямоугольная, СВ—ЮЗ, $2,5 \times 2,0$ м, глубина 0,68 м. Заполнение — песок, зола и уголь. Следы столбов по краям ямы, древесный тлен. В юго-западной части ямы следы черепла, здесь же обнаружены 12 бронзовых пуговиц и остатки льняной ткани. Недалеко от пуговиц — бронзовая подковообразная фибула с гранеными головками. Еще одна бронзовая пуговица лежала на расстоянии 0,6 м к северо-западу от основного скопления. В средней части ямы найдены нож, оселок, кресало, кремь. К юго-востоку от этих находок — обломок лезвия скрамасакса, кожаные ножны от него с бронзовыми накладками. Эти накладки имели городчатые обоймы с Т-образными прорезями. Здесь же кольцо от ножен железное, обломки бронзовой оковки. Обломки лезвия скрамасакса найдены также на севере в стенке угла ямы (острие) и в северо-восточной части рядом с другими находками (обломок лезвия с рукоятью). Очевидно, скрамасакс был разломан на 3 части. В северо-восточной части ямы обнаружены бронзовая 14-гранная гирька, половинка саманидского дирхема Исмаила ибн Ахмада (892—907 гг.), город и год чеканки не читаются, а также железный стержень, нож и оселок. В северо-западном углу ямы — наконечник колья. В заполнении ямы найден железный предмет. Погребение мужское. На основании пятен тлена, прослеженных вдоль северо-восточной стенки, можно с определенной осторожностью предполагать, что рядом с погребением лежал конь (Инвентарь на рис. 5).

Курган 12. Поперечники $6,5 \times 6,0$ м, высота 0,6 м. Ровик кольцевой. Кострище овальное $4,3 \times 4,0$ м, толщина 0,25 м. Обгорелые плахи найдены в юго-западном и

юго-восточном секторах. На кострище — урна, кости внутри сосуда и вокруг него (рис. 15:5). В урне найдены обломки бронзового кольца, 2 обожженные бусины серого цвета, одна лимонка золоченая, другая — круглая сердоликовая. Рядом с урной — круглая бронзовая фибула (утрачена), в юго-западном секторе на кострище — железные нож и шип (рис. 10:11). Там же обнаружены еще два сосуда в обломках. Сожжение на месте. В урне — кости взрослого человека, кости из кострища принадлежали человеку юного возраста и птице (вид не определен). Погребение женщины и подростка (?).

Курган 13. Поперечники $3,3 \times 3,8$ м, высота 0,5 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище округлое $2,55 \times 2,95$ м, толщина 0,25 м. Горелые плахи обнаружены в центре кострища. Костей мало, мелкие, принадлежали животному (вид не определен). На кострище — 2 сосуда, один из них с клеймом, обломки керамики (рис. 14:6). Сожжение на месте.

Курган 14. Поперечник $4,7 \times 5,1$ м, высота 0,5 м. Ровик, перемычки на З и В. Кострище округлое $2,3 \times 2,3$ м, толщина 0,1 м. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, $3—В$, $1,7 \times 1,0$ м, глубина 0,9 м. Заполнение — песок, зола. Древесный тлен вдоль стенок ямы. На материке в центральной части восточной половины ямы — три круговых сосуда (рис. 13:3; 15:6,7), у северной стенки — три маленькие железные заклепки, обломки железной пряжки (?), железный нож, фаянсовая ребристая бирюзовая бусина. Погребение женское или детское, возможно, в сидячем положении.

Курган 15. Поперечники $4,25 \times 5,25$ м, высота 0,55 м. Ровик, перемычка на З. Кострище $3,3 \times 3,2$ м, толщина 0,15—0,25 м, интенсивное. На кострище обгорелые плахи, направление $З—В$, ЮЗ—СВ. Костей мало. Три сосуда (рис. 13:2), железная подковообразная фибула (рис. 11:1), железное калачевидное кресало (рис. 10:14), железный нож, 3 фрагмента керамики. Сожжение на месте (?).

Курган 16. Поперечники $4,4 \times 4,95$ м, высота 0,75 м. Ровик, перемычка на В. Кострище овальное $1,56 \times 2,25$ м, толщина 0,30 м, срезано при расчистке. Горелые плахи, кальцинированные кости в урне (рис. 13:11) и на кострище. Находки в кострище: серебряная монета-подвеска — подражание саманидскому дирхему Насра II ибн Ахмада (914—943 гг.), круглая бронзовая фибула (утрачена), два оселка, бронзовая подвеска, 14 обломков железного предмета (цепочка?), стеклянная желтая 4-частная пронизка (рис. 11:20), фрагменты керамики. Сожжение на месте. Обнаружены кости взрослого и юного человека. Погребение женщины и подростка (?).

Курган 17. Поперечники $5,75 \times 5,20$ м, высота 0,45 м. Ровик. Кострище округлое $2,75 \times 2,75$ м, толщина 0,20 м. На кострище 2 урны — одна стоит (рис. 13:8), другая на боку. В ровике и насыпи — обломки керамики. В первой урне кости взрослого человека, во второй — юного (ребенок?). Сожжение на стороне.

Курган 18. Поперечники $4,55 \times 4,0$ м, высота 0,55 м. Ровик. Кострище овальное $2,5 \times 2,7$ м, толщина до 0,3 м. В средней части кострища — обгоревшие плахи, направление волокон СЗ—ЮВ. Здесь же стоит урна и сосредоточены находки: железные ключ (рис. 10:4), наконечник стрелы ромбовидный (рис. 8:13), ручка от шкатулки (рис. 10:9), костыльковая цепочка (рис. 10:19), неопределенный железный предмет и оплавленный бронзовый предмет. В насыпи и на кострище найдены обломки керамики. Сожжение на месте, ребенок (?).

Курган 19. Поперечники $6,5 \times 6,0$ м, высота 0,55 м. Ровик. Кострище $3,5 \times 3,8$ м, толщина до 0,33 м. Урна и кальцинированные кости находились выше кострища, в насыпи, на кострище обломки керамики. Сожжение на стороне. Кости человека (взрослого?).

Курган 20. Немного уплощен. Поперечники $3,7 \times 4,65$ м, высота 0,4 м. Ровик, перемычки на З и ЮВ. Кострище слабое $2,5 \times 2,4$ м, толщина 0,1 м. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, ЮЗЗ—СВВ, $1,75 \times 0,75$ м, глубина 0,46 м. Заполнение — песок с золой. Сосуд и железный топор найдены в северо-западном углу. Остальные находки сосредоточены в юго-западной четверти ямы: нож, оселок, остатки тонких серебряных полуколец (не сохранились). Здесь же остатки коры. Под дерном обломок керамики. Погребение мужское, ориентировка З. (Инвентарь на рис. 3:Б).

Курган 21. Насыпь расплылась. Поперечники $6,05 \times 4,1$ м, высота 0,25 м. Ровик. Кострище округлое $3,2 \times 3,25$ м, толщина 0,25 м, слабое. На кострище перевернутый сосуд — урна, под ней железная гривна. Костей много, обожжены слабо.

В кострище гвоздь, кремень, обломки керамики. Сожжение на стороне, кости взрослого (?) человека. (Инвентарь на рис. 3:А).

Курган 22. Поперечники $5,35 \times 5,6$ м, высота 0,5 м. Ровик, перемычки на З и ЮВ. Кострище $3,6 \times 3,4$ м, толщина 0,1 м. Трупоположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, ЮЗЗ—СВВ, $2,12 \times 1,0$ м, глубина 1,0 м. Заполнение — песок с золой. В яме — железный нож. В насыпи кремневый отщеп, около ямы на материке — 4 фрагмента керамики.

Курган 23. Насыпь сильно расплылась. Поперечники $5,6 \times 5,05$ м, высота 0,45 м. Ровик, перемычка на В. Кострище неправильной формы $1,42 \times 1,89$ м, толщина до 0,2 м. Наклон кострища с С на Ю. На кострище два сосуда, один на боку, другой стоит (рис. 13:12; 15:2). Костей мало. На кострище найден один обломок керамики. Сожжение на стороне.

Курган 24. Насыпь повреждена, едва заметна. Поперечники 8×7 м, высота 0,3 м. Ровик. Кострище округлое $5,15 \times 5,5$ м, толщина 0,15—0,2 м. В центральной части кострища — обгорелые плахи, направление волокон З—В, С—Ю, СЗ—ЮВ. В кострище кальцинированные кости и обломки урны, костей мало. Найденные железные накладка замка с гвоздиком (рис. 10:5), пробой (рис. 10:21), шило (рис. 10:17), заклепка, обломки шипа ледоходного (?), фрагменты оковки, гвоздь, 7 стеклянных бусин (1 зонная зеленая, 5 серо-голубых оплавленных, 1 серого цвета оплавленная), 1 бусина хрустальная обожженная (рассыпалась). Сожжение на месте. Кости человека, судя по вещам, погребение женское.

Курган 25. Форма неправильная, поперечники $7,5 \times 7,9$ м, высота 0,7 м. Ровик, перемычка на С, частично СВ и СЗ. Кострище $5,55 \times 4,42$ м, толщина 0,23 м, интенсивное. Урна стоит вертикально, расколота, кости лежат в урне и вокруг нее, а также по всей площади кострища. В урне найдены 21 обломок костяного гребня (рис. 12:23), обломки бронзового предмета и бляшки. В кострище обнаружены железный предмет (фибула ?), 2 бронзовые бляшки (рис. 12:14), 5 бронзовых пуговиц (рис. 12:17), 7 обломков оплавленных бронзовых предметов, 2 обломка железных предметов. На одном керамическом обломке — клеймо (рис. 14:9). Под кострищем обнаружено пятно ямы прямоугольной формы размером $3,2 \times 1,68$ м, глубиной 0,8 м, ориентация СЗЗ—ЮВВ. В яме — обгорелое дерево, направление волокон З—В (рухнувшее перекрытие ?). В западной части ямы расчищены 2 скорлупообразные бронзовые фибулы с позолотой (сохранность очень плохая) (рис. 11:10), на них остатки ткани, а также железный нож, ожерелье, в составе которого серебряные монеты-подвески: византийский милиарисий имп. Льва VI (886—911 г.) и саманидский дирхем Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в аш-Шаше в 293 г. х. = 905/6 г.; серебряная зерненная лунница (рис. 12:4), 2 стеклянные зонные зеленые бусины. Под вещами — глен темно-коричневого цвета. В ровике — развал горшка и обломки керамики. Сожжение на месте. Обнаружены кости ребенка и животного (вид не определен). В яме — камерное женское погребение, ориентировка СЗЗ.

Курган 26. Поперечники $3,5 \times 4,65$ м, высота 0,5 м. Кострище округлое с неровными краями $2,0 \times 2,27$ м, толщина 0,2 м. Урна немного выше кострища, кости найдены в урне и вокруг нее. Костей мало, они измельчены. В северо-восточном секторе — фрагменты керамики. Сожжение на стороне (ребенок ?).

Курган 27. Поперечники $4,2 \times 4,75$ м, высота 0,5 м. Ровик, перемычка на ЮЗ и ЮВ. Кострище $2,6 \times 3,0$ м, толщина 0,1 м, слабое. Трупоположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, ЮЗЗ—СВВ, $2,65 \times 0,9$ м, глубина 0,6 м. Заполнение — зола, светлый суглинок. Древесный глен в нижней части ямы. В западной части — древесная кора, в ней — серебряная крестовидная подвеска (рис. 12:2), бронзовое кольцо (рассыпалось). В средней части ямы, ближе к южной стенке — 2 заклепки железные и нож. В восточной части около северной стенки найден круговой сосуд (рис. 15:9), ближе к южной — железные ножницы (рис. 10:13). Погребение женское, ориентировка ЮЗЗ.

Курган 28. Поперечники $7,7 \times 8,2$ м, высота 0,75 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище неправильной формы $2,13 \times 2,5$ м, толщина 0,2 м, слабое. В насыпи найдено 6 фрагментов круговой керамики, в ровике — 2. Насыпь меморативная.

Курган 29. Поперечники $5,5 \times 6,65$ м, высота 0,66 м. Ровик, перемычка на СЗ. Кострище округлое $3,9 \times 3,9$ м, толщина 0,2—0,25 м, интенсивное. В центре его — развал горелых плах ($1,85 \times 1,3$ м), волокна дерева в направлении СЗ—ЮВ, СВ—ЮЗ. В плахах много кальцинированных костей, урны нет. В насыпи и ровике — поздняя керамика, обломок бронзового предмета. Сожжение на месте. Человек юный.

Курган 30. Поперечники 5,0×4,0 м, высота 0,15 м. Ровик. Кострище 1,75×2,15 м, толщина 0,1 м. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, ЮЗЗ—СВВ, 3,0×1,3 м. Заполнение — супесь с золой. На глубине 0,69 м в яме прослежено более темное пятно, углубление размером 1,85×0,52 м, глубиной 0,82 м, на дне найден обломок керамики. Погребение условно отнесено к типу камерных.

Курган 31. Поперечники 5,8×4,4 м, высота 0,4 м. Ровик. Кострище 4,1×2,8 м, толщина 0,15 м. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, З—В, 2,5×0,95 м, глубина 0,7 м. Заполнение — супесь с золой и угольками. В западной части ямы пятно тлена 0,18×0,20 м (череп?). Пятна тлена по дну ямы, образующие в восточной части прямоугольник (деревянная обкладка?). В юго-западной четверти ямы в пятнах тлена находки: железные нож, ключ (рис. 10:2), предмет, 2 блестящие бронзовые (рассыпались), 2 кремня, дирхем-подвеска (Саманиды, Наср II ибн Ахмад, Андераба, 318 г. х.—930 г.), небольшой обрзок дирхема (Саманиды, первая половина X в.), 2 фрагмента керамики. В насыпи и ровике найдены обломки керамики, кремневые резец и отщеп, железный гвоздь.

Курган 32. Поперечники 4,75×4,25 м, высота 0,55 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище овальное с неровными краями 2,25×3,04 м, толщина 0,2 м, интенсивное. На нем — горелые плахи, волокна ориентированы СЗ—ЮВ, ЮЗ—СВ, С—Ю, З—В. На кострище 2 камня. Кальцинированных костей нет. В кострище — 2 железных гвоздя (рис. 10:15), один с остатками дерева, железная заклепка, сосуд круговой на боку (раздавлен), обломок керамики. В бровке — обломок круговой керамики. Насыпь мерзотая.

Курган 33. Насыпь сильно уплощена, поперечники 6,4×6,0 м, высота 0,4 м. Ровик, перемычки на З и В. Кострище неправильной формы, границы нечеткие, 1,2×1,4 м, толщина 0,14 м. Костей и находок в кострище нет. В ровике — железные нож и гвоздь, обломок керамики. Насыпь мерзотая.

Курган 34. Насыпь едва заметна, повреждена. Поперечники 6,5×6,0 м, высота с севера — 0,01 м, с юга — 0,7 м. Ровик. Кострище округлое 3,2×5,5 м, толщина 0,15 м. На кострище — горелые плахи, ориентированные З—В, СЗ—ЮВ. В кострище найдены урна, обломки керамики, бронзовая подковообразная фибула и обломок от нее, железный нож, предмет железный, бусина стеклянная синяя оплавленная. Под дерном в насыпи — 4 обломка круговой керамики. Сожжение на месте, кости человека.

Курган 35. Насыпь вытянута с З на В, южный склон более пологий. Ровик, перемычка на ЮЗ. Поперечники 5,90×5,45 м, высота 0,55 м. Кострище с нечеткими очертаниями, толщина 0,12 м. Кальцинированных костей нет. Найдены 11 обломков круговой керамики, кремневое скребло и 2 кремневых отщепа. Насыпь мерзотая.

Курган 36. Поперечники 6,1×6,9 м, высота 0,65 м. Ровик, перемычка на СЗ. Кострище округлое 3,3×3,5 м, толщина 0,1 м. Труположение. Яма прямоугольная З—В, 2,6×1,2 м, глубина 0,7 м. Заполнение — супесь с углями. По стенкам — следы древесного тлена, судя по профилю, яма имела деревянное перекрытие. В западной части ямы — обломок железного предмета. В ровике — обломки сосудов, развал горшка.

Курган 37. Поперечники 4,75×4,5 м, высота 0,35 м. Ровик. Кострища нет, отдельные угли и золыные пятна. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, ЮЗ—СВ, 2,1×0,85 м, глубина 0,8 м. Заполнение — супесь с большим количеством железистых вкраплений. В яме в средней части у северной стенки — обломки двух сосудов. В различных местах средней части ямы найдены: железный предмет, серебряная зерновая пуговица (рис. 12:11), ключ с кольцом железные, нож железный с деревянной рукоятью (два обломка в разных местах).

Курган 38. Поперечники 5,4×5,75 м, высота 0,6 м. Ровик, перемычка на ЮВ. Кострище округлое 3,85×4,7 м, толщина 0,15 м. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, ЮЗЗ—СВВ, 2,33×1,16 м, глубина 0,8 м. Заполнение — желто-белый песок. Следы древесного тлена, возможно, от обкладки стен и настила над ямой. В западной части ямы — округлое пятно тлена (череп?), рядом такое же пятно меньшего размера. Около первого пятна — крестовидная подвеска (из серебра?), при расчистке распалась (рис. 12:3), железный нож острием на В. Рядом со вторым пятном — развал сосуда (рис. 13:9), 4 фрагмента керамики, железный нож острием на В. В ровике — обломки сосудов.

Курган 39. Поперечники 5,75×4,0 м, высота 0,25 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище овальной формы с неровными краями 2,5×3,55 м, толщина 0,25 м, слабое. Костей нет. Найдено 33 обломка круговой керамики. В ровике — развал сосуда (рис. 13:4) и три обломка керамики. Насыпь меморативная.

Курган 40. Поперечники 5,0×3,95 м, высота 0,4 м. Ровик кольцевой. Кострище 1,9×1,8 м, толщина 0,05 м. Труположение. Яма с сильно округленными углами, ЮЗ—СВ, 2,0×0,95 м, глубина 0,6 м. Заполнение — светлый суглинок с зольными включениями. Яма пустая. В ровике — обломки сосудов.

Курган 41. Поперечники 5,75×5,1 м, высота 0,5 м. Ровик, перемычка на СЗ. Кострище 3,3×3,65 м, толщина 0,25 м. На кострище — горелые плахи, ориентированные СЗ—ЮВ, СВ—ЮЗ. В плахах и под ними много кальцинированных костей, мелких, сильно обожженных. Кальцинированные кости встречаются под дерном. В верхней части насыпи выше кострища — развал двух горшков. Первая урна (рис. 15:1) стоит вертикально, ее накрывает донная часть другого сосуда. В урне — крупные, слабо обожженные кости. В плахах найден железный нож. В ровике обнаружены 12 фрагментов керамики. Сожжение на месте. Человек (пол, возраст не определен), много костей неопределимо.

Курган 42. Поперечники 4,0×3,75 м, высота 0,2 м. Ровик, перемычка на ЮВ. Кострище 2,0×2,0 м, толщина 0,1 м, слабое. Труположение. Яма прямоугольная с немного скругленными углами, ЮЮЗ—ССВ, 1,95×0,97 м, глубина 0,12 м. Тлен черепа (?), челюсть с зубами ориентирована на ССВ. Около черепа — железный ключ (рис. 10:1), пружинные ножницы. В средней части ямы (у пояса?) кремневый отщеп, в юго-западной части (у ног?) — железный нож (рис. 10:6). В ровике кальцинированные кости — человек, овца (?).

Курган 43. Поперечники 4,25×5,15 м, высота 0,35 м. Ровик, перемычка на З. В насыпи под дерном — развал урны. Кострище округлое 2,5×2,5 м, толщина 0,15 м, слабое. В кострище — кальцинированные кости, обломок керамики. В северо-западном секторе прослежена яма неправильной формы, восточная ее половина прямоугольная, южная сторона западной части имеет форму полукруга, З—В, 1,06×0,4 м, глубина 0,24 м. Заполнение — песок, глина, угли. На дне западной части ямы — деревянная плаха. Находок в яме нет. В перекопе ровика найдены железный нож, в насыпи — железное кольцо. Сожжение на стороне. Кальцинированные кости принадлежали ребенку. Размеры ямы позволяют предположить, что в яме тоже был похоронен ребенок.

Курган 44. Поперечники 4,7×4,35 м, высота 0,6 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище 4,0×3,5 м, толщина 0,25 м. Развал костра в виде горелых плах, ориентированных С—Ю, ЮЗ—СВ. На плахах — кальцинированные кости и урна (рис. 15:4), на дне ее — кальцинированные кости. В кострище найдены: железный нож (рис. 10:8), лезвие ножа, 2 фрагмента керамики. Обломки керамики встречаются под дерном и в насыпи. Сожжение на месте. Кости не определены.

Курган 45. Поперечники 7,0×8,1 м, высота 0,7 м. Ровик, перемычка на ЮВ. Кострище 4,0×6,25 м, толщина 0,25 м. Северная часть насыпи не раскопана — заросла деревьями. На кострище — плахи, сложенные колодцем, волокна ориентированы С—Ю, З—В, ЮЗ—СВ. В центре — круговой сосуд — урна, вколана в материк, с севера ее подпирает камень. В урне и вокруг нее много обожженных костей. Рядом с урной с восточной стороны — небольшой сосуд, стоящий вверх дном, он разбит, несколько фрагментов лежит на кострище. Около урны найдены: бронзовая обжимка, 11 кусков расплавленной бронзы, оселок, железная скоба, железная заклепка, фрагменты обкладки костяного гребня. Сожжение на месте. Кости принадлежали старому человеку и молодой лисце.

Курган 46. Поперечники 4,1×4,88 м, высота 0,4 м. Ровик. Кострище не прослеживается. Труположение. Яма З—В, 1,7×1,1 м, глубина 0,8 м, форма ямы подпрямоугольная. Заполнение — светлый песок и темная глина. В средней части ямы, у северной стенки, стоит круговой сосуд, к югу от него — бубенчик бронзовый с крестовидной прорезью (рис. 12:8), железный нож лезвием на В. Ориентировка З.

Курган 47. Насыпь с южной и восточной сторон имеет крутые склоны, с северной и западной — пологие. Поперечники 8,5×9,3 м, высота 0,9 м. Ровик, перемычка на СВ и ЮЗ. Кострище округлое 5,7×5,7 м, толщина 0,3 м. В юго-западном секторе — большой круговой сосуд — урна, на ней вверх дном донная часть сосуда с клеймом (рис. 14:5). Сверху на урне вокруг перевернутого донца — гривна железная с подвесками в виде «молоточков Тора» (рис. 9:3). К северо-западу от большой ур-

ны — маленький сосуд-урна, которая расколота на 2 половинки. В урнах и вокруг них, в самом кострище, обнаружено много кальцинированных костей. В кострище найдены: бронзовая подвеска с зооморфным орнаментом (рис. 12:5), 2 бронзовые обожженные подвески (рис. 12:7), обломки маленькой бронзовой подковообразной фибулы, 14-гранная гирька, железный шип, 6 обломков железных предметов, обломки трех бронзовых предметов (бляшки?), обломки костяного гребня (рис. 12:22). Здесь же находились 10 бусин: 1 хрустальная 8-гранная (рис. 11:25), 1 хрустальная (круглая?), 1 фаянсовая ребристая бирюзовая (рис. 11:12), 7 стеклянных (1 зонная красная обожженная (рис. 11:11), 1 зонная оранжевая обожженная, 2 зонные зеленые, 3 расплавленные зеленые). В ровике и в насыпи найдены обломки керамики. Сожжение на месте. В маленькой урне обнаружены кости человека, в большой — кости человека, лошади, собаки. Погребение мужчины и женщины.

Курган 48. Насыпь сильно оплыла. Поперечники $9,0 \times 5,0$ м, высота 0,28 м. Ровик. Кострище овальное $3,55 \times 3,2$ м, толщина 0,1—0,4 м. Много мелких обожженных костей. В кострище найдена бронзовая подковообразная фибула и игла от нее (рис. 11:6); в насыпи — обломок оселка, 2 обломка керамики. Сожжение на стороне. Кости неопределимы.

Курган 49. Поперечники $4,95 \times 5,75$ м, высота 0,2 м. Ровик. Кострище не прослеживается, отдельные зольные пятна. Два труположения. Два параллельные прямоугольные ямы со скругленными углами, З—В. Первая яма $2,4 \times 1,17$ м, глубина 0,7 м. Вторая — $1,5 \times 0,88$ м, глубина 0,52 м. На поверхности пятна северной ямы 6 камней, рядом еще 2 камня. Заполнение обеих ям — светло-желтая супесь с золой и углем. Находок в ямах нет.

Курган 50. Границы насыпи прослежены нечетко, с юга насыпь перекрывает ровик соседнего кургана. Поперечник С—Ю 2,7 м, размер З—В определить не удалось. Ровик. Кострище $2,25 \times 1,8$ м, толщина 0,15 м, слабое. Кострище с юго-востока прорезано ямой прямоугольной формы со скругленными углами, ЮЗ—СВ, $2,65 \times 1,4$ м, глубина 0,75 м. Заполнение — песок с углем. На дне ямы и в профиле северной и южной стенок обнаружены деревянные плахи, одна из плах — вертикальная. В северо-восточной части ямы — пятно тлена, в юго-западной — челюсть человека плохой сохранности. К северо-востоку от нее 5 бусин: сердоликовая 12-гранная (рис. 11:18), сердоликовая с 21 гранью (рис. 11:19), 2 стеклянные зонные зеленые, 1 глухого стекла кольцевидная белая (рис. 11:21). Здесь же найдены: серебряная зерновая подвеска (рис. 12:6), колечко серебряное с завязанными концами (подвеска?) (рис. 12:9). К северо-востоку от зубов — железный нож с деревянной рукоятью, острием на северо-восток. В северо-восточной части ямы обнаружены: бронзовый предмет плохой сохранности (подвеска?), бисер зеленый и фиолетовый (рис. 11:22). Погребение женское, ориентировка ЮЗ, отнесено к типу камерных.

Курган 51. Поперечники $3,95 \times 4,0$ м, высота 0,25 м. Ровик, перемычка на СВ. В поддерновом слое — мелкие обожженные кости, неопределимые. Кострище не прослеживается. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами, З—В, $2,3 \times 0,87$ м, глубина 0,7 м. Заполнение — желтый и белый песок с глиной, угли, зольные пятна, небольшая деревянная плашка. В яме — железный нож, в северо-восточном углу (в ногах?) круговой сосуд.

Курган 52. Поперечники $5,9 \times 4,5$ м, высота 0,25 м. Ровик кольцевидный. Кострище округлое $3,12 \times 2,89$ м, толщина 0,2 м. Труположение. Яма прямоугольной формы, З—В, $2,15 \times 0,95$ м, глубина 0,5 м. Заполнение — серо-желтый песок с примесью глины. В восточной части ямы — 6 стеклянных бусин: 1 ребристая желтая, 2 лимонно-видные желтые (рис. 11:13), 1 лимонно-видная бесцветная, 2 синие двойные пронизки (рис. 11:14), найдены также 2 бирюзовые фаянсовые ребристые бусины. Под дерном — кремневый отщеп. Женское погребение, ориентировка В (?).

Курган 53. Насыпь сильно распылась. Поперечники $4,5 \times 3,6$ м, высота 0,25 м. Ровик кольцевой. Кострище округлое $1,75 \times 2,24$ м, толщина 0,1 м. Яма подпрямоугольной формы, северо-восточная стенка скошена, ЮЗ—СВ, $1,6 \times 0,95$ м, глубина 0,25 м. Заполнение — темно-красная глина с песком. Находок нет.

Курган 54. Поперечники $3,6 \times 3,6$ м, высота 0,45 м. Ровик, перемычка на СВ. Кострище округлое $2,23 \times 2,08$ м, толщина 0,25 м. В центре его — горелые плахи, направление волокон З—В, С—Ю, СЗ—ЮВ. Урна (в обломках) заполнена кальцинированными костями и углем. В урне — 7 стеклянных бусин: 2 пронизки двойные желтые, 3 лимонные, 2 лимонно-видные (1 бесцветная, 1 золоченого стекла). В ровике под дерном — железный кованый гвоздь. Сожжение на месте. Ребенок (?).

Курган 55. Северный склон насыпи пологий, южный крутой, южная поля испорчена. Поперечники $6,1 \times 4,9$ м, высота 0,7 м. Ровик кольцевой. Кострище округлое $2,6 \times 2,95$ м, толщина 0,25 м. На кострище — горелые плахи от костра, направление волокон З—В, СЗ—ЮВ. В кострище раздавленная урна, в ней и вокруг нее много кальцинированных костей. В кострище найдена бронзовая пуговица, 2 фрагмента керамики. В ровике — фрагменты керамики, кремневая ножевидная пластина. Сожжение на месте.

Курган 56. Насыпь с южной стороны оплывшая, поперечники $7,7 \times 7,15$ м, высота 0,7 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище овальное с неровными краями $5,3 \times 4,9$ м, толщина 0,25 м. Труположение. Яма — неправильный прямоугольник со скругленными углами, З—В, $3,0 \times 2,0$ м, глубина 0,93 м. Заполнение — светлая супесь и глина. В засыпи ямы — железный гвоздь, кремневая пластина, 2 фрагмента керамики. На дне ямы, в восточной части ямы найден круговой сосуд, под ним — железные полоска, стержень, крючок, рядом с сосудом оселок. К юго-западу от горшка 3 железных обруча от ведра (в ногах?). В западной части ямы куски кожи с бронзовой ромбовидной бляхой с косой прорезью (кошелек?) (рис. 12:18), рядом оселок, железный нож, железное калачевидное кресало, железный предмет и бронзовая бляшка (рис. 12:15). В юго-западной части ямы в пятне тлена — бронзовая подковообразная фибула в куске ткани (рис. 11:5). В ровике найдены фрагменты керамики, кальцинированные кости, в насыпи обнаружены обломки круговых сосудов. Погребение камерное, мужское, ориентировка З.

Курган 57. Насыпь сильно повреждена. Поперечники $3,4 \times 5,0$ м, высота 0,13 м. Ровик в северо-западном и юго-западном секторах. Кострище неправильной формы $1,25 \times 1,7$ м, толщина 0,25 м. В кострище — урна, обломки керамики, железный нож. Сожжение на стороне.

Курган 58. Поперечники $3,5 \times 4,7$ м, высота 0,4 м. Ровик. Кострища нет. Труположение. Яма прямоугольная, З—В, $1,9 \times 0,8$ м, глубина 0,74 м. Заполнение — супесь с золой и углем, пятна тлена. Находок нет.

Курган 59. Насыпь визуально не прослеживается, обнаружена при раскопках кургана 58, высота около 0,2 м. Размеры точно не установлены. Кострище очень слабое, размеры не выявлены. Найден развал урны с кальцинированными костями, железный нож (рис. 10:7), 9 обломков керамики. Сожжение на стороне.

Курган 60. Насыпь частично повреждена. Поперечники $6,0 \times 6,55$ м, высота 0,4 м. Ровик. Кострище овальное $3,5 \times 3,0$ м, толщина 0,25 м. На кострище — горелые плахи от костра, ориентированные С—Ю, З—В. На кострище обнаружены 2 стоящие урны с костями, одна из них с клеймом (рис. 14:3), одна урна в обломках, а также 2 железных шипа, подковообразная железная фибула, около 60 фрагментов керамики. В развалах найдены железные нож и ромбовидный черешковый наконечник стрелы (рис. 8:9). Сожжение на месте.

Курган 61. На вершине насыпи яма (осадка земли над труположением и перекоп). Поперечники $9,5 \times 9,4$ м, высота 1,0 м. Ровик, перемычки в юго-западном и юго-восточном секторах. Кострище неправильной формы $6,5 \times 6,5$ м, толщина 0,25 м. Оно прорезано ямой, по форме близкой к квадрату со скругленными углами, $3,4 \times 3,2$ м, глубина 1,3 м, ЮЗ—СВ. На глубине 0,5—0,85 м прослежены заплечики шириной 0,1—0,35 м, ко дну яма сужается до $2,35 \times 2,45$ м. Заполнение — песок, глина, зола и угли. В средней части ямы на дне прослежены следы дерева. В северо-восточной части ямы растящены железные топор, наконечник копыя, дужки и обручи от ведра. В юго-западной части ямы найдены бронзовая подковообразная фибула с остатками ткани, железные нож, шило, 3 стрелы, а также 3 бронзовые пуговицы. При зачистке стенки обнаружена заклепка. В ровике найдено много обломков керамики. Погребение камерное, мужское, ориентировка скорее всего ЮЗ. (Инвентарь на рис. 6).

Курган 62. На вершине насыпи яма — осадка земли и перекоп. Поперечники $11,0 \times 11,0$ м, высота 0,6 м. Ровик. Кострище слабое, в виде отдельных пятен, частично перекрыто глиной (выброс из ямы). Кострище прорезает яма, форма близка к квадрату со скругленными углами, ЮЗ—СВ, $5,0 \times 5,5$ м, глубина 1,25 м. Ко дну яма сужается до $4,5 \times 3,0$ м, на глубине 0,65—0,7 м находились заплечики шириной 0,1—0,25 м. В заполнении ямы — песок, глина, зола и угольки, много древесного тлена. Направление волокон С—Ю, З—В, СЗ—ЮВ, СВ—ЮЗ, некоторые плахи сохранились, лежат одна на другой, прослежено положение отдельных плах с наклоном к центру. В центре камеры — ямка диаметром 0,6 м, глубиной 0,42 м, на дне ее ос-

татки дерева. Видимо, в камере был деревянный настил и перекрытие, опиравшееся на центральный столб. В северо-восточной части ямы найдена железная подковообразная фибула, ледоходный шип. В северо-западной части — железный наконечник копья, 2 обломка керамики, синяя стеклянная пуговица. В середине северной половины — железный топор, лезвием на С. В юго-восточной части ямы — фрагменты ткани и шелковой тесьмы (остатки головного венчика), железный предмет. В юго-западной части ямы сосредоточено большинство находок — железный нож, 4 железных предмета, обломки бронзовой кольцевидной фибулы (игла с наверхшем), обломки железных оковок (ведро?), железная заклепка, 14 гвоздей, 10 бронзовых пуговиц, одна из них с остатками ткани. Погребение камерное, мужское. (Инвентарь на рис. 7).

Курган 63. Поперечники $7,1 \times 7,0$ м, высота 0,75 м. Насыпь повреждена ямой. Ровик. Кострище округлое $3,5 \times 4,65$ м, толщина до 0,5 м по центру, края неровные. На кострище — горелые плахи, само оно повреждено перекопом. На кострище, в яме перекопа обнаружены кальцинированные кости, особенно много костей в центре кострища. В юго-западном секторе на краю кострища найден железный предмет. Один обломок керамики обнаружен в кострище, обломки сосудов найдены в ровике. Сожжение на месте. Курган был, по всей вероятности, раскопан Е. Н. Клетновой.

Курган 64. Поперечники $6,0 \times 7,0$ м, высота 0,55 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище имеет нечеткие границы $2,25 \times 2,1$ м, толщина 0,1 м, слабое. Труположение. Яма — прямоугольник со скругленными углами, ЮЗ—СВ, $2,5 \times 0,9$ м, глубина 0,5 м. Заполнение — песок, глина, вкрапления угля. На дне ямы — костный тлен (ноги, бедренные кости?). На уровне бедренных костей найден железный топор лезвием к ним (рис. 8:5). К западу от топора — бронзовая подковообразная фибула, под фибулой и на ней — остатки ткани (рис. 11:8). В яме найдены: трубка для трута железная, пряжка (рис. 12:19) и предмет железные, кремь. Фрагменты керамики в ровике и в насыпи. Погребение мужское, ориентировка ЮЗ (?).

Курган 65. Поперечники $6,75 \times 6,85$ м, высота 0,6 м. Часть западной поля не раскопана из-за деревьев. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище округлое, диаметр $5,25$ м, толщина $0,25$ м, наклон с З на В. На кострище — горелые плахи, направление волокон С—Ю, З—В. В центральной части — 2 урны, одна с клеймом (рис. 14:2). Рядом с урнами лежит обожженный камень. На поверхности одной из урн и внутри нее — обломки железной гривны с подвесками в виде «молоточка Тора» и колечка (рис. 9:6). В кострище найдены: 2 железных ножа, железный ключ с колечком (рис. 10:3), обломки железной скобы и оковки (рис. 10:22), железные пластина и предмет, а также бусы: 2 двойные желтые проиэзки, оплавленные бусины (желтая и беловатого цвета, обломки оплавленного бело-голубого стекла). Сожжение на месте. Погребение мужское и женское.

Курган 66. Поперечники $5,8 \times 5,9$ м, высота 0,6 м. Ровик, перемычки на СЗ и ЮВ. Кострище округлое $3,6 \times 3,2$ м, толщина $0,25$ м. На кострище найдены куски обгоревшего дерева и отдельные кальцинированные кости. Находок нет. Сожжение на стороне.

Курган 67. Поперечники $5,75 \times 5,1$ м, высота 0,7 м. Ровик. Кострище неправильной формы $3,0 \times 3,1$ м, толщина $0,2$ м. Найдено много кальцинированных костей, 2 фрагмента керамики. Обломки керамики обнаружены в ровике. Сожжение на стороне.

Курган 68. Поперечники $5,25 \times 5,0$ м, высота 0,4 м. Ровик кольцевой. Кострища нет. Труположение. Яма прямоугольная со скругленными углами З—В, $2,15 \times 1,2$ м, глубина 0,7 м. Заполнение — желто-коричневая супесь с углями и золой. Находок нет.

Курган 69. Поперечники $4,1 \times 3,8$ м, высота 0,2 м. Ровик, перемычки на СЗ и ЮЗ. Кострище не прослежено. Труположение. Яма прямоугольной формы со скругленными углами, З—В, $2,4 \times 0,95$ м, глубина 0,7 м. Заполнение — песок, глина, угольки. На дне ямы — древесный тлен, направление волокон З—В (подстилка из дерева или коры?). Стенки ямы почти отвесные. Находок нет.

Курган 70. Поперечники $6,35 \times 4,7$ м, высота 0,6 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище неправильной формы $3,0 \times 2,95$ м, толщина $0,2$ м. В северо-восточном секторе несколько прокаленных камней. В кострище костей и находок нет. В ровике — развал сосуда. Насыпь меморативная.

Курган 71. Поперечники $2,85 \times 3,0$ м, высота 0,5 м. Ровик. Кострище овальное $1,9 \times 1,65$ м, толщина $0,1$ м. На кострище — урна, много кальцинированных костей. На кострище найдены также стеклянные бусы: 1 лимонка, 1 лимонovidная синяя,

2 сплавившихся (синяя и полосатая черная), 2 сплавившихся (сероватая и полосатая черная). Обломки керамики обнаружены на кострище, в насыпи и в ровике. Сожжение на стороне. Погребение женское (?).

Курган 72. Насыпь немного повреждена. Поперечники 6,35×4,35 м, высота 0,45 м. Ровик. Кострище овальное 2,0×1,4 м, толщина 0,12 м. В кострище — урна, фрагменты керамики, 2 бронзовых слитка. В ровике найдены обломки керамики. Сожжение на стороне.

Курган 73. Насыпь повреждена. Поперечники 4,95×4,85 м, высота 0,5 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище округлое 2,8×2,95 м, толщина 0,25 м. На кострище — урна, здесь же найдены 2 железных предмета. Кальцинированные кости встречены в насыпи. Сожжение на стороне.

Курган 74. Поперечники 6,8×6,0 м, высота 0,6 м. Ровик, перемычки на СВ и ЮЗ. Кострище округлое 3,65×3,5 м, толщина 0,25 м. Труположение. Яма прямоугольной формы, 3—В, 2,73×1,1 м, глубина 0,5 м. Заполнение — песок с золой, полоса древесного тлена. Находок нет.

Курган 75. В насыпи на вершине яма, поперечники 5,65×7,3 м, высота около 0,2 м. Ровик кольцевой. Кострище округлое 3,9×3,95 м, толщина 0,15 м, слабое, испорчено перекопом. Найдены: кремь, железный предмет, фрагменты керамики в ровике. Обряд не установлен.

Курган 76. Западная и восточная полы насыпи повреждены. Поперечники 7,3×6,3 м, высота 0,35 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище не прослежено. Труположение. Яма — неправильный прямоугольник, 3—В, 2,7×2,1 м, глубина 0,85 м. Ко дну яма сужается до 1,4 м. Заполнение — белая супесь с вкраплениями красновато-бурой глины и угольков. В верхней части заполнения ямы найден железный стержень. В придонной части — следы тлена, одна кальцинированная косточка. В северо-восточной части ямы обнаружена подвеска в виде золотого проволочного кольца с завязанными концами, с напускной стеклянной зонной синей бусиной (рис. 12:10). В средней части западной половины ямы — стеклянная желтая двойная пронизка, железный предмет, черенок ножа с остатками деревянной рукояти. Здесь же древесный тлен с кусочками кожи, в котором расчищены железные ножницы, серебряная бляшка с позолотой (рис. 12:16), золотая нить, железный предмет, скорлупа лесного ореха (остатки кошелька?). Погребение тина камерных, женское (?).

Курган 77. Насыпь повреждена, поперечники 5,2×5,4 м, высота 0,35 м. Ровик, перемычка на В. Кострище округлое 2,75×2,9 м, толщина 0,15 м. Обнаружено несколько обугленных плах. Костей и находок нет. Насыпь меморативная.

Курган 78. Насыпь расплывшаяся, поврежденная. Поперечники 4,9×5,3 м, высота 0,4 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище округлое 4,0×3,6 м, толщина 0,25 м. В кострище обнаружены горелые плахи, кальцинированные кости, а также железный нож, стеклянная оплавленная синяя бусина, много фрагментов керамики. Обломки керамики найдены также в ровике. Сожжение на месте.

Курган 79. Поперечники 5,35×4,65 м, высота 0,35 м. Ровик, перемычки на ЮЗ и ЮВ. Кострище имеет нечеткие границы, толщина 0,04 м, слабое. Труположение. Яма прямоугольной формы со скругленными углами ЮЗЗ—СВВ, 2,35×1,03 м, глубина 0,78 м. Заполнение — песок, глина, зола, угольки. В восточной половине у стенки ямы — круговой сосуд на боку, рядом 4 железных обруча от ведра, на них — остатки дерева (рис. 10:18). В средней части ямы — железный нож острием на З.

Курган 80. Поперечники 5,8×5,45 м, высота 0,4 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище имеет неправильную форму 3,4×2,75 м, толщина 0,3 м. Сохранились остатки костра в виде 10 горелых плах, направление ЮЗ—СВ, ЮВ—СЗ, 3—В, много кальцинированных костей. На кострище стоит сосуд — урна с клеймом (рис. 14:8), найдены железная подковообразная фибула (в обломках), 2 оселка (рис. 10:12), калачевидное кресло (в обломках), бронзовое кольцо, оплавленный бронзовый предмет, железный нож, 2 железных предмета, обломок оселка, 6 обломков кремней. Фрагменты сосудов найдены в насыпи и ровике. В материке под кострищем 2 овальных углубления: 1,8×0,7 м, глубина 0,2 м и 1,0×0,6 м, глубина 0,15 м. Сожжение на месте. О характере ям судить затруднительно.

Курган 81. Насыпь повреждена большой ямой. Поперечники 10×10 м, высота 0,45 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище 5,25×5,55 м, толщина 0,25 м, слабое, повреждено корнями деревьев и перекопом площадью 1,0×0,9 м. Костей и находок нет. Обряд не установлен.

Курган 82. Насыпь повреждена ямами в СЗ и ЮЗ секторах. Поперечники $9,1 \times 9,2$ м, высота 0,5 м. Ровик в ЮЗ и ЮВ секторах. Кострище в виде зольных пятен, $3,35 \times 4,75$ м, толщина 0,15 м. Трупоположенне. Яма прямоугольной формы, З—В, $2,13 \times 0,84$ м, глубина 0,6 м. Заполнение — сусесь, зола, угли. На дне ямы — древесный тлен, направление волокон З—В. В яме находок нет. В насыпи и на кострище найдено 11 обломков круговой керамики.

Курган 83. Насыпь с уплощенной вершиной, оплыла к В. Поперечники $4,5 \times 6,0$ м, высота 0,45 м. Ровик. Кострище $3,05 \times 3,85$ м, толщина 0,15 м. Трупоположение. Яма прямоугольной формы, ЮЗЗ—СВВ, $1,97 \times 1,0$ м, глубина 0,93 м. Заполнение — суглинок, зола, мелкие угли. В западной части ямы — человеческие зубы плохой сохранности. В яме найдены железный нож, пряжка, шило, кресало и гвоздь железные, кремль, железный предмет, тлен кожи (кошелек?). В восточной части ямы — круговой сосуд (рис. 13:13).

Курган 84. Насыпь испорчена ямой на вершине. Поперечники $9,3 \times 7,5$ м, высота 0,6 м. Ровик. Кострище $3,5 \times 2,65$ м, толщина 0,15 м, повреждено. На кострище — горелые плахи от костра. В насыпи найден обломок керамики. Обряд не установлен.

Курган 85. Вершина насыпи уплощена, повреждена ямой. Поперечники $4,6 \times 4,75$ м, высота 0,2 м. Ровик. Кострище округлое $4,0 \times 4,1$ м, толщина 0,2 м. На кострище — горелые плахи от костра, кальцинированные кости, урна, которая лежит на боку, раздавлена. Обломки керамики и отдельные обожженные косточки встречаются как на кострище, так и в насыпи и ровике. Сожжение на месте.

Курган 86. Поперечники $4,5 \times 4,65$ м, высота 0,4 м. Ровик, перемычка на СЗ. Кострище округлое $3,8 \times 3,75$ м, толщина 0,25 м. На кострище — одна горелая плаха от костра, развал урны с клеймом, вкопанной в материк (рис. 14:4). Рядом с последней обожженные кости черепа, подковообразная железная фибула. Также на кострище найдены кусок оплавленного стекла, бирюзовая и зеленая оплавленные бусины, обломки еще одного сосуда с клеймом, фрагменты керамики. Кальцинированные кости встречаются в насыпи, а в ровике — обломки керамики. Сожжение на месте.

Курган 87. Насыпь повреждена ямой на вершине. Поперечники $8,0 \times 7,65$ м, высота 0,47 м. Ровик, перемычка на ЮЗ. Кострище испорчено перекопом, находок нет. Обряд не установлен.

СКАНДИНАВСКИЕ АМУЛЕТЫ ИЗ ГНЕЗДОВА

Из гнёздовского археологического комплекса происходит около трети всех известных в настоящее время скандинавских языческих амулетов, найденных на территории Восточной Европы. Примечательно, что здесь представлены почти все категории этих предметов, выделяемые европейскими исследователями. Однако долгое время этот материал, первостепенный для решения этнических, социальных и культовых вопросов, оставался без должного внимания.

Исключение составляют лишь две статьи Т. А. Пушкиной. В первой (1) наряду с другими скандинавскими находками из слоя гнёздовского поселения автор анализирует кресаловидные привески, набор амулетов с пробойчиком и отдельные привески-«молоточки Тора». В сравнительно небольшой по объему работе освещены и вопросы датировки, и религиозное значение этих предметов, и способ их употребления, а также приведены возможные аналогии. Другая статья (2) специально посвящена трем амулетам с Центрального городища: железному набору моделей кос, серебряной шестнадцатифигурной связке и миниатюрной привеске-ручке. Таким образом, эти работы охватывают самые выразительные скандинавские предметы культа с поселения, тогда как богатейший материал гнёздовских курганов остается неопубликованным¹.

Наиболее изученной категорией по сравнению с другими языческими амулетами являются железные гривны с «молоточками Тора», что объясняется массовым характером их находок как в Скандинавии, так и за ее пределами, а также тесной связью этих предметов с погребальным обрядом (3, с. 127; 4, с. 54; 5, с. 77—78; 6; 7, с. 77 и др.).

Гривны делались из железной проволоки квадратного, реже прямоугольного (с малой разницей в длине сторон) сечения, изготовленной путемковки. Размер сечения проволоки — 2,5—4 мм. Проволока тордирована, то есть перекручена полностью или в нескольких (трех—четырех) местах, что создает вид ложного витя. Сечение перекрученной части составляет 3,5—5 мм. Примечательно, что среди скандинавского материала тордировано 60—75% гривен (3, с. 127). Внешний диаметр гривны варьирует от 11 до 16 см, обычно — 14—15 см. Таким образом, гривна в случае ее использования в качестве украшения довольно плотно облегал шею. Застегивались гривны посредством петли и крючка, образованных концами стержня, или двух завитков, входящих друг за друга (концы закручены в плоскую спираль) (рис. 1).

Гривны могут иметь различные привески: так называемые «молоточки Тора» (давшие название всей категории), колечки, спираль,

¹ Выражаю благодарность Д. А. Авдусину, Е. В. Каменецкой и Т. А. Пушкиной за предоставленную возможность пользоваться неопубликованными материалами раскопок гнёздовского археологического комплекса.

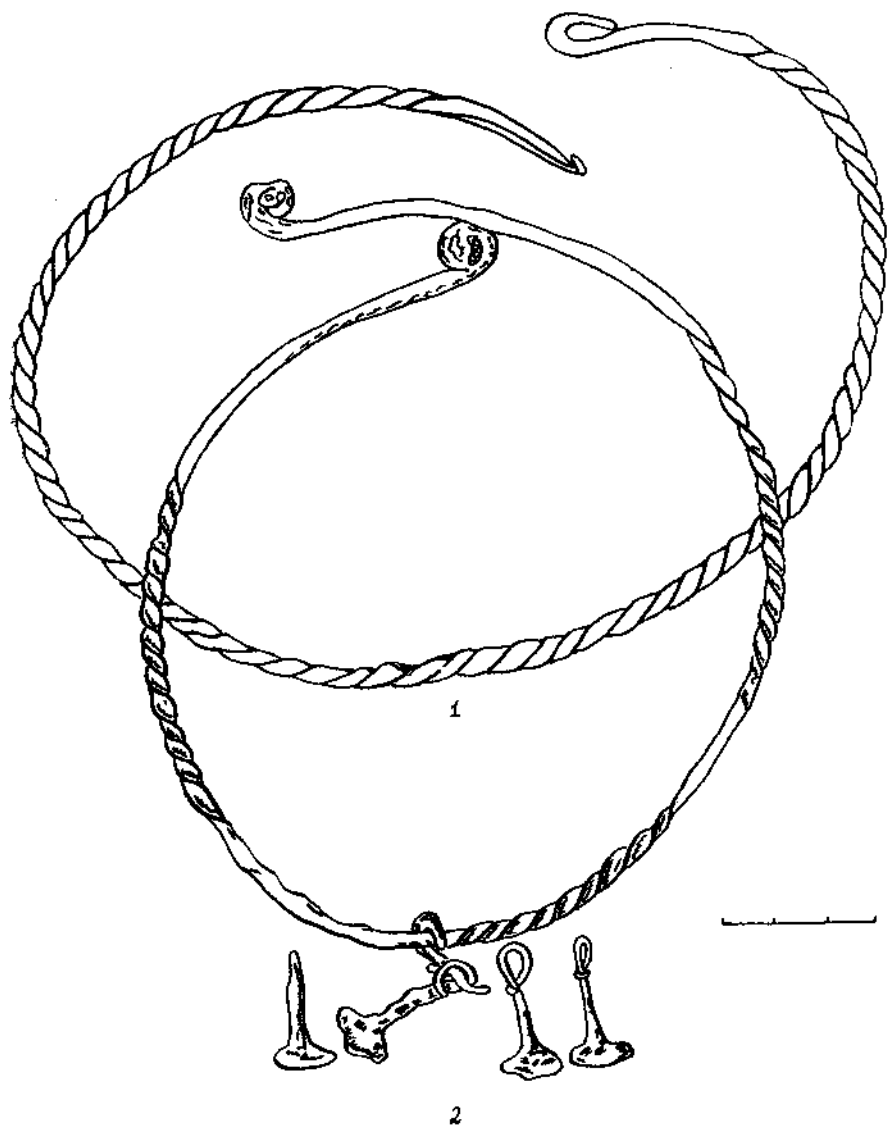

Рис. 1. Гривные с «молоточками Тора» (Серг.-14(58)) и без привесок (Сиз.-1898-8). Железо.

но встречаются и без них. Ведущий специалист в этой области К. Стрём указывает, что 70% гривен в Скандинавии имеют привески-«молоточки», однако он не уделяет достаточного внимания остальным экземплярам и не пытается объяснить отсутствие на них привесок (8, с. 108). Советские авторы публикаций, давая характеристику археологического материала с изучаемого памятника, чаще всего ограничиваются констата-

цией факта находки железной гривны «скандинавского типа». М. В. Фехнер объединила эти шейные украшения в одну категорию и рассматривала их в своей работе как единое целое (9, с. 101). И. В. Дубов, наоборот, выделяет железные гривны без привесок в отдельную категорию, на которую не распространяет хронологические, этнические, культовые и социальные наблюдения, вытекающие из анализа амулетов Тора (6, с. 263).

С территории Восточной Европы происходит около 70 экземпляров железных гривен и их обломков без привесок, из которых 18 гнёздовских и 34 гривны с привесками (25 из Гнёздова). В результате сравнительного анализа всего этого материала основная масса находок была объединена нами в одну категорию независимо от наличия привесок, а около 10 (из 70) отнесены к обычной в Восточной Европе категории толстопроволочных железных гривен, отличных от скандинавских по ряду признаков. Все гнёздовские экземпляры, так же как и шейные обручи из Старой Ладogi, Городища под Новгородом, псковского некрополя, михайловских и тимерёвских курганов и селища, Сарского городища, селища у д. Ваулино, суздальских курганов, Новгорода и Супрутского городища, попали в первую группу. Поэтому можно предположить, что железные гривны (по крайней мере на территории Восточной Европы) были в употреблении как с привесками, так и без них. Правда, в некоторых случаях, не говоря уже о находках частей гривен на поселениях, привески могли просто не сохраниться, погибнуть на погребальном костре или были утрачены в процессе раскопок и дальнейшего хранения.

Исследователи обычно связывают железные гривны с привесками с культом скандинавского языческого бога Тора, покровителя небесных стихий, защитника богов и людей от великанов и чудовищ, основным атрибутом которого являлся чудесный молот Мьёлльнир, точно поражающий цель и возвращающийся обратно к своему хозяину. Культ Тора, занимавшего одно из ведущих мест в пантеоне наряду с Одином и Фрейром, получил широкое распространение в Скандинавии в эпоху викингов, особенно на ее поздней стадии (10, с. 132). Найдки железных гривен с «молоточками» преобладают на территории Средней Швеции (8, с. 111).

Для скандинавских могильников эпохи викингов считается характерным обряд возложения железной гривны на плечики погребальной урны, символизировавшей новое жилище останков, «восстановленного» из пепла умершего» (11, с. 8), где гривна как бы занимала свое прежнее место. При этом шведские исследователи отмечают, что чаще гривна оказывается внутри превышающего ее по диаметру сосуда, на кальцинированных костях или на дне (4, с. 54; 3, с. 132). В погребальных комплексах привески на гривне — «молоточки», колечки и спирали (знак молнии?) имели значение определенной формы защиты покойного и рассматриваются даже как символ бессмертия, подтверждая связь Тора с миром мертвых (пересечение с культом Одина) (10, с. 135, 138). Показательно, что эти гривны встречаются как в женских, так и в мужских захоронениях, причем некоторое преобладание первых объ-

ясняется лучшей идентификацией женского погребального инвентаря (3, с. 136). Хронологическими рамками бытования этих амулетов в Скандинавии, по К. Стрёму, являются IX—X вв. (при единственном раннем экземпляре середины VIII в. (12, с. 132) и полном отсутствии находок XI в.), наибольшая частота их применения падает на конец IX — начало X в. (3, с. 135).

Из гнёздовского археологического комплекса, как уже говорилось, происходит 43 экземпляра целых железных гривен и их фрагментов, из них 3 обломка (один с «молоточком») и сломанную пополам гривну с привесками дал культурный слой городища и 5 фрагментов — селища, что говорит об употреблении предметов данной категории в повседневной жизни. Основная масса находок и все целые формы связаны, как и в Северной Европе, с погребениями. Однако не весь материал одинаково информативен: на это влияет и плохая его сохранность или фрагментированность, и депаспортизация некоторых комплексов, раскопанных в конце XIX в., и отсутствие достаточной документации.

Гнёздовские железные гривны при наличии ряда общих черт имеют значительные различия. Это — колебания внешнего диаметра и размеров сечения проволоки; использование четырехгранной или круглой в сечении проволоки; степень тордирования обруча (полностью или частично перекручен); 2 типа оформления замка; наличие привесок, их количество, состав, форма, способ крепления. Перечисленные признаки неравнозначны. Диаметр гривны и размер сечения проволоки колеблются в известных пределах с преобладанием средних значений (соответственно 14—15 см и 4 мм). Определить, полностью или в нескольких местах тордирована гривна, не всегда представляется возможным, среди целых экземпляров преобладают перекрученные в 3—4 местах. Круглый прут, из которого сделана гривна из кургана Сиз.-1880-12, вероятно, является исключением, хотя подобные прецеденты есть и в Скандинавии, в Бирке. Форму замка удалось определить лишь в 18 случаях: 8 обручей застегивалось с помощью крючка и петли, 10 — при посредстве двух плоских спиралей. Подсчеты, проведенные для остального восточно-европейского материала, также дают примерно равное количество обоих типов замков. Отметим, что гнёздовский курган Серг.-14(58) содержал две гривны с разными замками.

Изучение состава привесок, их количества и соотношения между собой затрудняет плохая сохранность железных предметов. Однако можно предположить и отсутствие в их распределении какой-либо закономерности, зависящей от мастера или индивидуального требования заказчика. Обычно на гривне встречаются от 1 до 5 «молоточков» (чаще 3) и 1—2 колечка; в скандинавском материале число привесок на гривне колеблется от 1 до 15 (8, с. 108). Различные привески или чередуются (рис. 2:1), или колечко висит отдельно от «молоточков» (рис. 2:3). Имеются случаи употребления только «молоточков»; экземпляров же с одними колечками, как в Бирке (13, табл. 106:2, 107:6, 108), не встречено. Гнёздовские курганы дали 3 шейных обруча с украшением в форме спирали из железной проволоки, неплотно намотанной вокруг гривны и образующей от нескольких до 17 витков (Сок.-45, Сиз.-1896-35, Лб-1), на экземпляре из кургана Сиз.-1896-35 спираль до-

полнена «молоточками Тора» (рис. 2:4). С территории Восточной Европы происходит еще 1 пример такой привески-амулета: из кургана 105 у с. Михайловского (5, рис. 7:2). В Скандинавии гривны со спиралью составляют 15% от общего числа «гривен Тора» (3, с. 129).

Для гнёздовских находок можно выделить три способа прикрепления привесок (и колечек, и «молоточков») к гривне: непосредственно (рис. 2:1), при помощи отдельных колец (рис. 2:2) и при помощи дополнительной скобы (рис. 2:3). Первый, наиболее характерный для Гнёздова, способ широко распространен: представлен на Городище под Новгородом (14, с. 61), в Михайловском (5, рис. 7:2) и Тимерёвском (15) курганах, имеет скандинавские аналогии (13, табл. 105:1—3,

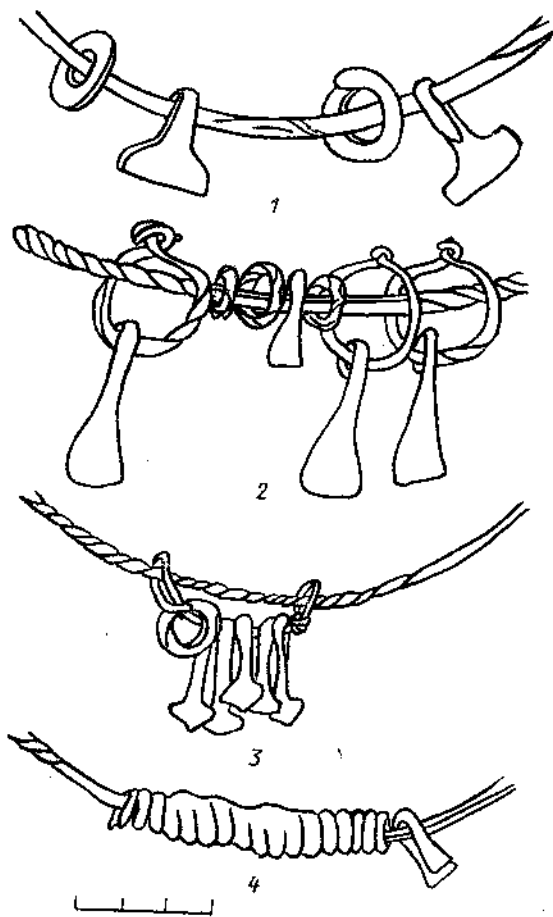

Рис. 2. Сочетание различных привесок и способы их прикрепления к гривне.
 1 — Кусц-15; 2 — Кусц-19; 3 — Поль-8; 4 — Сиз.-1896—35. Железо.

106:4, 107:1; 12, табл. 36). Второй способ прикрепления выявлен у 4 гнёздовских экземпляров и у сильно коррозированной гривны из кургана 65 у с. Михайловского (16). В Скандинавии употребляются как отдельные колечки для каждой привески, так и единое кольцо-посредник для нескольких привесок (13, табл. 107:5, 106:1, 108). Последний вариант выявлен у сломанной гривны, происходящей с гнёздовского городища. Третьим способом крепились привески к 4 или 5^2 гривнам из Гнёздова. Проволочная скоба, соединенная с гривной посредством петель, показана на рисунке находки из Владимирских курганов (17, рис. 40), имеются параллели в Швеции и на Аландских островах (3, с. 128; 18, № 1699).

Следует подчеркнуть, что привески к гривне обычно прикреплялись только каким-нибудь одним из перечисленных способов. Однако имеются два случая совместного употребления первого и второго способов: на обломке гривны из кургана Куц-19 (рис. 2:2), что может быть связано с нарушением «чистоты» хранения, и на поврежденной гривне с гнёздовского городища.

Привески-колечки бывают гладкими или ложновитыми с заходящими концами, размер сечения их проволоки равен или чуть меньше сечения самой гривны (рис. 2:2,3). На шейном обруче из кургана Куц-19 колечки напоминают по форме тонкую шайбу (рис. 2:1).

Более разнообразны привески-«молоточки Тора». В основном они плоские: их толщина не изменяется от самого «молота» к «рукояти» и, как правило, равна 1,5—3 мм. Однако среди гнёздовского материала есть ряд экземпляров, отличающихся толщиной (объемностью) нижней молотковидной части при сравнительно тонкой «рукояти», что делает их более схожими с оригиналом.

По форме «молота» привески можно разделить на три группы: прямоугольная (тип В, по К. Стрёму (3, с. 128)) (рис. 2:1), ромбовидная (тип С? по К. Стрёму) (рис. 2:3), трапециевидная (типы D и F? по К. Стрёму) (рис. 2:2). Все формы имели довольно широкое распространение при некотором преобладании подпрямоугольной, внешне наиболее похожей на молот. В материалах Бирки при наличии подпрямоугольной формы численно преобладает трапециевидно-аморфная (тип Г, по К. Стрёму), а четко выраженные ромбовидные привески отсутствуют (13, табл. 103—108; 3, с. 129). Следует отметить, что тип Е, по К. Стрёму (L-образная форма), среди древностей Восточной Европы не представлен да и типы А и С несколько отличаются по форме и пропорциям (3, рис. 15:1e).

Различаются привески и по оформлению «рукояти», образующей приспособление для подвешивания. Наиболее простым и употребимым вариантом является загнутый крючкообразно конец. Второй вариант отмечен на нашей территории только у 5 гривен Гнёздова: «рукоять» «молоточка» постепенно сужается кверху, образует петлю и завязывается вокруг основания привески. Последний, довольно редкий вариант, подразумевает как бы двойную (двустороннюю) привеску: прут-заготовка расплющивается с обоих концов и сгибается посередине. Подоб-

² В кургане Серг-7(65) сохранилась лишь петля от возможной скобы.

ные «молоточки» встречены на двух гнёздовских гривнах. В скандинавском материале представлены все три варианта при преобладании первого.

Как было отмечено, большинство железных гривен Гнёздова происходит из погребений, 24 из которых совершенно по обряду кремации и лишь одно³ (Ц-241/II) по обряду ингумации, в 4 курганах обряд неясен. находки гривен в труположениях чрезвычайно малочисленны: в Скандинавии они составляют всего 5%, в некрополе Бирки несколько больше (3, с. 130), для территории Восточной Европы особо следует упомянуть единственное мужское захоронение в кургане 375 у с. Б. Тимерёво (5, с. 63). В могильной яме гнёздовского кургана Ц-241/II была похоронена женщина в сидячей позе, гривна с «молоточками Тора» располагалась на костях грудной клетки. В остальных древнерусских ингумациях гривны привесок не имели и лежали на шеях женских костяков (19, с. 806; 20, с. 95; 21, с. 115—117).

Обряд кремации с гривнами в Гнёздове довольно разнообразен: сожжение на месте (20 курганов) и на стороне (Ц-261); захоронение кальцинированных костей в урне, на кострище и в специальной ямке (Ц-261); кремация в ладье (Серг.-16(74), Л-47) или при наличии ее части (Серг.-18(86), Л-13); каменная обкладка кострища (Ц-99); использование телеги или саней (Сиз.-1885-20, Серг.-7(65)). Среди этих погребений 8 женских, 4 мужских, 6 парных (Сиз.-1885-20, Серг.-7(65), 18(86), Л-13, 33, 47), 2 захоронения мужчины с двумя женщинами (Серг.-16(74), Лб-1), 1 — мужчины с ребенком (Ц-99), для 7 курганов пол погребенных определить не удалось, причем инвентарь 6 из них состоял только из гривен (можно предположить их принадлежность мужчинам). Обряд возложения железной гривны на плечики погребальной урны или факт находки обломков этого амулета вокруг и внутри урны отмечен в 13 случаях (в одном из них (Поль-21) гривна с «молоточками» была помещена под перевернутую урну). Доля этого, характерного для скандинавов, обряда среди гнёздовских кремаций с гривнами составляет 54%, что совпадает с данными, приводимыми К. Стрёмом для северного материала (53%) (3, с. 132). На других памятниках Древней Руси этот обряд не прослежен. 9 раз гривна или ее обломки были обнаружены в кострище гнёздовских курганов, в основном на скоплении кальцинированных костей. Так же располагались находки в михайловских и тимерёвских курганах (22, с. 100, 141). Три гнёздовских кургана дали каждый по две гривны (с «молоточками» и без привесок). В Л-33 были сожжены мужчина и женщина, один шейный обруч был положен на плечики урны, обломок другого находился на кострище. Подобный ритуал отмечен и в скандинавских захоронениях (3, с. 132). В кургане Серг.-14(58) обе гривны зафиксированы в слое насыпи, а в кургане Серг.-18(86) — в слое кострища в сильно фрагментированном виде.

³ Еще два кургана, содержавшие, вероятно, труположения (парное и мужское) с железными гривнами, были раскопаны в дореволюционное время (57, с. 140—141; 58, с. 39). Однако имеющиеся о них сведения недостаточны для включения их в наше исследование.

Таким образом, железные гривны «скандинавского типа» встречаются в Гнёздове в основном в погребениях по обряду кремации, представляющих как одиночные (женские и мужские), так и парные (мужчина и женщина, взрослый и ребенок) захоронения. Находки шейных обручей на плечиках урны и в урне, в погребениях в лаذه или с ее частью, наличие каменных конструкций в насыпи, а также различные предметы северного происхождения, включая языческие амулеты, подтверждают скандинавскую принадлежность погребенных. Обнаружение обломков гривен на поселении и несоответствие диаметра многих экземпляров из курганов диаметру погребальных урн свидетельствуют в пользу того, что эти амулеты не изготавливали специально перед самым моментом захоронения и использовали в повседневной жизни.

Наиболее ранние находки гривен и их фрагментов в Гнёздове происходят из курганов Кусц.-15 (начало X в.), Л-13 и Л-47 (920—930-е годы). К первой половине X в. можно отнести также обломок с Центрального городища, некоторые находки с селища, комплекс кургана Ц-105. Второй половиной X в. датируются восемь курганов с гривнами, остальные принадлежат к середине — второй половине X в. Хронология гнёздовских экземпляров совпадает с последним этапом бытования этих амулетов на Севере и временем наибольшего их распространения на территории Восточной Европы.

Следующей группой скандинавских языческих амулетов эпохи викингов, представленных в материале Гнёздова, являются кресаловидные привески — небольшие металлические плоские прорезные украшения округлой или овальной формы с подтреугольным выступом в центре нижней части. Внешне они копируют форму широко распространенных не только в средневековой Скандинавии, но и во всей Европе калачевидных кресал, чем объясняется данное этим украшениям название.

Судя по североевропейскому материалу, изготавливались кресаловидные привески чаще всего из серебра и лишь в единичных случаях — из бронзы или железа. Поверхность их или оставлялась гладкой, или украшалась пуансонным орнаментом. Носились эти привески, вероятно, женщинами. Однако, входили ли они в состав ожерелий, или прикреплялись как-то самостоятельно, остается пока неясным. Найденные в захоронениях Бирки привески располагались в районе грудной клетки умерших (24, погр. 825, 950). Один известный нам экземпляр, происходящий из кладки на о. Готланд, был надет на браслет (25, рис. 146:4). Две бронзовые привески из Бирки были прикреплены к бронзовой же шейной гривне (13, табл. 104:1). Имеются находки миниатюрных кресаловидных привесок в связках амулетов (23, рис. 41:13).

По предположению М. Стенбергера, кресаловидные привески являются языческим символом священного жертвенного и очищающего огня (23, с. 165). Скандинавскими исследователями не раз отмечалось, что на эти маленькие копии кресал переходит вместе с формой и часть магического значения самих оригиналов (26, с. 59). Огнива в представлении средневекового человека обладали, очевидно, наряду с практическими функциями также и определенными магическими свойствами. В этом плане интересно присутствие фрагментов железного кресала и кусочка кремня в кладке серебряных предметов с о. Готланд (23, с. 317).

По-видимому, они должны были охранять спрятанный капитал. Такое же назначение предположительно имели и кресаловидные привески, помещенные в так называемые клады рубленного серебра неповрежденными.

Раскопки гнёздовского комплекса выявили 8 экземпляров кресаловидных привесок, из которых 4 обнаружены в слое поселения и по одному в 4 курганах (Серг.-37(48), Серг.-7(65), Сиз.-?, Ц-218). Показательно, что в Скандинавии эти амулеты известны большей частью из кладов и совсем отсутствуют на поселениях. На территории Восточной Европы найдено полтора десятка кресаловидных привесок, происходящих, кроме Гнёздова, из 5 пунктов: Старой Ладogi (27), клада у д. Скадино Псковской обл. (28, табл. XXV:11), Сарского городища (29, табл. II:14), курганов в Калининской и Владимирской обл. (17, рис. 16).

В трех гнёздовских курганах, содержащих эти привески, были похоронены женщины (курган Серг.-7(65) — парное погребение) по обряду трупосожжения. Захоронения с этими предметами на территории Швеции и Норвегии также принадлежали женщинам (23, с. 166). В Бирке эти погребения были совершены по обряду трупоположения в камере (2) и кремации (2) (24, погр. 158, 701, 825, 950). Какую-либо связь данных украшений с погребальным обрядом на скандинавском и восточноевропейском материале проследить не удалось. Для Северной Европы необходимо отметить отсутствие собственно кресал и сопровождающих их предметов в захоронениях с кресаловидными привесками. В гнёздовском же кургане Серг.-37(48) вместе с такой привеской было найдено железное овальное кресало и кремь. В двух других курганах в погребальный комплекс входили железные гривны с «молоточками Тора» (Серг.-7(65) и Ц-218). В курганах Ц-170 и Ц-245 маленькие кресаловидные привески имелись в составе миниатюрных связок амулетов.

Восточноевропейские находки отличаются от скандинавских не только распределением по комплексам, но также и используемым металлом. Скандинавские привески изготовлялись в большинстве случаев из серебра и украшались пуансонным орнаментом. Гнёздовский материал распределяется следующим образом: 1 серебряная, 5 бронзовых и 2 железных, причем железные и бронзовые экземпляры неорнаментированы.

Серебряная кресаловидная привеска из кургана Серг.-37(48) имеет размер 3,5×3 см, стороны сужаются кверху и перекручиваются между собой напротив нижнего выступа, образуя петлю, расположенную несколько асимметрично (рис. 3:2). Пуансонный орнамент состоит из кружков. Калачевидный выступ несколько сглажен. В скандинавском материале есть два близких к рассматриваемому экземпляра, происходящие из кладов. находка из Дании датируется концом X — первой половиной XI в. (30, с. 289, № 757), с о. Готланд — около 1000 г. (25, рис. 161:2). Кружками украшена и серебряная кресаловидная привеска из клада у д. Скадино, отличающаяся от гнёздовской лишь деталями: более правильной формой, четко выраженным выступом. Клад датируется Г. Ф. Корзухиной XI в. (28, с. 100).

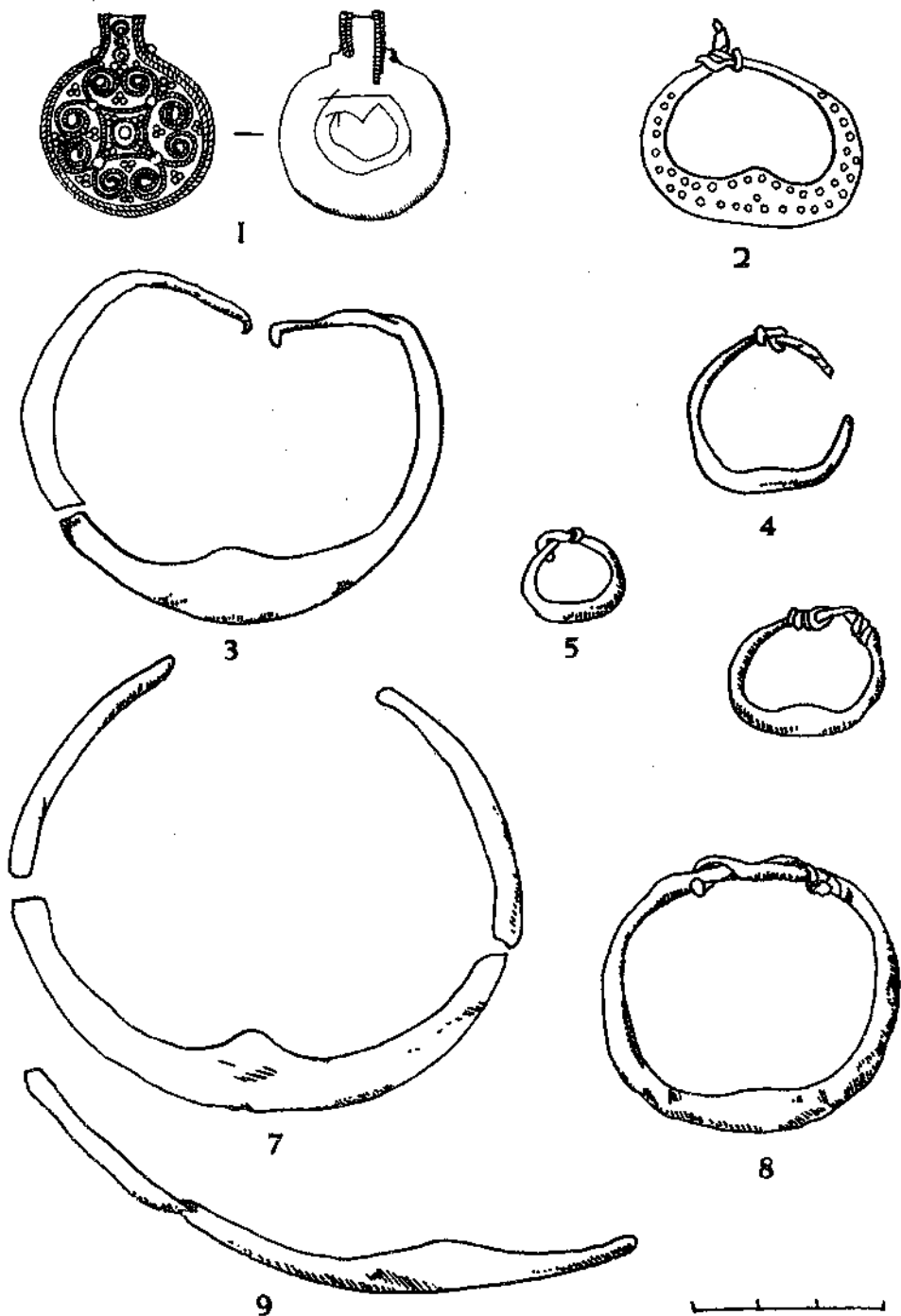

Рис. 3. Кресаловидные амулеты и их символ (1).
 1 — клад 1867 г.; 2 — Серг.-37(48); 3, 4, 7, 9 — селище; 5 — Серг.-7(65); 6 — Сыз.-?; 8 — Ц-218. 1, 2 — серебро; 3—5, 7, 9 — бронза; 6, 8 — железо.

Привеска из кургана Серг.-7(65) — бронзовая, небольшого размера, неорнаментированная, концы перекручены, центральный выступ сглажен (рис. 3:5). Ее можно отнести к наиболее распространенному в Скандинавии варианту, находки которого (как серебряные, так и бронзовые) отмечены в погребениях и кладах Норвегии, материковой Швеции и о. Готланд. Датировка этого материала имеет достаточно широкий диапазон: от второй половины IX — начала X в. для погребений и до середины XI в. для клада (31, с. 144; 23, с. 166). По размеру и форме гнёздовская привеска очень близка железной миниатюрной модели кресала, входившей (?) в состав набора амулетов из Новгорода. При равном диаметре (1,5 см) они различаются, кроме металлического состава, немногим: железный экземпляр тоньше, калачевидный выступ у него выражен рельефнее, сильнее перекручены концы. Датруется он серединой X в. (32, с. 61—63).

Четыре бронзовые кресаловидные привески происходят из гнёздовского поселения. Три из них выделяются своей величиной, достигая размера самих кресал (рис. 3:3, 7, 9). Отсутствие орнамента и обломанные наверху концы, не дающие представления об их оформлении, наряду с размером делают их более похожими на кресала (вариант б в скандинавской классификации (33, с. 155—156; 13, табл. 144:8)), чем на их маленькие копии. В сравнении со скандинавским материалом гнёздовские экземпляры значительно тоньше, пропорциональней, особенно в нижней части. Близка к ним по форме, размеру и металлическому составу кресаловидная привеска из Старой Ладogi (27). Однако она несколько массивней, сужающиеся кверху концы перекручиваются между собой, не образуя петли, нижняя часть орнаментирована тремя рядами пуансонных треугольников. Датруется привеска X в. Четвертый бронзовый кресаловидный амулет (рис. 3:4) с гнёздовского селища имеет небольшой размер (диаметр — 2,5 см). Интересно, что он находился в сравнительной близости от рассмотренного ранее довольно крупного экземпляра (диаметр — 6,5 см) (рис. 3:3). Показательно, что из одного комплекса с упомянутой выше старолadoжской привеской также происходит и другая, значительно уступающая ей в размере. Таким образом, можно говорить об одновременном бытовании крупных и мелких экземпляров. Гнёздовская привеска имеет завязанные узлом концы и сглаженный нижний выступ. Последняя черта отмечена также у привески из кургана Серг.-7(65), у обеих железных привесок из Гнёздова, у новгородского и старолadoжского миниатюрных экземпляров, прослежена на североевропейском материале (25, рис. 146).

Две железные кресаловидные привески найдены в двух гнёздовских курганах (Сиз.-?, Ц-218). Обе привески неорнаментированы, нижний выступ сглажен, концы перекручены, не образуя петли (рис. 3:6, 8). Отличаются они лишь размером: экземпляр из кургана Ц-218 несколько крупнее и сделан грубее. По одной железной маленькой модели кресала входит в набор амулетов из кургана Ц-245 и в упоминавшийся выше комплекс из Новгорода. Другие железные кресаловидные привески с территории Восточной Европы нам неизвестны.

Рассмотренные особенности гнёздовских привесок, проявившиеся в размере, форме и металлическом составе этих предметов, могут быть

связаны как с локальным характером их производства и сбыта, так и с особенностями вкуса и намерений конкретного мастера. Допустимо их местное, гнёздовское, изготовление скандинавским или русским мастером, но которое предназначалось обязательно для скандинава, носителя определенного языческого культа. Показательны в этом плане случаи, когда кресаловидные привески были помещены в погребение вместе с другими скандинавскими языческими амулетами — железными гривнами с «молоточками Тора» или входили в состав связок амулетов.

С магической функцией кресал и копирующих их привесок связано изображение, процарапанное на обороте серебряной круглой зерновой подвески с волютами из гнёздовского клада 1867 г. Рисунок сделан неаккуратно, с ошибочными линиями, кресало перевернуто относительно подвески так, что калачевидный выступ оказался наверху (рис. 3:1). Однако общий контур достаточно четко передает форму округлых калачевидных кресал (вариант б по Б. Хорд) или вырезанных из металлического листа привесок без сужающихся перекрученных концов. Неизвестно, когда было нанесено графити: в процессе употребления подвески или при сокрытии клада. В первом случае украшение приобретало функцию амулета, во втором — изображение может обозначать посвящение клада определенному божеству или быть призвано охранять спрятанные сокровища. Датировается клад концом X — началом XI в. (34).

На территории Скандинавии кресаловидные привески появились во второй половине IX в. (Бирка) и просуществовали до XI в. при наибольшем распространении в X в. Причем ранние находки происходят из погребений, а поздние — из кладов, что, возможно, свидетельствует в пользу того, что в XI в. они уже выходят из употребления и сохраняются только в качестве сокровищ. Привески из Гнёздова датируются в пределах X в., железный экземпляр из кургана Ц-218 и железный набор амулетов с миниатюрным кресалом из кургана Ц-245 относятся ко второй половине X в. Этой дате не противоречит и восточноевропейский материал, дающий, однако, более широкий диапазон — с IX в. (Старая Ладога) до второй половины XI в. (клад у д. Скадино), при этом основная масса находок приходится на X в.

Третья группа скандинавских языческих амулетов из Гнёздова — щитообразные привески. Это небольшие (средний диаметр — 2,5—3 см) круглые тонкие (0,2—0,6 мм) серебряные, реже бронзовые, пластины с полусферической выпуклостью в центре (диаметр которой составляет примерно 1/4—1/6 общего диаметра). Большинство украшений этой категории имеют довольно простой пуансонный орнамент из точек, кружков, реже треугольников, некоторые экземпляры покрыты зернью и сканью. Однако наиболее важным отличительным признаком, кроме центрального горбика, является сам композиционный рисунок. Это изображение так называемого «сегнерова колеса» или «вихревого мотива» (Wirbelmuster), то есть узор состоит из загнутых или (в ряде случаев) прямых линий-лучей, исходящих от центральной сферы к краям. Имеется, однако, несколько экземпляров привесок, сходных с вышеописанными, с орнаментом в виде концентрических окружностей (от 2 до 5).

Название «щитообразные» для украшений данной категории явля-

ется общепринятым среди скандинавских исследователей (23, с. 159—161; 35, с. 50), в советской же литературе оно не употребляется (36; 37, с. 104; 38, с. 161; 39, с. 154). Нам кажется обоснованным предположение, что эти металлические пластинки являются миниатюрным изображением настоящего боевого щита: круглая форма, выпуклая сфера в центре — умбон, рисунок по краю — оковка щита. Заметим, что все эти признаки являются обязательными для украшений данной категории. Изогнутые, радиальные и концентрические линии узора, возможно, отображают или заклепки от шпонок и реек, которыми крепились доски щита, или символические рисунки, нанесенные краской на щиты. Так, на поминальных камнях с о. Готланд имеется несколько изображений щитов с «сегнеровым колесом» (40, с. 65, 154). Показательно и наличие у некоторых украшений тонкой узкой «лентообразной» полоски, крепившейся на обороте привески, проходившей через ее центр по всему диаметру и заканчивавшейся наверху петлей (24, с. 290, 299, 414). В нескольких случаях петля, образованная такой полоской, располагалась на оборотной стороне привески почти по центру, но с нарушением центра тяжести при подвешивании. Вероятно, таким образом копируется приспособление (скоба) для ношения щита.

Рассматриваемую категорию предметов отличает и обязательная солярная символика узора. По-видимому, солярные знаки попали на поверхность щитов с ритуальным или охранным смыслом, а уже отсюда были перенесены на маленькие металлические копии-модели. При этом на привески, вероятно, переходили некоторые функции самого щита — оберегать и спасать владельца, помогать в борьбе добра со злом. Таким образом, щитообразные привески не были простым украшением, а имели определенное магическое, религиозное значение, более сложное, чем «замена» щита в захоронении.

Судя по данным погребений, щитообразные привески являлись исключительно женским украшением и носились большей частью в составе ожерелий. В захоронениях Бирки большинство из них располагалось вместе с бусами и другими подвесками на шее погребенной или в районе грудной клетки (около овальных скорлупообразных фибул) (24, погр. 660, 825, 835, 954, 963, 968 и т. д.). М. Стенбергер предполагал также употребление щитообразных пластинок в качестве накладок или нашивок на одежду (23, с. 159).

По его наблюдению, щитообразные привески являются характерным для скандинавов эпохи викингов украшением (23, с. 159), время бытования которого определяется с конца IX до середины XI в. В фрагментированном виде они сохранились в кладках рубленного серебра вплоть до начала XII в., тогда как комплексы погребений с этими привесками датируются не позднее X в. Основная часть находок происходит с территории материковой и островной Швеции, откуда эти украшения проникли в другие скандинавские земли, на побережье Балтийского моря (Аландские острова, Северная Германия) и в Восточную Европу.

Гнёздовский материал дает 7 различных по технике изготовления и металлическому составу щитообразных привесок и 3 бронзовые неорнаментированные миниатюрные модели щитов, входящие в два набора амулетов. Это составляет примерно седьмую часть от восточноевропей-

ских находок, большинство которых принадлежит к депаспортизованным коллекциям из раскопанных в прошлом веке Владимирских курганов (41). По 1—2 привеске встречено в курганах Калининской и Ярославской областей, раскопанных в XIX в., а также в Псковском некрополе (42), курганах у д. Пересаж (37, рис. 44) и с. Шестовица Черниговской области (38, табл. XXII:3). Кроме того, одиночные находки происходят из культурного слоя Сарского городища (29, табл. II:13), тимерёвского селища (39, рис. 16:1) и из клада у д. Вельково Псковской обл. (28, табл. XXIII:3).

Зерненные щитообразные привески немногочисленны как в Скандинавии, так и в Восточной Европе. Исследовавший этот материал В. Дучко приводит в своей работе 5 экземпляров из Швеции, 3 — из Восточной Пруссии и 3 — с территории Древней Руси (35, с. 50). Из Гнёздова происходит три таких украшения.

Два очень схожих между собой серебряных экземпляра входят в состав клада 1867 г. (43, с. 56, табл. IV:14, 15). Они дошли до нас в почти неповрежденном виде (рис. 4:1, 2). Рисунок «сегнерова колеса» на них состоит из изогнутых по часовой стрелке лучей, образованных тремя-четырьмя шариками зерни, посаженными в сканные колечки из рубчатой проволоки, и отделенных друг от друга рубчатыми проволочными лучами. По краю также идет сканная проволока. На обороте к украшениям вдоль всего диаметра (2,5 см) приклепаны лентообразные полоски, образующие петли для подвешивания, невидимые с лицевой стороны (35, рис. 47). Наиболее близка к рассмотренным предметам привеска из погребения 660 в Бирке (13, табл. 97:1; 35, рис. 44). Однако гнёздовские украшения несколько крупнее, имеют по 11 изогнутых «спиц» из зерни и скани против 10 у скандинавской находки, а также больший по размеру выпуклый центр, часто унизанный маленькими шариками зерни в сканных колечках из гладкой, а не рубчатой, как у экземпляра из Бирки, проволоки. Кроме того, у последнего отсутствует петля (край привески обломан), следов полоски-скобки на обороте не обнаружено. Гнёздовский клад, как уже говорилось ранее, датируется концом X — началом XI в., женское трупоположение в камере № 660 относится к так называемому позднему периоду существования Бирки, то есть к 900—975 гг. (4, с. 3; 35, с. 50).

Ближайшей аналогией гнёздовским находкам на территории Древней Руси является щитообразная серебряная привеска из владимирских курганов (41), не совсем точно представленная на рисунке в публикации А. А. Спицына (17, с. 141, рис. 185). Она несколько крупнее гнёздовских (диаметр — 3 см), «сегнерово колесо» состоит из 10 лучей из зерни и скани, отходящих от выделенного сканью (в отличие от описанных выше экземпляров) выпуклого центра, шарики зерни на котором расположены реже и помещены в колечки из рубчатой проволоки. На обороте приклепана полоска, образующая петлю над украшением и проходящая почти вдоль всего диаметра. С владимирской очень схожа вторая (поврежденная) зерненная привеска из Бирки (погребение 825), имевшая также 10—11 лучей из зерни и скани и припаянную полоску-петлю на обороте (13, табл. 97:2). Интересно, что этот комплекс содержал еще одну щитообразную привеску, но украшенную пуансон-

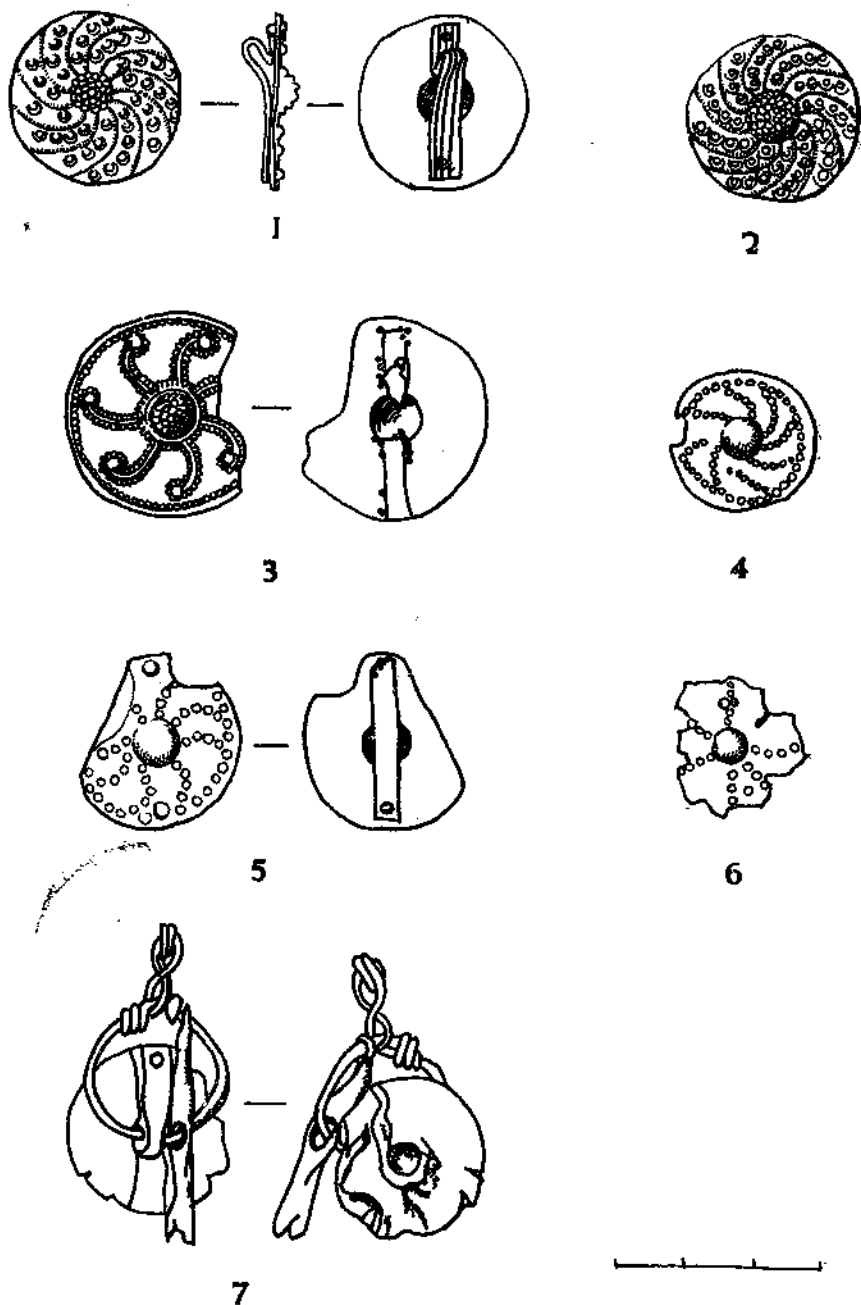

Рис. 4. Щитообразные привески и набор амулетов с миниатюрной моделью щита (7).
 1, 2 — клад 1867 г.; 3 — Ц-61; 4 — Сиз.-?; 5 — Л-23; 6 — Сиз.-1898—6;
 7 — клад 1870 г.; 1, 2 — серебро; 3 — серебро, позолота; 4, 6, 7 — бронза;
 5 — золото

ным орнаментом, кресаловидную привеску и другие амулеты, входившие в состав ожерелья (24, погр. 825). Датируется это камерное захоронение концом IX—X в.

Третья гнёздовская зерненная щитообразная привеска (рис. 4:3) найдена в женском погребении по обряду труположения в кургане Ц-61 в скоплении женских украшений и бус. Серебряная позолоченная пластинка, достигающая в диаметре 3 см, частично обломана, но в огне не была. Центральный, достаточно массивный, выступ обрамлен сканной проволокой, с двух сторон которой помещены маленькие шарики зерни, и полностью покрыт зернью большего размера в сканных колечках. От центра отходит 7 изогнутых лучей, состоящих из сканной проволоки и двух рядов мелкой зерни по бокам от нее и завершающихся завитком с крупной каплей зерни в центре. Край окаймлен сканной «веревочкой» и рядом мелкой зерни. На обороте сохранились остатки припаянной вдоль всего диаметра полосы, образовывавшей в центре петлю, и припаявшиеся к ней маленькие шарики зерни. Датируется комплекс второй половиной X в.

Очень близка гнёздовской серебряная привеска из владимирских курганов, также украшенная семилучевым «сегнеровым колесом» из зерни и скани (17, с. 141, рис. 187). Отличаются эти экземпляры при совпадении общего размера лишь величиной и оформлением умбовидной выпуклости: у владимирского она почти в два раза меньше по диаметру, не имеет сканной обводки, заполнена мелкой зернью, сходящейся на конус и завершающейся крупной каплей в центре. На обороте полностью сохранилась приклепанная полоска-скобка с петлей в середине. Рассматривая зерненные щитообразные привески, В. Дучко назвал это владимирское украшение «славянским подражанием» (35, с. 50). Действительно, отсутствие аналогичных экземпляров в Скандинавии дает возможность предположить их местное производство. При этом сохранение всех значимых признаков языческого щитообразного амулета — круглая форма, умбовидный выступ, «сегнерово колесо», орнамент по краю, функционально неудобная петля-скобка на обороте — говорит в пользу того, что это украшение (и гнёздовский, и владимирский экземпляры) не утратило первоначальную смысловую нагрузку и, следовательно, было изготовлено для скандинава, а, может быть, и скандинавом.

В восточноевропейском материале имеется еще одна своеобразная аналогия гнёздовской, а соответственно и владимирской привеске, происходящая также из владимирских курганов (41). Это трехсантиметровая двойная пластинка из серебра с большей примесью меди, украшенная повернутыми против часовой стрелки «сегнеровым колесом» из 10 «спиц», отходящих от умбовидного, чуть уплощенного центра. Литье довольно качественно имитирует рисунок, образованный сканной проволокой и разными по размеру шариками зерни. Петля не сохранилась. Подобные находки на территории Северной Европы неизвестны.

Более распространенная группа штампованных щитообразных привесок, украшенных пуансонным орнаментом, представлена в Гнёздове четырьмя экземплярами, происходящими из захоронений. Во всех случаях использовался кольцевой пуансон, образующий рисунок из круж-

ков. Этот вариант орнаментации более характерен для Восточной Европы, тогда как в Скандинавии, судя по опубликованным украшениям данной категории, предпочтение отдавалось точечному пуансону. Три гнёздовские привески⁴ сделаны из бронзы, одна — из золота, что несколько отличает их от североευропейских, традиционно серебряных, древностей. В остальном они близки.

Золотая привеска была найдена в трупосожжении в кургане Л-23 (рис. 4:5). Автор раскопок Д. А. Авдусин интерпретировал это погребение как мужское, однако погребальный инвентарь не позволяет считать данное украшение принадлежащим мужчине. Орнаментом и композицией гнёздовская находка идентична другим скандинавским и восточноевропейским щитообразным привескам: «сегнерово колесо» образовано девятью изогнутыми по часовой стрелке лучами, отходящими от выпуклого центра; край также выделен кружками. На обороте приклепана золотая пластинка-скобка с обломанной петлей для подвешивания, которая располагалась в верхней части и, возможно, выступала над краем, как у зерновой владимирской привески (17, с. 141, рис. 185). Датируется комплекс серединой X в.

Две маленькие (диаметр около 2 см) бронзовые щитообразные привески происходят из курганов, раскопанных В. И. Сизовым, в исследовании которого опубликована одна из них (44, с. 128, табл. V:18). Этот экземпляр немного обломан: вероятно, несохранившаяся петля была приклепана сверху и в дальнейшем утрачена вместе с частью пластинки (рис. 4:4). Орнаментальный мотив — «сегнерово колесо» из восьми изогнутых против часовой стрелки лучей, что отличает его от других гнёздовских находок. Таким же образом направленное «сегнерово колесо» изображено на привеске из клада у д. Вельково Псковской обл. (28, табл. XXIII:3), на трех привесках из владимирских курганов (41), на привеске из южношведского клада третьей четверти X в. (45, табл. 44:II:17), а также на шите у всадника на одном из поминальных камней о. Готланд (40, с. 65). Чем вызваны эти отклонения от традиционной схемы пока не выяснено. Другой, сильно повреждённый экземпляр из Гнёздова (Сиз.-1898-6) позволяет лишь определить, что рисунок состоит из семи лучей, радиально отходящих от центра или слабо изогнутых против часовой стрелки (рис. 4:6). Подобное «колесо» с прямыми спицами можно видеть на двух привесках из Бирки (13 табл. 97:15, 18), датирующихся X в., а также на ряде щитообразных украшений из владимирских курганов (41). На обороте гнёздовской пластины сохранился остаток приклепанной скобки с одной стороны и отверстие с заклепкой с другой. Следовательно, петля здесь была оформлена как у привесок из курганов Ц-61 и Л-23 или из клада.

Таким образом, щитообразные амулеты, найденные в Гнёздове, в основном близки скандинавскому и восточноевропейскому материалу и отличаются от него лишь незначительными деталями, исключение составляет лишь экземпляр из кургана Ц-61, не имеющий аналогий за пределами Древней Руси. Для зерновых привесок из клада 1867 г. следует отметить тесное родство с находками из Бирки. Много параллелей

⁴ Изображением бронзовой привески из кургана Ц-184 мы не располагаем.

дают богатейшие коллекции из раскопок Владимирских курганов. Датируются гнёздовские комплексы с щитообразными привесками от середины X до рубежа X—XI вв. Этот хронологический диапазон уже времени их бытования как в Скандинавии, так и на территории Восточной Европы (X—середина XI в.), однако он совпадает с периодом их максимального распространения в обоих регионах.

Иногда в культурном слое скандинавских поселений, в погребениях и кладках эпохи викингов встречаются миниатюрные модели различных предметов — так называемые «миниатюры» (*miniaturger*). Они представляют собой маленькие копии оружия, а также таких бытовых предметов, как косы или серпы, кресала и жезлы или посохи. Кроме того, среди них есть миниатюрные стулья и человеческие фигурки. Часто, но не всегда, они имеют отверстие или петлю для подвешивания и собираются вместе по несколько экземпляров на маленьком кольце. Трактуются эти предметы исследователями как амулеты (26, с. 171).

Среди русских древностей также известны привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия: ложки, ковшики, гребни, ключи, ножи, ножны, топоры и мечи, найденные в захоронениях вместе с другими амулетами (46, с. 94; 47, с. 400; 48, с. 130—131). Несмотря на некоторое сходство в составе изображаемых объектов, их набор, техника исполнения, способ прикрепления и ношения (на длинных цепочках или на привеске арочной формы) значительно отличают их от скандинавских амулетов, что делает возможным выделение последних из огромной массы древнерусских материалов.

Особое место среди уменьшенных изображений оружия занимают «молоточки Тора». Помимо них копировались также наконечники копий и мечи, возможно связанные с богом-воителем Одинем, которого даже называли «повелителем копья» (49, с. 43). Маленькие модели кос или серпов, вероятно, являются изображением одного из основных атрибутов бога плодородия Фрейра, который представлен на одном из поминальных камней Готланда с серпом в руке (50, с. 15). Кресаловидные привески, как уже говорилось, передавали форму калачевидных кресал и несли на себе элементы культа священного жертвенного и очищающего огня.

Наиболее сложным представляется определение смысла маленьких круглых или, реже, четырехгранных стерженьков, иногда орнаментированных насечками и входящих обычно по несколько экземпляров в состав наборов амулетов, нанизанных на одно кольцо. Скандинавские и финские исследователи называют их по-разному: палочки, удлиненные брелоки, миниатюрная трещотка. Л. Тунмарк-Нюлен рассматривает эти амулеты как изображение необходимой принадлежности вёльвы — жезла («*völva*»-«*stavbärerska*»-«несущая жезл») (26, с. 171, 296), служившего средством передвижения души предсказательницы в потустороннем мире во время колдовства (26, с. 230). Н. А. Макаров приводит мнение Э. Кивикоски, полагающей, что «стерженьки являются схематизированными изображениями молотов Тора» (51, с. 181). Однако такая интерпретация маловероятна, так как в некоторых связках амулетов стерженьки встречаются вместе с тщательно выполненными Т-образными «молоточками Тора» (30, с. 239 № 755; 1, с. 287, рис. 1:4).

Таким образом, миниатюрные (редко крупнее 2 см) копии предметов быта и оружия, изготовлявшиеся из серебра, бронзы и железа и соединявшиеся по несколько штук (2, 4, 6 и более) в связку на едином кольце, изображали атрибуты скандинавских богов или предметы, наделенные, по мнению викингов, магической силой. Такие наборы амулетов были распространены довольно широко на европейском Севере: на островах и в материковой Швеции, Дании, Финляндии. Каждая связка по-своему уникальна, так как состав, компоновка, форма, размер, техника изготовления и количество привесок сильно варьируют. Это дает возможность предположить их изготовление по индивидуальным заказам, а следовательно, и различие в смысловой нагрузке отдельных наборов. Датируются эти находки X—XI вв.

На территории Восточной Европы наборы миниатюрных скандинавских амулетов представлены на незначительном количестве памятников: в Новгороде (32, с. 61), псковском некрополе (42), селище Никольском V (51, с. 92, рис. 6:6), Вологодской обл. и кургане у с. Городище Ярославской обл. (17, с. 108, рис. 33). Основная же масса находок происходит из гнёздовского археологического комплекса.

В гнёздовский клад 1870 г. (второй под № 24 из описанных у Г. Ф. Корзухиной (28, с. 88, табл. VIII:33)) входит связка, состоящая всего из двух бронзовых амулетов, надетых на кольцо с завязанными концами и высокой петлей (рис. 4:7). Первая привеска представляет собой круглую щитообразную бляшку с продавленным умбоновидным выступом в центре и петлеобразной скобкой на обороте, в отверстие которой продето кольцо. Этот амулет близок рассмотренным выше щитообразным привескам по форме, размеру, материалу и наличию неудобной скобки-петли, но отличается отсутствием орнаментации. Миниатюрные изображения щитов в североевропейских связках нам неизвестны, но в гнёздовском материале, в наборе из кургана Ц-170, имеется еще две бронзовые неорнаментированные модели щитов. Вторая, несколько поврежденная, привеска изображает наконечник копья с большим отверстием для подвешивания посередине. Миниатюрный наконечник копья также входил в состав набора серебряных амулетов из клада на о. Эланд, датированного М. Стенбергером не ранее 1050 г. (23, с. 166, рис. 41:13). Три наконечника, скопированные в бронзе, относятся к уже упомянутому набору из кургана Ц-170. Гнёздовский клад 1870 г. (курган?) датируется монетами серединой — второй половиной X в.

В Государственном Историческом музее хранится набор железных амулетов из раскопок С. И. Сергеева на гнёздовском поселении в 1900 г. На четырехгранное неперекрученное кольцо диаметром в 3,5 см надето три тонких плоских модели кос с отверстиями посередине (рис. 5:1). Петли кольцо либо не имело, либо она была отломана (место стыка проволоки повреждено). По размеру, форме и методу прикрепления привесок, а также по материалу рассматриваемый комплекс близок экземпляру из Бирки с двумя амулетами-серпами, происходящему из точно не датированного погребения с остатками ладьи (13, табл. 108:3; 24, с. 470).

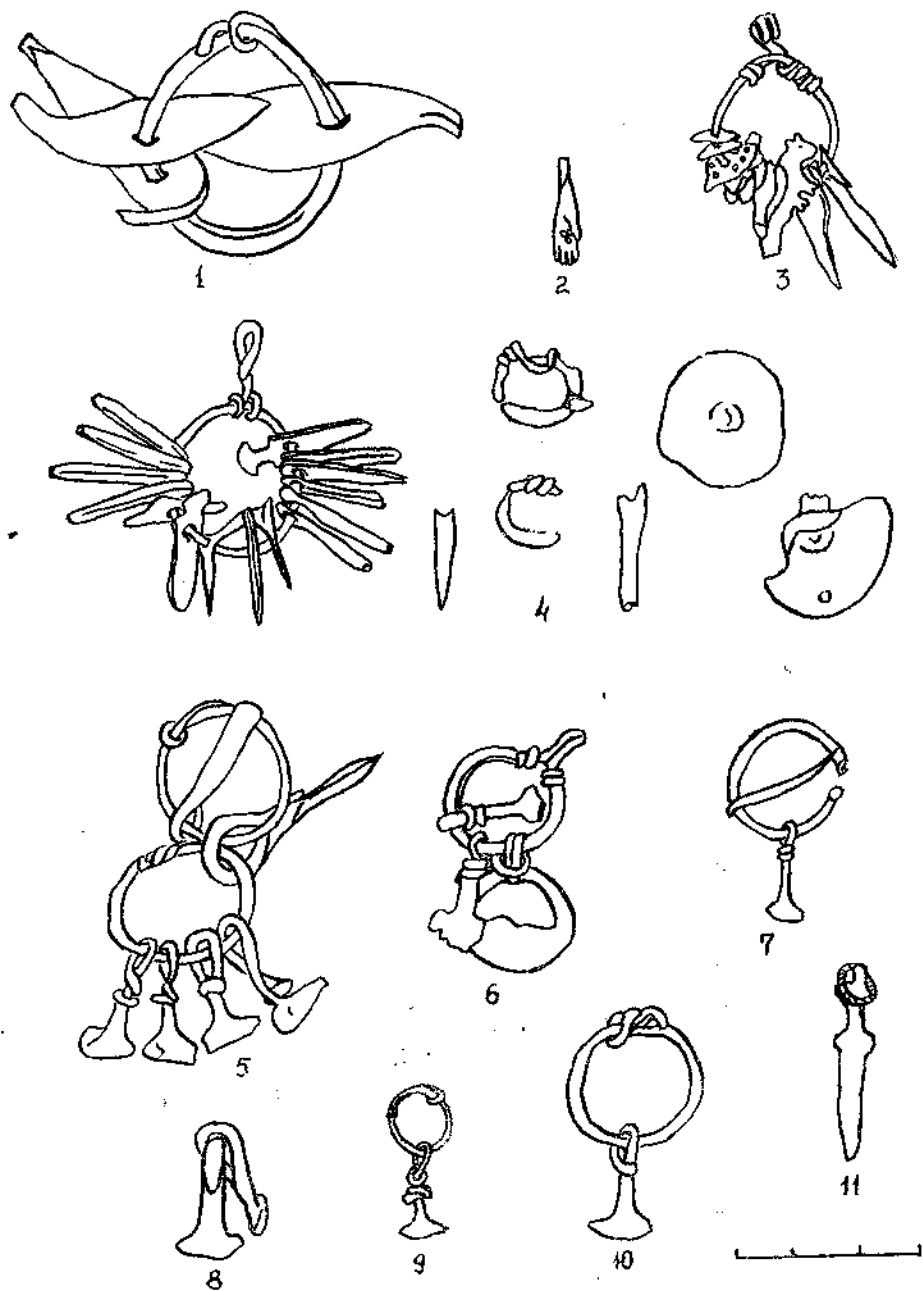

Рис. 5. Наборы амулетов и отдельные экземпляры.
 1, 2, 3, 7 — городище; 4 — Ц-170; 5, 8, 10 — селище; 6 — Ц-245; 9 — Серг.-16(74); 11 — Л-47. 4, 7 — бронза; 2, 3 — серебро; 1, 5, 6, 8—10 — железо; 11 — железо, серебро.

Набор бронзовых амулетов был найден в 1976 г. в кургане Ц-170. В его состав входил 21 предмет: 10 стерженьков-жезлов, по 3 модели мечей и наконечников копий, по 2 кресаловидные и щитообразные привески (рис. 5:4). Кольцо, на которое надеты миниатюры, имеет несколько вытянутую форму (2×2,4 см), завязанные концы и высокую, как у экземпляра из клада 1870 г., петлю. Связка находилась в кострище, поэтому многие амулеты сильно пострадали от огня. Тем не менее на обороте минищитов сохранились фрагменты приклепанных полосок-скобок с петлей посередине, почти напротив умбовидной выпуклости, сближающие их с описанными выше орнаментированными экземплярами. Кресаловидные привески имеют сглаженный нижний выступ и перекрученные концы. Надо отметить, что маленькие изображения кресал входят по одному в состав серебряного набора амулетов из клада с о. Эланд (23, рис. 41:13), железной связки из г. Новгорода (32, с. 61), бронзового комплекса из псковского некрополя (42), а также железного экземпляра из кургана Ц-245. Миниатюрные модели мечей и наконечников копий в наборе из кургана Ц-170 прикреплены к кольцу при помощи отверстий, пробитых в центре, что сближает их с аналогичными привесками эландского набора. Укажем также, что из раннего гнёздовского кургана Л-47 происходит одиночная железная привеска длиной около 3 см в виде меча, в навершие которого вставлено серебряное рубчатое колечко (рис. 5:11). Вероятно, она входила в состав несохранившегося набора амулетов. В рассматриваемом гнёздовском наборе маленькие стерженьки-жезлы надеты на кольцо через отверстия в верхней части. Подобные амулеты известны в связках с о. Эланд, из Дании (30, № 755), из Бирки (13, рис. 104:3), из Финляндии (52, рис. 27), а также с селища Никольское V (51, рис. 6:6 на с. 92). В основном они серебряные, но есть и железные. Таким образом, гнёздовский комплект из кургана Ц-170, с одной стороны, уникален по количеству компонентов, а с другой стороны, близок североευропейскому и древнерусскому материалу по качественному составу. Е. Г. Андреева определила, что в данном кургане были сожжены взрослый человек и ребенок (53, с. 58). Инвентарь свидетельствует в пользу того, что здесь погребен мужчина. Датируется комплекс X в.

В 1984 г. при раскопках гнёздовского городища была обнаружена связка амулетов, вырезанных из тонкого серебряного листа. 16 различных привесок надеты на кольцо из тонкой серебряной проволоки с перекрученными концами, образующими петлю (рис. 5:3). Все миниатюры подвешены с помощью пробитой в центре дырки, эти отверстия, а также и сами предметы сделаны довольно неаккуратно, края неровные, зазубренные. Среди изображений имеются геометрические фигуры (квадрат, круги, полукруг, восьмигранники), сложенные вдвое пластинки, имитирующие ножны, наконечник копья, человеческая ладонь, фигурка смешного пузатого человечка, нога в сапоге и фигурка какого-то зверька, туловище которого напоминает зайца, а морда — лося без рогов. Элементы в виде человеческой фигуры и частей тела можно сопоставить с антропоморфными скандинавскими языческими амулетами, а также маленькой серебряной привеской в форме руки, на ладони которой помещены три пуансонных кружка, происходящей также из слоя гнёз-

довского городища (рис. 5:2). Однако по технике исполнения и по составу эта связка уникальна и не имеет аналогии ни в Скандинавии, ни в восточноевропейском материале. Т. А. Пушкина, исследовавшая гнёздовский комплект, видит его магические функции в обеспечении личного здоровья, благополучия и плодородия (2).

С Гнёздовского селища происходит железное тордированное в одном месте колечко с нанизанными на него четырьмя изящными «молоточками Тора»; это колечко соединено с маленьким пробоем и с его помощью с круглопроволочным железным кольцом примерно того же диаметра с завязанными концами, на котором подвешен амулет в виде стерженька (рис. 5:5). Петля для подвешивания отсутствует. Наличие пробоя связывает гнёздовский набор амулетов с серебряными миниатюрными связками из Бирки (погр. 60) (13, рис. 104:2,3). Первая из них состояла из двух «молоточков» подпрямоугольной формы, петлеобразно прикрепленных к маленькому серебряному кольцу, на которое надет пробойчик. На другом кольце также с пробойчиком висело 4 круглых стерженька. С помощью пробоев эти две связки амулетов были прикреплены к деревянному предмету, от которого сохранился небольшой кусочек дерева. Интересно, что под куском дерева уцелел фрагмент кожи, что дало Х. Арбману возможность предположить наличие в погребении кошелек, в котором лежали 3 гирьки, а также рассматриваемые амулеты (24, с. 24). Вероятно, связки первоначально были закреплены на стенке ларца или сундука (следы подобного предмета в погребении отсутствуют), потом они были сняты, в результате чего на пробое остались следы дерева, и положены в кожаный кошелек рядом с телом покойной. По инвентарю погребение датируется третьей четвертью X в. Т. А. Пушкина считает, что гнёздовские амулеты также должны были «прикрепляться к какому-то деревянному предмету» (1, с. 287), предположительно ларцу или сундуку.

В кургане Ц-245 обнаружено небольшое железное кольцо с кресаловидной привеской и двумя миниатюрными «молоточками Тора» (рис. 5:6). Этот набор, как и ряд других связок, снабженных специальной петлей для подвешивания, мог прикрепляться к одежде (поясу?) или входить в состав ожерелья. По составу привесок и материалу гнёздовская находка близка амулету из Новгорода, напоминающему уменьшенную в 4 раза гривну с надетыми на нее кресальцем и четырьмя «молоточками Тора» (32, с. 61). В кургане Ц-245 женщина похоронена по обряду трупосожжения, датируется погребение второй половиной X в.

В слое гнёздовского селища встречены две отдельные железные привески-«молоточки Тора»: в одном случае «молоточек» был помещен на железное проволочное кольцо с завязанными концами (диаметр 2,3 см) (рис. 5:10), в другом — 2 «молоточка» оказались скреплены друг с другом посредством широких петель, образованных их «рукоятками» (рис. 5:8). Из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове (курган Серг.-16(74)) происходит опубликованный А. А. Спицыным (54, рис. 19) и хранящийся в Государственном Историческом музее миниатюрный железный молоточек на маленьком колечке⁵ (рис. 5:9). Интересна и

⁵ В слое кострища кургана Серг.-16(74) было найдено восемь таких привесок, связывавшихся исследователями с несохранившейся шейной гривной (54, с. 46), однако в настоящее время в коллекции ГИМ содержится лишь один экземпляр.

необычна находка в слое гнёздовского городища маленькой бронзовой круглопроволочной фибулы (диаметр около 2 см), на дуге которой оказался подвешенным миниатюрный бронзовый «молоточек» (рис. 5:7). Подобные спиралеконечные подковообразные застёжки широко известны (55, с. 152), но экземпляр с привеской — пока единственный. Одиночные привески-«молоточки» представлены также в материалах Старой Ладogi (56, с. 137, рис. 1:3) и селища Никольское V («молоточек» был скреплен с железным костыльком цепочки, продетым в его петлю) (51, с. 92, рис. 6:3). Все эти привески могли прикрепляться к шейным гривнам (Старая Ладога, курган Серг.-16(74)), употребляться как самостоятельные амулеты (Никольское V, гнёздовское селище) или входить в состав несохранившихся связок, как и привеска-меч из кургана Л-47, и серебряная привеска-ручка из слоя Гнёздовского городища. Показательно, что большинство таких находок дали культурные слои поселений.

Итак, нами была рассмотрена группа миниатюрных изображений связанных со скандинавской мифологией предметов быта и оружия, составлявших набор амулетов. Все эти религиозные предметы были найдены как в захоронениях, так и на поселениях и вкладах, что говорит об их использовании не только в погребальном ритуале, но и в повседневной жизни. Возможно, некоторые из них крепились к ларцам и «охраняли» имущество их владельцев, другие носились на одежде (прикреплялись к поясу или хранились в кошельке), подвешивались к фибулам или ожерелью, оберегая хозяина. Связки амулетов были встречены как в мужском (с ребенком), так и в женских погребениях, что свидетельствует в пользу того, что они употреблялись и мужчинами и женщинами.

Гнёздовские находки отличаются от североевропейских древностей преобладанием изделий из железа (что имеет параллели в Финляндии и на территории Восточной Европы), наличием бронзовых экземпляров и многофигурных композиций. На общем фоне выделяется по составу компонентов и технике исполнения серебряный набор с городища. Датируются амулеты из Гнёздова, как и восточноевропейский материал в целом, в пределах X в. с преобладанием предметов середины — второй половины X в.

Подводя итоги, мы видим, что в гнёздовском материале представлены следующие категории скандинавских языческих амулетов: железные гривны с разнообразными привесками, кресаловидные и щитообразные привески, миниатюрные связки. Подобные предметы не могли служить объектом международной торговли и попали в Гнёздово вместе с носителями культа или были изготовлены для них здесь. Преобладание женских захоронений с амулетами объясняется, во-первых, тем, что некоторые категории этих сакральных предметов употреблялись только женщинами, и, во-вторых, меньшей защищенностью этой группы населения наряду с детьми. При этом с большей достоверностью можно предположить, что женщины, погребенные с кресаловидными и щитообразными привесками, а особенно с наборами амулетов и железными гривнами, были скандинавками, а не местными наложницами, одетыми по скандинавской моде и вкусу хозяина. Тем не менее единичные на-

ходки скандинавских языческих амулетов без связи с погребальным обрядом и инвентарем не могут быть использованы в качестве бесспорных этнических индикаторов.

Наиболее ранние скандинавские культовые находки в Гнёздове сравнительно немногочисленны и относятся к первой половине X в., тогда как основная их масса датируется серединой — второй половиной X в. и исчезает вместе с остальным скандинавским материалом в XI в. Амулеты мало представлены в крупных и богатых скандинавских погребениях и преобладают в средних по обилию инвентаря и размеру захоронениях, что, вероятно, связано со спецификой их употребления и погребальным обрядом (амулеты присутствуют более чем в трети скандинавских кремаций в Гнёздове, но единичны в ингумациях). Женские и детские захоронения с культовыми предметами, а также находки их на поселении свидетельствуют в пользу проживания в Гнёздове скандинавских семей.

Примечания

1. Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения//СА. 1981. № 3. С. 285—290.
2. Пушкина Т. А. Три амулета из Гнёздова//Проблемы археологии Евразии. М., 1991 (в печати).
3. Ström K. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults//Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 127—140.
4. Gräslund A. S. Birka IV: The Burial Customs. Stockholm, 1980.
5. Фехнер М. В. Шейные гривны//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 55—87.
6. Дубов И. В. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора»//Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 262—268.
7. Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове//Вести. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1974. № 1. С. 74—86.
8. Ström K. Torshammaringen — ett i Västmanland unikt vikingatida föremål//Särtryck ur Västmanlands Fornminnes förenings Årsskrift. Lund, 1973. S. 105—117.
9. Фехнер М. В. О происхождении и датировке железных гривен//Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966. С. 101—104.
10. Davidson Ellis H. R. Pagan Scandinavia. London, 1967.
11. Петрухин В. Я. Погребальный культ языческой Скандинавии: Автореф. канд. дис. М., 1975.
12. Arwidsson G. Valsgärde 6. Uppsala—Stockholm, 1942.
13. Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm—Uppsala, 1940.
14. Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки Новгородской округи. Л.: Лениздат, 1985.
15. ГИМ, инвентарный № 104427.
16. ГИМ, инвентарный № 97709.
17. Сплицын А. А. Владимирские курганы//ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84—172.
18. Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno—Ougrien. III. Helsingfors, 1878.
19. Уваров А. С. Моряне и их быт по курганным раскопкам//Труды I Археологического съезда. Т. 2. М., 1871.
20. Успенская А. В. Раскопки на оз. Селигер//АО 1971 г. М., 1972. С. 94—95.
21. Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь Суздаля//Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91—130.
22. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
23. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotland der Wikingerzeit. Bd I: Text. Stockholm, 1958.
24. Arbman H. Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm, 1943.
25. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotland der Wikingerzeit. Bd. II: Fundbeschreibung und Tafeln. Stockholm, 1947.
26. Vikingatidens ABC. Statens historiska museum 1981.

27. Сведения о находках кресаловидных привесок в Старой Ладогe любезно сообщены О. И. Давидан.
28. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
29. Эдинг Д. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.
30. Jeg ser på oldsager, 880 danske oldsager i tekst og billeder. Politikkens forlag. København, 1973.
31. Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
32. Гайдуков П. Г. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа)//Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1988. С. 61—63.
33. Hägdh V. Feuerstahle//Birka II: 1. Op. cit. S. 155—160.
34. Пушкина Т. А. К вопросу о составе и датировке Большого Гнёздовского клада: Доклад на чтениях памяти А. В. Арциховского в МГУ. Янв. 1981. Кафедра археологии.
35. Duczko W. Birka V: The filigree and granulation work of the Viking Period. An analysis of the material from Björkö. Stockholm, 1985.
36. Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси//СА. 1960. № 4. С. 56—67.
37. Ширинский С. С. Курганы X в. у дер. Пересажа//КСИА. Вып. 120. М., 1969. С. 100—106.
38. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
39. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
40. Ny lén E., Lam m J. P. Bildsteine auf Gotland. Neumünster, 1981.
41. ГИМ, инвентарный № 54746.
42. Сведения о находках в г. Пскове цитообразных привесок, железных гривен и набора амулетов любезно предоставлены И. К. Лабутиной и И. О. Колосовой.
43. Гушин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.
44. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
45. Hägdh V. Wikingzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln. Bonn, Lund, 1976.
46. Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 88—132.
47. Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура//История культуры древней Руси. Т. II. М.; Л., 1951. С. 396—464.
48. Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка//СА. 1961. № 2. С. 122—140.
49. Turville-Petre E. O. G. Myth and religion of the North: The religion of ancient Scandinavia. London, 1964.
50. Сокровища викингов: Каталог произведений искусства и памятников культуры Швеции II—XI вв. из собраний Государственного исторического музея в Стокгольме и других музеев Швеции. Л., 1979.
51. Макаров Н. А. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий)//Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 57—93.
52. Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. Helsinki, 1939//SMYA. XLIII.
53. Андреева Е. Г. Osteологические материалы из Гнёздова//СА. 1980. № 1. С. 56—63.
54. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905. С. 6—70.
55. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 149—190.
56. Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией//СС. Вып. XVI. Таллинн, 1971. С. 134—144.
57. Булкик В. А. «Курган 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С. 138—142.
58. Клетнова Е. Н. Раскопки Гнёздова левобережного//Смоленская старина. Вып. III.Ч.2. Смоленск, 1916. С. 33—41.

Ю. Э. Жарнов

ЖЕНСКИЕ СКАНДИНАВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ГНЁЗДОВЕ

В итоге более чем векового изучения гнёздовских курганов общепризнанным стало заключение о присутствии норманнов в Гнёздове. Гнёздовский могильник по праву считается основным археологическим памятником при решении большинства вопросов, касающихся русско-скандинавских отношений в период становления раннефеодального государства Древняя Русь (конец IX — начало XI в.). Однако результаты предпринимавшихся до сих пор попыток определить удельный вес норманского этнического компонента Гнёздова, на наш взгляд, достаточно спорны. Это, а также необходимость обобщения постоянно пополняющегося материала побуждают нас вновь затронуть вопросы скандинавского присутствия в Гнёздове¹.

В современной литературе о Гнёздове сосуществуют два подхода к определению скандинавских погребальных комплексов. Д. А. Авдусин, придерживаясь традиционной точки зрения, считает возможным выделять погребения норманнов по ряду признаков (скандинавские женские украшения, железные гривны с «молоточками Тора», обряд порчи оружия, сожжение в ладье) (1; 2, с. 150). Таких погребений, по его мнению, около 60, «а это в общем все же немного по сравнению с 1000 раскопанных курганов» (3, с. 77). Д. А. Авдусин полагает, что «гнёздовские варяги в большинстве случаев представляли собой второе поколение скандинавов» (там же, с. 78).

В. А. Булкин, подчеркивая этническую неоднородность древнерусского Гнёздова, считает, однако, что традиционные методы характеристики этнического облика могильника работают лишь при изучении «первых поселенцев в данном месте — выходцев из разных этнических или племенных районов. Но ответить на вопрос, каким закономерностям подчинено формирование этнических черт и, следовательно, погребального обряда последующих поколений каждой данной этнической группы в условиях их совместной жизни, сейчас, пожалуй, невозможно» (4, с. 46). Вместе с тем «общий итог этнического процесса в Гнёздове» для В. А. Булкина, поддержавшего мнение Е. А. Шмидта, ясен: здесь сформировалось «местное древнерусское население» — «гнёздовская группа кривичей» (5, с. 108; 4, с. 46). Присутствие же в Гнёздове скандинавов — «специфический оттенок, исчезнувший к моменту появления древнерусской курганной культуры XI в. и вряд ли затронувший серьезным образом существо процесса» (4, с. 46).

Представляется, что основной причиной, снижающей значение двух вышеупомянутых построений и позволяющей усомниться в их обоснованности, является неполноценность выборки погребальных комплек-

¹ Приношу благодарность Д. А. Авдусину, Е. В. Каменецкой и Т. А. Пушкиной за предоставленную возможность пользоваться неопубликованными материалами раскопок гнёздовских курганов.

сов, используемой Д. А. Авдусиным и В. А. Булкиным. Д. А. Авдусиным вопрос о выборке достоверных комплексов не был поставлен. Для исследований В. А. Булкина, вынужденного использовать только опубликованный материал, характерно не критичное отношение к результатам раскопок 1949 — начала 1960-х годов и множество фактических неточностей и искажений, допущенных им при анализе данных дореволюционных раскопок. Методика раскопок гнёздовских курганов у большинства дореволюционных исследователей была несовершенна, дневниковые записи, в ряде случаев вообще отсутствующие, чрезвычайно лаконичны, а сохранившийся вещевой инвентарь подчас депаспортизован². Для решения задач данной работы и возможно более объективной оценки погребального обряда гнёздовских курганов необходимо отказаться от фрагментарных материалов раскопок многих археологов, работавших в Гнёздове до 1949 г.³ Однако не следует отрицать возможности, а в ряде случаев и необходимости использования этих материалов при решении тех или иных вопросов (вещеведческий анализ, характеристика некоторых особенностей погребального ритуала и т. д.).

В качестве критерия формирования наиболее достоверной выборки погребальных комплексов нужно использовать, по нашему мнению, следующее условие: исследование курганной насыпи на снос или возможность локализации каждого раскопанного кургана на топографическом плане гнёздовского некрополя. Этому условию отвечают, помимо курганов, исследованных Смоленской экспедицией под руководством Д. А. Авдусина в 1949—1988 гг., курганы из раскопок С. И. Сергеева (7, 8, 9, 10), Н. В. Андреева и Н. П. Милонова (11), отдельные курганы из раскопок В. И. Сизова (12, с. 94—96; 13, с. 8—11), И. С. Абрамова (14, с. 189—192, 204—206; 15) и Е. Н. Клетновой (39, с. 54—56). Таким образом, по-видимому, удастся избежать неоднократного использования погребальных комплексов, раскопанных дважды (до и после 1949 г.), при статистическом анализе.

Наиболее достоверную выборку погребений, раскопанных в Гнёздове на протяжении более 100 лет, составляют, по нашему мнению, (см. Приложение и табл. 1) 230 погребений по обряду трупосожжения

² История изучения гнёздовских курганов отражена в работах А. Н. Лявданского (6, с. 128—135), В. А. Булкина (4, с. 27—29), Д. А. Авдусина и Т. А. Пушкиной (3).

³ Перечень курганов, не вошедших в нашу выборку и содержавших скандинавские вещи, приведен в работе Д. А. Авдусина (1). Здесь следует его несколько расширить: овалы фибулы найдены в курганах № 65 (2 экз.) и 89 (1 экз.) из раскопок В. И. Сизова (1896 г.), иглы от овальных фибул — в курганах № 43 и 72 из раскопок В. Д. Соколова (1883 г.), № 3 и 14 — из раскопок № 43 и 72 из обломки овальной фибулы (?) обнаружены М. Ф. Кусинским в кургане № 16 (1874 г.); фрагменты кольцевидной и равноплечей фибул (курган № 22, 1885 г.) и железная гривна (курган № 35, 1896 г.) известны из раскопок В. И. Сизова. В одном из курганов, исследованных В. И. Сизовым (1901 г.), отмечен обряд «порчи» оружия (13, с. 79). В фондах ГИМа также хранятся вещи (целые и в обломках) скандинавского происхождения (овальные, круглые, кольцевидные и равноплечая фибулы, железная гривна) из гнёздовских курганов, которые трудно увязать с конкретным погребением: опись 241 № 132, 136, 186, 232, 299, 354, 356, 449—451, 533, 535, 536; опись 1798 № 8, 14, 15, 47, 48, 72, 89; опись 1043 № 49, 53, 54, 58, 59; опись 1802 № 75.

Количественное описание исследуемой выборки курганов
(погребальных комплексов гнёздовского некрополя)

Курганная группа	Исследователь	ТС	ПТС	ТП	ПТП	ТПР	П	О
Центральная	В. И. Сизов	—	1	—	—	—	—	—
	С. И. Сергеев	34	7	1	9	1	11	30
	Н. В. Андреев	—	—	—	—	—	—	—
	Н. П. Милонов Д. А. Авдусин	2 57	— 89	1 44	— 1	— 38	— 80	3 25
	всего	93	97	46	10	39	91	58
Лесная	С. И. Сергеев	1	—	1	—	—	—	—
	Д. А. Авдусин	74	18	16	—	25	3	30
	всего	75	18	17	—	25	3	30
Ольшанская и Днепровская	С. И. Сергеев	11	1	—	—	—	—	4
	И. С. Абрамов	1	1	—	—	—	—	—
	Д. А. Авдусин	9	24*	17	—	3	8	10
	всего	21	26	17	—	3	8	14
Заольшанская	Е. Н. Клетнова	—	4	—	—	—	—	—
	Е. В. Каменецкая	40	2	36	—	1	3	7
	всего	40	6	36	—	1	3	7
Левый берег Днепра	Т. А. Пушкина	—	1	—	—	—	—	—
«1-я Днепровская»	Д. А. Авдусин	1	—	—	—	—	—	2
		230	148	116	10	68	105	111
		Всего 788						

* — без учета Оль-1(Абр.24).

- ТС — комплексы с остатками трупосожжения.
 ПТС — поврежденные комплексы с остатками трупосожжения.
 ТП — комплексы с остатками труположения.
 ПТП — поврежденные комплексы с остатками труположения.
 ТПР — курганы с возможными труположениями.
 П — поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы.
 О — «лустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы).

{206 комплексов с остатками сожжения на месте возведения насыпи) и 116 погребальных комплексов с остатками трупоположения; определенная информация может быть получена и при анализе поврежденных курганов (148 комплексов с остатками трупосожжения и 10 с остатками трупоположения).

* * *

Критерии, традиционно используемые при выделении скандинавских погребений, неравнозначны, принимая во внимание различный характер их взаимосвязи с конкретными половозрастными группами погребенных. Такие этнические индикаторы, как сожжение в ладье и железная гривна с «молоточками Тора», имеют скорее нейтральный характер, тогда как обряд порчи («втыкания») оружия символизирует прежде всего определенное отношение к владельцу оружия (мужчине), а овальные фибулы являются специфической деталью скандинавского женского костюма (16; 17, с. 120—121). Нужно также учитывать, что и погребения с железными гривнами или с испорченным оружием, и сожжение в ладье по сравнению с комплексами, имеющими скандинавские женские украшения, относительно малочисленны не только в Восточной Европе, и в частности в Гнёздове, но и в Скандинавии, а скандинавский мужской костюм в целом этнически невыразителен (18; 19, с. 67—70) ⁴.

Таким образом, для оценки удельного веса скандинавских погребений Гнёздова следует рассмотреть прежде всего наличие тех или иных этноопределяющих признаков ⁵ в комплексах, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных.

В 156 гнёздовских погребениях с остатками трупосожжения на месте ⁶ удалось определить достаточно однозначно половозрастную группу (или группы) погребенного. 80 поврежденных трупосожжений также возможно дифференцировать по половозрастной принадлежности кремированных (табл. 2). Мужские и женские одиночные погребения, а также парные погребения (мужчин и женщин) были выделены по характеру сопутствующего инвентаря ⁷, погребения детей и взрослых с детьми — по определению кальцинированных костей, сделанному Е. Г. Андреевой ⁸.

⁴ Тем не менее скандинавские мужские фибулы (кольцевидные, дугообразные), найденные в пределах собственно славянских земель Древнерусского государства, являются показателем скорее варяжского погребения, чем местного.

⁵ В данной работе наряду с традиционными индикаторами скандинавских погребений, используется такой признак, как «плоская» форма насыпи кургана. К плоским курганам отнесены насыпи, количественные показатели которых отвечают следующему условию: при диаметре основания насыпи не менее 15 м соотношение высоты насыпи и диаметра основания составляет не более 0,1—0,11, а соотношение высоты и диаметра верхней площадки — не более 0,15—0,2 м.

⁶ Материал погребений с остатками трупосожжения на стороне ввиду заведомо искаженного характера этих комплексов в данной работе не рассматривается.

⁷ К мужскому инвентарю отнесены элементы поясного набора, оружие, кресала, кольцевидные и дугообразные фибулы, остатки кафтана (не менее 4—5 пуговиц), предметы для игры; к женскому — украшения, женские фибулы, игольники, пружинные ножицы.

⁸ Биологически был определен остеологический материал лишь из раскопок 1970—1979 гг.

Наличие скандинавских этноопределяющих признаков в погребениях с остатками трупосожжения, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных

Половозрастная принадлежность	М	Ж	М + Ж	Р	В + Р	В	?
Погребения с остатками трупосожжения на месте (206 комплексов) СК (53 комплекса)	53+6?	31+9?	19+5?	15	11	7	50
	5	16	18	3	8	1	2
Поврежденные курганы с остатками кремации (148 комплексов) СК (23 комплекса)	12+13?	26+3?	5+3?	8	1	9	68
	2	15	4	1	1	—	—
Всего (354) СК (76)	65+19?	57+12?	24+8?	23	12	16	118
	7	31	22	4	9	1	2

М — погребение мужчины.

Ж — погребение женщины.

В — погребение взрослого человека.

Р — погребение ребенка.

? — погребение с неизвестной половозрастной принадлежностью погребенного.

СК — погребения со скандинавскими этноопределяющими признаками.

В 15 из 40 (31+9?) одиночных женских погребений были найдены элементы скандинавского женского костюма и предметы скандинавского языческого культа: обломки побывавших в огне овальных фибул (Дн-32, Серг.-33(44), Ц-4, 27, Л-4, 100, Серг.-35(46), 33(89))⁹, овальные фибулы в сочетании с другими (круглыми, трилистными) фибулами (Серг.-42(53), Л-23, 26/1)¹⁰, овальные фибулы и железные гривны (Серг.-7(65), Ц-169, ПОль-47)¹¹, 4 кургана отнесены к разряду плоских: Серг.-7(65), Л-4, 23, 38. В курганах Серг.-7(65) и Л-23 обнаружены также скандинавские амулеты (кресаловидная и щитообразная подвески), в ПОль-47 — подвеска со скандинавским зооморфным орнаментом. В погребении Серг.-35(46) найдена подвеска в виде четырех переплетенных «кресал». Железная гривна зафиксирована в кургане ПОль-65, где также было погребение женщины.

⁹ В кургане Ц-27 — овальная фибула типа 51 ЯП (по классификации Яна Петерсена, далее — ЯП), в Л-4 и Серг.-33 (89) — 52 ЯП, в остальных курганах тип овальных фибул неопределим; в кургане Ц-4 найдены также 2 маленькие бронзовые подковообразные фибулы. Маленькие подковообразные фибулы диаметром 1—2 см использовались для скрепления ворота рубашки.

¹⁰ В кургане Серг.-42(53) — 90 ЯП, тип овальной фибулы неопределим; в кургане Л-23 — 51 ЯП и 119 ЯП, в Л-26/1 — 55 ЯП и оплавленная круглая или трилистная фибула.

¹¹ В кургане Серг.-7(65) — 51 ЯП, в остальных — тип неопределим.

15 из 29 (26+3?) поврежденных курганов с остатками кремации женщин имели скандинавские женские застёжки и культовые вещи: обломки овальных фибул (Л-50, Дн-18, 45, Ц-28, 173, 206, Серг.-23(34))¹², овальные фибулы в сочетании с другими фибулами (Ц-87, 181, 252, Дн-6)¹³. В кургане Ц-5 найдены обломки железной гривны, фрагменты двухскорлупной овальной, равноплечей и круглой (?) фибул, в погребении Ц-312/II — игла от круглой (?) фибулы и маленькая подковообразная фибула. Маленькие подковообразные фибулы зафиксированы также в курганах Дн-6, Дн-39¹⁴, Дн-45. В кургане Ц-218 найдена железная гривна и кресаловидная подвеска, в погребении Ц-261 — железная гривна вместе с круглой фибулой (117 ЯП).

18 из 24 (19+5?) комплексов с парными погребениями (мужчин и женщин) имели те или иные скандинавские этноопределяющие черты погребального обряда: сожжение в ладье (Серг.-16(74), Л-47, Оль-1/24; возможное сожжение в ладье — Л-13)¹⁵, обряды с оружием (Ц-2/1, Л-13, 35, Серг.-18(86), плоские насыпи (Серг.-16(74), Л-33, Ц-1), железные гривны (Л-13, 47, 73, 33, Серг.-18(86) (2 экз.)), овальные фибулы (Серг.-15(26), Ц-2/1, 2/II, 287, Л-13, 47, 73, Оль-1/24, Серг.-18(86), 44(90), 41(52), 16(74))¹⁶, равноплечие фибулы (Ц-2/1, Л-35, Серг.-17(85))¹⁷, круглые и трилистные фибулы (Серг.-41(52), 16(74))¹⁸, скандинавские амулеты (Серг.-37(48), 16(74)). Кольцевидная фибула (237 ЯП) найдена в кургане Серг.-37(48), две иглы от круглой или трилистной фибул — в погребении Ц-279.

В кургане Лб-1, содержащем остатки парного погребения, поврежденного строительными работами, зафиксирован обряд порчи оружия, найдены обломки железной гривны, не менее 3 овальных фибул (37, 51, 52 ЯП), равноплечая фибула, игла от круглой или трилистной фибулы. В парном погребении 1885-20 также отмечен обряд порчи оружия и обнаружены обломки железной гривны. Еще в одном из поврежденных курганов с остатками сожжения мужчины и женщины (Дн-14) найдены обломки овальной фибулы (52 ЯП).

В 8 из 11 погребений, где по определению кальцинированных костей зафиксированы останки взрослого человека и ребенка, найдены скандинавские фибулы и железные гривны (Ц-99, 208, 245, ПОль-8, 12,

¹² В курганах Ц-28, Ц-173, Серг.-23(34) — 52 ЯП, в остальных — тип неопределим.

¹³ В кургане Ц-87 — 128 ЯП, тип овальной фибулы неопределим; в Ц-181 — 70—73 ЯП(?), игла овальной фибулы; в Ц-252 — игла овальной фибулы, равноплечая фибула; в кургане Дн-6 — обломки овальной фибулы, игла от круглой (?) фибулы.

¹⁴ В этом кургане обнаружена также подвеска со скандинавским зооморфным орнаментом.

¹⁵ По мнению А.-С. Грэслунд, к достоверным погребениям в ладье можно отнести курганы с количеством заклепок не менее 100, к возможным — курганы с 50—100 заклепками (20, с. 56—58).

¹⁶ Фибулы 52 ЯП обнаружены в погребениях Серг.-41(52), 44(90) (не менее 3 экз.), Ц-2/II, Ц-287; в кургане Серг.-18(86) найдено не менее 2 фибул, одна из которых — 55 ЯП; в остальных комплексах тип фибул неопределим.

¹⁷ В курганах Л-35 и Серг.-17(85) — 65 ЯП, в погребении Ц-2/1 — 70—73 ЯП.

¹⁸ В кургане Серг.-16(74) — 128 ЯП, две 90 ЯП(?); в Серг.-41(52) найдены также подвески со скандинавским зооморфным орнаментом.

16, Ц-113, 117)¹⁹. Связка скандинавских амулетов обнаружена в поврежденном кургане с погребением взрослого и ребенка (Ц-170).

В одном погребении ребенка (по определению костей) была найдена железная гривна (Ц-105), еще в одном — кольцевидная фибула (237 ЯП, Ц-148). В кургане ПОль-25 остатки кремации ребенка, видимо мальчика, были зафиксированы над могильной ямой, содержавшей погребение женщины с двумя овальными фибулами (51 ЯП). В одном из поврежденных курганов, содержавших кальцинированные кости «незрелого» человека, обнаружены обломки овальной фибулы (52 ЯП, Ц-175).

Из 59 (53+6?) выделенных погребений мужчин в трех курганах найдены кольцевидные фибулы (Ц-8—227 ЯП, в Л-113/1 и Л-49—237 ЯП), в кургане Серг.-5(55) — обряд порчи оружия. Еще один погребальный комплекс зафиксирован под насыпью «плоской» формы (Л-22). В поврежденном кургане Ц-20 обнаружена кольцевидная фибула (237 ЯП), в погребении Ц-265 — дугообразная фибула.

В кургане ПОль-21, в котором по определению кальцинированных костей погребен взрослый человек, найдена железная гривна.

Две железные гривны (Серг.-14(58)) и уникальный для Гнёздова лепной сосуд с загнутым внутрь венчиком, имеющий прямые аналогии в скандинавском материале (Л-77), зафиксированы в курганах, которые затруднительно отнести к той или иной группе комплексов, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных.

Обобщенные данные о погребальных комплексах, имеющих скандинавские этноопределяющие черты и дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных, представлены в табл. 2.

Показательно, что для захоронений по обряду трупосожжения характерно крайне незначительное число мужских погребений, отнесенных к скандинавским, и очень весомая доля норманских комплексов, выделенных в основном по деталям женского племенного костюма (одиночные женские погребения, погребения мужчин и женщин, большая часть погребений взрослого и ребенка). Таким образом, попытки выделения и оценки удельного веса скандинавского этнического элемента суммарно, без учета конкретной половозрастной характеристики погребального комплекса, заведомо ошибочны из-за фактически полного отсутствия критериев для вычленения погребений скандинавов-мужчин. Поэтому полагаем, что правомерен вариант количественного анализа скандинавских погребальных комплексов Гнёздова на основе лишь женских погребений. Однако в этом случае необходимо коснуться вопроса, поставленного В. А. Булкиным для Гнёздова и И. В. Дубовым для Тимерёва, об обоснованности идентификации погребений с овальными и иными фибулами скандинавского происхождения с погребениями женщин.

¹⁹ В кургане Ц-208 и Ц-245 — иглы от круглых (?) фибул, овальные фибулы (Ц-208 — тип неопределим, две 52 ЯП в кургане Ц-245); в кургане Ц-245 найдена также связка скандинавских амулетов. В курганах ПОль-12 и ПОль-16 — круглые фибулы (тип неизвестен, фибулы утрачены), в Ц-117 — кольцевидная фибула (237 ЯП), в Ц-99 — дугообразная фибула. Железные гривны обнаружены в курганах Ц-99, Ц-113, ПОль-8.

скандинавов. Прежде чем привести аргументы в пользу такой возможности, рассмотрим материал гнёздовских ингумаций, позволяющий более детально реконструировать разноэтничный погребальный костюм.

* * *

Из 126 гнёздовских ингумаций, исследованных к 1989 г., 29 следует отнести к так называемым камерным погребениям (комплекс X-1898, комплекс 14/VII-1899, Ц-66, 84, 86, 88, 157, 171, 191, 198, 212, 241/II, 249, 255, 290, 301, 306, Л-129, Оль-30, Дн-4, 13, 31, 40, ПОль-11, 25/II, 50, 61, 62, 76). Впервые погребения данного типа в Гнёздове предположил С. И. Сергеев, однако А. А. Спицын при публикации материалов его раскопок опустил достаточно ясное авторское описание погребения в подкурганной могильной яме (комплекс 14/VII-1899), включив чрезвычайно богатый и разнообразный инвентарь этого комплекса, а также вещевой материал ряда других погребений (поврежденных труположений, см. Приложение) в перечень находок из так называемого «кургана № 97» (7, с. 53—54)²⁰. Смоленская экспедиция под руководством Д. А. Авдусина столкнулась с камерными погребениями в 1950 г., но окончательную интерпретацию этот вид погребений получил несколько позже (22, 23).

А.-С. Грэслунд предложила несколько критериев для выделения камерных ингумаций. Основное различие между могилами с гробами и погребальными камерами исследовательница видит в возможности транспортировать гробы, в то время как камеры сооружались на месте погребения (20, с. 7). Важнейшими количественными показателями камерных погребений являются, по наблюдениям А.-С. Грэслунд, ширина могильной ямы²¹, а также соотношение ширины и длины²² (там же, с. 7—9, 12). Немаловажное значение при атрибуции камерных погребений имеют такие признаки, как уступы для лошади и разнообразный и «громоздкий» инвентарь (оружие, ведра, сундуки) (там же, с. 7, 12).

Д. А. Авдусин и Т. А. Пушкина указывают на обрядовые и конструктивные особенности камерных захоронений: остатки деревянной конструкции; размеры камер, которые «обычно значительно больше» размеров «обычных ингумаций»: «225×275 см, 320×150 см и т. д.»; различные позы погребенных: «вытянутые, скорченные на спине или на боку и сидячие»; сопровождение иногда человеческих погребений погребением коня; оружие в погребениях мужчин, «размещенное у костяка, или воткнутое в стенку» (23, с. 192).

Упомянутые 29 камерных погребений Гнёздова отнесены нами к данному виду труположений в могильных ямах на основании следующих критериев: 1) все комплексы с остатками труположения, ширина

²⁰ Впервые комплекс 14/VII-1899 как камерное погребение был рассмотрен В. А. Булкиным (21).

²¹ Обычно больше 120 см и не меньше 90 см; все ямы с шириной больше 135 см отнесены А.-С. Грэслунд к камерным погребениям.

²² Наиболее часто встречающееся соотношение — 0,6—0,7.

дна ямы которых составляет не менее 140—150 см, а соотношение ширины и длины дна ямы — от 0,6 до 1, являются погребениями камерного типа; 2) погребения, параметры ям которых отвечают следующему условию: ширина дна ямы — не менее 110—125 см, отношение ширины к длине — более 0,4, могут быть отнесены к камерным лишь при наличии таких дополнительных факторов, как сидячее положение погребенного или сохранившиеся остатки погребальных конструкций, сопоставимых по своим размерам с достоверными камерными погребальными сооружениями²³.

В 9 гнёздовских камерах были погребены мужчины (Ц-86, 88, 157, 249, Дн-40, Л-129, ПОль-11, 61, комплекс X-1898), еще в 3 случаях (Ц-191, 255, Дн-4) — погребения мужчин с лошадьми.

К одиночным погребениям женщин отнесены 12 камер (Ц-84, 171, 198, 212, 241/II, 290, 301, 306, Дн-31, ПОль-25/II, 50, 76).

В одной камере (комплекс 14/VII-1899) зафиксировано погребение мужчины и женщины, сопровождавшееся погребением коня. В камере кургана Оль-30 были похоронены, по-видимому, 4 человека: 2(?) женщины и 2(?) мужчин, а также 2 лошади. В кургане ПОль-62 обнаружено погребение 2 мужчин.

В двух случаях половозрастную принадлежность погребенных установить не удалось: в кургане Дн-13 на дне камеры находилась лишь деревянная чаша с серебряными оковками по венчику, инвентарь камеры Ц-66 также оказался маловыразительным: обломок дирхема, гирька.

В 5 камерах (Ц-198, 212, 241/II, 306, 301(?)) погребенные женщины, судя по расположению останков и инвентаря, были похоронены в сидячем положении. Последнее, будучи отличительной чертой камер Бирки (20, с. 37—38), позволяет, учитывая и характер инвентаря, с уверенностью отнести эти погребения к скандинавским. Интересно, что скандинавки в этих камерах были похоронены в разной одежде. В кургане Ц-198 на женщине была рубашка (ворот застегнут маленькой подковообразной фибулой), поверх которой — юбка на двух бретелях, скрепленных овальными фибулами (51 ЯП). Между овальными располагалась также маленькая круглая фибула (вероятно, скрепляла шаль или верхнюю тунику (19, с. 63)). Две овальные фибулы (51 ЯП) найдены также в кургане Ц-306, под фибулами сохранились фрагменты шелковой ткани и обрывки бретелей юбки (23, с. 196). Женщина, погребенная в камере кургана Ц-212, по-видимому, была одета в рубашку, а на плечи накинута шаль, скрепленная на груди равноплечей фибулой. Аналогичный комплект одежды зафиксирован в камере Ц-301. Заметим также, что в этом погребении, в берестяной коробке, были найдены остатки шелкового платья типа туники, льняной гофрированной рубашки и юбки, среди которых обломки овальной фибулы (там же, с. 201). От погребальной одежды женщины, похороненной в камере Ц-241/II, никаких следов не сохранилось (на шее погребенной была обнаружена железная гривна с привесками). Не зафиксированы элементы женского

²³ Комплексы X-1898 и 14/VII-1899, учитывая обстоятельства их обнаружения, отнесены к камерам по характеру погребального инвентаря.

скандинавского костюма и в камере кургана Дн-31, где, возможно, женщина также была погребена в сидячем положении²⁴.

Две овальные фибулы (51 ЯП) найдены в камере Польш-25/II; женщина в этом погребении была похоронена в вытянутом положении на спине. В камере кургана Ц-290 маленькая подковообразная фибула обнаружена в верхней части грудной клетки, погребенной в вытянутом положении на спине женщины.

В камере кургана Ц-171 не было найдено предметов, связанных с женской одеждой. Это погребение интересно сочетанием гроба, сбитого 30 гвоздями и содержавшего останки женщины, и камеры столбовой конструкции, в которую гроб был помещен. А.-С. Грэлунд особо обращает внимание на отсутствие гробов в камерах Бирки, указывая на типичность данного обряда для Дании и Сев. Германии (20, с. 36, 38, 46, 47).

Не сохранилось следов одежды и в погребениях женщин в курганах Польш-50 и Польш-76; в камере кургана Ц-84 обнаружена бронзовая пуговица, однако ее точное расположение на дне ямы не было зафиксировано.

От погребальной одежды женщины из парного погребения, описанного С. И. Сергеевым (комплекс 14/VII-1899), сохранились 2 овальные фибулы (52 ЯП) и маленькая подковообразная фибула. Погребения женщин в кургане Оль-30 были выделены по двум парам серебряных проволочных, перстнеобразных, с завитком на одном конце височных колец, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга, среди сохранившихся волос разного цвета.

Погребения в обычных ямах также дают интересный материал для изучения погребальной женской одежды. Из 85 труположений²⁵ 16 отнесены к женским (Ц-61, 262, 276, 289, 292, Л-121, 124/II, 137, 139, Дн-3, 17, Польш-5, 7, 27, 42, 52).

В 5 погребениях были обнаружены височные кольца (Ц-262, 276, 289, Л-137, Дн-17). В 3 курганах под нижней челюстью погребенной женщины найдены по одной бронзовой пуговице (Ц-61, Л-124/II, Дн-3), в верхней части грудной клетки женщины, похороненной в кургане Ц-289, обнаружены две пуговицы.

На женщине, останки которой зафиксированы в могильной яме под насыпью кургана Польш-5, была, вероятно, рубашка, скрепленная маленькой подковообразной фибулой. Обломки фибулы от ворота рубашки найдены и в кургане Польш-27. Бронзовая подковообразная фибула диаметром 2,5—3 см с концами, оформленными в виде головок дракона,

²⁴ На остатках тазовых костей найдены ножницы, ключ, бронзовый игольник и бронзовая полая подвеска-уточка с двумя бутылковидными привесками (тип XVIII вариант 1, по Е. А. Рябину (24, с. 35—36)). Сверху на вещах был обнаружен небольшой фрагмент ткани.

²⁵ Еще 12 погребальных комплексов с остатками труположения по ряду обстоятельств затруднительно отнести к той или иной выделяемой нами группе гнездовских ингумаций. В двух из этих «поврежденных» комплексов зафиксированы остатки женского скандинавского костюма: комплекс 24/VIII-1899 — 2 овальные двухскорлупные фибулы (сохранились лишь нижние скорлупки), трилистная фибула (97 ЯП); комплекс 28/IV-1900 — 2 овальные фибулы (51 ЯП), круглая фибула (128 ЯП).

обнаружена в нижней части грудной клетки женщины, погребенной в кургане Ц-292 (на уровне пояса найдены также 3 бронзовые пуговицы).

Отметим, что для славянского костюма (как мужского, так и женского) характерны рубашки, ворот которых застегивался обычно на 1—2 пуговицы (25, с. 36, 43; 26, с. 43, 44), тогда как вариант скрепления ворота фибулой типичен для народов, в costume которых фибулы и булавки разных типов играют важнейшую роль (25, с. 161, 177, 180, 185, 194; 19, с. 60). Для Гнёздова это обстоятельство может означать, что маленькие подковообразные фибулы, найденные в погребениях, скорее скрепляли рубашки скандинавок, а пуговицами, как правило, пользовались славянские женщины.

Несколько вариантов погребального костюма мужчин реконструируется по материалам камерных погребений. Общей чертой большинства погребальных комплексов является наличие застежки от плаща — бронзовой или железной подковообразной фибулы с гранчатыми или спиральными концами (в одном случае — кольцевидная фибула 227 ЯП). Расположение фибул в погребениях достаточно разнообразно: на правом плече (ПОль-61, 62 — погребение 1), под нижней челюстью (ПОль-11), на груди (Л-129), у левого (Ц-157, 191, Дн-40) или правого бедра (Ц-249, Дн-4), у правого колена (ПОль-62 — погребение 2), на поясе (Ц-255, Оль-30 — погребение 2). Нет сведений о расположении фибулы из комплекса 14/VII-1899.

В 4 случаях (Ц-86, 191, 249, Дн-40) умерший был подпоясан, то есть на нем, видимо, была рубашка или поясной кафтан без застежек (18, с. 12—16). В камере Ц-255 пояс с сумкой был положен на грудь умершему, в кургане Л-129 — лежал рядом (?) с погребенным.

В 4 камерах на умерших был надет кафтан, застегивающийся спереди на пуговицы (Ц-157—12 пуговиц, Л-129—8 пуговиц, Дн-4—24 пуговицы, ПОль-62 — погребение 1—10 пуговиц). В кургане ПОль-11 остатки подобного кафтана (13 пуговиц) обнаружены между стенкой камеры и головой погребенного. В камере Дн-4 также у головы был положен еще один кафтан (8 пуговиц). В камере кургана ПОль-61 найдены остатки кафтана (?), застегивавшегося на 3 пуговицы.

На одном из мужчин, похороненных в камере ПОль-62 (погребение 2), по-видимому, была надета рубашка, ворот которой застегивался на одну пуговицу (аналогичное скрепление ворота рубашки зафиксировано и в камере Дн-40). Вероятно, в кургане Ц-86 также обнаружена рубашка: 2 пуговицы с остатками ткани, завернутой (?) в бересту, находились в ногах у погребенного.

Ни в одном из 19 погребений мужчин в обычных ямах (Ц-14, 94, 140, 197, 222, 240, 258, 288, Л-95, 105, 123, Дн-12, 30, 35, ПОль-4, 20, 31, 56, 64) кафтан с пуговицами не был найден. В 4 погребениях (Л-95, Дн-12, ПОль-56, 64) зафиксированы застежки плаща, в 5 комплексах — остатки пояса (Ц-94, 222, Л-95, Дн-35, ПОль-20), в 5 случаях — бронзовая пуговица (Ц-288, Л-95, Дн-30, 35, ПОль-31).

Вплоть до 1970-х годов в отечественной историографии преобладало мнение о славянском (северянском или полянском) характере камерных ингумаций (27, с. 69; 28, с. 16—17; 29, с. 56; 30, с. 112—114; 31; 32, с. 227—230; 17, с. 170—171). Советские исследователи, споря с вывода-

ми Т. Арне, рассмотревшего материал 3 шестовицких камер (33), отрицали не только норманскую принадлежность, но и скандинавские истоки этого типа погребений. В настоящее время норманский характер камер шестовицкого могильника, представляющих, за исключением Гнёздова, наиболее достоверный источник изучения данной разновидности обряда трупоположения на древнерусской территории, обоснован не только археологически (34), но и нашел подтверждение в антропологическом материале (35, с. 81).

Результаты исследования гнёздовских камер в целом не противоречат выводам, сделанным на шестовицком материале, хотя сам факт погребения в камере, видимо, не может считаться жестким этноопределяющим показателем. В большинстве женских гнёздовских камерных погребений (9 из 12) имелись предметы, связанные со скандинавским женским костюмом, и специфические черты обряда погребения (в сидячем положении; в гробу), характеризующие этнический облик погребенных достаточно однозначно. Мужские камеры Гнёздова, как и мужские скандинавские погребения вообще, уступают по этнической выразительности женским. Важными чертами, позволяющими, помимо самой идеи погребения в камере, отнести некоторые мужские комплексы к скандинавским, являются: сидячая поза погребенных (Ц-249, 191, Л-129, Ц-157(?)), ритуал порчи оружия (намеренно сломанный скрамасак — ПОль-11). Достаточно выразительный североευропейский оттенок придают погребениям кольцевидная фибула (ПОль-62), набор стеклянных шашек (13 экз.) и деревянная игральная доска (Оль-30). По-видимому, к возможным признакам мужских скандинавских погребений следует отнести и такой вид парадной одежды, как кафтан с большим числом пуговиц-застежек²⁶. Интересно, что в 5 из 6 парных трупосожжений с остатками кафтана (Серг.-17(85), Л-73, Ц-287, Лб-1, Дн-14) зафиксированы скандинавские этноопределяющие признаки. В 7 комплексах с одиночными погребениями мужчин²⁷ по обряду кремации найдено от 4 до 10 пуговиц (Серг.-5(55), ПОль-25/1, Л-17, 22, 69, 103, Ц-106), из них 2 комплекса (ПОль-25/1 и Серг.-5(55)) ранее были отнесены нами к скандинавским. Добавим также, что знатный «рус» (предводитель скандинавских купцов), погребение которого так детально описано Ибн-Фадланом, был кремирован «в парчовом кафтане с пуговицами из золота» (37, с. 144).

* * *

Итак, можно ли использовать овальные и другие фибулы североευропейского происхождения в качестве индикаторов скандинавских погребений? Рассмотрим доводы авторов, отрицающих такую возможность.

В. А. Булкин представляет историю Гнёздова в виде плавной естественной эволюции полиэтничного населения в нечто однородное, име-

²⁶ Этот тип мужского костюма не является исконно скандинавским; как полагают (36, с. 60), кафтан был заимствован на Востоке. В Бирке «восточный кафтан» (по Х. Арбману) зафиксирован в 5 ингумациях (19, с. 68).

²⁷ Комплекс ПОль-25/1 — погребение мальчика.

нуемое «гнёздовской группой кривичей». Стержнем всей концепции автора является выдвинутое им положение о гнёздовском некрополе как важнейшем звене между культурой смоленских длинных курганов и древнерусской курганной культурой XI в. (4, с. 50). Факт, что скандинавские древности исчезают повсюду в Восточной Европе к началу XI в., понимается В. А. Булкиным как закономерный итог постепенной ассимиляции варяжского элемента. Относя финальную стадию существования гнёздовского некрополя к первой половине XI в. и связывая с этим периодом «единственный тип погребения — труположение под небольшой круглой полусферической насыпью» (там же, с. 38), он пытается обосновать естественный характер исчезновения типичных элементов скандинавской культуры существованием в истории «классического» Гнёздова полувекового периода без «специфического» (по В. А. Булкину) скандинавского оттенка. А идеи о «динамизме» процесса межэтнических взаимоотношений в Гнёздове и о том, что «наличие здесь или иных этнических группировок находят свое выражение в погребальном обряде только как тенденция» (там же, с. 46), служат теоретическим обоснованием нескандинавского характера погребений второй половины X — начала XI в., имеющих овальные фибулы, железные гривны с «молоточками Тора» или содержащих остатки сожжения в ладье. Процесс «размывания» скандинавского элемента наиболее показателен, по В. А. Булкину, на примере эволюции погребального обряда так называемых «больших курганов». «Бесспорно, что такие черты обряда больших курганов, как, например, сожжение в ладье, восходят к погребениям норманнов, поселившихся здесь среди местного населения во второй половине IX — начале X в. Однако как бы ни были те же черты «очевидными» в больших курганах, ни один из них нельзя признать норманским... Во второй половине X в. обряд сожжения в ладье становится привилегией высшего слоя гнёздовского коллектива. Следовательно, этот признак теряет свою былую этническую нагрузку и приобретает совершенно новую — социальную. А это делает неразличимыми индивидуальные этнические черты погребенного в кургане» (38, с. 144). Таким образом, факт, что в «нескандинавских» «больших курганах» найдены женские скандинавские украшения и предметы скандинавского языческого культа, дискредитирует, по мысли В. А. Булкина, саму возможность использования овальных фибул и железных гривен в качестве этноопределяющих признаков.

Анализ погребальных комплексов, отнесенных исследователем к разряду «больших курганов», позволил убедиться в искусственности этого объединения²⁸. Ошибочна и точка зрения В. А. Булкина о позднем характере гнёздовских труположений, об ингумациях как результате развития местного погребального обряда²⁹. С одной стороны, курганы с остатками труположений соседствуют с курганами, содержащими остатки кремации, не обособляясь от них и не располагаясь на окраинах некрополя, как считает В. А. Булкин, с другой стороны, те

²⁸ Ограниченные рамки данной работы не позволяют остановиться на подробной аргументации нашего вывода.

²⁹ Хотя В. А. Булкин опирался на материалы не более 10 гнёздовских труположений, опубликованных к 1973 г., это не оправдывает неточность его выводов.

ингуляции, которые поддаются определению, датируются второй половиной X — рубежом X и XI вв. (3, с. 72). А так как максимум скандинавских древностей приходится не на конец IX — первую половину X в., как хотелось бы видеть В. А. Булкину, а на середину — вторую половину X в. (там же, с. 77), то не приходится говорить об этническом единстве населения в финальный период существования «классического» Гнёздова. Таким образом, нельзя признать обоснованной мысль В. А. Булкина о невозможности использования традиционных индикаторов скандинавских погребений из-за ассимиляции варягов в Гнёздове, так как не доказан сам факт этой ассимиляции.

Подобную позицию по отношению к скандинавским древностям занимает И. В. Дубов. Исследователь, довольно непринужденно обращающийся с выделенными им индикаторами «славянских» и «мерянских» погребений (4, с. 118, 121, 122), в то же время при изучении комплексов со скандинавскими женскими украшениями противоречит самому себе, отрицая этноопределяющие возможности этих украшений: «Такой подход к этническим определениям представляется неверным, так как не учитывается, во-первых, динамика развития, а во-вторых, активный процесс смешения населения, жившего на одном селище, хоронившего на одном кладбище, который отражается в размывании и переплетении различных этнических черт» (40, с. 55). Однако И. В. Дубовым в данном вопросе руководит не стремление к объективности, а, скорее, желание не прослыть норманистом, так как, «имея большое количество скандинавских женских погребений, надо, видимо, говорить об организованном массовом переселении» (там же, с. 56).

Женские скандинавские фибулы (в первую очередь овальные) являются надежным индикатором норманского присутствия в славянской среде вообще и в Гнёздове в частности. Принципиальное различие в покрое славянской и скандинавской женской одежды (41, с. 93) и особая этносоциальная роль костюма, который был «не только знаком интеграции группы, этноса, культуры, но и средством противопоставления своей общности чужой» (42, с. 176), не позволяют рассматривать женские скандинавские украшения в качестве предметов международной торговли. В отличие от прибалтийско-финских племен, у которых женский костюм в общем аналогичен скандинавскому (41, с. 93; 18, с. 31—40) и на территории которых встречены не только образцы работы североευропейских ювелиров, но и местные подражания «классическим» овальным фибулам, а также местная переработка орнаментальных мотивов (18, с. 33; 43, с. 103—104), в славянских землях скандинавские фибулы не имеют местных аналогов и исчезают одновременно с другими древностями скандинавской культуры, не оставив подражаний. По всей видимости, славянские женщины не испытывали нужды в одежных застежках ни до «знакомства» с норманнами, ни в XI в.

Спорным представляется мнение А. Стальсберг, считающей, что «славянские женщины могли использовать одну фибулу, поэтому в славянском окружении можно признать скандинавкой женщину, погребенную с парой фибул» (44, с. 75). Такой подход кажется излишне осторожным, абстрактным. Закрепление в качестве атрибута скандинавского захоронения именно двух фибул противоречит реальным усло-

виям формирования погребальных комплексов с остатками кремации, из которых происходит абсолютное большинство овальных фибул, найденных на территории Древней Руси (45). Действие огня неизбежно и непредсказуемо изменяет и состав, и внешний вид инвентаря погребения, поэтому предлагаемый А. Стальсберг количественный критерий для комплексов с остатками кремации нельзя признать удачным. В Гнёздове из 43 трупосожжений (включая и поврежденные комплексы) с овальными фибулами, входящих в нашу выборку погребений, лишь в 5 случаях (Серг.-16(74), Ц-245, Серг.-18(86), Лб-1, Серг.-23(34)) отмечено не менее двух фибул. В Бирке также значительную часть трупосожжений с овальными фибулами составляют комплексы с единичными экземплярами фибул³⁰.

Не подтверждает точку зрения А. Стальсберг и материал курганов с остатками труположений. Камерное погребение из кургана Ц-301, содержащее обломки одной фибулы, безусловно относится к скандинавским комплексам. Единичные фибулы встречены и в ингумациях Бирки (41, с. 93). Возможные варианты объяснения непарности овальных фибул в погребениях предлагает В. Гинтерс (18, с. 39—40). Кроме того, юбки на бретелях, скрепленные овальными фибулами, не являются единственным вариантом «погребальной» одежды скандинавов. Гнёздовские ингумации (Ц-301, 212, 241/II) дают иной тип женской одежды, однако отсутствие овальных фибул не делает эти комплексы «менее» скандинавскими³¹.

Таким образом, «технологический» характер фрагментарности погребального инвентаря трупосожжений, отсутствие жесткого стандарта в погребальной одежде скандинавских женщин и то обстоятельство, что для славянского женского «погребального» костюма фибулы, судя по гнёздовским материалам³², вообще не характерны, не позволяют согласиться с предлагаемыми А. Стальсберг количественными критериями этнической атрибуции погребальных комплексов, неоправданно сужающими число вероятных погребений скандинавов. Отметим в этой связи важность находок единичных равноплечих или круглых фибул, которые в славянской среде также могут служить индикаторами скандинавских погребений.

А. Стальсберг в качестве гипотетической модели указывает также на возможность погребения нескандинавов «с наборами скандинавских вещей»: «это могли быть жены или наложницы скандинавов из местной среды» (44, с. 78). Исследовательницу смущает значительная доля парных погребений со скандинавскими фибулами, а так как «трудно

³⁰ В Бирке из 26 трупосожжений с овальными фибулами в 16 случаях найдены обломки одной фибулы, в 6 погребениях — не менее одной, может быть, двух фибул, в 4 — не менее двух застежек (46).

³¹ А.-С. Грэнслунд, указывая, что менее трети из 83 «женских» трупосожжений Бирки содержали фрагменты или целые овальные фибулы, тогда как другие типы (равноплечие и круглые фибулы) встречены чаще, также предполагает иной тип «погребальной» одежды: петли бретелей юбки, возможно, были связаны тесьмой, или же женщина была похоронена в рубашке, завернутая в шаль (20, с. 81—82).

³² Данная категория инвентаря в погребениях женщин фактически представлена только скандинавскими типами.

предположить, что оба супруга одновременно умерли мирной смертью», то «более вероятно, что вместе с погибшим мужчиной хоронили убитую наложницу» (44, с. 78). Непонятно, почему «убитая наложница» должна быть обязательно «местной». С таким же успехом она могла бы быть, к примеру, дочерью ирландского короля, которую купил Хаскульд у Гилли Гардского в «Саге о людях из Лаксдаля». Одежда наложницы не понравилась Хаскульду: «Немного истрачено на одежду, которую дал тебе Гилли Богач». Он «открыл сундук и вынул оттуда хорошую женскую одежду, и дал ей» (47, с. 271). По-видимому, покрой одежды рабыни зависел в немалой степени от этнической среды, в которой обитал ее хозяин. Поэтому, развивая мысль А. Стальсберг, можно с неменьшим основанием заподозрить «неместное» происхождение женщин, похороненных в традиционном скандинавском костюме, из парных погребений Бирки.

В Гнёздове (табл. 2, 3) погребения скандинавок составляют от 40% (курганы с ингумациями) до 50% (трупосожжения) от общего числа выделенных одиночных погребений женщин. В целом, учитывая, по-видимому, естественный характер соотношения различных половозрастных групп гнёздовского населения (то есть приблизительно равное количество мужчин и женщин), и считая, что выявленная тенденция разделения погребений женщин по этническому признаку адекватно отражает общую этническую ситуацию в Гнёздове, следует признать,

Таблица 3

Наличие скандинавских этноопределяющих признаков в погребениях с остатками труположения, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных

Половозрастная принадлежность	М	Ж	М + Ж	М + М	Р	?
Камерные погребения (29) СК (21)	12 9	12 9	2 2	1 1	— —	2 —
Погребения в «обычных» ямах (85) СК (1+2?)	19 —	16 2?	— —	— —	14 1	36 —
«Поврежденные» комплексы (12) СК (2)	5 —	2 2	— —	— —	— —	5 —
Всего (126) СК (24+2?)	36 9	30 11+2?	2 2	1 1	14 1	43 —

М — погребение мужчины.

Ж — погребение женщины.

Р — погребение ребенка.

? — погребение с неизвестной половозрастной принадлежностью погребенного.

СК — погребения со скандинавскими этноопределяющими признаками.

что скандинавам принадлежит не менее четверти гнёздовских погребений³³.

Достаточно спорна возможность сопоставления удельного веса скандинавских погребений в ранний (конец IX — первая половина X в.)³⁴ и поздний (середина X — начало XI в.) периоды существования Гнёздова из-за крайне незначительного числа выделенных нами погребений раннего периода (Л-13, 38, 47, 5(?), 17(?), 52(?), 106(?), Ц-105(?)). Нужно также учитывать, что скандинавские древности являются наряду с керамикой основным датированным фактором. Поэтому неудивительно, что не менее половины погребений, отнесенных к раннему периоду Гнёздова, принадлежат норманнам.

Вопросы социального статуса скандинавов, погребенных в гнёздовских курганах, в предшествующих работах в целом не рассматривались: как правило, основное внимание уделяется материалу из наиболее крупных насыпей, раскопанных В. И. Сизовым, С. И. Сергеевым, И. С. Абрамовым и Д. А. Авдусиным. Расходясь в определении этноса погребенных, исследователи солидарны в характеристике их социального положения: в данных курганах похоронена знать, социальная верхушка Гнёздова (13, с. 118, 119, 123; 48, с. 323; 4, с. 49; 49, с. 91—92). Не отрицая бесспорный характер указанного социального статуса погребенных в больших курганах, необходимо дополнить эту характеристику выводами относительно внутренней социальной стратификации гнёздовских норманнов. В качестве критерия выберем размеры насыпей курганов. А. Стальсберг, проведя аналогичный анализ, считает, что «скандинавы на Руси главным образом принадлежали к верхушке средних слоев общества» (44, с. 76). Анализ высот насыпей гнёздовских курганов (табл. 4) показывает, что четыре пятых всех скандинавских комплексов имели насыпь до 1,5 м, а около половины — до 1 м в высоту. Высота восьми насыпей не превышала полуметра, в пяти случаях (6 погребальных комплексов) была больше 2,5 м.

Если признать, что размеры курганной насыпи в целом верно отражают прижитный социальный статус погребенного, то следует сделать вывод о сложном, достаточно неоднородном социальном составе скандинавов, погребенных в Гнёздове. Охарактеризовать конкретный социальный статус норманнов, погребенных в курганах высотой до 1,5 м, не представляется возможным. Однако ясно, что мужчины и женщины, над останками которых были насыпаны курганы выше 2,5 м, занимали наиболее заметное место в обществе. Отметим также, что нескандинавских погребений в курганах, высота которых была бы больше 2,5 м, в Гнёздове, по данным нашей выборки, нет. По-видимому,

³³ При условии, что среди погребений с неизвестной половозрастной принадлежностью погребенных нет скандинавских комплексов (то есть по одной трети от количества таких комплексов нужно прибавить к общему числу женских погребений и вновь определить долю скандинавских комплексов), доля скандинавских погребений в курганах с остатками трупосожжения составит 27,5% [$31 : (69 + 15 : 3 + 116 : 3) \times 100\%$], а в курганах с остатками трупосожжения — 25—29% [$(11 + 2?) : (30 + 43 : 3) \cdot 100\%$].

³⁴ Наличие в Гнёздове хотя бы одного погребения IX в. никем не доказано (Ред.)

Таблица 4

Высота насыпей курганов, не имевших повреждений

Высота насыпи кургана, м	До 1	До 1,5	До 2	До 2,5	Свыше 2,5	Всего
Трупосождения на месте Скандинавские комплексы	104 18	64 16	25 11	7 2	6 6	206 53
Трупоположения Скандинавские комплексы	96 15	11 5	4 1	1 1	— —	112 22
Всего	200	75	29	8	6	318
Скандинавские комплексы	33	21	12	3	6	75

скандинавов нельзя считать чужеродным элементом гнёздовского общества, они являлись его органичной частью, не занимая какой-либо одной социальной ячейки и не доминируя в ней (исключая «верхушку» общества).

Вопросы определения прижизненного общественного положения погребенных на Руси норманнов неразрывно связаны с проблемой социальной атрибуции камерных ингумаций, которые принято рассматривать в качестве специфического погребального обряда дружинников, как правило, скандинавского происхождения, «находящихся на службе у русских князей» (50, с. 31), как погребения представителей «высшей дружинной знати, вероятно, непосредственно связанной с Киевом» (51, с. 73). Излишне конкретная характеристика социального положения варягов, погребенных в камерах, вызывает, на наш взгляд, возражения. При интерпретации камерных могил Древней Руси обычно ссылаются на работы Г. С. Лебедева о камерах Бирки, которые он характеризует как погребения королевских дружинников (52; 53, с. 151—156). В одной из своих последних работ Г. С. Лебедев указывает, что «эта атрибуция сейчас не вызывает принципиальных возражений и у скандинавских исследователей могильника Бирки» (54, с. 81). Между тем А.-С. Грэнслунд, к мнению которой апеллирует Г. С. Лебедев, возражает против такой «узкой» интерпретации (20, с. 79—82). Она полагает, что в камерах погребали людей очень высокого социального положения (предводители дружин и их родственники, купцы — скандинавы и нескандинавы — и их семьи) (там же, с. 86). Приведя аргументы, противоречащие связи камерных погребений Бирки именно с «королевскими дружинниками» (там же, с. 81), А.-С. Грэнслунд указывает на то, что здесь погребальные камеры не имеют местных прототипов, и появление их, очевидно, связано с интернациональным характером Бирки и особенно с купеческим слоем (20, с. 86). Полагаем, что и атрибуция камерных могил Древней Руси и Гнёздова, в частности, не может быть ограничена лишь дружинной средой. Обряд погребения в камерах следует рассматривать как

один из вариантов обряда, характерного главным образом для преуспевающих варягов (воинов и купцов) и их семей³⁵.

Одна из центральных проблем гнёздовской скандинавистики — вопрос о судьбе норманнского элемента, обычно связываемой с ассимиляцией скандинавов славянами. Помимо аргументов В. А. Булкина, уже рассмотренных нами и признанных неубедительными, некоторые доказательства процесса ассимиляции норманнов в Гнёздове приводятся в работах Д. А. Авдусина и В. Я. Петрухина. Д. А. Авдусин полагает, что о гнёздовских варягах как в большинстве случаев о «втором поколении скандинавов» «говорят и особенности погребального обряда и вещи-«гибриды» (3, с. 78). В. Я. Петрухин, ссылаясь на мнение Д. А. Авдусина, также отмечает «ослабление собственно скандинавских черт» в обрядности гнёздовских норманнов, а «метисные формы отдельных предметов» служат отражением процесса ассимиляции варягов (42, с. 178, 179). Наличие в кострищах некоторых гнёздовских курганов отдельных заклепок, которые Д. А. Авдусин интерпретирует как «пережиток обряда погребения в ладье» (1, с. 83), а В. Я. Петрухин — как «деградацию типичного для эпохи викингов погребения в ладье» (49, с. 91), не может, по нашему мнению, служить серьезным аргументом ни для изобретения особого обряда — помещения в погребение нескольких заклепок в качестве символа ладьи (там же), ни для использования этих заклепок в качестве доказательства ассимиляции скандинавов. К примеру, в Бирке 285 кремаций содержали заклепки (от 1 до 150), и лишь 25 комплексов из них отнесены А.-С. Грэслунд к возможным сожжениям в ладье (20, с. 56—58).

«Гибридные» вещи отражают, на наш взгляд, прежде всего культурную метисацию, которая отнюдь не всегда адекватна этнической. «Гибриды» настолько немногочисленны³⁶, что могут, по-видимому, рассматриваться как уникальные вещи, появление которых было вызвано особыми обстоятельствами — например, творческой индивидуальностью ремесленника. Нет никаких свидетельств в пользу того, что «такне гибридные» вещи вряд ли могли приобретаться скандинавами, только что приехавшими с родины» и что, «видимо, их сбыт был рассчитан на людей, плохо помнивших обычаи Скандинавии» (1, с. 78).

По В. Я. Петрухину, процесс этнической метисации в Гнёздове отражает и тот факт, что «основным обрядом во всех курганах становится сгребание кострища к центру» (42, с. 181). Это утверждение не соответствует действительности. Из 206 погребений с остатками трупосожжений на месте, входящих в нашу выборку, обряд сгребания кострища — создание мощной зольной-угольной «подушки» диаметром до 1—1,5 м из остатков прогоревшего погребального костра, в центре которой,

³⁵ В Бирке из 119 погребений в камерах в 55 могилах похоронены мужчины, в 44 — женщины, в 8 случаях — мужчины и женщины, в 2 — дети (20, с. 30). В Гнёздове доля «женских» камер также довольно велика — 12 из 27 комплексов, в которых возможно определение половозрастной принадлежности погребенных.

³⁶ Д. А. Авдусин упоминает меч из кургана II-2 и уздечку из случайных находок С. И. Сергеева (1, с. 78); некоторые сведения о других вещах-«гибридах» см. в работе Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко (55, с. 238—239, табл. IV).

как правило, располагался сосуд с кальцинированными костями (урна) — был зафиксирован только в 7 случаях. (Л-1, 3, 4, 44, Поль-3, Дн-15, Ц-82).

Таким образом, исследователи, отстаивающие положение о славянской ассимиляции норманнов в Гнёздове, не привели в общем ни одного археологического доказательства этого предположения. Полагаем, что необходимыми условиями для процесса этнической ассимиляции являются возможность достаточно продолжительных контактов между лицами разных этнических групп и оторванность одной из групп от своей родины. Факт, что скандинавы жили постоянно в Гнёздове, не вызывает сомнений: об этом говорит значительное число женских погребений и погребения взрослых и детей. Свидетельством в пользу данного обстоятельства является и достаточно разнообразный материал, характеризующий скандинавскую культуру эпохи викингов, с гнёздовских поселений, где среди прочих находок норманских древностей, обнаружены обломки глиняных литейных форм для овальных фибул.

Отсутствие, по-видимому, сколько-нибудь значительной концентрации скандинавских погребений во всех группах гнёздовского могильника³⁷ может служить косвенным подтверждением необособленного проживания норманнов в Гнёздове.

Однако нет никаких свидетельств об утрате связей гнёздовских скандинавов с родиной. Наоборот, археологически уловим постоянный приток норманнского элемента по крайней мере в течение второй половины X в., нашедший свое отражение в синхронности типов овальных фибул в Скандинавии и на Руси, сменяемости ранних более поздними типами, отсутствии местных типов. Сложная социальная структура скандинавской «общины» Гнёздова также, по-видимому, могла служить стабилизирующим фактором этнической целостности. Поэтому можно лишь частично согласиться с А. Стальсберг, указавшей, что на Руси «по меньшей мере, после смерти — а, вероятно, и при жизни, скандинавы были растворены в местной среде» (44, с. 76), так как растворение при жизни достаточно спорно.

Следует также отметить, что какая-то часть женских погребений могла быть оставлена и «проходящими» норманнами. Например, по сообщению Ибн-Фадлана, женщины (скандинавки, судя по описанию их одежды) участвовали в торговых экспедициях скандинавов. О плавании женщин вместе с мужьями на торговых кораблях упомянуто и в «Саге о Греттире» (56, с. 26—29).

Известные по письменным источникам факты ославянивания первых представителей династии Рюриковичей и инфильтрации некоторых варягов в состав местной знати лишь одно из проявлений этнического взаимодействия славян и скандинавов в рассматриваемый период. Необходимо помнить, что основные интересы скандинавов на Руси заключались все-таки в добывании богатства, и служба в многочисленных наемных дружинах носила временный характер, сходный с походами

³⁷ Обстоятельное рассмотрение вопроса о топографии скандинавских погребений из-за различной степени изученности курганных групп некрополя пока преждевременно.

викингов в Западной Европе, в которых, судя по сообщениям саг, как правило, участвовала неженатая молодежь. Поэтому неудивительно, что варяжские дружины на Руси составляли особые отряды, не только действовавшие как самостоятельные боевые подразделения в сражениях, но и жившие обособленно в перерывах между походами (57, с. 63—65). Возвратившиеся на родину оставшиеся в живых счастливицы способствовали распространению в Скандинавии воспринятых ими на Руси и на Востоке в целом некоторых элементов материальной и духовной культуры (36; 58, с. 126—131). По-видимому, этническая пестрота дружин киевских князей, выразившаяся в синкретизме «дружинной культуры» (42, с. 179—180; 36, с. 57—59), не может служить веским доказательством ассимиляции норманнов. Более того, этот временный военный контингент, а также скандинавские торговые люди могли быть своего рода питательной средой этнического самосознания для относительно немногочисленных норманнов, осевших на Руси.

В целом, не сомневаясь в правомерности постановки вопроса об ассимиляции норманнов в X в. на славянских территориях Древнерусского государства, и в частности в Гнёздове, следует признать невозможность его положительного решения на археологическом материале по крайней мере Гнёздова. Будет непростительной ошибкой принять в качестве закономерного итога постепенной ассимиляции варяжского элемента факт исчезновения скандинавских древностей в Восточной Европе в начале XI в. Между тем мы имеем дело с искусственно прерванным процессом: резкое уменьшение и практически полное отсутствие вещей скандинавского происхождения и специфических особенностей скандинавского погребального ритуала в конце X—начале XI в., учитывая, что максимум норманских древностей приходится именно на вторую половину X в., объясняется, по-видимому, в первую очередь христианизацией Руси и Скандинавии, кардинально изменившей погребальную обрядность³⁸. Археологическое «исчезновение» скандинавов в немалой степени определяется и тем фактом, что в самой Скандинавии в это время выходят из употребления овалы и другие женские фибулы.

Что касается гнёздовских варягов, то они, вероятно, разделили судьбу поселения, прекратившего в начале XI в. свое существование как раннегородской центр.

Примечания

1. Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1974. № 1.
2. Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
3. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1982. № 1.
4. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.
5. Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнёздова // СА. 1970. № 3.

³⁸ Интересно, что именно в скандинавских погребениях Гнёздова, как, впрочем, и Киева, встречены предметы, связываемые с христианской символикой: крестовидные подвески и восковые свечи (23, с. 193—204; 32, с. 208—212; 59).

6. Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии//Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924.
7. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905.
8. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1899. Д. 106.
9. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1900. Д. 17.
10. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1901. Д. 7.
11. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 32.
12. Указатель памятников Русского Исторического музея. М., 1893.
13. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
14. Спицын А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ.//ЗОРСА РАО. Т. VIII. Вып. 1. Спб., 1906.
15. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1905. Д. 54.
16. Geijer A. Birka III: Die Textilfunde. Uppsala, 1938.
17. Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.
18. Ginters V. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. Eine vergleichende Studie//Antikvariskt arkiv. N 70. Stockholm. 1981.
19. Hägg J. Die Tracht//Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986.
20. Gräslund A.-S. Birka IV: The Burial customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980.
21. Булкин В. А. «Курган 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
22. Авдусин Д. А. Скандинавские ингумации в Гнёздове//Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Л.; М., 1976.
23. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова//История и культура древнерусского города. М., 1989.
24. Рябини Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.//САИ. Вып. EI-60. Л., 1981.
25. Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
26. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
27. Антонович В. Б. О типах погребения в курганах Киевской губернии//Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 году. Т. IV. М., 1897.
28. Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908.
29. Смолічев П. І. Могили біля с. Шестовиці на Чернігівщині//Записки Чернігівського наукового товариства. Т. I: Праці Історико-краєзнавчої секції. Чернігів, 1931.
30. Голубев А. Л. А. Киевский некрополь//МИА. № 11. М.; Л., 1949.
31. Бліфельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв.//СА. 1954. № 20.
32. Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.
33. Агте Т. J. Skandinavische Holzkammer-gräber aus der Wikinggerzeit in der Ukraine//Acta Archaeologica. T. II. Bup. 3. Kobenhavn, 1931.
34. Кольчатов В. А. Камерные гробницы Шестовицкого могильника//Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971.
35. Алексеева Т. И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы//Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
36. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья: (К постановке проблемы)//История СССР. 1984. № 3.
37. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
38. Булкин В. А. Большие курганы Гнёздовского могильника//СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
39. Клетнова Е. Н. Раскопки в Гнёздове//Смоленская новь. Вып. 3—4. Смоленск, 1923.
40. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

41. Пушкина Т. А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1972. № 1.
42. Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX—XI вв.)//Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983.
43. Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982.
44. Стальсберг А. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси//Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. Секция V. М., 1987.
45. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
46. Агвтап Н. Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm, 1943.
47. Исландские саги. М., 1956.
48. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г.//МИСО. Вып. I. Смоленск, 1952.
49. Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1975. № 2.
50. Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения//КСИА, Вып. 160. М., 1980.
51. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства: (Древняя Русь и Скандинавия)//История СССР. 1986 № 5.
52. Лебедев Г. С. Камерные могилы Бирки//Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971.
53. Лебедев Г. С. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке//СС. Вып. XXII. Таллинн, 1977.
54. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
55. Клейн Л. С. Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения//Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970.
56. Сага о Греттире. Новосибирск, 1976.
57. Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в.//СС. Вып. XIX. Таллинн, 1974.
58. Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов//Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. Секция V. М., 1987.
59. Недошивина Н. Г. Крестовидные подвески из листового серебра//СА. 1983. № 4.
60. Avdussin D. A. Gnezdovo — der Nachbar von Smolensk//Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1977. N 11.

**ОПИСАНИЕ ИССЛЕДУЕМОЙ ВЫБОРКИ
КУРГАНОВ
(погребальных комплексов Гнёздовского
некрополя)**

I. Центральная группа¹

A. Комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки С. И. Сергеева²: 1898-II, IV—VIII, X; 1899-I, 2, 4, 5, 8, 10—12, 15, 17, 31—33, 35—42, 45, 46; 1900-3, 7, 16; 1901-5.

Раскопки Н. В. Андреева и Н. П. Милонова: 1940-5, 6.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-1, 2/I, 2/II, 3, 4, 8, 21, 27, 31, 40, 50, 51, 53, 55, 56/I, 56/II, 58, 67, 82, 85, 91, 95, 99, 100, 105, 106, 108—110, 113, 117, 132, 138, 148, 150/II, 153, 165, 169, 189, 208, 221, 226, 235, 236, 245, 253, 254, 259, 269, 279, 285, 287, 307, 311, 312/I, 316, 327/II.

B. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки В. И. Сизова: 1885-20³.

Раскопки С. И. Сергеева: 1898-I, III; 1899-22, 23, 26, 29, 30.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-5, 16, 17, 19, 20, 24—26, 28, 49, 80, 97, 87, 104, 129, 133, 137, 146, 149, 151, 152, 156, 162—164, 166, 167, 170, 172, 173, 175, 181, 184, 185, 194, 196, 204, 206, 209, 215, 218, 220, 231, 233, 234, 243, 244, 246, 247, 248, 250—252, 257, 260, 261, 263, 264—266, 268, 271—274, 277, 282, 283/I, 284, 286/I, 294/I, 296, 297, 298, 302—304, 309, 310, 312/II, 313, 317—319, 321—323, 327/I, 333.

B. Комплексы с остатками труположения

Раскопки С. И. Сергеева: 1900—18.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-14, 61, 63, 66, 71, 72, 84, 86, 88, 94, 140, 144, 157, 171, 178, 191, 197, 198, 201, 212, 222, 240, 241/I, 241/II, 249, 255, 258, 262, 275, 276, 280, 281, 288—290, 292, 295, 299, 301, 306, 314/I, 314/II, 315, 325; Ц-142 — погребение коня в могильной яме.

Г. Поврежденные комплексы с остатками труположения

Случайно найденные комплексы вещей из курганов с труположениями, собранные С. И. Сергеевым: комплекс X-1898 (8, л. 19, 34 № 193—196; 21, с. 140), комплекс 14/VII-1899 (8, л. 9, 19, 34—35 № 197—233; 21, с. 140, 141), комплекс 24/VIII-1899 (8, л. 19, 35 № 235—241, л. 39 № 10; 9, л. 3; 21, с. 140), комплекс 18/IX-1899 (8, л. 19, 35 № 242—245; 21, с. 140), комплекс 28/IV-1900 (8, л. 39 № 1—9; 21, с. 140), комплекс 12/VI-1900 (8, л. 39 № 22, 23; 21, с. 140), комплекс 1/IX-1900а (8, л. 39 № 15—18; 21, с. 141), комплекс 1/IX-1900б (8, л. 39 № 29, 30; 21, с. 141), комплекс 1900-7а (8, л. 39, № 19—21). Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-256.

Д. Курганы с возможными труположениями

Раскопки С. И. Сергеева: 1900—17.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-6, 12, 22, 59, 64, 65, 76, 77, 98, 101, 116, 118, 119, 121—123, 125—128, 135, 139, 145, 160, 177, 203, 210, 217, 227, 228, 267, 270, 283/II, 286/II, 294/II, 305, 308, 328.

Е. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы

Раскопки С. И. Сергеева: 1899-9, 14, 18, 19, 20, 24, 27, 28; 1900-8, 13, 14.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-7, 9—11, 13, 15, 18, 23, 29, 30, 32, 34—39, 41—43, 45—48, 78, 79, 92, 111, 112, 114, 120, 124, 130, 131, 134, 136, 141,

¹ О топографии Гнёздовского некрополя см. работы А. Н. Лявданского (6) и Д. А. Авдусина (60; 3).

² Нумерация курганов дана по дневниковым записям С. И. Сергеева.

³ Комплекс отнесен к поврежденным курганам с остатками кремации потому, что методика полевых работ В. И. Сизова заведомо обрекала погребальные комплексы на «поврежденность».

143, 147, 150/Л, 154, 155, 158, 159, 161, 174, 176, 180, 183, 186, 187, 192, 193, 195, 199, 202, 205, 207, 213, 214, 223—225, 229, 230, 232, 238, 239, 242, 278, 291, 293, 300, 320, 324, 326, 329—332.

Ж. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы) ⁴

Раскопки С. И. Сергеева: 1898-IX, XI; 1899-3, 6, 7, 13, 16, 21, 25, 34, 43, 44, 47, 48; 1900-1, 2, 4—6, 9—12, 15, 19, 20; 1901-1—4.

Раскопки Н. В. Андреева и Н. П. Милонова: 1940-1—3.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-52, 54, 57, 60, 62, 68—70, 73—75, 83, 89, 90, 93, 96, 107, 168, 182, 190, 211, 216, 219, 237, 334.

II. Лесная группа

А. Комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки С. И. Сергеева: 1900-22.

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-1-6, 7/1, 8, 11—14, 16—18, 20—25, 26/1, 27, 29, 33—35, 38, 41, 43/1, 44, 46/1, 47, 49, 52, 54/1, 55, 61, 62, 68, 69, 71, 73, 77, 79—81, 85, 86, 89—91, 96, 98, 100, 103, 106⁵, 110, 113/1, 119, 120, 125, 126, 132, 135, 136, 138, 142, 146, 150/1, 153, 154, 159, 160.

Б. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-50, 51, 57, 58, 109, 112, 114, 116, 122, 127, 130, 131, 149, 152, 155, 156, 158, 161.

В. Комплексы с остатками трупоположения

Раскопки С. И. Сергеева: 1900-23.

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-65, 66, 95, 105⁶, 121, 123, 124/1, 124/II, 129, 137, 139, 141, 144, 145, 148, 151.

Г. Курганы с возможными трупоположениями

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-7/II, 10, 26/II(?), 37, 43/II, 45, 46/II, 48, 53, 54/II, 56, 59, 60, 64, 67, 70, 76, 82, 102, 108, 111, 113/II, 115, 143, 150/II.

Д. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-107⁷, 128, 133.

Е. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-9, 15, 19, 28, 30, 31, 32, 36, 39, 40, 42, 63, 72, 74, 75, 78, 83, 84, 88, 92—94, 97, 99, 101, 104, 117, 118, 140, 157.

III. Ольшанская и Днепровская группы

А. Комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки С. И. Сергеева: Серг.-5, 6, 9, 14, 17, 28, 18, 27, 33, 44, 45.

Раскопки И. С. Абрамова: Оль-1/24⁸.

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-3, 11, 29; Дн-5, 11, 15, 22, 32, 33.

Б. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения ⁹

Раскопки С. И. Сергеева: Серг.-8.

Раскопки И. С. Абрамова: Абр.-23.

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-14, 15, 27; Дн-2, 6—10, 14, 16, 18, 19, 23, 26, 27, 29, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 45.

В. Комплексы с остатками трупоположения

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-8, 23, 30; Дн-1, 3, 4, 12, 13, 17, 21, 24, 28, 30, 31, 35, 40, 44.

Г. Курганы с возможными трупоположениями

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-12, 13, 28.

Д. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-16—18, 21, 24, 25; Дн-20, 25.

⁴ Еще 7 насыпей (Ц-33, 44, 81, 115, 179, 188, 200) имели, вероятно, естественное происхождение; «раскопка» кургана 1900-21 была начата 30 сентября, однако «работы 1 октября в Покров не пришли и курган остался незаконченным» (9, л. 47).

⁵ Курган раскопан Е. А. Шмидтом.

⁶ Курган раскопан Е. А. Шмидтом.

⁷ Курган раскопан Е. А. Шмидтом.

⁸ Курган окончательно исследован Д. А. Авдусиным.

⁹ Курган Дн-38 из раскопок Т. А. Пушкиной был, видимо, прежде раскопан С. И. Сергеевым (Серг.-33?).

- Е. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)¹⁰
 Раскопки С. И. Сергеева: Серг.-1, 11, 13, 16.
 Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-4—7, 9, 10, 19, 20, 22, 26.
- IV. Заольшанская (Правобережная Ольшанская) группа
- А. Комплексы с остатками трупосожжения (раскопки Е. В. Каменецкой):
 ПОль-2, 3, 6, 8—10, 12, 13, 15—19, 21, 23, 24, 25/I, 26, 29, 34, 41, 43—45,
 47, 48, 54, 55, 57, 59, 60, 65—67, 71—73, 78, 80, 86.
- Б. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения
 Раскопки Е. Н. Клетновой: Клет-1—4.
 Раскопки Е. В. Каменецкой: ПОль-63, 85.
- В. Комплексы с остатками трупоположения (раскопки Е. В. Каменецкой):
 ПОль-1, 4, 5, 7, 11, 14, 20, 22, 25/II, 27, 30, 31, 36—38, 40, 42, 46, 49/I, 49/II,
 50—53, 56, 58, 61, 62, 64, 68, 69, 74, 76, 79, 82, 83.
- Г. Курган с возможным трупоположением (раскопки Е. В. Каменецкой):
 ПОль-75
- Д. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы (раскопки
 Е. В. Каменецкой): ПОль-81, 84, 87
- Е. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)
 (раскопки Е. В. Каменецкой): ПОль-28, 32, 33, 35, 39, 70, 77.
- V. Курганы из других групп
- Левый берег Днепра (раскопки Т. А. Пушкиной) Лб-1 — поврежденный комп-
 лекс с остатками трупосожжения.
 «1-я Днепровская группа» (раскопки Д. А. Авдусина) (3, с. 71): Ц-103 — ос-
 татки кремации; Л-87 и Ц-102 — «пустые» курганы.

¹⁰ Две насыпи (Оль-2, Дн-34) приняты за курганы ошибочно.

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ИЗ КУРГАНОВ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Археологическим свидетельством торговой деятельности считаются находки весов и гирек. На территории Древней Руси они известны более чем в 20 пунктах и встречаются среди материалов из раскопок свыше 150 погребений, кладов, поселений. Следует отметить, что эти данные имеют лишь ориентировочный характер, так как значительное число находок не отражено в публикациях, а в архивных документах и коллекционных музейных списках нередко указывается лишь факт подобных находок без подробного описания вещей и порой даже без указания на условия их нахождения. В целом ряде как старых, так и современных изданий, посвященных результатам археологического исследования того или иного памятника, имеется только сообщение о находке гирек или деталей весов без подробного их описания. В настоящее время опубликованы лишь каталоги археологических находок с территории Латвии (1, с. 198—210) и Литвы (2, с. 133—135) и материал из тимерёвского некрополя (3, с. 72—74). Недавно вышли представляющие значительный интерес статьи, посвященные гирькам Старой Ладоги (4, с. 119—126) и Белоруссии (5, с. 231—237).

Общее описание торгового инвентаря, включающего веса и гирьки, имеется в изданиях материалов погребальных памятников Ярославского Поволжья (6, с. 71—74) и Приладожских курганов (7, с. 50). Из находок Смоленского Поднепровья только гнёздовские получили самое общее суммарное описание в работе В. И. Сизова (8, с. 119—120).

Как правило, находки торгового инвентаря привлекаются различными авторами для определения хронологии или социального характера памятника. Увеличившееся за послевоенные годы почти в 1,5 раза количество интересующих нас находок в материалах Смоленских курганов крайне важно для решения целого ряда вопросов.

Задачей настоящей работы является рассмотрение предметов торгового инвентаря из древнерусских курганов Смоленского Поднепровья с привлечением на широкой основе ряда аналогий; уточнение времени их бытования и социальной принадлежности захоронений, в инвентаре которых они находились.

В пределах Смоленской земли веса и гирьки обнаружены в южных частях области, в курганах у дер. Слобода и Сукромля и в центральной — в курганах Гнёздова, Новоселок, Лопино и Арефино. Основная масса находок связана с гнёздовским некрополем. Так, из 15 случаев находок весов в курганах Смоленщины 14 — из Гнёздова. Единственная находка вне знаменитого комплекса — это складные веса с 2 чашечками из курганов на р. Воронице у д. Сукромля, обнаруженные крестьянами (9, с. 19—21).

Все найденные веса относятся к типу рычажных, имеют складные бронзовые коромысла, закрепляемые в плоской бронзовой же вилке.

Размах коромысел в рабочем состоянии 10—13 см. Их концы имеют петельчатые завершения округлой или прямоугольной формы и украшены, как правило, 3—4 рельефными перехватами (рис. 1:1—3). Коромысла округлого или четырехугольного сечения обычно неорнаментированы. Через петли к коромыслам при помощи шелковых или льняных нитей прикреплялись круглые чашки, откованные из тонкого бронзового листа в виде слегка уплощенного шарового сегмента. Диаметр их составляет 3,5—6,5 см, высота до 1,5 см. Чашечки гладкие или украшены гравированным узором в виде глазков, розеток, сетчатых поясов, нанесенных, как правило, на внешней поверхности. Вдоль самого их края обычно располагается циркульный орнамент (рис. 1:5—8).

Находки весов в Гнёздове представлены 2 полными комплектами (коромысла, вилка, чашечки) и 8 фрагментированными (вилка, часть коромысла или обломки чашечек)¹. Кроме того, еще 4 весовые чашечки, судя по публикации А. А. Спицына, происходили либо из раскопок С. И. Сергеева, либо из разрушенных курганов (10, рис. 108—112). Найдено также несколько обломков металлических футляров для хранения весов. Футляр представлял собой откованные из тонкого бронзового листа округлую коробку с плоской крышкой. Бронзовая коробочка могла быть гладкой или украшенной гравированным или глазковым орнаментом. В инвентаре трупосожжений металлические футляры определяются по находкам характерных форм застежек или петель, прикрепляющих крышку (рис. 2:6). Один раз весы найдены при трупоположении в круглой гладкой деревянной коробочке (уже упомянутое женское погребение в камере Ц-196).

Весы, аналогичные смоленским, в деревянных или кожаных футлярах найдены на Верхней Волге в Тимерёвских (11, с. 184—186) и березовецких курганах (12, с. 39—40). Находка весов в бронзовой коробочке отмечена в одном из погребений могильника Удрай II на Новгородчине (13, с. 34). Подобные металлические футляры для хранения складных весов известны также в раннесредневековых погребениях на территории Норвегии (14), и более массивные с выпуклой крышкой — в Прибалтике (15).

Если весы для малых взвешиваний, найденные как в трупоположениях, так и в сожжениях, относятся к числу относительно редких археологических находок, то находки гирек в древнерусских курганах многочисленны. Так, в 55 погребениях Смоленского Поднепровья обнаружено 89 гирек.

Изучение этого материала связано с некоторыми трудностями. Не все гирьки сохранились в коллекциях, существует ряд несоответствий в указании количества гирек в погребении между дневниками С. И. Сергеева и изданием А. А. Спицына, между публикацией каталога материалов В. Д. Соколова и коллекционной описью Государственного Исторического музея и т. д. Поскольку описи составлялись в музеях зачастую много позже поступления вещей, приходится пользоваться данными

¹ Это находки из скандинавского женского трупоположения в кургане Ц-196, трупосожжений Л-33, Л-57, Ц-40, Сиз.-10, Кусц.-12, Серг.-7(65), Серг.-1901/19 и двух неизвестных курганов, раскопанных В. И. Сизовым.

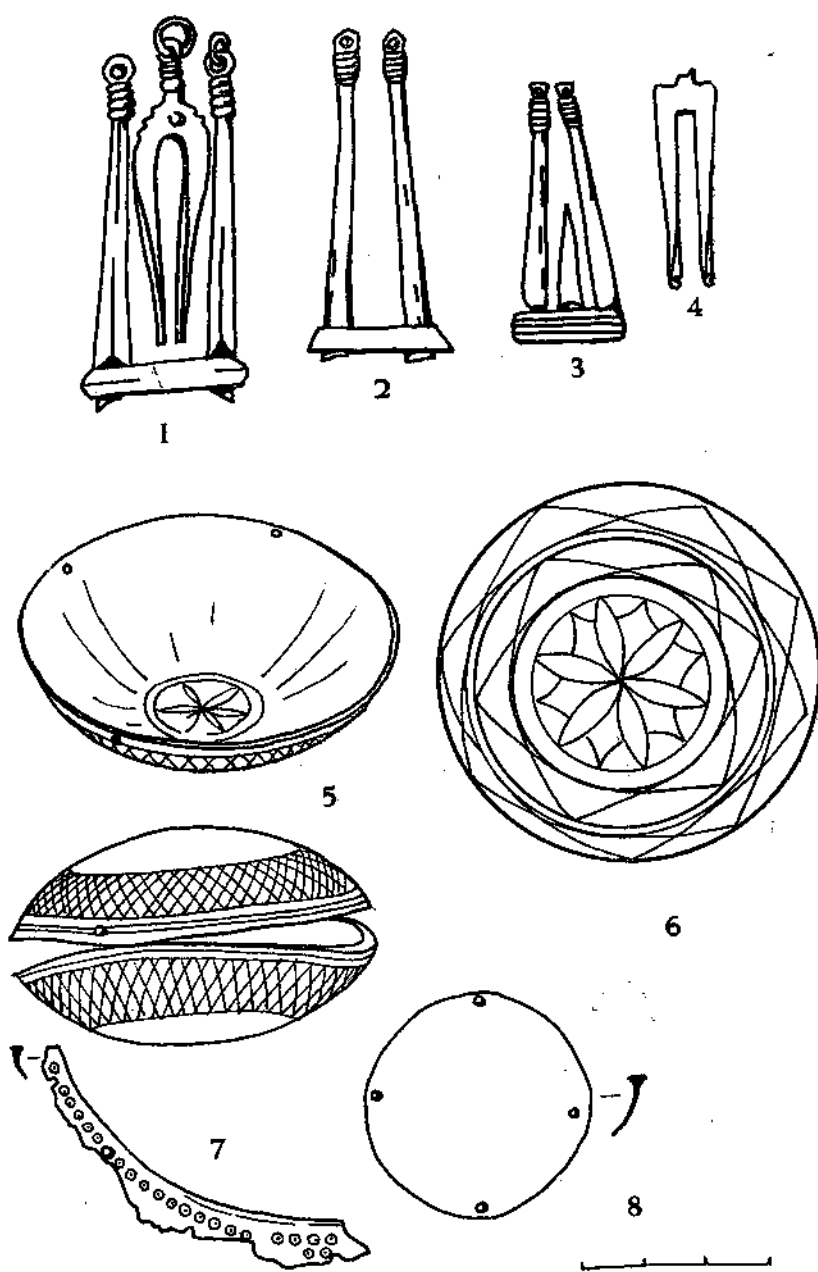

Рис. 1. Детали весов для малых взвешиваний из курганов Гнёздова.
 1—4 — складные коромысла и вилки; 5, 6, 8 — чашки; 7 — обломок чашки.

публикаций, близких к времени раскопок и архивом Археологической комиссии и Института археологии АН СССР².

Форма гирек разнообразна: бочковидная, 14-гранная, цилиндрическая, кубическая, бипирамидальная; коническая. Наибольшее количество всех гирек (75%) составляют железные омедненные бочковидные, 20,2% — это бронзовые 14-гранные, остальные формы разновесок, найденные в курганах Гнёздова, представлены единицами (табл. 1).

Высота бочковидных гирек обычно достигает 0,9—1,5 см, диаметр — 1,3—2,1 см. Вес колеблется от 2,47 до 38,9 г. На верхней и нижней плоскостях отмечена глазками (от 1 до 4) кратность, иногда окаймленная пуансонным орнаментом в виде концентрических кругов или венков. Обычно бронзовая оболочка гладкая, но на нескольких экземплярах она украшена геометрическим узором из сочетаний кружков и коротких штрихов (рис. 2:9—13).

Размеры 14-гранных гирек колеблются от 0,6 до 1,2 см, вес от 1,06 до 8,53 г. Грани гладкие либо имеют рамку из мелких штришков, на гранях — кратность (от 1 до 6) (рис. 2:1,4).

Таблица 1

Форма гирек в курганах
Смоленского Поднепровья

Форма	Количество экземпляров
Бочковидная	64
14-гранная	18
Кубическая	1
Цилиндрическая	1
Коническая	1
Бипирамидальная	1
Форма неизвестна	3
Всего	89

Таблица 2

Количество гирек в погребениях Гнёздова

Количество гирек, встречающихся в одном погребении	Количество погребений	Количество гирек
1 экз.	29	29
2 экз.	15	30
3 экз.	6	18
Всего	50	77

Высота цилиндрической свинцовой гирьки — 0,75 см, диаметр — 1,3 см, чуть ближе к краю верхней плоскости — узкое сквозное отверстие (рис. 2:3). Кубическая бронзовая гирька имеет высоту 0,7 см, вес 2,89 г, на каждой грани по три глазка (рис. 2:7). Размеры бипирамидальной бронзовой гирьки: высота 1,1 см, сторона основания 1,35 см, сторона верхней плоскости 1,1 см. На верхней площадке 4 глазка, соединенных крестообразно «усиками», на четырех боковых треугольных гранях по 3 глазка, на четырех боковых пятиугольных — по одному (рис. 2:8). Коническая гирька сделана из бронзы, высота ее 1 см, диаметры оснований 1,4 и 1,3 см, в центре — узкое вертикальное отверстие (рис. 2:5).

² Сводка характеристик гирек, найденных в курганах Смоленского Поднепровья за период с 1874 по 1988 г., дана в Приложении.

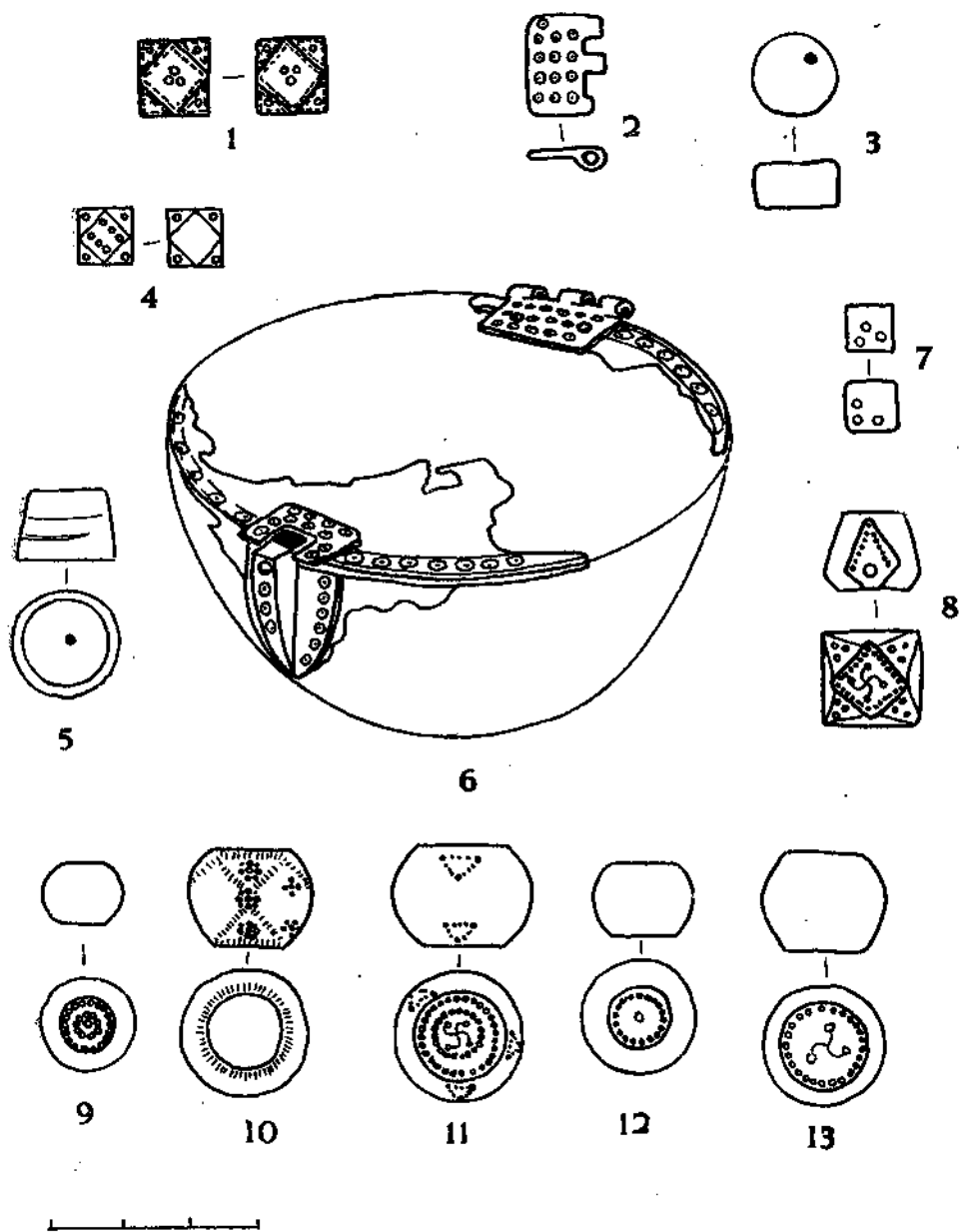

Рис. 2. Весовые гирки из курганов Гнёздова и футляр.
 1, 4 — гирки бронзовые 14-гранные, 2 — петля крышки футляра, 3 — гирка цилиндрическая свинцовая; 5 — гирка коническая бронзовая; 6 — детали футляра и его реконструкция; 7 — гирка кубическая бронзовая; 8 — гирка бипирамидальная бронзовая; 9—13 — гирки бочковидные.

Если бочковидные и 14-гранные гирьки достаточно хорошо известны по материалам многих древнерусских памятников, то остальные, обнаруженные в Гнёздове, представляют собой определенную редкость. Цилиндрические разновески найдены в слоях X в. Старой Ладogi (4, рис. 1 : 21—25), свинцовые гирьки в виде цилиндра и усеченного конуса входили в состав монетного клада 973 г. в Новгороде (16, с. 207). Кубические гирьки встречаются в отдельных памятниках Скандинавии VIII—IX вв., а коническая форма разновесок бытует на этой территории в IX — первой половине X в. (17, с. 240—241).

В погребениях находят, как правило, по одной гирьке, реже — по 2 экземпляра, единичны находки более двух (табл. 2).

Сочетание бочковидных и гранчатых гирек встречено в Гнёздове в 9 погребениях, трижды гирьки найдены вместе с фрагментами весов. Около 33% гирек из трупосожжений обнаружены вместе с бронзовыми бляшками от кошельков, видимо, гирьки хранились в сумочке или кошельке. Следует отметить, что в мужских труположениях гирьки располагались обычно слева у пояса погребенного, вместе с оселками и другими бытовыми предметами среди остатков матерчатой или кожаной сумочек. Аналогичное расположение гирек отмечено в погребениях Тимерёва, березовецкого могильника, новгородских (18, с. 63) и владимирских курганов (19, с. 210—211), где также преобладают находки единичных разновесок.

Торговый инвентарь Смоленского Поднепровья происходит из трупосожжений и труположений, хотя количественно преобладают первые. Большинство находок связано с мужскими и парными погребениями (табл. 3). Такая же картина наблюдается в Тимерёве (3, с. 72—74) и Шестовице (20).

Таблица 3
Торговый инвентарь в курганах Смоленского Поднепровья
(количество погребений)

Находки	Кремация	Ингумация	М	Ж	Парное	Состав не ясен	Случайные находки
Гирьки	46	5	24	4	17	4	1
Весы	9	1	1	2	2	1	2
Гирьки и весы	4	—	—	2	1	—	—
Всего	59	6	25	8	20	5	3

М — погребение мужчины; Ж — погребение женщины.

Итак, рассмотренный выше материал свидетельствует, что форма и местоположение торгового инвентаря смоленских курганов практически не отличается от других древнерусских находок.

Вопрос о времени появления гирек в Смоленском Поднепровье остается дискуссионным. По мнению В. Л. Янина, в Древней Руси гирьки появляются одновременно с широким распространением монетных об-

ломков в русских кладах во второй половине X в., что было вызвано необходимостью весового приема пестрого по составу монетного серебра (21, с. 174—175). Действительно, более ранних находок гирек в кладах пока не обнаружено. Однако исследователь отмечал также употребление обрезков монет в конце VIII — первой трети IX в. и в 70-е годы IX в. (21, с. 77). В связи с этим можно предположить, что инструмент для взвешивания бытовал на территории Древней Руси еще до второй половины X в. В пользу этого говорят и данные нашего анализа датировки двух гнёздовских курганов.

Знаменитый гнёздовский курган 13, давший древнейшую русскую надпись на корчаге, содержал в своем инвентаре одну 14-гранную гирьку, 5 восточных монет, меч и лепную местную керамику (22, с. 334—340). Погребение это датировано первой четвертью X в. (23, с. 321). Более детальное рассмотрение монет, как кажется, позволяет уточнить предложенную дату. Из 5 монет одна оказалась неопределенной, все остальные принадлежали аббасидскому чекану: монета-подвеска (дата не определяется), обломок 848—849 гг. н.э., обломок середины VIII — начала IX в. и монета 907—908 гг. Группа монет достаточно компактна, ее состав соответствует особенностям русских кладов второй трети IX — начала X в. В них прослежено: во-первых, решительное преобладание аббасидских монет, во-вторых, систематическая примесь ранних, а также присутствие вплоть до первого десятилетия X в. монет чекана 30—40-х годов IX в. (21, с. 122). Мечи типа Е, аналогичные найденному в кургане, в Северной Европе редко встречаются позже начала X в. (23, с. 66—68). Исходя из этого можно предположить, что курган насыпан не просто в первой четверти X в., а скорее всего во втором десятилетии. Второй ранний по времени гнёздовский курган № 23 содержал бочковидную и 14-гранную гирьки, обломки овальной скандинавской фибулы типа 51 и золотую круглую фибулу типа 119, относящиеся к X в., дирхем, чеканенный в Самарканде в 904/905 г. н.э., круговой местный сосуд и др. (22, с. 347—349). Самаркандские дирхемы конца IX — начала X в. — определяющая часть кладов 900—938 гг., хотя они встречаются изредка и в более позднее время (21, с. 122). Поэтому вероятной датой кургана № 23 может быть вторая четверть или второе — третье десятилетия X в. Таким образом, гнёздовский материал показывает, что здесь разновременски и, следовательно, весы появляются не позднее второй четверти X в.

Имеющийся в настоящее время материал из раскопок поселений и курганов Северо-Западной Руси дает полное основание предполагать, что весовые гирьки появляются на этой территории уже во второй половине IX в. (4, с. 123). Так, одна из наиболее ранних находок в Ярославском Поволжье — это гирька бочковидной формы из кургана 245 тимерёвского некрополя, найденная вместе с овальной бронзовой скандинавской фибулой типа 51-В, что, по мнению авторов публикации, позволяет предположить появление весов здесь в первой половине X в. (3, с. 74). Из староландовских материалов, собранных и опубликованных О. И. Давидан, следует, что 2 гирьки, свинцовая цилиндрическая и железная бочковидная, происходят из отложений середины VIII — второй половины IX в. (4, приложение № 6, 32). Одна 14-гранная гирька най-

дена в слоях второй половины IX в. на Рюриковом городище под Новгородом (24, с. 21).

Широко бытует мнение, что бочковидные гирьки в своей массе — явление более позднее, нежели 14-гранные. Видимо, это предположение основано на наблюдениях о находках данной формы гирек в монетных кладах, относящихся ко времени не ранее второй половины X в. Однако находки в культурных слоях Старой Ладogi и Рюрикова городища, а также в погребениях Усть-Рыбижны, Тимерёва и Гнёздова говорят о том, что уже в конце IX — первой половине X в. бочковидные разновески были известны на территории Восточной Европы. Отметим, что в Северной Европе обе формы найдены в комплексах IX в. (25, с. 215). Анализ гнёздовского материала позволяет предположить, что бочковидные и 14-гранные гирьки появляются практически одновременно, но количественно преобладают первые. Следовательно, форма гирек не может служить основанием для сужения даты отдельных комплексов.

Спорным, на мой взгляд, до сих пор остается вопрос о возможности определения социальной принадлежности захороненного по находкам предметов торгового инвентаря. Некоторые исследователи считают, что находки весов и гирек связаны с погребениями представителей социальных верхов, которые иногда определяются как воины-купцы (12; 18, с. 63—65).

Однако предположение, что погребения купцов-профессионалов будут отмечены находками весов и наборами различных гирек, сомнительно. В Гнёздове сочетание находок торгового инвентаря встречено в двух женских и одном парном погребениях; в первом женском было 2 гирьки, во втором и парном — по одной гирьке. Аналогичная ситуация в Тимерёве, где из четырех курганов, содержащих и весы и гирьки, в трех было по одному, в четвертом — 2 разновески (3, с. 74). В Шестовице в одном из погребений обломки весов сопровождалась единственной гирькой (20, с. 142—144). Едва ли названные здесь женские погребения можно считать погребениями купцов. В дополнение к этому отметим, что весы с набором из 12(1) гирек были найдены в могиле девочки-подрост-

Таблица 4

Соотношение находок торгового инвентаря в курганах с предметами вооружения Гнёздова и Тимерёва

Памятник	Набор оружия (встреченные варианты)								
	меч копье топор стрелы	меч копье стрелы	топор стрелы копье	меч	меч копье шлем боевой нож	стрелы	топор	боевой нож	всего
Гнёздово	1 (1)	1 (1)	3 —	6 (2)	2 (1)	54 (17)	13 —	11 (3)	91 (25)
Тимерёво	1 (1)	— —	— —	2 (1)	— —	19 (6)	12 (1)	4 —	38 (9)

Примечание: в скобках — количество совместных находок с весами и гирьками.

ка могильника Удрай II. Следовательно, количество разновесок в захоронении не могло указывать на его характер.

Соотношение находок торгового инвентаря с полным набором вооружения из курганов Гнёздова и Тимерёва дает табл. 4, из которой следует, что 27,4 и 26,3% всех погребений с оружием имели в составе инвентаря еще весы и гирьки. Кроме того, комплекс вооружения в большинстве случаев представлен 1—2 стрелами, а не набором различных видов оружия, что делает отнесение этих погребений к воинским сомнительным.

Необходимо отметить, что набор, включающий 2—3 вида вооружения, не считая стрелы, встречается далеко не часто. Подчеркнем, что до 63% находок торгового инвентаря вообще происходят из комплексов с малочисленным и невыразительным инвентарем. Таким образом, говорить о том, что торговый инвентарь чаще присутствует в погребениях воинов, также не приходится.

Весы и гирьки найдены в 18 наиболее богатых гнёздовских курганах, выделяющихся сложностью обряда или многочисленным, разнообразным инвентарем, включающим как предметы вооружения — мечи, скрамасаксы, копья, стрелы, защитный доспех, так и женские украшения, ритоны, ременные наборы, игральные шашки, металлические или стеклянные сосуды, резную художественную кость и монеты. Подобные погребения составляют около 30% рассмотренного гнёздовского материала³. Видимо, только сочетание находок торгового инвентаря с определенным набором других вещей подтверждает принадлежность погребенного к высшему социальному слою. В связи с этим интересно отметить близкое соотношение комплексов с торговым инвентарем ко всем исследованным курганам — от 1:13 до 1:15 (см. табл. 5), характерное для пунктов, связанных с пребыванием княжеской дружины, то есть центрами сбора и реализации дани, в значительной степени ориентированными на внешние, а не внутренние связи раннефеодального государства (26, с. 100—112).

Таблица 5
Соотношение общего количества исследованных курганов к курганам с находками торгового инвентаря

Памятник	Раскопано курганов	С весами и гирьками	Соотношение
Гнёздово	920	62	1:15
Тимерёво	466	32	1:15
Шестовица	147	11	1:13

Примечание: для Гнёздова указано количество документированных комплексов, хотя раскопано более тысячи.

³ В число этих комплексов входят раскопанные С. И. Сергеевым в 1900—1901 гг. курганы 16, 17, 18; курганы 23, 24 из раскопок И. С. Абрамова; курганы, исследованные Смоленской экспедицией МГУ: Л-13, 23, 33, 73, 80, Ц-1, 3, 40, 196, Дн-46, Лб-1, Поль-11.

Вероятно, приведенные цифры отражают также и соотношение между различными слоями населения, регулярно или эпизодически участвовавших в торговых операциях.

Для периода становления государства, характеризующегося слабым развитием внутриэкономических связей и преобладанием производства на заказ, а не на рынок, предполагается сосредоточение торговли в

административных и торгово-ремесленных центрах, местах пересечения торговых путей (27, с. 102). Одним из таких пунктов было Гнёздово, давшее основное количество находок торгового инвентаря на территории Смоленского Поднепровья. Единичные находки весов и гирек в малоинвентарных курганах Гнёздова и в других пунктах, зачастую расположенных в глубине Смоленщины, вероятно, говорят об эпизодическом участии в торговле, требующей приема монетного серебра на вес, не только представителей социальных верхов, но и других групп населения.

Примечания

1. Cepļīte R. Atsvarini Latvijas 10. — 13. gs. kapu inventārā//Arheologija un Etnografija, 1974. N 11.
2. Kupčiene O. Svarstykles ir svoreliai//Lietuvos TSR archeologijos Atlasas. IV. Vilnius, 1978.
3. Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря//СА. 1987. № 2.
4. Давидан О. И. Весовые гирики Старой Ладоги//Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1987. Вып. 28.
5. Бектиев Ш. И. Весы и гирики-разновесы X—XV вв. из Белоруссии//СА. 1987. № 1.
6. Недошивина Н. Г. Торговый инвентарь, Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
7. Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
8. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
9. Лядуанскі А. Н. Археологічныя досьледы у Смаленшчыне//Трацы. Т. 3. Менск, 1932.
10. Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905.
11. Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерева//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1979.
12. Успенская А. В. Погребение купца на древнем Селигерском пути//Средневековая Русь. М., 1976.
13. Платонова Н. И. Исследования в Верхнем Полужье//АО 1981 г. М., 1983.
14. Jøndell E. Vikingatidens balansvägar i Norge. Uppsala, 1974.
15. ГИМ. Отдел археологических памятников. Пассельи, раскопки В. И. Сизова. Оп. 65.
16. Янина С. А. Неревский клад куфических монет//МИА. № 55. М., 1956.
17. Kuhlberg O. Vikt och Värde//Stockholm studies in archeology. 1980. N 1. Тр. 9, 11.
18. Ершевский Б. Д., Конечкий В. Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
19. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
20. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
21. Якин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
22. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 году//МИСО. Вып. 1. Смоленск, 1952.
23. Nerman V. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.
24. Носов Е. Н. Раскопки поселений близ Новгорода//АО 1980 г. М., 1981.
25. Kuhlberg O. Viktlod//Birka. Svarta jordense Hamnområde arkeologisk undersökning 1970—1973. Stockholm, 1973.
26. Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города//История СССР. 1979. № 4.
27. Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси//КСИА. Вып. 138. М., 1973.

Весовые гирки курганов Смоленского Поднепровья

№ п/п	Вес, г	Размер, см	Кратность	Материал	Сохранность	Курган	Хранение	Примечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Бочковидные								
Арефино								
раскопки В. И. Сизова								
1	7,7	—	—	железо	—	к.3, кремация	—	дано по: Указатель РИМ. М., 1893. С. 111.
2	38,9	—	—	железо, медь	—	к.1, кремация	—	там же
Слобода								
случайные раскопки								
3	36,2	—	—	—	—	—	—	дано по: Ляуданскі А. Н. Археологічныя досьледы у Смаленшчыне// Працы. Т. 3. Менск, 1932. С. 19—21
4	20	—	—	—	—	—	—	там же
5	24,25	—	—	—	—	—	—	там же
Гнёздово								
раскопки И. С. Абрамова								
6	—	—	—	—	—	к.23, кремация	—	дано по: Спицын А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ.// ЗОРСА. РАО. Т. VIII. Вып. 1. Спб., 1906. С. 191. Вместе с дирхеом (914—943 гг. н. э.)
7	—	—	—	—	—	к.23	—	там же
раскопки С. И. Сергеева								
8	—	Д=1,3 В=1,0	1+1*	—	коррози- рована	1900 г., к.16(74), кремация	ГИМ, инв. 42 536	—
9	—	Д=1,55 В=1,1	2+2	железо, медь	коррози- рована	1900 г., к.18(76), кремация (?)	ГИМ, инв. 42 536	вместе с обломком дирхема. Зияриды, г. Джурджан, 970-е годы

* 1+1 — цифры обозначают количество глазков кратности на плоскостях.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	—	Д=1,65 В=1,4	—	железо, медь	сильно коррози- рована	1900 г., к.22(80), кремация	ГИМ, инв. 42 536	вместе с кубичес- кой гирькой (№ 80)
11	—	Д=2 В=1,5	—	железо, медь	сильно коррози- рована	1901 г., к.17(85), кремация	ГИМ, инв. 42 536	—
12	—	Д=2 В=1,5	—	железо, медь	сильно коррози- рована	1901 г., к.17(85)	ГИМ, инв. 42 536	—
13	14,4	Д=1,7 В=1,2	2+2	железо, медь	оббита, коррози- рована	1901 г., к.33(89), кремация	ГИМ, инв. 42 536	глазки соединены «усиками»
14	6,83	Д=1,1	2+2	железо, медь	коррози- рована	там же	ГИМ, инв. 42 536	—
15	—	Д=2,2 В=1,8	—	железо, медь	сильно коррози- рована	там же	ГИМ, инв. 42 536	—
раскопки В. Д. Соколова*								
16	4,74	—	—	железо	очень сильно коррози- рована	к.30, кремация	ГИМ, инв. 3838— —4217	—
17	12,8	Д=1,4	1+1	железо	оббита	там же	ГИМ, инв. 3838— —4217	кратность в центре круга
18	11,89	Д=1,4 В=1,61	1+1	железо	хорошая	там же	ГИМ, инв. 3838— —4217	кратность в венке циркульного пуан- сона
19	11,89	Д=1,5 В=1,0	—	железо	хорошая	к.31, кремация	ГИМ, инв. 3838— —4217	—
20	7,62	Д=1,3 В=1,05	1+1	железо, медь	потерта	к.38, кремация	ГИМ, инв. 3838— —4217	кратность в центре круга
21	16,16	Д=1,7 В=1,4	2+2	железо, медь	потерта	к.44, кремация	ГИМ, инв. 3838— —4217	глазки соединены «усиками», вокруг— венки циркульного орнамента
22	11,89	Д=1,3 В=1,1	—	железо, медь	оплавлен- на	к.46, кремация	ГИМ, инв. 3238— —4217	на верхней плос- кости следы пуан- сонного венка. Вместе с двумя 14- гранными гирьками (№ 61, 62)

* Номера курганов, раскопанных В. Д. Соколовым, даны по описи ГИМ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
23	11,89	D=1,5 B=1,2	—	железо	хорошая	к.54, кремация	ГИМ, инв. 3238— —4217	вместе с 14-гранной гирькой и застееж- кой футляра для весов (№ 64)
24	—	D=1,6 B=1,1	—	железо	сильно коррози- рована	к.75, кремация	ГИМ, инв. 3238— —4217	—
раскопки Смоленской экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова								
25	—	D=1,5 B=1,2	1+1	железо, медь	хорошая	Л-23, кремация	СОМ, инв. 6028	кратность в венке циркульного пуан- сона. Вместе с 14- гранной гирькой (№ 68) и саманид- ским дирхемом 904—905 гг. н. э.
26	—	D=1,5 B=1,15	1+1	железо	хорошая	Л-34, кремация	СОМ, инв. 6028	кратность в венке циркульного пуан- сона
27	—	D=2,1 B=1,6	1+1 (?)	железо	потерта	там же	СОМ, инв. 6028	кратность в 2 кон- центрических кру- гах циркульного пуансона
28	12,1	D=1,5 B=1,1	2+2	железо, медь	хорошая	Л-44, кремация	СОМ, инв. 7122	кратность в венке циркульного пуан- сона вместе с 14- гранной гирькой
29	11,45	D=1,6 B=1,1	2+2	железо, медь	хорошая	Л-49, кремация	СОМ, инв. 7122	(№ 69) кратность в венке циркуль- ного пуансона
30	8,88	D=1,45 B=1,0	—	железо	коррози- рована	Л-55, кремация	СОМ, инв. 7122	—
31	4,3	—	—	железо, медь	коррози- рована	Л-68, кремация	СОМ, инв. 7122	вместе с 14-гранной гирькой (№ 70)
32	2,47	D=1,5 B=1,2	—	железо, медь	коррози- рована	Л-69, кремация	СОМ, инв. 7122	—
33	11,21	—	2+1 (?)	железо	коррози- рована	Л-73, кремация	СОМ, инв. 7122	вместе с обломком саманидского дир- хема (932—940 гг. н. э.)
34	13,0	D=1,5 B=1,3	2+2 (?)	железо	сильно коррози- рована	Л-80, кремация	МГУ	кратность в венке циркульного пуан- сона
35	—	—	—	железо	коррози- рована	Л-93, кремация	СОМ, инв. 13 850	вместе с 14-гран- ной гирькой (№ 71)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
36	—	Д=1,4	—	железо, медь	сильно коррози- рована	Л-129, ингума- ция	МГУ	—
37	—	Д=1,3	—	железо, медь	сильно коррози- рована	там же	МГУ	—
38	—	—	—	железо	коррози- рована	Л-98, кремация	СОМ, инв. 14 055	—
39	17,1	Д=1,7 В=1,4	—	железо, медь	коррози- рована	Л-159, кремация	МГУ	вместе с двумя 14- гранными гирьками (№ 73, 74)
40	3,51	—	—	железо, медь	коррози- рована	Ц-1, кремация	СОМ, инв. 6028	—
41	4,52	—	—	железо, медь	коррози- рована	там же	СОМ, инв. 6028	—
42	10,8	—	—	железо, медь	коррози- рована	Ц-3, кремация	СОМ, инв. 6028	—
43	—	—	—	железо	коррози- рована	Ц-25, кремация	СОМ, инв. 14 055	—
44	10,7	Д=1,5 В=1,2	—	железо	коррози- рована	Ц-251, кремация	МГУ	вместе с 14-гран- ной и бипирами- дальной гирьками (№ 75, 78) и мед- ной монетой Рома- на I (919—921 гр.)
45	—	—	—	железо	сильно коррози- рована	Ц-252, кремация	МГУ	вместе с обломками чашек весов
46	8,3	Д=1,3 В=1,0	1+1	железо	хорошая	Ц-254, кремация	МГУ	вместе с 14-гран- ной гирькой (№ 76)
47	12,3	Д=1,5 В=1,2	—	железо, медь	коррози- рована	Ц-260, кремация	МГУ	—
48	22,95	Д=1,8 В=1,4	3+3	железо, медь	хорошая	Ц-263, кремация	МГУ	кратность в венке циркульного пуан- сона. Вместе с об- ломком неопреде- ляемого дирхема
49	10,9	Д=1,6 В=1,4	2+2 (?)	железо, медь	коррози- рована	Ц-296, кремация	МГУ	кратность в венке циркульного пуан- сона
50	7,2	Д=1,3 В=1,0	—	железо	коррози- рована	Ц-298, кремация	МГУ	—
51	5,7	Д=1,3 В=1,0	1+1	железо, медь	коррози- рована	Ц-299, ингума- ция	МГУ	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
52	12,25	D=1,9 B=1,4	—	железо, медь	коррози- рована	Дн-4, ингума- ция	МГУ	на медной оболочке орнамент в виде пуансонных розе- ток и треугольни- ков (рис. 2:10)
53	11,5	D=1,6 B=0,9	—	железо, медь	сильно коррози- рована	там же	МГУ	дендродата по- гребеня 974/975 г.
54	11,0	D=1,6 B=1,2	—	железо, медь	коррози- рована	Дн-6, кремация	МГУ	вместе с вилкой весов
55	4,0	D=1,1 B=0,8	—	железо	хорошая	там же	МГУ	—
56	15,0	D=1,6 B=1,6	—	железо	сильно коррози- рована	Дн-14, кремация	МГУ	—
57	4,2	D=1,3 B=1,1	—	железо	сильно коррози- рована	там же	МГУ	—
58	7,5	D=1,5 B=1,1	2+2	железо, медь	коррози- рована	Дн-41, кремация	МГУ	кратность в круг- лой штриховой рам- ке

14-гранные

Новоселки

раскопки Е. А. Шмидта

59	—	B=0,75	4×4*	бронза	хорошая	к.13, кремация	СОМ, инв. 19 411	кратность на ром- бических гранях, по краю которых точечная рамка. Вместе с неопреде- ляемым обрезком дирхема
60	—	—	—	бронза	оплавле- на	там же	СОМ, инв. 19 411	—

Гнёздово

раскопки В. Д. Соколова

61	1,06	B=0,45	1×4	бронза	хорошая	к.46, кремация	ГИМ, инв. 3238— 4217	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 22)
62	8,53	B=1,1	—	бронза	оплавле- на	там же	ГИМ, инв. 3238— 4217	—

* 4×4 — первая цифра обозначает количество глазков кратности, вторая — коли-
чество помеченных граней.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
63	2,62	V=0,7	3×4	бронза	хорошая	к.53, кремация	ГИМ, инв. 3238— 4217	кратность на ром- бических гранях в точечной рамке
64	4,5	V=0,8	6×4+ +1×8	бронза	хорошая	к.54, кремация	ГИМ, инв. 3238— 4217	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 23)
раскопки Смоленской экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова								
65	—	—	—	бронза	окислена	Поль-11, ингума- ция	МГУ	вместе с половин- кой дирхема Исмак- ла ибн Ахмата (892—907 гг. н. э.)
66	0,65	V=0,7	—	бронза	окислена	Поль-47, ингума- ция	МГУ	—
67	—	V=0,8	4×4	бронза	хорошая	Л-13, кремация	СОМ, инв. 6028	вместе с 5 аббасид- скими дирхемами (VIII—начала X в.), среди которых 3 об- ломка, 1 целый, 1 подвеска
68	1,9	V=0,65	2×4	бронза	хорошая	Л-23, кремация	СОМ, инв. 6028	кратность на ром- бических гранях. Вместе с бочковид- ной гирькой (№ 25) и саманидским дир- хемом 904/905 гг. н. э.
69	8,09	V=1,1	3×8	бронза	хорошая	Л-49, кремация	СОМ, инв. 7122	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 29). Кратность на тре- угольных гранях
70	1,62	V=0,6	—	бронза	хорошая	Л-68, кремация	СОМ, инв. 7122	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 31)
71	—	—	—	бронза	окислена	Л-93, кремация	СОМ, инв. 13 850	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 35)
72	2,8	V=0,7	4×6	бронза	хорошая	Ц-138, кремация	МГУ	кратность на ром- бических гранях
73	2,1	V=0,7	3×6	бронза	хорошая	Л-159, кремация	МГУ	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 39)
74	1,37	V=0,6	—	бронза	хорошая	там же	МГУ	—
75	2,9	V=0,8	3×4	бронза	оплавлен- на	Ц-251, кремация	МГУ	вместе с бочковид- ной гирькой (№ 44) и бипирамидальной (№ 78) и византий- ской монетой Рома- на I (919—921 гг.)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
76	1,72	$V=0,6$	1×4	бронза	хорошая	Ц-254, кремация	МГУ	вместе с бочковидной гирькой (№ 46)
77	8,0	$V=1,0$	$3 \times 4 + 188$	бронза	хорошая	Лб-1, кремация	МГУ	глазки в штриховой рамке. Вместе с 12 дирхемами IX в.
Бипирамидальная								
78	2,4	$V=1,1$	$4+3 \times 3 + 1 \times 5$	бронза	хорошая	Ц-251, кремация	МГУ	вместе с бочковидной гирькой (№ 44) и 14-гранной (№ 74). Расположенные на верхней плоскости 4 глазка соединены «усиками» (рис. 2:8)
Цилиндрическая								
79	—	$D=1,3$ $V=0,7$	—	свинец	потерта	Ц-66, ингумация	ГИМ, инв.	вместе с обломком саманидского дирхема первой половины X в.
Кубическая								
раскопки С. И. Сергеева								
80	2,89	$V=0,7$	3	бронза	хорошая	1900 г. к.22(80), кремация	ГИМ, инв. 42 536	вместе с бочковидной гирькой (№ 10)
Коническая								
раскопки Смоленской экспедиции МГУ								
81	11,3	$D=1,5$ $D=1,3$ $V=1,0$	—	бронза	оплавленная	Ц-310, кремация	МГУ	на боковой поверхности горизонтальные полосы, в центре — узкое отверстие
Бочковидные гирьки из неопределимых курганов Гнёздова								
82	—	$D=1,35$ $V=0,95$	$1+1$	железо, медь	хорошая	—	ГИМ, инв. 42 536	кратность в центре 2 концентрических кругов циркульного пуансона
83	—	$D=1,5$ $V=1,2$	—	железо, медь	коррозирована	—	ГИМ, инв. 40 950	на верхней плоскости венки циркульного пуансона. Раскопки В. И. Сицова?
84	—	$D=1,5$ $V=1,0$	—	железо, медь	коррозирована	—	ГИМ, инв. 40 950	раскопки В. И. Сицова?

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
85	—	Д=1,55 В=1,1	2+2	железо, медь	коррози- рована	—	ГИМ, инв. 40 950	кратность в венке циркульного пуан- сона. Раскопки В. И. Сизова?
86	—	Д=1,1 В=0,9	—	железо	хорошая	—	ГИМ, инв. 40 950	раскопки В. И. Си- зова?
87	—	Д=1,6 В=1,37	—	железо, медь	коррози- рована, оббита	—	ГИМ, инв. 40 950	—
Гирьки неизвестной формы раскопки С. И. Сергеева								
88	4,35	—	—	—	—	1900 г., к.7(65)	—	дано по: Спи- цын А. А. Гнёздов- ские курганы в рас- копках С. И. Сер- геева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905. С. 45
раскопки И. С. Абрамова								
89	—	—	—	железо	—	к.24, кремация	—	дано по: Спи- цын А. А. Указ. соч. С. 192

ГНЁЗДОВСКИЕ БУСЫ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЯ

Безусловная ценность бус для характеристики эпохи была осознана давно (1). Датировка и хронология археологических памятников и комплексов, направление путей обмена и торговли, распределение находок внутри памятника и связанные с ними проблемы социальной стратификации — вот те задачи, для решения которых используют бусы. Однако вряд ли кто мог предполагать, что бусы станут предметом специальных исследований, что к изучению бус будут привлекать самые современные подходы, новейшие методы анализа и обработки данных. А. В. Арциховский (2), З. А. Львова (3), В. Б. Деопик (Ковалевская) (4), О. П. Королева и Р. Д. Голдина (5), Г. Ейзен (6), В. Г. Н. Ван дер Слеен (7), Т. Ставярска (8), М. Томпельманн-Мачинска (9), М. Декувна (10), Ю. Каллмер (11), Р. Андреа (12), Е. М. Алексеева (13) и другие сделали немало, чтобы изучение бус обрело свой новый характер. И тем не менее нередко кажется, что орудия труда, оружие, керамика и домостроительство заслуживают большего внимания исследователей, чем украшения вообще и бусы в частности. Именно поэтому нужно каждый раз приводить дополнительные доказательства в пользу актуальности, новизны и значения изучения нового комплекса бус или возвращения к рассмотрению тех, которые уже были рассмотрены однажды.

Бусы из раскопок в Гнёздове до 1979 г. специально изучала В. М. Попова (14). В прошедшие годы накопились новые находки. Однако не это главный повод для возвращения к гнёздовским бусам. К настоящему времени произошли серьезные методологические сдвиги в изучении бус, в частности стеклянных. Составлена подробная программа описания конструкций и форм бус, найдена форма представления химического состава бус и способы дешифровки древних технологий (15). Существенно изменился и общий фон, на котором нужно рассматривать результаты исследования гнёздовских бус: это новые находки бус, прежде всего, в Старой Ладоге (16), подробное исследование бус Скандинавии и Балтийского региона (11), бус Поднепровья (16), Поволжья и Прикамья (5).

Кроме того, изменился подход к изучению бус. Бусы приобрели самостоятельную ценность для формирования представлений об организации их производства, об их социокультурной роли и месте в системе ценностей. Представления о характере производства бус связаны с проблемой их происхождения. Для установления происхождения бус существенны не только химический состав и технология изготовления, но и самый тип мастерской. М. А. Безбородов выделил два типа мастерских (А и Б): в одних производили все виды работ со стеклом, от варки до изготовления готовой продукции и полуфабрикатов, в других — разные изделия делали из полуфабрикатов (18). Р. Ньютон усмотрел

4 типа стекольных мастерских: в одних стекло только варили, в других — работали с горячим стеклом, не умея его варить; в третьих — меняли форму стеклянных изделий, в четвертых — делали вещи, например бусы, из стеклоподобных материалов (шлаков и др.) (19).

Руководствуясь тем же технологическим принципом, можно по-иному разделить мастерские на типы. Технология стекла, рассматриваемая как система, имеет в качестве подсистем стекловарение, изготовление и декорирование изделий. Эти подсистемы, обладая способностью к саморазвитию, могут развиваться порознь. Закон неравномерности развития предполагает, что развитие неравномерно не только во времени и в пространстве; он предполагает также, что процесс развития осуществляется на разных основаниях, что в его основе лежит разный генофонд. Иными словами, развитие каждого направления в технологии стекла не только гетерохронно, гетеротропно, но и гетерогенно (20). Конечный продукт мастерской может быть разным: стекломасса (в виде слитков), заготовки изделий или их частей (палочки, трубочки, плоские отливки и т. д.), готовые изделия без декора (или декорированные в момент изготовления), декорированные изделия (росписью, резьбой) и т. д. Технологический подход позволяет классифицировать производственные циклы. Организация производства в одних мастерских предполагает связь технологических циклов, в других — их разделение. В первом случае формируется производство универсальное по своему характеру, во втором — специализированное. От организации производства зависят ассортимент и качество продукции. Специализированные производства обеспечивают сложные техники и сложные конструкции, профессионализм во всех видах работ, высокое качество материалов и готовой продукции. В меньшей степени эти черты свойственны универсальному производству. Высокий класс продукции в мастерских такого рода зависит не столько от организации производства, сколько от личного мастерства ремесленника. Специализированное производство стекла является частью многоотраслевой производственно-экономической системы; универсальное производство не требует столь широких и глубоких связей, его связи более короткие и во времени и пространстве. В то же время универсальное производство обладает огромной жизненной силой: его легко распространять вширь, оно более тесно связано с потреблением, потребитель его продукции менее искушен, а самая продукция призвана удовлетворять существенные потребности.

Некоторые особенности столь разных по характеру производств выражены в продукции. Изучение технологии изделий (состав стекла и техника изготовления) позволяет определить, во-первых, технологические приемы, необходимые для изготовления изделия, в нашем случае, бус; во-вторых, набор инструментов и приспособлений; в-третьих, уровень развития теплотехники и, в-четвертых, химический состав, умение работать со стеклом разного состава и, наконец, в-пятых, степень владения приемами работы со стеклом в целом (19).

Наблюдения над технологией изготовления стеклянных бус позволяют считать их продукцией мастерских, различающихся организационно. Например, для лимонок (не только желтых, но и синих, и зеленых, и с золотой прокладкой, и неокрашенных), рубленного бисера, бус руб-

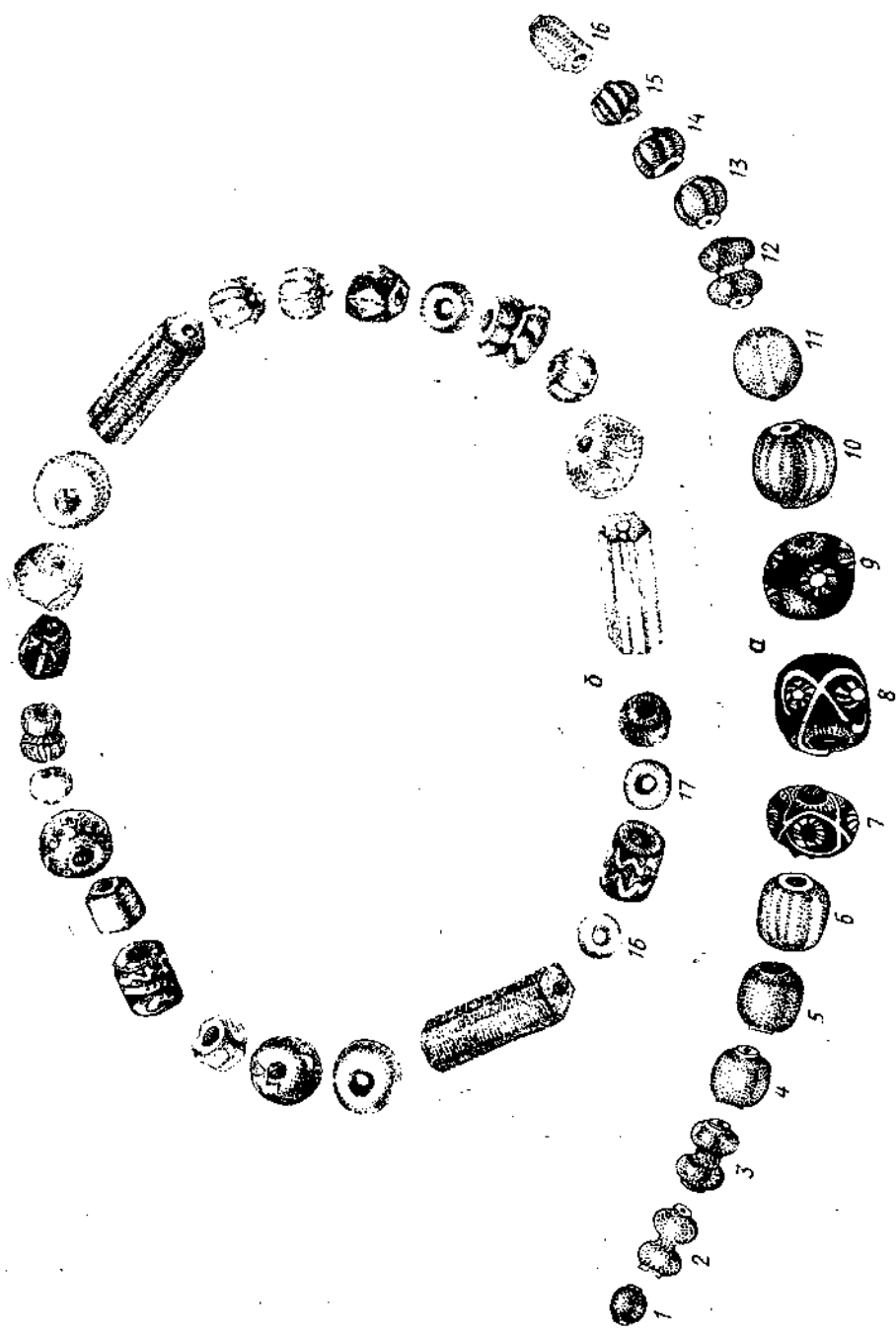

Рис. 1а. 1—6, 8, 10—16 — стеклянные бусы, изготовленные из трубочек. 7, 9 — из палочек.
 б. Ожерелье из кургана Ц-198. 16, 17 — стеклянные бусы, изготовленные путем навивки в специализированных мастерских.

чатых (с шейкой), зонных с толстыми стенками и т. д. (рис. 1а:1—6, 12—16) необходимы трубочки — тянутые, навитые или любые другие (21). Для таких бус нужны и разная по цвету горячая стеклянная масса, и разнообразные инструменты, обеспечивающие большой объем продукции. Свойства и качества этой продукции мало менялись на протяжении столетий.

Бусы из трубочки — массовая продукция специализированных мастерских, тесно связанных с международной торговлей. Признанием такой связи можно объяснить столь широкое распространение единых по химико-технологическим свойствам бус из трубочек (от Британии до Тихого океана, от Средней Азии до острова Вайгач) на протяжении почти целого тысячелетия — с середины II в. до н.э. до X в. н.э. Использование подобных бус в качестве неэквивалентного средства обмена на столь огромной территории — достаточное основание для того, чтобы стремиться любыми средствами сохранять в местных системах ценностей устойчиво высокое положение привозных бус.

Изготовление мозаичных бус предполагало свободное владение стеклом разного состава, находящимся в разных агрегатных состояниях, и свободное владение температурами и сложным инструментом. Для мозаичных бус использовали разного рода стержни, ленты, полосы и палочки (рис. 1а:7, 9). Продукция такой мастерской — не только готовые бусы, но и многоцветные стержни и палочки, из которых делали «глазки», которыми украшали бусы, изготовленные в других техниках (из трубочки или путем навивки).

Мозаичные и бусы из одноцветных палочек распространялись не столь широко, как бусы из трубочек. Они всегда их сопровождают, представляя собою изысканную часть ожерелий; относительно меньшее их число придавало им большую ценность и более высокое место в системе ценностей региона.

Бусы из трубочек и бусы из палочек (стержней и т. д.) — продукция мастерских, специализированных на изготовлении бус и некоторых полуфабрикатов. Такие мастерские располагались в областях традиционного стеклоделия, в Сирии и Египте (23). Специализированные мастерские выпускали бусы большими сериями. Их деятельность была связана с восточной торговлей: Великий шелковый путь уводил бусы далеко на Восток, вплоть до Китая и Малайзии, янтарный — в Прибалтику, «меховой» — на Волгу и русский север.

Бусы, изготовленные путем навивки, нужно оценивать иначе. Навивка — несложный технологический прием, который зависит более от мастерства, чем от качества инструмента или самого стекла. Бусы путем навивки можно делать и из расплавленной массы, взятой непосредственно из горшка, и из массы размягченной: разогретого слитка, палочки, даже осколка стекла (при известном навыке, конечно). Слитки, палочки и т. д. выступают в таких случаях в роли полуфабриката. Полуфабрикаты могут быть разными по составу, следовательно, разными по составу будут и бусы, изготовленные из них в одной мастерской в одно и то же время.

Связь химического состава стекла бус с техникой навивки произвольна. Внешний вид бус прямо связан с агрегатным состоянием мате-

риала: следы навивки размягченного стекла легко читаются и, напротив, почти незаметны следы навивки стеклянной нити или ленты, вытянутой из горшка с жидким стеклом. Из этих наблюдений следует вывод о типе мастерской: с размягченным стеклом работали там, где не умели его варить (второй тип, по Р. Ньютону), с жидким — в мастерских с полным технологическим циклом. Изготовление бус в таких мастерских могло быть специальным занятием или дополнительным к основному, например к изготовлению посуды, оконного стекла или смальты (22).

Гнёздовские бусы, изготовленные путем навивки, дополнительно украшены глазками, петлями или линиями, происходят из специализированных мастерских (рис. 1а:8). Бусы из синего прозрачного стекла без декора, изготовленные путем навивки (рис. 1б:16, 17) могли бы быть и побочным продуктом.

Все эти замечания и условия, предвещающие исследование, нужны для уточнения подходов к оценке и интерпретации гнёздовских бус.

Изучение гнёздовских бус мы вели поэтапно: за описанием бус по полной программе следовало составление списка форм, декора и техник изготовления бус, найденных на городище и в курганах. Сравнение этих списков позволило установить сходство и различие обоих комплексов.

В основу классификации была положена техника изготовления бус, расшифрованная по следам технологических операций (состоянию поверхности и дефектам). Раздельное, по курганным инвентарям, рассмотрение бус помогло представить их возможную роль среди украшений и в системе ценностей региона. Важно учесть происхождение бус, составляющих ожерелье.

Хронология гнёздовских бус будет рассмотрена в связи с собственной хронологией бус и в связи с датировкой комплексов.

Подбор аналогий — признанный и распространенный способ, с помощью которого рассматриваемый комплекс находок можно включать в известную систему сведений о сходных бусах балтийского региона, Восточной и Западной Европы, Кавказа и Дальнего Востока — нами не применяется. В. М. Попова такую работу уже проделала. Круг памятников, выбранных ею для поиска аналогий, случаев, хронология и происхождение аналогичных бус никак не были уточнены, и своеобразия комплекса гнёздовских бус оказалось размытым. Место подбора аналогий займет в нашем исследовании сопоставление бус разных регионов, которые будут рассмотрены все вместе как единый комплекс.

Изучая бусы, важно установить, где мог быть сформирован каждый отдельно взятый комплекс, набор бус, определить пути, по которым бусы попадали или могли попадать в Гнёздово.

На раскопанной площади городища найдено более 1000 бус. Для ответа на вопрос, много это или мало, нужно произвести некоторые сравнения. Например, на Неревском конце в Новгороде, на раскопанной площади, примерно равной той, что раскопана на гнёздовском городище, найдено около 1000 бус (24). В других древнерусских городах в слоях этого времени бус еще меньше, но в Муроме, например, бус X в. очень много и среди них изготовленные из палочек, в том числе и мо-

значные¹. Еще более значительны плотность и число бус в Старой Ладого (3; 16).

Что касается находок бус в погребениях, то в гнёздовских курганах их мало, может быть, столько же, сколько в Шестовицких курганах (25) или в срубных гробницах в Киеве (26). В погребениях X—XI вв. по Верхней Волге, Каме, в Приладожье и в низовьях Немана (27), не говоря о Бирке (28) и Скандинавии вообще (11), стеклянных бус существенно больше. Таково общее впечатление. Рассмотрим подробнее находки бус в гнёздовских курганах, сосредоточив внимание на числе и наборе бус в комплексах.

Напомню, что в Гнёздове раскопано около 1000 курганов, бусы встречены в 113 — примерно в десятой части погребений. В некоторых курганах бусы сплывались настолько, что их нельзя сосчитать. Результаты подсчетов бус, найденных в 103 курганах, приведены в таблице 1:

Таблица 1
Распределение бус по комплексам

Количество бус в кургане	Количество курганов	Количество бус	%
1	22	22	2,3
2	13	26	2,77
3	9	27	2,88
4	4	16	1,70
5	4	20	2,12
6	6	36	3,84
7	7	49	5,22
8	7	56	5,97
9	3	27	2,88
10	1	10	1,06
11	1	11	1,17
12	3	36	3,84
14	1	14	1,49
15	2	30	3,18
16	4	64	6,8
18	1	18	1,92
19	2	38	4,05
21	1	21	2,24
22	1	22	2,34
23	1	23	2,44
24	1	24	2,55
25	1	25	2,66
27	1	27	2,88
28	1	28	2,98
29	1	29	3,09
30	2	60	6,36
35	1	35	3,73
50	1	50	5,3
93	1	93	9,9
неопред.			
Всего	10/113	937	

по 1—2 бусине найдено в одной трети комплексов, по 3—5 — в пятой, по 6—8 — еще в одной пятой. Итого две трети погребений содержит 30% всех бус. 2/3 бус, которые сосредоточены в трети погребений, распределены неравномерно.

Бусы, составляющие комплекс, как правило, различны по форме, материалу, химическому составу и технологии изготовления. Стеклянные бусы изготовлены либо путем навивки, либо из трубочек разного рода (тянутых, согнутых и навитых) и палочек. Отдельные наборы составлены из стеклянных бус, изготовленных по одной технологической схеме, в других — бусы из стекла сочетаются с бусами из других материалов. Построив гистограммы для каждого комплекса отдельно, В. М. Попова успешно произвела сравнение бус по материалу и технике (14. Приложение). Установленные таким путем разнообразие и сходство отражают, видимо, принципы составле-

¹ Пользуемся случаем принести благодарность Н. Е. Чалых, познакомившей нас с коллекцией бус из Муром.

ния ожерелья или комбинации бус. Р. Андреа различал три вида комбинаций: образцовую, основную и сборную (12, с. 103—104). Он считает, что образцовая комбинация, которую составляет сам изготовитель или торговец, связанный с ним, фиксирует разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению и по времени. Сборная комбинация включает набор бус разных по происхождению и по времени. Основная комбинация — измененная образцовая, дополненная другими видами бус, занимает промежуточное положение.

Каждая комбинация различается не только местом и временем изготовления бус, но и местом и временем составления самого ожерелья. Образцовая комбинация, составленная из однородных бус, «живет», как считает Р. Андреа, не более четверти века, что соответствует предельной продолжительности работы одного мастера. Сборная комбинация создается из самых разных бус, которые оказались в распоряжении потребителя в нужный момент. Датируется такая комбинация по младшей бусине, примерно так, как определяется время тезаврации денежного клада — по младшей монете. Основная комбинация датируется также по младшей бусине, но она ближе к образцовой комбинации.

Сведения о характере комбинаций, числе, материале и технологии гнёздовских бус объединены в табл. 2. В нее включены 45 курганных комплексов, о бусах из которых есть полные сведения, а самих бусин не менее двух.

Самая большая образцовая комбинация из 50 бус найдена в кургане Ц-301. Она состоит из лимонок желтого цвета, золоченых и серебряных и двух рубчатых (овальных). Другая, из 15 бусин, обнаружена в кургане № 23 из раскопок Абрамова. В состав этого ожерелья также входят разные лимонки, в том числе желтые, синие, золоченые и, кроме того, одна зонная красная. 9 разных лимонок составляют ожерелье, найденное в кургане Л-73. Образцовые комбинации найдены в курганах Ц-3 (7 разных лимонок), Серг.-15(26) и Ц-261 (по 6 экз.), Л-29 (5 экз.), по 3 бусины-лимонки найдено в курганах Серг.-8(19), Л-21 и Ц-189. По две одинаковые бусины найдено в курганах Ц-163 и Ув-14, в 19 курганах найдено по одной бусине. Одна-две бусины еще не ожерелье, их можно было бы использовать в качестве привески или серег. 3—5 бусин составляют очень коротенькое ожерелье, от 1,5 до 3 см, — это скорее символ, чем самое ожерелье.

И ожерелья-символы и ожерелья из 6—9 бусин могут быть и образцовыми, и основными, и сборными комбинациями. Более длинные ожерелья, состоящие из 10—30 бусин, как правило, сборные (рис. 2). 10 из 13 сборных комбинаций (табл. 2) происходят из погребений с явными скандинавскими чертами (курганы Серг.-35(46), Л-23, 38, 47, 50, 61; Ц-2 (верх), Ц-198, 208, 212)². В состав скандинавских ожерелий (номера курганов набраны курсивом), кроме стеклянных входят сердоликовые и хрустальные бусы, в курганах Л-23 и Ц-251, кроме того, еще и фаянсовые. В скандинавском погребении (Л-13) были только камен-

² Пользуемся случаем принести благодарность Т. А. Пушкиной, которая предоставила информацию, столь необходимую и важную для понимания особенностей гнёздовских бус.

Характеристика комплексов бус (с учетом комбинаций),
найденных в гнёздовских курганах

№ п/п	Номер комплекса	Стекло					Каменные бусы		Фа- янс	Вид комбинации	Число бус в погре- бении	
		ТТ	ТН	ТС	П	Н	сердо- лик	хрус- таль				
1	Серг. = 1899—8(19)	+								I	3	
2	1899—15(26)	+								I	6	
3	1899—22(33)	+					+	+		II	6	
4	1899—35(46)	+				+	+	+			III	4
5	1900—7(65)	+	+		+	+	+		+		III	6
6	1900—16(74)	+			+	+				II	3	
7	Сиз. = 1898—6	+			+					II	27	
8	1896(?)—56					+					2	
9	Абр. = 23	+								I	15	
10	Л = 5	+	+		+		+			I	22	
11	13						+	+		II	93	
12	21	+					+			I	3	
13	23	+					+	+			III	18
14	29	+					+		+		5	
15	33	+					+			II	8	
16	35	+						+		II	19	
17	36					+				I	6	
18	38	+					+	+			III	12
19	47	+			+		+	+			III	20
20	50	+	+		+		+	+			III	16
21	61				+		+	+			III	15
22	73	+			+		+	+			9	
23	депортисован- ный комплекс									I	5	
24	Ц = 1	+								I	2	
25	2 верх.	+					+	+			III	24
26	3	+								I	7	
27	4	+	+				+	+			III	8
28	5	+	+		+		+	+		II	5	
29	60	+	+			+				II	7	
30	61	+	+		+			+		II	14	
31	163	+								I	2	
32	171	+							+		12	
33	175	+	+		+					II	7	
34	189	+								I	3	
35	198	+	+	+	+	+					III	25
36	208	+				+	+	+		III	12	
37	212	+				+	+	+		III	30	
38	245								+	II	15	
39	247				+					I	5	
40	251	+				+			+		III	28
41	259	+			+			+		II	2	
42	261	+								I	6	
43	301	+								I	50	
44	304	+					+			II	8	
45	Ув. = 14	+								I	2	
	Итого	39	9	1	13	10	14	15	5	19 13 13	597	

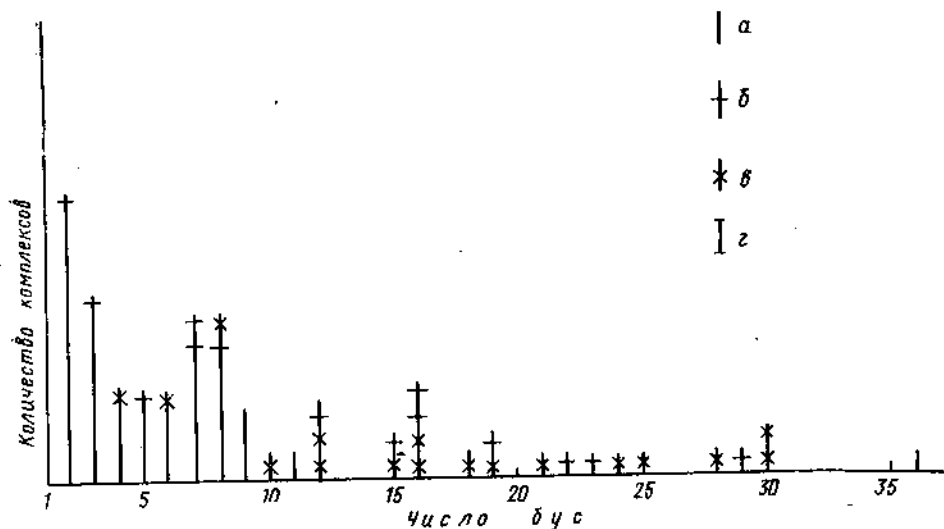

Рис. 2. Сочетания числа бус в ожерелье с видом комбинации:
 а — образцовая комбинация, б — основная, в — сборная, г — одно погребение

ные бусы (93 экз.), каменные бусы (вместе со стеклянными) зарегистрированы еще в двух скандинавских погребениях (Л-33, 35). Из 19 ожерелий с каменными бусами (основные и сборные комбинации) 12 происходят из скандинавских погребений (табл. 2). Наличие каменных бус, видимо, отличало ожерелья скандинавского происхождения, преимущественно длинных (от 12 до 30 бусин) и в 2 случаях коротких (из 4 и 7 бусин). Одно скандинавское ожерелье без каменных бус (Ц-198) включало все разнообразие стеклянных бус (рис. 16); подобного ему ожерелья среди гнёздовских бус нет. Ожерелья в курганах Л-23 и Ц-251 одинаковы по набору: один курган содержит скандинавское погребение; скандинавское происхождение ожерелья в кургане Ц-251 вполне вероятно.

Возможно, что ожерелья в 6—8 бус (Серг.-22(33) и 7(65), Ц-4 и Ц-5) и длинные нитки (Л-5, Ц-61) были составлены в Скандинавии. Два ожерелья (Л-36 и депаспортизованный комплекс) составлены из синих бус византийского происхождения, изготовленных навивкой.

Из 113 курганов с бусами 35 содержат 1—2 бусины (привески, сережки), 14 ожерелий принадлежали скандинавским женщинам, в 8 курганах найдены ожерелья скандинавского происхождения, в двух — византийского. Треть коротких ожерелий (из 3—5 бусин) была составлена на месте, в Гнёздове, из тех бус, которые, очевидно, были привезены сюда.

Бусы, найденные на гнёздовском городище, заметно отличаются от только что рассмотренных курганных, будучи в то же время похожими на них. Основная часть тех и других изготовлена из тянутых трубочек (табл. 3).

Таблица 3

Частотная характеристика бус, найденных
на гнёздском городище (по находкам 1982 г.)

Техника изготовления и материал бус	Количество	%	Доверительные интервалы
Стекло: лянута трубочка	143	73,3	80—65
навитая трубочка	1	0,51	0—5
согнутая палочка	1	0,51	0—5
палочка	1	0,51	0—5
навивка	14	7,17	3—12
Сердолик	15	7,69	3—12
Хрусталь	13	6,66	3—12
Фаянс	—	—	0—2
Песчаник	2	1,02	0—5
Неопред. техника (стекло)	5	2,55	1—7
Итого	195	99,92	

Однако бусы из трубочки, найденные на городище, имеют специфику. Особенно интересны желтые, синие, серо-белые и зеленые бусы, представляющие собой отрезки трубочек разной длины, в том числе и их концы, которые в качестве украшений обычно не использовали (рис. 1а, 1б). Отрезки и концы трубочек — соответственно половина и восьмая часть всех бус.

Бусы-лимонки разных цветов, золоченые и серебряные, самые частые в курганах, относительно редки на городище (примерно пятая часть всех и менее трети бус из трубочек). Кроме того, на городище найдены ребристые (эллипсоидные) бусы. Бус из палочек совсем немного.

Интересны бусы, изготовленные путем навивки — сине-фиолетового и оливкового (слабого) цвета: среди них не только зонные и бочонковидные одноцветные, но и с цветным декором и даже граненые. Подобных бус немного, но они, обладающие спецификой цвета, четко выделяются на общем фоне, составляя компактную группу.

Столь же заметны бусы из сердолика и хрустала.

Сравнение бус, найденных в курганах и на городище, делает очевидной большую сложность форм и декора стеклянных бус в курганах и заметную упрощенность городищенских. Среди последних относительно много изготовленных путем навивки. Каменные бусы примерно одинаковы по форме в обоих сравниваемых комплексах, примерно одинакова и их доля в общем наборе. Прежде чем комментировать замеченные различия городищенского и курганного комплексы бус, обратимся еще раз к табл. 2. Напомним, что 22 ожерелья, найденные в курганах, скандинавского происхождения. 35 комплексов, где найдено по 1—2 бусины, придется оставить без внимания, место составления 35 ожерелий нужно определить. О византийском происхождении двух наборов бус (Л1-36 и депаспортизованный комплекс) мы упоминали, того же происхождения обе бусины из кургана Сиз.-1898-6. Образцовые комбинации, состав-

ленные из бус (из трубочек), преимущественно небольшие — 3—6—7 бусин, одна нитка в 15 и одна в 50 бусин. Ожерелье из 50 почти одинаковых бусин могло быть составлено непосредственно на месте покупки, а более короткие, возможно, часть одной длинной нитки, деление которой могло быть произведено и в Гнёздове. Не исключено, что там же можно было бы купить ожерелье из 3—7 бусин. Основные сочетания бус из трубочек и из палочек небольшие: 3—7 бусин (Серг.-16(74), Ц-175), лишь одно — длинная нитка в 27 бусин (Сиз.-1898—6). Бусы из палочек на городище — редкость, в курганах они встречаются чаще и, как правило, в скандинавских наборах.

Пытаясь вписать гнёздовские бусы в круг современных им бус, обратимся к двум хорошо известным комплексам: Старой Ладоги (3; 6) и Новгорода Великого (24). По форме и цвету бусы из трубочек этих сравниваемых памятников примерно одинаковы. Бусы из палочек, которые называют иногда мозаичными, просто глазчатыми или с глазами в ресничках, в соответствующих слоях Ладоги встречаются чаще, чем в Новгороде, а в Новгороде чаще, чем в Гнёздове. Каменные бусы всюду примерно одинаковы, а стеклянные византийские бусы, изготовленные навивкой, в Гнёздове встречаются чаще, чем в соответствующих слоях Новгорода и тем более Ладоги.

Продвижение стеклянных бус от Ладоги к Гнёздову сопровождается очевидной потерей декоративности, разнообразия и нарядности при столь же очевидном частичном изменении функции бус: вместо длинных ожерелий — ожерелья-символы, привески или, может быть, серьги. Более того, двигаясь на юг по пути из варяг в греки, бусы уменьшаются в числе, становясь все более редкими³. Археологическая традиция заставляет относить редкие вещи к числу ценных. В такой связи гнёздовские бусы следовало бы оценивать высоко.

Стеклянные бусы, как и бусы из других материалов, действительно, в Гнёздове редки. Исключив скандинавские комплексы, мы должны признать, что находки бус происходят не из самых богатых погребений, кроме, может быть, одного, Ц-301, богатство которого составляет нитка в 50 бус.

Особенно впечатляет сравнение гнёздовских бус со скандинавскими (11; 28), последние еще более разнообразны и многочисленны, чем новгородские и старолажские. Главный вывод из этого сравнения — все сравниваемые комплексы (и многие другие) принадлежат к единому кругу вещей, к предметам далекого импорта.

Импорт в археологическом контексте рассматривается как материальный предмет, чужеродный данному. «Импорты», вписанные в новую для себя среду, становятся элементом местной культуры (29). Чужеродность предполагает необходимость искать место, где «импорт» был изготовлен, и путь, который его привел в новый для него мир.

Культура принимает импорты по-разному, один уровень принятия (рецепции) творческий, другой — потребительский, причем и потребительский уровень может быть разным: открытая, явная рецепция пред-

³ Вывод основан на последовательном сравнении гнёздовских находок с каталогом бус Скандинавии, изданным Ю. Каллмером.

полагает использование импортов в полном понимании их смысла; пассивная рецепция предполагает использование импортов в ином значении. В Гнёздове привозные бусы использовали пассивно — именно так нужно, по-видимому, понимать все случаи превращения бус в серьги, привески или ожерелья-символы. Бусы не стали в Гнёздове обязательным компонентом костюма, их приемлет лишь часть общества: бусы как украшение располагаются на периферии культуры населения, оставившего гнёздовские курганы и городище. Следуя за Я. Жаком, нужно признать, что это население не было готово к рецепции такого нового элемента культуры (29, с. 11). Необходимо напомнить, что бусы были редкими в Верхнем Поднепровье и в более раннее время, в культуре длинных курганов в частности (17).

Культурные традиции важны, хотя и они подвержены эволюционным превращениям, поэтому апелляция к предшествующим эпохам необходима, но не достаточна. Культурные традиции, взятые в чистом виде, не проясняют исследуемой ситуации, поскольку сами являются порождением и следствием более глубоких причин.

«Импорт» в культуре появляется как результат взаимодействия экономических, культурных, социальных, политических и других факторов, разных по уровню и значению. В том случае, когда объем «импорта» невелик, нужно думать, что обоюдный интерес сторон был слишком мал. Конкретизируя сказанное, нужно, видимо, признать, что носители культуры длинных курганов в своем прибавочном продукте, если он возникал, не имели ничего, что могло бы привлечь внимание их торговых партнеров, имевших связь с Востоком. Интересы торговых партнеров со временем меняются. Если интерес восточной торговли к мехам был устойчивым на протяжении многих столетий, то интересы поставщиков мехов менялись, менялось их отношение прежде всего к товарному эквиваленту: дешевые украшения и предметы однократного потребления уступали место драгоценностям, предметам многократного потребления, оружию и т. д. Средневековые бусы, отражают, правда, косвенно уровень социального и экономического развития региона (29, с. 11—13). Относительно малое число бус должно было бы соответствовать реальной цене и истинному положению бус в системе ценностей, обилие бус, напротив, предполагает неэквивалентный обмен и их высокое положение в системе ценностей. Реальные оценки бус формируются, скорее в городе, чем на селе, поэтому стеклянные бусы занимают в городской материальной культуре более скромное место, чем в материальной культуре средневековой деревни. В городском костюме более позднего времени стеклянные бусы мало заметны, и, напротив, в этнографическом деревенском русском костюме они более важны. Относительно малое число бус в Гнёздове могло бы быть следствием и отражением того, что в Гнёздове существовал скорее городской тип культуры.

Продолжая тему гнёздовских бус, хотелось бы еще раз обратиться к давней работе Я. Жака, потому что импорты в ней рассмотрены конкретнее и шире, чем в любой другой работе на эту тему, написанной по археологическим данным. Вслед за ним напомним, что всякий «импорт» достигает места назначения прямо (через торговца-иностранца или торговца-соплеменника) или при посредстве так называемых

третьих лиц. Известные в Гнёздове византийские бусы не могли бы быть доставлены туда прямо, так как на пути их лежал Киев с его государственным выходом в Константинополь и Византию. Еще более сложным был путь в Гнёздово у ближневосточных бус. Сходство гнёздовских бус с бусами северных соседей, с которыми Гнёздово связано исторически и географически известным путем из варяг в греки, позволяет отдать предпочтение северному пути, который вплоть до Гнёздова был двусторонним. Кроме него были еще два вероятных пути поступления бус в Гнёздово: двинский и волжский.

И двинский и волжский пути как возможная альтернатива северному отрезку пути из варяг в греки требуют специального изучения бус с памятников, расположенных по течению этих рек, сравнительного анализа самых путей, водных режимов и т. д. Это особые темы, для разработки которых нужен иной и археологический и исторический контекст, хотя некоторыми материалами мы располагаем и сейчас (30).

Рассмотрим лишь одну возможность попадания восточных бус в Гнёздово: путь из варяг в греки. На южном и западном побережьях Балтики было немало портов, факторий и городов, где совершались внешнеторговые сделки (29, с. 210, рис. 2). На Балтийском море — своего рода северном Средиземном море, в IX—X вв. господствовали западнославянские и скандинавские купцы и пираты, в IX в. особенно фризские, на отрезке Фризия — Уппланд.

Самыми известными пунктами международной торговли на Балтике были Хедебю (Хайтхабу) и Ольденбург (Stargrad), расположенные на юге Ютландии. Здесь сходились торговые пути и товары, в том числе восточные стеклянные бусы, стеклянные слитки и полуфабрикаты, из которых можно было делать и из которых делали бусы в мастерских, раскопанных в Хедебю, Каупанге, Павикене и т. д. (10, 1980; 11; 31).

Ю. Каллмер полагает, что реальный недостаток источников, по которым можно было бы судить об организации производства бус в Скандинавии и в Балтийском регионе, побуждает завышать оценки всех остатков производства стекла, которые в большей или меньшей степени могли бы быть связаны с изготовлением бус. По мнению Ю. Каллмера, можно говорить о недолгом существовании производства бус в специальной технике *gaticella* в Каупанге, в самом начале эпохи викингов; о технике навивки в Хайтхабу (Хедебю), о применении этой же техники в Хельго в начале VII в. и, может быть, даже в VIII в., в Павикене — в VIII и, может быть, в самом начале IX в., в Рибе и Орхусе в VIII в. (11, с. 221—224). Каллмер считает, что Бирка, Волин, и Щецин бесосновательно были отнесены к числу мест, где в раннее средневековье делали бусы. Производство бус в других местах, в том числе и в Старой Ладоге, он, вслед за З. А. Львовой, считает в высшей степени предположительным, никак и ничем не подтвержденным.

Все перечисленные мастерские по изготовлению бус, существовавшие в Балтийском регионе когда-либо, исчезли с лица земли задолго до того момента, когда начал складываться комплекс гнёздовских бус. Не видеть и не замечать многих балтийских скандинавских и европей-

ских (континентальных) параллелей для гнёздовских бус тем не менее, нельзя.

Ближневосточные бусы, из сирийских и египетских мастерских, достигали Ютландии водными и сухопутными дорогами, хорошо известными европейцам с древнейших времен. Из Хедебю и Ольденбурга наряду с другими товарами бусы вывозили в Прибалтику, Скандинавию, далее на север и на восток, прежде всего в Ладогу, а оттуда по высокой воде — в глубь континента. Скандинавские купцы, очевидно, знали, как превратить стеклянные бусы в меха, воск, мед и другие ценности. Среди тех мехов, которые продавали на балтийских рынках того времени, вероятно, немало было привезенных с русского Севера, будущих новгородских земель и пятин.

Стеклянные бусы покупали большими партиями, предположительно на вес (32), с Востока их доставляли на Балтийские рынки россыпью в амфорах или как-нибудь иначе (именно это объяснило бы присутствие бракованных изделий в Старой Ладоге и других местах (3)). Бусы покупали, возможно, у одних и тех же известных лиц: долгая торговля бусами не исключает этого, а скорее, наоборот, предполагает. Купец-перекупщик во время такой операции на этой стадии торговли никак не менял состав бус. Комбинации бус в ожерельях, составлявшихся на этой стадии, должны были сохранять характер образцовых. Такой купец, фризиец или скандинав по происхождению, продавал бусы по всему побережью: в устье Немана он оплачивал ими янтарь (27), в Бирке — просто продавал, а оставшуюся часть вез далее. Причем, требования покупателей были разными: в устье Немана и вдоль литовского побережья, например, были нужны крупные ребристые синие и мелкие желтые лимонки, в Бирке оседали самые разные и самые технически сложные — египетского производства, в Ладогу везли оставшееся.

Чтобы начать плавание по высокой воде, нужно было зимовать в Ладоге (33). Во время зимней подготовки к путешествию купцы успевали проверить свою часть бус, отсортировав брак; учесть вкусы и пожелания своих контрагентов, охотников и звероловов, подготовиться для свободной торговли и т. д. (Что касается производства в Старой Ладоге бус на так называемый восточный манер, т. е. из трубочек и палочек, то, исключая в настоящее время всякую его возможность, мы хотели бы высказаться специально, вне связи с темой данной статьи.)

По мере удаления от места покупки набор бус менялся: все менее разными становились их формы и цвет. Изменения в бусах отражали, видимо, «иерархию» сбыта или потребления: первым, наиболее требовательным и важным продавали, возможно, лучшее, последним, невзыскательным и менее важным покупателям — худшее. В такой «иерархии» собственно гнёздовский рынок занимал одно из последних мест, играя, очевидно, пассивную роль в торговле бусами.

Хронология бус, казалось бы, должна была прояснить хронологию самих курганов. Однако взятая в отрыве от полного комплекса находок, она не имеет самостоятельного значения. Комплексы бус примерно одновременны: как правило, они относятся к середине — второй половине X в., но не позднее первой четверти XI в. (23). Лишь три византийских комплекса можно относить к концу X — началу XI в.

Динамика импортов, важная часть их характеристики, может быть изучена лишь в общем контексте материальной культуры. Самостоятельная ценность бус невелика и здесь.

Подводя краткий итог работы, хотелось бы заметить, что находки бус в кургане никогда не оставались незамеченными. Редкость и привлекательность таких украшений создала своего рода миф об особом богатстве погребенного с бусами. Ожерелья из 15—30 бус принадлежали, как правило, скандинавским женщинам. Славянское население Гнёздова проявляло пассивный интерес к стеклянным бусам, отдавая предпочтение другим украшениям. Бусы как украшение оказались на периферии материальной культуры гнёздовских курганов и поселения, хотя они поступали в Гнёздово в достаточном объеме и, видимо, постоянно. Такая избирательная реакция, возможно, одно из проявлений городского по своему характеру образа мышления, образа жизни и культуры.

Примечания

1. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам//Труды I АС. Т. 2. М., 1871; Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова//МАР. № 29. Спб., 1903. С. 21—23.
2. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
3. Львова З. А. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л., 1961; Она же. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. 1—2//АСГЭ. 1968. № 10. Вып. 10. С. 64—94; а также: 1970. № 12. Вып. 12. С. 89—111; Она же. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки//АСГЭ. 1983. № 24.
4. Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—VI вв.//СА. 1959. № 3; Она же. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.//СА. 1961. № 3.
5. Голдина Р. Д., Королева О. П. Стеклянные бусы Агафоновского I могильника//Материалы по археологии Удмуртии. Вып. 2. Ижевск, 1984.
6. Eisen G. The Characteristics of Eye-beads from Earliest Times to the Present//AJA. II ser. 1916. Vol. XX.
7. Sleen, van der W. G. N. A Handbook on Beads. Liège, 1973.
8. Stawiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Studium technologiczne. Ossolineum, 1984; e a d e m. Paciorki szklane... Ossolineum, 1985.
9. Maczyńska M. Uwagi o chronologii i rozprzestrzenieniu paciorek szklanych w okresie rzymskim i wczesnej fazie okresu wędrówek ludów w Polsce//Ар. 1972. Т. 17; e a d e m. Paciorki z okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum//Archaeologia. 1978. Т. 28.
10. Dekowna M. Remarques sur les méthodes d'examen de perles de verre du Haut Moyen Age trouvées en Pologne//АСАJHV. Liège, 1969; e a d e m. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Ossolineum, 1980.
11. Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800—1.000//Acta archaeologica lundensia in 4°. No. 4. Lund; Bonn, 1977.
12. Andrea R. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingenzzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa//Acta Prachistorica et Archaeologica. No. 4. 1973. Berlin, 1975.
13. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. Г I—12. М., 1975; САИ Г I—12. М., 1978; САИ Г I—12. М., 1982.
14. Попова В. М. Гнёздовские бусы: Дипломная работа, защищенная в 1980 г. Рукопись хранится на кафедре археологии МГУ.
15. Щанова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.

16. Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973—1975 гг.)//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
17. Школьников А. А. Стекланные украшения конца I тысячелетия нашей эры на территории Поднепровья//СА. 1978. № 1.
18. Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.
19. Newton R. Recent Views on Ancient Glass//Glass Technology. 1980. Vol. 20. No 4.
20. Субетто А. И. Системогенетические закономерности формирования и развития качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства). (Монография депонирована: ВНИИКС Госстроя СССР, рег. 530Г от 25.9.84 г.). Л., 1983.
21. Шапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов позднеантичных стекланных бус//Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ. Г I—12. — М., 1978. С. 98—99.
22. Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
23. Шапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус//СА. 1962. № 2.
24. Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода//МИА. № 55. М., 1956.
25. Блiфельд Д. Шестовицкие курганы//Археология. Т. II. Киiв, 1951.
26. Голубева Л. А. Киевский некрополь//МИА. № II. М.; Л., 1949. С. 111.
27. Kupcienė O. Stiklo karolai Lietuvoje IX—XIII a.//Lei Lietuvos archeologija. Pirmykštes bendrumenės irimas. T. 2. Vilnius, 1981.
28. Arhman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm—Uppsala, 1941.
29. Zak J. «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodnioslawiańskich od IX do XI wieku. Część syntetyczna. Poznań, 1967. S. 9.
30. Дайга И. В., Шапова Ю. Л. Стекланные бусы с городища Тервете//Материалы по археологии Латвии. Рига, 1962; Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
31. Lundström A. Bead Making in Scandinavia in the Early Middle Ages//Antikvariskt Arkiv. Vol. 61. Lund, 1976; Шапова Ю. Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных//СА. 1989. № 4.
32. Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.)//Средневековая Ладoga: Новые археологические открытия и исследования/Сб. ст. Л., 1985. С. 68—69.
33. Лебедев Г. С. Путь из варяг в греки//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия: История, язык, литература. 1975. № 4; Он же. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АК	— Археологическая комиссия
АО	— Археологические открытия
Архив ЛОИА АН СССР	— Архив Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО	— Материалы по изучению Смоленской области
Працы	— Працы Сэцкыі археологіі
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— Русский архив
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИМ	— Русский исторический музей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СВ	— Смоленский вестник
СОМ	— Смоленский областной музей
СС	— Скандинавский сборник
ЧОИДР	— Читения в обществе истории и древностей российских при Московском университете

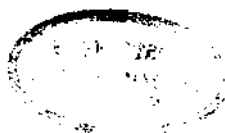
ACAJMV

AJA

AP

SMYA

- Annales du Congrès de l'Assotiation Internationale pour l'histoire du verre
- American Journal of Archaeology
- Archeologia Polski
- Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи	3
Асташова Н. И. Усадьбы древнего Смоленска	21
Сапожников Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596—1602 гг.)	50
Урьева А. Ф. Стратиграфия и хронология раскопа УС—V в Смоленске	80
Полонская М. Ю. Кожаная обувь древнего Смоленска	105
Каменецкая Е. В. Заольшанская курганная группа Гнёздова	125
Новикова Г. Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова	175
Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове	200
Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья	226
Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения	244
Список сокращений	260

Научное издание

СМОЛЕНСК И ГНЕЗДОВО
(к истории древнерусского города)

Зав. редакцией **Н. М. Сидорова**

Редактор **И. А. Барам**

Художественный редактор **Ю. М. Добрянская**

Переплет художника **Б. С. Казакова**

Технический редактор **Г. Д. Колоскова**

Корректоры **Т. И. Алейникова,**
В. И. Долина